

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER — OCTOBER

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2013

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2013

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**
О.А. СМИРНИЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 15.11.2013. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,5.

Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 600 экз. Изд. № 9802. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Поликарпов А.А., Руис-Соррилья Крусате М.</i> Трехчастная типология толковых словарей С.И. Ожегова в системной перспективе	7
<i>Юн Ван, Хайтао Лю.</i> Квантитативное исследование имени существительного в русском языке по его синтаксическим признакам	35
<i>Шилихина К.М.</i> Неуместная ирония и неУДАЧная шутка: маркеры переключения между bona fide и non-bona fide модусами коммуникации	52
<i>Никитина Е.Н.</i> О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах (на примере глагола бояться)	60
<i>Недзвецкий В.А.</i> «Русская по духу» (Елизавета Алексеевна Романова о русских, русском языке и русской литературе)	71
<i>Панова О.</i> У истоков: складывание канона, топики и тематических констант афро-американской литературной традиции	83
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья первая	92
<i>Хализев В.Е., Холиков А.А.</i> Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского	116

Материалы и сообщения

<i>Зими́на Н.Ю.</i> «Роман в девяти письмах» Достоевского как роман о любви . . .	140
<i>Зубков К.Ю.</i> «Очерк народной драмы»: сюжетики и цитация в «Обрыве» И.А. Гончарова	149
<i>Макеев М.С.</i> Книга А.К. Голубева о Некрасове как источник изучения биографии поэта(на материале писем А.А. Буткевич к издателю)	162
<i>Литневская Е.И.</i> Об особенностях конситуативности при дешифровке письменной разговорной речи	169
<i>Виноградов И.А.</i> О некоторых грамматических особенностях майяского нарратива	181

Материалы научных чтений, посвященных 95-летию со дня рождения В.А. Белошапковой

<i>Шмелева Т.В.</i> Коммуникативный вес пропозиции	189
<i>Федосюк М.Ю.</i> Каким должен быть современный вузовский курс русского синтаксиса?	199

Критика и библиография

<i>Кормилов С.И.</i> В е р ш и н и н а Н. Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: Монография. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011	207
<i>Аманова Г.А.</i> Г а с п а р о в М. Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. О прошлом и будущем. Об интеллигенции. О культуре. О школе. О жизни. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.	212
<i>Семенов В.Б.</i> Из ранней валлийской поэзии / Сост. А.И. Фалилеев; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб: Наука, 2012 (Серия «Литературные памятники») . .	216
<i>Гоганова А.В.</i> Я б л о к о в Е. А. Путеводитель по роману А.П. Платонова «Чевенгур»: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2012 (Школа вдумчивого чтения)	224

Научная жизнь

<i>Фролова О.Е.</i> Ломоносовские чтения — 2013	227
<i>Степанов А.Г.</i> Международная научная конференция «Проблемы поэтической семантики»	245
<i>Николаева С.Ю.</i> «Мысленное дерево» Льва Гумилева	250
<i>Изотов А.И., Воробьева Н.И.</i> Чешский язык в мире и мир в чешском языке: VII Международный симпозиум о чешском языке за рубежом	254

Памяти...

Наталья Александровна Соловьева (8 августа 1938 – 7 июля 2013)	260
--	-----

CONTENTS

Articles

<i>Polikarpov A.A., Krusate M.R.-S.</i> S.I. Ozhegov's Three-Part Typology of Definitional Dictionaries in Terms of Systemic Prospects	7
<i>Van Yun, Lu Hitao (PRC).</i> A Quantitative Study of the Noun in Russian According to Its Syntactic Features.	35
<i>Shilikhina K.M.</i> Flat Irony and Lame Joke: Markers of Switching between Bona Fide and Non-bona Fide Communication Modes	52
<i>Nikitina E.N.</i> About the Accusative Case as Governed by 'Modal-Emotional' Verbs (as exemplified by the verb <i>бояться</i>)	60
<i>Nedzvetsky V.A.</i> 'Russian in Spirit' (Elizaveta Alexeyevna Romanova about Russians, the Russian language and Russian literature)	71
<i>Panova O.Yu.</i> Near the Origins: Establishment of the Canon, Topics and Thematic Constants in the African-American Literary Tradition	83
<i>Kormilov S.I., Amanova G.A.</i> Metrics, Rhymes and Stanzas in Russian Translations of Korean Poetry (A.A. Akhmatova, A.L.Zhovtis, G.B. Yaroslavtsev). Article 1	92
<i>Khalizev V.Ye., Kholikov A.A.</i> Early 20th Century Russian Academic Literary Criticism and Alexander Veselovsky's tradition	116

Communications and Materials

<i>Zimina N.Yu.</i> Dostoyevsky's 'A Novel in Nine Letters' as a Novel about Love	140
<i>Zubkov K.Yu.</i> 'A Sketch of Popular Drama': Plots and Quotations in I.A. Goncharov's 'Precipice'	149
<i>Makeyev M.S.</i> A.K. Golubev's Book about Nekrasov as a Source to Study the Poet's Biography (on the materials of A.A. Butkevich's letters to the publisher)	162
<i>Litnevskaya E.I.</i> On the Peculiarities of Con-situationality when Deciphering Written Colloquial Speech.	169
<i>Vinogradov I.A.</i> On Some Grammatical Peculiarities of Maya Narratives	181

Materials of Scientific Readings Devoted to the 95th Anniversary of V.A. Beloshapkova's Birthday

From the Editorial Board

<i>Shmelyova T.V.</i> A Proposition's Communicative Weight	189
<i>Fedosyuk M.Yu.</i> What Should a Contemporary Course of Russian Syntax Be Like in a Higher Educational Establishment?	199

Critique and Bibliography

<i>Kormilov S.I.</i> Vershinina N.L. 'A Knight beyond Reproach' of the New Times Alexandre Nikolayevich Yakhontov: Monograph. Pskov: Limited Company 'LOGOS PLUS', 2011	207
<i>Amanova G.A.</i> Gasparov M.L. Philology as Morality: Articles, Interviews, Notes. On the Past and Future. On Intelligentsia. On Culture. On School. On Life. Moscow: Fortuna EL, 2012	212
<i>Semyonov V.B.</i> From Early Welsh Poetry / Compiled by A.I. Falileyev; editor-in-chief N.N. Kazansky. St Petersburg: Nauka, 2012. Series 'Towering Achievements of Literature'	216
<i>Goganova A.V., Yablokov E.A.</i> A Guide-book for A.P. Platonov's Novel 'Chevengur': A Manual. M.: Moscow University Press, 2012. (The School for Profound Reading)	224

Scholarly Life

<i>Frolova O.E.</i> Lomonosov Readings — 2013	227
<i>Stepanov A.G.</i> An International Scholarly Conference 'Problems of Poetic Semantics'	245
<i>Nikolayeva S.Yu.</i> Lev Gumilyov's 'Thought Tree': Scholastic Conferences at Tver' and Bezhetsk.	250
<i>Izotov A.I., Vorobyova N.V.</i> The Czech Language in the World and the World in the Czech Language: The VII International Symposium on the Czech Language Abroad	254

In Memory of...

Natalia Alexandrovna Solovyova (8 August 1938 — 7 July 2013).	260
---	-----

СТАТЬИ

А.А. Полицарпов, М. Руис-Соррилья Крусате ТРЕХЧАСТНАЯ ТИПОЛОГИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ С.И. ОЖЕГОВА В СИСТЕМНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

В статье предлагается теоретическая интерпретация оригинальной трех-частной типологии толковых словарей, выдвинутой в 1952 г. С.И. Ожеговым. С позиций системной лингвистики дается объяснение соответствия этой типологии глобальной структуре лексической системы. Осуществляется экспериментальная проверка этого соответствия на основе дифференцированного анализа объемов и качественного состава «больших», «средних» и «кратких» толковых словарей русского и английского языков, а также выявления в ходе специального тестирования состава и соотношения активных и пассивных индивидуальных словарей носителей русского языка.

Ключевые слова: трехчастная типологии толковых словарей, системная лингвистика, соотношение активных и пассивных индивидуальных словарей.

The content of this article is interpretation in terms of Systemic Theoretical Linguistics of the original three-part typology of definitional dictionaries, launched by S.I. Ozhegov in 1952. Our article includes an explanation of the compliance of Ozhegov's ideas with the global structure of the society's lexical system. Moreover, experimental verification is carried out of some of these ideas on the basis of a differentiated analysis of the quantitative and qualitative features of "large", "medium" and "concise" dictionaries of Russian and English. Results of identification, analysis, specialized testing and comparison of individual Russian speakers' active and passive vocabularies are also present.

Ключевые слова: three-part typology of definitional dictionaries, systemic linguistics, correlation between individual speakers' active and passive vocabularies.

1. Проблема

В 1952 г. в статье «О типологии толковых словарей современного русского языка» Сергей Иванович Ожегов выдвинул оригинальную трех-частную типологию толковых словарей [Ожегов, 1952]. Теоретическое значение этой лексикографической типологии, ее связь со структурой лексической системы языка, ее универсальный характер, приложимость к любому развитому литературному языку до сих пор в полной мере не осознаны языковедами. Данная статья посвящена современной интерпретации этой типологии, объяснению ее соответствия глобальной структуре лексической системы общества с позиций системной лингвистики, а также экспериментальной проверке этих соответствий.

¹ Настоящее исследование проведено на основе гранта РГНФ № 12-04-00405 12.

Системный подход к данной проблеме позволяет уточнить и упрочить основания типологии толковых словарей, прояснить ее онтологический статус, ее универсальность для любого языка обществ, находящихся на одном и том же, «современном», уровне информационно-коммуникативного развития. Это позволяет и более осознанно относиться к решению практических проблем в лексикографии и методике обучения лексике, в частности к проблеме выработки критериев отбора лексики в словники толковых и переводных словарей разного типа, в лексические минимумы для обучающихся различного уровня и т. п.

Под «системной лингвистикой» в настоящей статье подразумевается комплекс лингвистических идей и категорий, в центре которых находится идея языка как целостности-системы, состоящей из взаимообусловленных частей-подсистем. Система языка в свою очередь включается в качестве части в еще более обширную целостность, систему коммуникации в обществе и поэтому зависит в своих основных характеристиках от нее [Мельников, 1978; 2000; 2003]; см. также работы [Поликарпов, 1979; 2007; Зубкова, 2003]. Именно в общении и общением формируются индивидуальные языковые системы (в том числе и индивидуальные словари). Общение формирует и закрепляет те наиболее распространенные в обществе стандарты употребления и комбинаторики языковых единиц, которые и позволяют говорить о языковой системе в целом.

Рассмотрим, как взаимодействие между индивидуальными лексиконами в ходе коммуникации ведет к специфической структуризации совокупной лексической системы общества, которая лексикографически отражается в принципиально трехчастной структуре типов толковых словарей языка.

2. О соотношении индивидуальных словарей, принципиальной структуре словарного сознания общества и системе толковых словарей

С.И. Ожегов писал о вскрытой им типологии толковых словарей следующее: «Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: **большой**, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; **средний**, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, **краткий**, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [Ожегов, 1952: 91–92].

Чтобы осознать действительную онтологическую значимость этих определений, т. е. понять закономерную соотнесенность материала словарей указанных типов с материалом реального расслоения

лексической системы языка, необходимо обратиться к базовым категориям системно-коммуникативной онтологии языка.

В своем системном моделировании словаря (и языка в целом) как социального явления мы исходим из того, что исходной реальностью его существования являются *индивидуальные словари*. Каждый индивидуальный словарь *уникален* и является результатом общения данного коммуниканта в различных социальных группах (семейных, профессиональных, возрастных, спортивных и т. п.). В ходе коммуникации происходит постоянное *сопоставление* индивидуальных словарей, с выявлением *совпадений* и *расхождений* в них, и их *взаимоподобление*. При этом сопоставление индивидуальных словарей происходит на фоне членения каждого из них на две принципиально различные части — *АКТИВНУЮ* и *ПАССИВНУЮ*. Активная часть индивидуального словаря — это то, что используется носителем из всего этого словаря только в своей *продуктивной фазе общения* — при говорении и писании в адрес партнеров по общению. Пассивная часть индивидуального словаря — это лексика, которая используется носителем из всего этого словаря *только в его рецептивной фазе общения* — при слушании и чтении текстов, обращенных к нему. *Активная часть индивидуальных словарей у членов современного общества, видимо, должна быть меньше по объему, чем пассивная.* Это может объясняться тем, что пассивная часть формируется его включенностью в большее число разных актов общения с разными людьми разных индивидуальных и групповых интересов и поэтому — восприятием и отображением в каждом пассивном индивидуальном словаре большего числа разных употребленных другими участниками коммуникации слов, чем это происходит при формировании активной части его индивидуального словаря.

При принципиальной уникальности состава каждой из активных частей индивидуальных словарей в данном коллективе обнаруживается и существенное их *ПЕРЕСЕЧЕНИЕ*, значимое *тождество* по некоторому определенному набору входящих в них слов и их значений. Это пересечение — не что иное, как тот *минимум, наиболее социально значимый круг лексических средств, который формируется определенным сходством задач и условий общения членов данного коллектива, а также постоянным взаимным уподоблением, взаимным обучением этому минимуму.* Указанное пересечение индивидуальных словарей покрывает, видимо, общезначимые, наиболее важные, наиболее активные, т. е. *ядерные*, смыслы, характеризующие жизнь данного общества. Это тот минимум, на основе которого коммуниканту можно гарантированно общаться с любыми остальными членами общества, т. е. можно объяснить (описать) любой другой смысл, который выходит за пределы ядерного их набора.

Если указанное пересечение активных частей индивидуальных словарей формирует наиболее важную часть общего словаря языка, то это пересечение соответствует и тому обязательному минимуму, которым должен овладеть любой коренной и некоренной носитель данного языка, чтобы стать (и чувствовать себя) полноценным его носителем. Иными словами, очевидно, это тот круг лексики, от которого должны исходить и методисты при разработке концентрически уменьшающихся по объему лексических минимумов различного рода для обучаемых разных уровней, вплоть до начального, самого низкого. Знать объем исходного «верхнего» минимума необходимо как отправную точку в расчетах всех более ограниченных минимумов. (Более детально к вопросу о методических приложениях предлагаемых нами взглядов в практике обучения русскому языку иностранцев мы обратимся в отдельной работе.)

В действительности, до настоящего времени ни по одному из языков не имелось не только данных об этом наиболее важном пересечении активных индивидуальных словарей, но и даже сколько-нибудь убедительных данных о диапазоне разброса объема индивидуальных словарей, о количественном и качественном соотношении (по частям речи, словообразовательным типам, полисемии, стилистической маркированности значений слов и т. п.) в них активной и пассивной частей и т. п. В литературе присутствуют самые разнообразные, в том числе и *фантастические ОЦЕНКИ* объема индивидуального словаря (см., например, обзор попыток подобных оценок в работе [Денисов, 1974]), но практически отсутствуют попытки *ИЗМЕРЕНИЯ, экспериментального определения* этого объема, а тем более попытки определения степени и характера соответствия индивидуальных словарей друг другу, выявления того общего, что их объединяет, выявления и соотнесения состава активных и пассивных индивидуальных словарей².

² Попытки экспериментального определения объема индивидуального словаря немногочисленны. Прямые эксперименты по тестированию русских индивидуумов со средним и незаконченным высшим образованием [Савчук, 1997] и даже неграмотных крестьян [Тимофеев, 1971] дают не меньше нескольких десятков тысяч слов, известных рядовому носителю языка. В некоторых экспериментах с испытуемыми с высшим образованием средние и максимальные величины общего знания русского литературного словаря поднимаются еще выше — до 100 тысяч и более слов [Поликарпов, Поликарпова, 1987]. В проекте “Test Your Vocabulary”, осуществляемом через анкетирование испытуемых по Интернету для массового определения объема словарного запаса коренных и некоренных носителей английского языка (<http://testyourvocab.com/>), в частности, определяется зависимость объема индивидуального словаря (без разделения его состава на активную и пассивную части) от возраста испытуемых. Однако проведенные к настоящему моменту исследования ни для одного из языков пока не дают определенного ответа ни на вопрос о пределах индивидуального знания словаря (так как используемые тестовые списки явно не являются максимальными и, значит, не позволяющими оценить объем индивидуального словаря «сверху»), ни на вопрос о соотношении его активной и пассивной

На основе указанных системно-лингвистических идей и возникает гипотеза (впервые высказанная нами в 1987 г. [Поликарпов, 1987]; см. также [Поликарпов, Курлов, 1994; Поликарпов, 2012]) о том, что *тот круг лексики, который попадает в пересечение активных частей индивидуальных словарей принципиально соотносится с составом* первого из упомянутых С.И. Ожеговым типов толковых словарей — *словаря краткого типа*. Эта гипотеза возникает на основе обнаружения соответствия между функциями лексики из указанного пересечения (лексику, попадающую в пересечение активных индивидуальных словарей *каждый* полноценный носитель языка, по определению, не только знает, но и обязательно *употребляет*) и функциями словаря краткого типа («... *краткий*, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»). Действительно, если думать об активной лексической нормализации, то этому должны прежде всего подвергаться те лексические средства, которые отмечены во *всеобщем активном употреблении*. Вследствие этого словарь краткого типа и занимает *центральное положение в системе толковых словарей любой национальной языковой культуры*. Выделенный С.И. Ожеговым тип краткого словаря следует признать самым нужным, самым популярным, так как он в наиболее строгой степени ориентируется на сохранение, *нормализацию* лексического материала, отраженного в нем.

Какие же реальные словари представляют данный тип национального словаря-минимума в русской лексикографической традиции? Наиболее важным представителем этого типа является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО), представленный его различными изданиями вплоть до 20-го [Ожегов, 1949–1989]. В меньшей степени — об этом будет идти речь ниже — этому типу соответствуют издания этого словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой и в особенности с двойным авторством [Ожегов, Шведова, 1992].

Зададимся вопросом: может быть, выработка такого типа и всей иерархии типов толковых словарей — это только специфика русской национальной культуры, русской национальной лексикографии? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, т.к., оказывается, что краткий тип словарей, естественно, представлен в любой развитой лексикографической традиции. Например, в британской — это “Advanced Learner’s Dictionary of English” A.S. Hornby [Hornby, 1974] (далее — Hornby), в американской — Merriam-Webster’s School Dictionary [School, 2004] (далее — School). В этих языковых культурах представлены и прочие типы толковых словарей, отражающих иные слои лексической реальности каждого из этих языков (см.

частей, ни на вопросы о соотношении в обществе объема и характера активных и пассивных частей разных индивидуальных словарей, их пересечений, объединений и дополнений.

ниже). Что и неудивительно, так как принципиальная структура словарного сознания обществ на определенном (одном и том же для сопоставляемых культур) этапе их социального развития должна быть принципиально сходна, так как формируется одним и тем же, универсальным для них по качеству и объему набором социально-коммуникативных факторов.

Для осознания онтологических принципов выделения и иных, кроме обнаруженного нами ядерного, слоев словарного сознания обществ, далее, отметим, что достаточно объективным (хотя и менее явно ощущаемым) онтологическим статусом в обществе обладает и ОБЪЕДИНЕНИЕ *всех существующих в данное время активных индивидуальных словарей*. Это «объединение» есть не что иное, как *совокупный актуальный лексический инвентарь данного общества в данное время*, т. е. полная сумма того лексического материала, который используется кем-либо из ныне живущих людей в данном языковом коллективе.

Совершенно очевидно, что такой объект, как *объединение активных идиолексиконов*, менее обозрим и менее ощутим, чем *пересечение состава индивидуальных активных идиолексиконов*. Однако этот объект тоже является предметом пристального внимания в любой развитой национальной лексикографической традиции, так как совершенно очевидно, что в обществе нового времени присутствует очень важная *задача фиксации и нормализации ВСЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ВСЕГО АКТУАЛЬНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЯЗЫКА*, а не только его «ядра».

В этом «объединении», совокупном лексическом инвентаре данного общества в данное время на фоне указанного выше «пересечения» активных индивидуальных словарей совершенно очевидно выделяется и «*дополнение*» к этому «пересечению». «Дополнение» представлено в наибольшей степени лексическими единицами *периферийных, специальных областей общения* (специально-научных, профессионально-технических, социально-групповых и т. п.). Справочно-нормирующая информация, фиксируемая в словарях о словах и значениях этих более периферийных областей, хоть и менее социально значима, чем информация о лексическом «ядре», но тоже необходима обществу на достаточно продвинутых этапах его развития, так как специальные области — это тоже важные области функционирования данного языка (в особенности если учесть, что они отображают точки роста культуры народа-носителя этого языка).

Кроме того, надо учитывать, что центр и периферия лексической системы находятся в сложном, но органическом взаимодействии, из которого исключить одну из этих сторон (пусть одна из них и является отдаленной от интересов большинства в обществе специальной «периферией») невозможно без искажения общей картины, без потери

перспектив действительно научного понимания, теоретического и практического овладения закономерностями существования целого механизма этой системы.

Тип словарей, отображающих в совокупности «активный и пассивный запас лексики современного языка», представляющий «стилистическое многообразие современного языка» был определен С.И. Ожеговым как тип «среднего» словаря [Ожегов, 1952: 92, 100]. В русской лексикографической традиции к словарям «среднего» типа относится, кроме «Словаря русского языка в 4 т.» под ред. А.С. Евгеньевой (малого академического словаря, сокр. МАС) [Евгеньева, 1957–1961 (МАС-1); переизд. 1981–1984 (МАС-2)], еще и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков, 1938–1940].

В британской лексикографической традиции этот тип словаря представлен такими словарями, как Oxford Shorter English Dictionary, 6th ed. [Shorter, 2007] (далее — Shorter), в американской — различными изданиями словаря Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (например, 10 издание [Merriam-Webster's Collegiate, 1998]) (далее — Collegiate).

Завершая принципиальную структуризацию лексической системы языка, необходимо подчеркнуть, что каждый индивидуальный словарь, кроме активной, обладает еще и *пассивной* частью. В эту часть входят помимо известных некоторому индивидууму, но не употребляемых им (хотя, возможно, и употребляемых актуально кем-то другим в данном обществе в данное время) современных слов и значений (в основном, специально-периферийного, т. е. профессионально-терминологического плана), еще и различного рода *устаревшие* единицы, известные ему в основном из письменных текстов, относящихся к современному литературному языку в широком смысле (для русского языка — «от Пушкина до наших дней»). Эти неактуальные, устаревшие лексические единицы из пассивных частей индивидуальных словарей в совокупности и составляют «*дополнение*» к общей актуальной сумме, к указанному выше объединению разных по активности и распространенности актуальных лексических единиц (отображаемых, как было сказано, в словарях среднего типа). Это дополнение состоит из единиц, практически нигде не представленных, кроме текстов прежних эпох, продолжающих сохранять культурную значимость. Учет этого «дополнения» в общей сумме наряду с совокупным актуальным лексическим составом данного языка и приводит к *полному охвату лексической системы данного языка, отображению полного состава литературного словаря данного народа в данную эпоху*. Устаревшее «дополнение» в этой картине представляет тот слой лексической системы, который является для нее наиболее периферийным, но все же реально существующим, так как хотя бы не-

которая часть общества, хотя бы и пассивно, но знает единицы этого слоя, читает и понимает тексты, содержащие их (и даже, может быть, изредка употребляет со справочными или стилистическими целями некоторые из лексических средств этого типа).

В наиболее полном виде (в совокупности всех трех концентрически соотнесенных, последовательно расширяющихся слоев) лексическая система, видимо, должна отображаться составом толкового словаря, называемого в типологии С.И. Ожегова и в русской лексикографической традиции «большим». К словарям этого типа в современной русской лексикографии относится прежде всего «Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах» (БАС-1) [Словарь, 1948–1965]. В последние годы были изданы сопоставимые с ним по объему словника и набора значений такие словари, как «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [Кузнецов, 1998; 2000] и «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001]. В настоящее время активно издается и близок к завершению составляемый под редакцией А.С. Герда «Большой академический словарь русского языка» (изданы 1–21 тома) [Большой, 2001–2012 (БАС-2)].

Близкими к указанным принципам охвата лексики в большом словаре были и некоторые словари русского языка в XVIII и XIX вв., например, изданный в конце XVIII в. «Словарь Академии Российской» [Словарь, 1794], а также «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук» [Словарь, 1847].

Особняком стоит «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [1863–1866]. Этот словарь совместил в себе свойства большого словаря литературного языка и сводного диалектного словаря русского языка. В итоге он оказался переполнен лексикой, территориально ограниченной.

В британской лексикографической традиции тип «большого» словаря представлен такими словарями, как NED (A New English Dictionary on Historical Principles) [1884–1933] и его вторым изданием OED (Oxford English Dictionary) [1989], а в американской — Вебстеровским словарем, например, его третьим изданием [Webster's 3rd, 1961] (далее — Webster's 3rd). Однако надо сделать оговорку, что указанные британский и американские словари английского языка совмещают функции большого современного толкового словаря и большого исторического с элементами энциклопедического, что экстенсивно расширяет их объем. В противоположность этому «большие» русские словари не включают в себя информацию о лексических единицах не только всех прошедших эпох данного языка (это задача исторических словарей), но и даже большую часть устарелой лексики из «длящейся синхронии» (с конца XVIII в.) современного русского

языка. Более того, как правило, наши средние и, соответственно, большие словари недостаточно отображают современную специальную и производную лексику, а также принципиально избегают использования энциклопедической информации — как в словнике, так и в толкованиях слов.

3. Эмпирическая проверка некоторых выводов рассмотренной модели на основе учета характеристик толковых словарей трех основных типов

Предлагаемая эмпирическая проверка будет состоять в следующем:

- в попытке прямого соотнесения лексического состава словарей трех типов и его качественного анализа (см. далее раздел 3.1);
- в анализе результатов тестов объемных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка (см. далее раздел 3.2);
- в выявлении отличий в стилистических характеристиках значений слов толковых словарей разного типа (см. далее раздел 3.3);
- в представлении и сопоставлении характеристик полисемических распределений в словарях разных типов (см. далее раздел 3.4).

3.1. Прямое соотнесение и анализ состава словарей разных типов

Из сказанного следует, что состав словаря (набор слов и их значений) краткого типа, отражая наиболее ядерную, наиболее активную, самую нужную в любом акте общения лексику, должен быть не только меньше среднего по общему объему, но и обладать *полной вложимостью* в словарь среднего типа, а состав среднего словаря должен быть не только меньше большого словаря по объему, но и должен обладать *полной вложимостью* в большой словарь, причем, как по словнику, так и по набору значений каждого из повторяющихся слов в этих словарях. Этот «принцип вложимости» наборов слов и значений практически полностью доказывается в результате проведенных нами сопоставлений СО («Словаря русского языка» С.И. Ожегова 9–13 изданий, ок. 57 тыс. слов.) со словарем МАС-1 («Словарем русского языка в 4 тт.» А.П. Евгеньевой, 1-е изд. (ок. 85 тыс. слов.) и с БАС-1 («Словарем современного русского литературного языка в 17 томах», более 120 тыс. слов). Выясняется, что только 4% слов краткого ожеговского словаря не входит в состав среднего словаря МАС, и только 5% последнего не входит в состав большого. Анализ показывает, что в основном эти «нетипичные» слова — это производные, нерегулярно представляемые в русских словарях для экономии печатного пространства словаря. В данном случае некоторых из этих производных не оказалось волей лексикографов в большем по охвату

словаре, но зато они есть в меньшем. Незначительное количество таких слов свидетельствует о том, что общая тенденция в соотношении объемов толковых словарей разных типов существует.

При этом для тех слов, которые повторяются в этих словарях, в среднем в каждом из более объемных словарей величина их полисемии относительно возрастает (см. подробнее, например, [Поликарпов, Крюкова, 1989]). В результате этого растет и средняя полисемия в каждом из более объемных словарей: от 1.4 значения в кратком словаре (СО) до 1.7 значения в среднем (МАС-1) и до 2.2 значений — в большом (БАС).

Подчеркнем, что издаваемый с 1992 г. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в сравнении со «Словарем русского языка» С.И. Ожегова от издания к изданию (начиная с 9-го издания) по своему словнику становился все объемнее и объемнее (от 57 тыс. до ок. 80 тыс. слов) вследствие постепенного ослабления критериев отбора лексики в словарь краткого типа и даже отхода от них. В итоге «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1992], на наш взгляд, потерял статус словаря краткого типа, сдвинулся в сторону словаря среднего типа, но так и не стал им.

Ниже в качестве иллюстрации приводится подборка слов, попавших в словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992), но которых в словаре краткого типа не должно быть по определению, так как это либо совсем специальные (употребляемые только специалистами, т. е. они явно не входят в активный словарь любого русского), либо это диалектные (территориально ограниченные), либо устаревшие слова, которые сейчас не только не употребляют, но и практически не знают носители литературного языка: *аванпорт, автомотриса, аймак, акриды, альпинада, альпинарий, аргамак, ареометр, архалук, бальзамин, балясничать, балясы, бандо, барвинок, бармы, бархатцы, баштан, бебехи, безвозбранный, безголосица, безменный, бейка, белодеревец, бердыш, берейтор, бешимет, било, благовремение, благорастворение, елико, ендова, епанча, епитимья, ерик, застреха, кнехт, книксен, кобза, коверкот, консистория, опивки, оплечье, опоек, опойковый, опока, пролаза, проминка, развратитель, раздолжитъ, раскос, раскричать, распыскать, распустеха, саржа, сарпинка, сарыч, связь, седловка, серьянка, сетчатокрылые, синодик, скирдоправ, скобель, сколопендра, слонять, смарагд, смоква, смякнуть, снегопах, соседить, сотейник, сохлый, союзка, сподручник, спондей, спорница, спорок, щерить, эвентуальный, экзарх, экзекутор, эмпирей, эмфаза, эскарп, эспаньолка, юкола, явор, ягдташ, ягельник, ягниться, язевый, яловеть, яловый, яранга, ярка, ярыга, ясак, ястык, ятаган, ятрышник, ястычный, ятрышниковый.*

Может быть, часть наших современников и знает некоторые из этих слов, но уж точно нельзя сказать, что многие (а тем более, что

все) *употребляют* эти слова. Присутствие в большом количестве подобных слов и не позволяет считать словарь [Ожегов, Шведова, 1992] представителем краткого типа толковых словарей русского языка.

Не исключено, что указанная тенденция наблюдается в изменении состава словника «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, выпущенного в 2012 г. под ред. Л.И. Скворцова [Ожегов, 2012]. Дело в том, что заявленный объем этого словаря — «ок. 100 тыс. слов, терминов и фразеологических выражений», очевидно, тоже выводит этот словарь за рамки «краткого».

3.2. Анализ результатов тестов объемных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка

Тестирование результатов обучения данному языку в настоящее время производится, как правило, на основе так называемых лексических минимумов, состав которых отбирается на основе ряда варьирующихся по своему качеству у разных авторов критериев, вырабатываемых эмпирически. Если даже считать объективными результаты отбора лексических минимумов, то их использование при тестировании может дать оценку знания лексики данным индивидуумом только «снизу» (не ниже какого уровня наблюдается знание лексики у данного тестируемого). Но оценки «сверху» (оценки того, какого реального уровня тестируемый достиг в ходе своего собственного развития или специального обучения) с помощью того или иного минимума мы не можем получить, так как для проверки тестируемых используются заведомо ограниченные по объему и сложности лексические материалы (ограниченные представлениями методистов о необходимом минимальном объеме проверочного материала). От тестирования на основе лексических «минимумов», наверно, иного и не требуется, так как тестирующие в данном случае выясняют только соответствие лексических знаний некоторому определенному набору (который они предъявляли обучаемым в ходе учебного процесса), а не полный объем этих знаний. Действительно решить проблему реального владения лексикой данного языка его коренными носителями разных возрастов, профессий, пола, региона проживания и т. п. можно только при выработке тестовых материалов при опоре на структурированное отображение в них полной лексической системы данного языка (в том числе с дифференциацией лексических единиц по качественным и структурным типам, уровням сложности, активности/пассивности и т. п.).

Прямые тесты типов словарного знания коренных носителей русского языка нами проводятся на основе представительных выборок из самых больших собраний русской лексики. Источником нашего тестового списка, использованного в серии тестов 2007–2012 гг., был «Сводный словарь современной русской лексики» [Рогожникова,

1990] общим объемом в 165 тыс. слов. Путем случайной выборки из этого словаря одного процента слов был получен тестовый список в 1651 слова. Каждое слово было охарактеризовано со стороны части речи, полисемии, омонимии, стилистических характеристик значений, частоты употребления (по данным «Полистилевого корпуса текстов современного русского языка»), представленности в словарях разных типов. При проведении экспериментов мы, в частности, ожидали, что испытуемые должны показывать наиболее полное знание и относительно более активное владение лексическим материалом краткого словаря в сравнении со средним и среднего — в сравнении с большим. Экспериментальные данные подтвердили это [Поликарпов, 2011; 2012].

По данным наших исследований, основных (заглавных) входных лексических единиц (статей) в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (9–13 изданий) — ок. 40 тыс. Наши экспериментальные исследования (тестирование взрослых носителей русского языка [Поликарпов, Поликарпова, 1987]) показывают, что именно этот объем (и именно такой в основном по качеству лексики, как в 9–13 изданиях ожеговского словаря) характерен для пересечения индивидуальных активных лексиконов образованных носителей русского языка (членов общества с высшим образованием). Определение полного объема этого пересечения было возможно на основе пересчета результатов тестирования по списку на полный объем словаря, из которого этот список отбирался. Вполне возможно, что именно этот объем (ок. 40 тыс. лексических единиц) и качество единиц этого пересечения характеризует некоторое культурное единство наиболее просвещенной части русского языкового коллектива, которое может выступать в роли некоего желаемого практического состояния, к которому может и должен подтягиваться активный словарь и остальных членов этого языкового коллектива.

Естественно, что если тестируются люди не такого высококультурно-образовательного уровня, то и такое «пересечение» активных индивидуальных словарей оказывается менее мощным. Например, по данным Л.О. Савчук (которая проводила исследование под нашим руководством), пересечение активных словарей студентов педагогического института в Орехово-Зуеве покрывает ок. 10 тыс. слов [Савчук, 1997], а по данным нашего обследования студентов филологического факультета МГУ [Поликарпов, 2011; 2012], в пересечение их активных индивидуальных словарей попадает более 20 тыс. слов. Скорее всего, эти данные демонстрируют диапазон (от 10 до 40 тысяч слов), в пределах которого может находиться объем определенного нами «пересечения индивидуальных активных словарей», логически соответствующий выявляемому лексикографами составу краткого толкового словаря. Не исключено, что в ходе после-

дующих исследований удастся показать не только более точно количественный диапазон, но и качественные отличия между различными групповыми — образовательными, возрастными, территориальными, половыми и т. п. — пересечениями в составе широкого обследования знания современной русской лексики коренными и некоренными носителями русского языка.

3.3. Закономерные отличия в стилистических характеристиках значений толковых словарей среднего и краткого типов

Поскольку расширение словника и отображаемых значений слова в среднем словаре в сравнении с кратким и в большом — в сравнении со средним происходит за счет все более периферийных слов и значений, то значения слов в словаре каждого более объемного типа должны быть в большей степени маркированы той или иной сферой общения. Это относится в первую очередь к маркированию значений слов пометами книжно-специального плана. Но эта тенденция в основном просматривается и для остальных классов стилистической маркированности.

При этом усиление периферийной составляющей в словаре среднего типа в сравнении с кратким словарем, а в большом словаре — в сравнении со средним происходит как за счет большего привлечения в него знаменательной (в основном предметной) лексики, так и менее широко употребляемых (а то и вовсе — неупотребляемых), но пассивно известных (хотя бы кому-либо из ныне живущих) значений слов.

В настоящей работе эта гипотеза проверяется на материале сопоставления данных о степени маркированности значений слов стилистическими пометами четырех основных классов — «разговорными», «книжно-специальными», «областными» (территориальная ограниченность), «устарелыми» (хронологическая ограниченность) двух смежных словарей в обсуждаемой типологической иерархии — СО («Словаря русского языка» С.И. Ожегова, изд. 9–13) и МАС-1 («Словаря русского языка в 4 томах» под ред. А.П. Евгеньевой, 1-е изд.) (табл. 1).

Используемая здесь система функционально-стилистических помет четырех основных типов является обобщением того разнообразия конкретных помет и их комбинаций (около ста разных), которые встречаются в каждом из анализируемых словарей [Поликарпов, Крюкова, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994].

В табл. 1 для Словаря МАС использованы стилистические данные, представленные в нашей работе [Поликарпов, Курлов, 1994]. Данные по словарю СО являются новыми, ранее не опубликованными. Естественно, новым является и сопоставление этих двух словарей по указанным характеристикам.

Величина полисемии является одним из наиболее важных параметров лексических единиц. Эта характеристика отражает широту функциональных возможностей слова, относительную степень продвинутости по пути реализации его семантического потенциала в ходе его жизненного цикла [Поликарпов, 2007]. Она связана как с преобладающей качественной характеристикой его значений, так и с его категориальной, частеречной принадлежностью.

Все лексические единицы обоих сопоставляемых словарей были разделены на следующие объемно-семантические группы: слова с 1, 2, 3–4, 5–8, 9–16, 17–32 и большим числом значений. В основе данного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отличается по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности.

Таблица 1 содержит относительные данные (в%). За 100% берется общее количество значений слов в каждой полисемической области (отдельно для каждой части речи и для слов всех частей речи вместе).

Таблица 1

Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности значений слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словарей МАС и СО (относительные величины, %)

Полис. Зоны	Категории стилистических помет значений слов									
	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
	СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ									
1	16,87	10,9	12,75	11,35	6,77	4,49	1,06	0,54	37,45	27,28
2	18,33	8,55	17,61	8,43	9,01	3,92	2,34	0,35	47,29	21,25
3...4	14,84	9,15	16,2	7,42	7,06	3,19	1,33	0,25	39,42	20,01
5...8	13,68	9,27	12,75	6,29	5,1	2,81	0,73	0,26	32,25	18,63
9...16	8,33	10,9	6,58	8,7	4,82	1,4	0,73	–	20,47	21
	ГЛАГОЛ									
1	6,4	10,87	37,87	37,38	9,15	5,22	0,53	0,26	53,87	52,17
2	6,24	4,47	32,26	20,6	6,55	2,26	0,84	0,09	45,89	27,22
3...4	4,04	2,77	25,05	20,82	4,84	1,92	0,69	0,06	34,63	25,57
5...8	2,97	1,64	17,7	12,58	2,8	0,74	0,44	0,07	23,89	15,03
9...16	3,02	2,62	16,98	17,47	2,2	1,1	0,24	–	22,45	18,57
17–32	1,92	1,3	9,62	5,19	0,96	–	0,96	–	13,46	6,49

Полис. Зоны	Категории стилистических помет значений слов									
	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
	ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ									
1	13,36	12,81	7,72	11,17	5,64	4,71	0,3	0,1	27,01	28,79
2	14,18	6,28	8,32	6,56	7,01	2,52	0,46	–	29,97	15,36
3...4	8,81	3,66	5,82	7,13	4,64	2,06	0,31	0,18	19,57	12,85
5...8	6,99	2,66	4,8	8,73	2,97	1,14	0,09	–	14,85	12,53
9...16	4,52	1,8	4,02	10,6	3,52	7,1	–	–	12,06	19,5
	НАРЕЧИЕ									
1	–	4,4	25,73	32,3	–	4,84	–	0,15	48,72	41,69
2	1,4	1,58	29,8	23,68	8,2	3,16	0,8	–	40,2	28,42
3...4	0,76	–	15,78	24,05	3,05	–	–	–	19,59	24,05
5...8	0,42	–	13,45	36	6,3	–	–	–	20,17	36
9...16	–	–	5,13	–	–	–	2,56	–	7,69	–
17–32	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ									
1	–	1,55	44,63	31,58	22,41	5,08	–	0,3	61,11	38,51
2	2,86	–	33,33	32	12,38	0,5	2,86	1,5	51,43	34
3...4	1,35	–	60,81	15,03	8,11	1,16	4,05	–	74,32	16,19
5...8	3,68	–	25,77	9,17	13,5	–	2,45	–	45,4	9,17
9...16	2,2	–	5,49	3,84	4,4	–	–	–	12,09	3,84
17–32	0,94	–	4,72	–	1,89	–	–	–	7,55	–
	ВСЕ ЧАСТИ РЕЧИ ВМЕСТЕ									
1	13,01	10,75	18,66	17,99	7,36	5,9	0,72	0,39	39,75	35,03
2	12,82	6,79	21,03	11,98	7,77	3,14	1,4	0,22	43,01	22,13
3...4	8,94	5,79	18,21	12,12	5,64	2,49	0,88	0,13	33,66	20,53
5...8	7,17	4,53	14,31	9,68	3,92	1,54	0,52	0,12	25,91	15,87
9...16	4,69	3,67	11,97	13,14	3,17	1,83	0,4	–	20,24	18,64
17–32	1,32	1,29	6,61	7,79	1,32	1,29	0,44	–	9,69	10,37

На основе этих данных ниже построены графики (рис. 1–5), демонстрирующие ряд тенденций в стилистической маркированности значений слов разных частей речи по разным полисемическим областям в словарях двух разных типов.

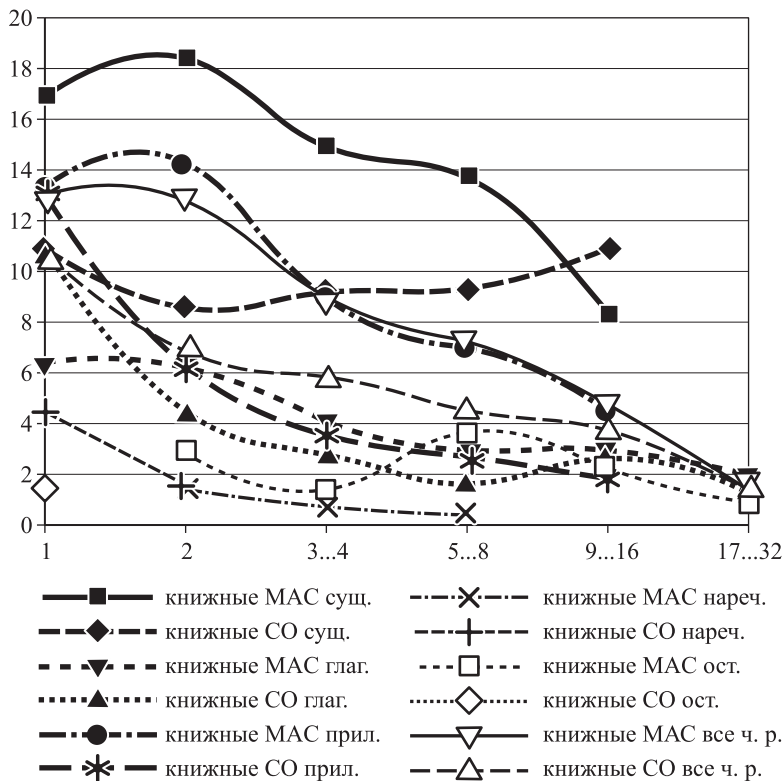

Рис. 1. Соотношение степени книжно-специальной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и по разным частям речи

Как и ожидалось, исходя из теоретических представлений [Поликарпов, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994], состав словаря среднего типа (каковым является МАС), покрывающего относительно более обширные смысловые области языка, должен содержать значения слов, относящиеся к периферийным, специальным областям в большей степени, чем состав краткого словаря (СО). Что, совершенно очевидно, и подтверждается приводимым рисунком. Помеченность значений классом книжно-специальных помет в основном сосредотачивается в зонах малозначности, за исключением значений немногочисленной и пестрой по составу группы «остальных частей речи» (т. е. в основном служебных и междометных) слов.

Обнаруживается некоторая неопределенность картины с этими пометами для существительных словаря СО. Последнее закономерно, так как книжно-специальные значения и не должны массово попадать в общее активное знание русской лексики (как и лексики любого дру-

гого языка), что и отображается в словарях краткого типа. В словарь краткого типа такие значения могут попадать только спорадически, не соотносясь регулярно со степенью развитости полисемии слов.

Естественно, что наибольшая степень стилистической маркированности классом книжно-специальных помет свойственна для значений существительных по МАСу. Именно существительные в языке в наибольшей степени наполняют периферию лексикона общества. Она и отображается относительно полно в среднем словаре в сравнении с кратким.

Для СО тоже характерна высокая доля помеченности значений его существительных этим классом помет. Но, как мы и ожидали, все-таки более низкая, чем в МАСе, так как периферийные для языка слова и значения слов в краткий словарь и не должны практически попадать.

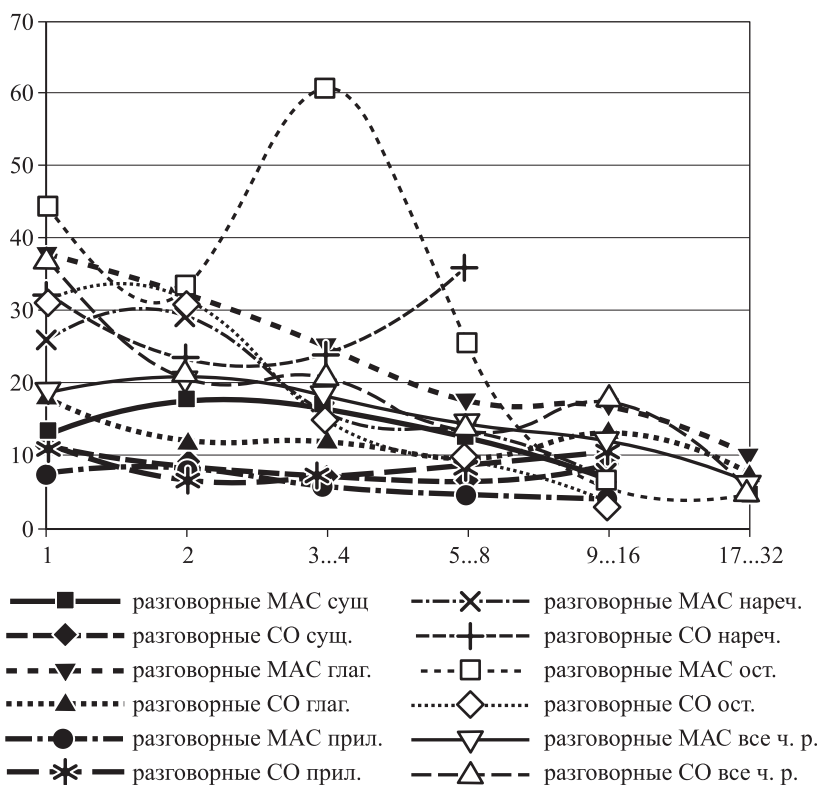

Рис. 2. Соотношение степени разговорной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и разных частей речи

Общая тенденция к более выраженной и этим классом помет значений малозначных слов сохраняется как для МАС-1, так и СО (см. кривую для всех частей речи вместе), хотя она и менее выражена. Картина здесь относительно более пестрая, так как разговорная маркированность значений связана не с крайней периферией употребления слов (как книжная маркированность), а с центральной областью языковой практики общества, для которой свойственны в большей степени многозначные слова.

Общая маркированность значений стилистическими пометами разговорного класса в словаре МАС-1 оказывается выше, чем маркированность книжно-специальная. Этот факт представляется неожиданным, противоречащим типовому соотношению в толковых словарях значений разного стилистического качества. Дело в том, что разговорная область относится, в основном, к ядру лексики, а специальная — к ее периферии. По определению периферия обширнее ядра. В связи с этим можно предположить, что в МАС-1 (по некоторым объективным или субъективным причинам) недостаточно отражен пласт специально-книжных слов и значений. Выборочное обследование различных алфавитных участков данного словаря, проведенное нами, обнаруживает заметное отсутствие в нем многих специальных слов и значений, свойственных современному русскому узусу в профессиональных областях (например, представленных в специальных словарях). Общее число таких недобранных значений, по нашим оценкам, достигает нескольких десятков тысяч. Эти оценки связаны с тем, что, согласно данным «Сводного словаря современной русской лексики» [Рогожникова, 1990], в нем содержится около 85 тыс. слов (преимущественно однозначных терминов), не присутствующих в (МАС-1), и около 80 тыс. слов — в МАС-2).

Это предположение подтверждается и характеристикой лексикографической концепции МАСа, сформулированной самим его составителем. Действительно, при решении вопроса о включении или невключении в этот словарь определенных разрядов лексики автор не устанавливает существенных ограничений только для одной из четырех интересующих нас в стилистическом аспекте групп — для группы разговорных лексических средств. Не допускались в словарь из этого круга средств, по словам автора словаря, лишь «слова грубого просторечия» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], малочисленность которых по сравнению с общим объемом разговорного пласта не вызывает сомнений и не имеет решающего значения для общей картины. Более существенно то, что не включались в словарь и некоторые разряды производных существительных, прилагательных и наречий, которые «легко образуются и легко понимаются» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], и которые также, очевидно, чаще, чем их производящие, явля-

ются периферийными, а значит, чаще и малозначными единицами, единицами со специальными значениями. Более того, в анализируемый словарь, по прямому признанию его автора, принципиально не включались «узкоспециальные термины отдельных областей науки, техники, искусств, необходимые лишь специалистам» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], т.е. доступ актуальной специальной лексики в словарь был сильно затруднен. За счет дополнительного учета значений подобных слов степень маркированности ЛСВ малозначных (в том числе и однозначных) слов могла бы, видимо, существенно повыситься в сравнении с тем, что имеется сейчас в МАСе. Иными словами, можно предположить, что при условии учета этих фактов должно в итоге ликвидироваться наблюдаемое сейчас на графиках некоторое нарушение тенденции роста степени стилистической помеченности значений слов при движении в зону малозначных (особенно, однозначных) слов.

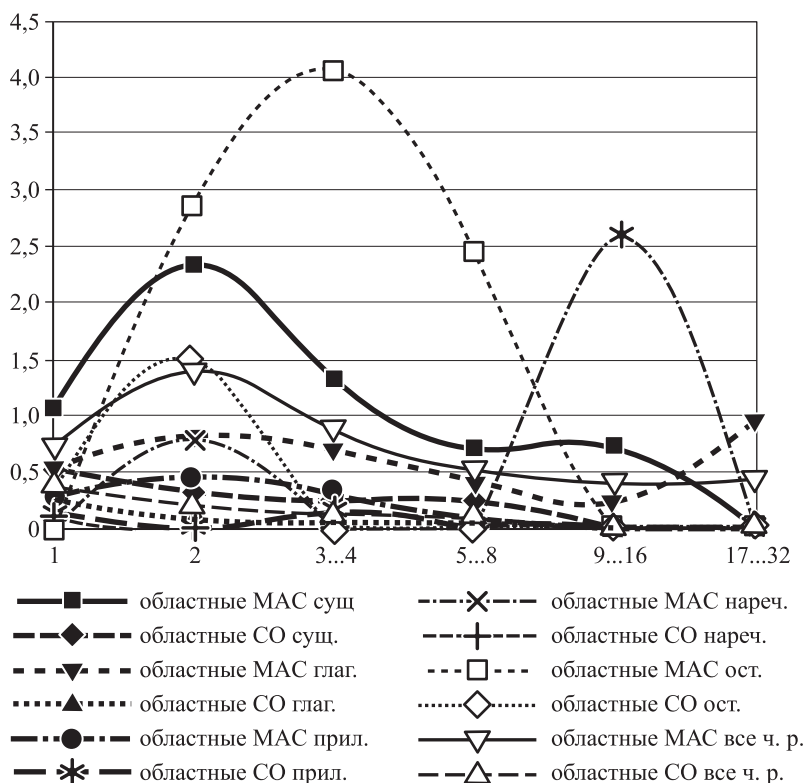

Рис. 3. Соотношение степени областной стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Пометы территориальной ограниченности употребления значений — наименее активный вид стилистических помет (в среднем, он относится к менее, чем 1 % значений), так как «в идеальном случае» их и не должно быть ни в среднем, ни тем более в кратком словаре. Значения этого класса попадают в минимальной степени в словари, преимущественно через посредство текстов художественной литературы как наиболее популярные средства создания местного колорита в тексте.

Как видно, для областных помет в целом наблюдается более пестрая картина их распределения по значениям слов разных частей речи и разных полисемических категорий. Однако если рассматривать ситуацию для всех частей речи вместе, то и для данного класса помет обнаруживается их наибольшее тяготение к значениям мало-значных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

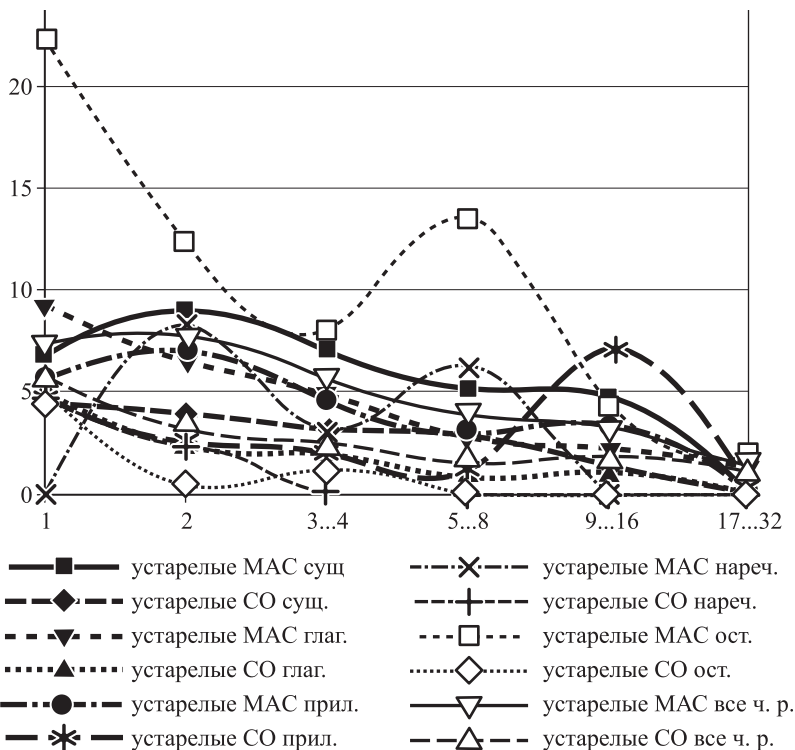

Рис. 4. Соотношение степени устарелой стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Устаревшие значения в обоих сопоставляемых словарях представлены существенно более активно, чем значения, территориально маркированные. Это и понятно, так как часть так называемых устаревших слов и значений продолжает (хотя и существенно реже) употребляться в речи некоторых людей со стилистическими целями (например, в целях создания текстов возвышенного стиля).

Общая тенденция, обнаруживаемая для значений всех частей речи и на данном классе помет, тоже заключается в наибольшей стилистической маркированности значений малозначных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

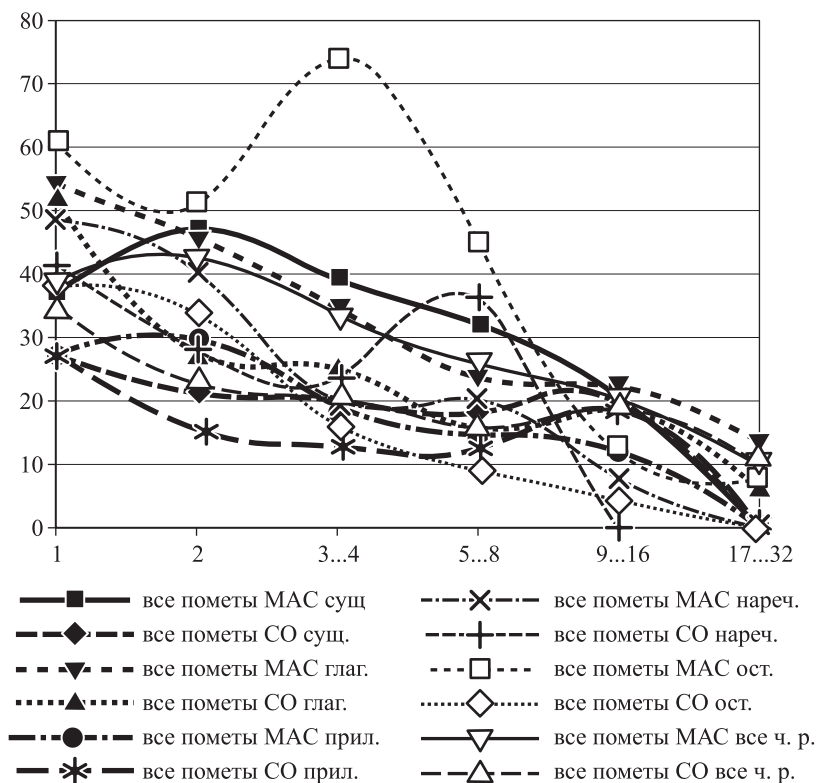

Рис. 5. Соотношение совокупной степени стилистической маркированности значений слов разных частей речи и всех частей вместе для словарей MAS и CO по разным полисемическим зонам

Данный рисунок, кроме генеральной тенденции к максимальной стилистической маркированности значений малозначных слов, де-

монстрирует факт общей более высокой маркированности значений МАСа, в сравнении с СО, как словаря, включающего не только ядро, но и существенную часть периферии лексической системы языка. Кроме того, видно, что общий дефицит существительных и их стилистической маркированности в МАСе проявляется в основном в зоне малозначности.

3.4. Закономерные отличия полисемических распределений в словарях разных типов

Коммуникативные факторы, формирующие трехслойную структуру совокупного словаря общества, должны определять и некоторое закономерное соотношение каждого из типов словарей со словарями двух других типов по *распределению числа слов с разным числом значений*. Это представление в принципе подтверждается, например, при соотнесении *количественных характеристик полисемических структур русских толковых словарей всех трех типов и британских английских толковых словарей краткого и среднего типов оксфордской серии словарей* [Поликарпов, 1987]. На приводимых ниже рисунках 6–8 по оси Х откладываются в логарифмическом масштабе величины полисемии слов определенного диапазона, а по оси Y — соответствующие логарифмические величины количества слов данного диапазона полисемии для этих пяти словарей (Табличные данные для графиков см. в табл. 2 и 3).

Использование логарифмического масштаба для отображения этих соотношений объясняется тем, что логарифмическая мера органично соответствует многим количественным соотношениям в естественном языке. Кроме того, ее использование позволяет длинный ряд данных, следующих некоторой зависимости, «ужать» и представить в более обозримом виде графически.

Таблица 2

Соотношение количества слов разных зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ	МАС	СО	Hornby	Shorter
33...64	1				18
17...32	71	14	6	13	159
9...16	706	289	120	160	1067
5...8	3914	1960	815	741	4 599
3...4	13 305	6740	3506	2560	11 596
2	26 102	13 236	8 390	4 688	16 397
1	76 382	59 920	44 166	36 210	45 965
Итого	120 481	82 159	57 003	44 372	79 801

Соотношение логарифма количества слов разных логарифмических зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ лог.	МАС лог.	СО лог.	Hornby лог.	Shorter лог.
1	4,883	4,7776	4,645	4,559	4,662
2	4,4167	4,1218	3,924	3,671	4,215
3...4	4,124	3,8287	3,545	3,408	4,064
5...8	3,5926	3,2923	2,911	2,87	3,663
9...16	2,8488	2,4609	2,079	2,204	3,028
17...32	1,8513	1,1461	0,778	1,114	2,201
33...64	0				1,255

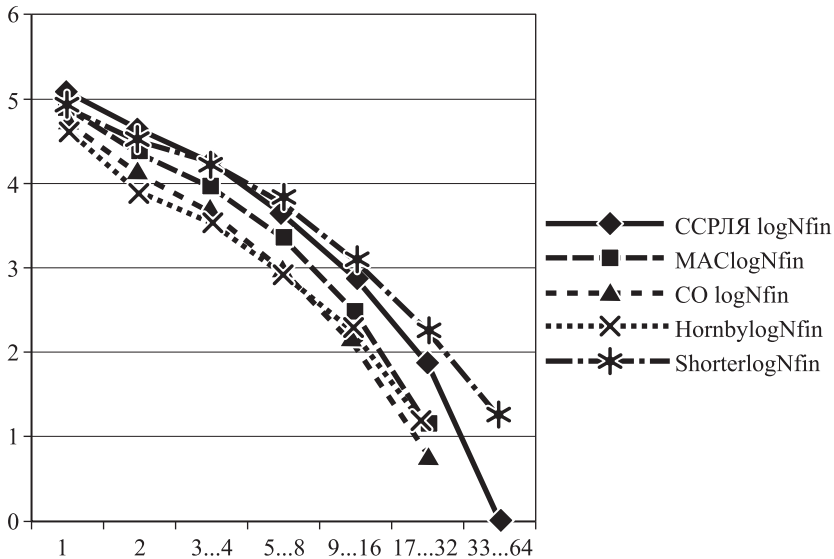

Рис. 6. Полисемическое распределение слов в русских и английских толковых словарях разных типов (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — количество слов данной полисемии)

На приводимых ниже рис. 7 и 8 данные для словарей английского и русского языков представлены по отдельности. Это позволяет представить соотношение между словарями разного типа одного и того же языка более наглядно.

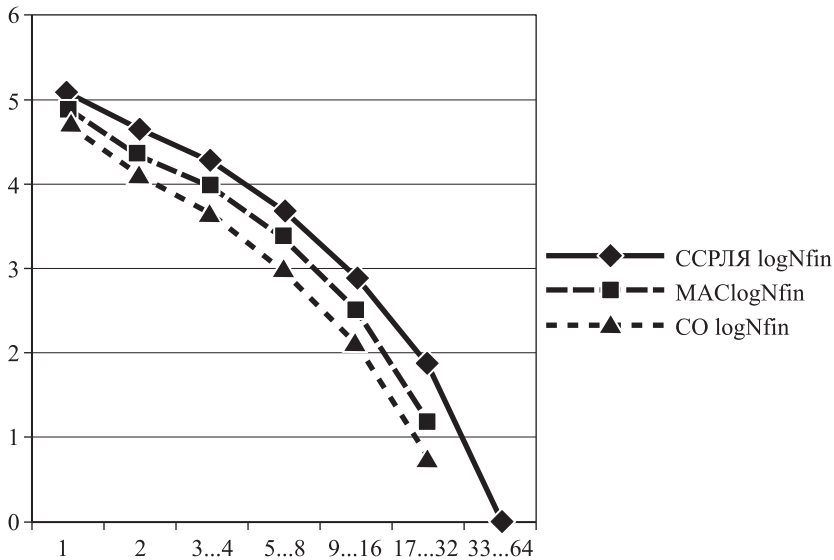

Рис. 7. Полисемическое распределение слов в русских словарях трех разных типов — большом, среднем и кратком (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия; ось Y — количество слов данной полисемии)

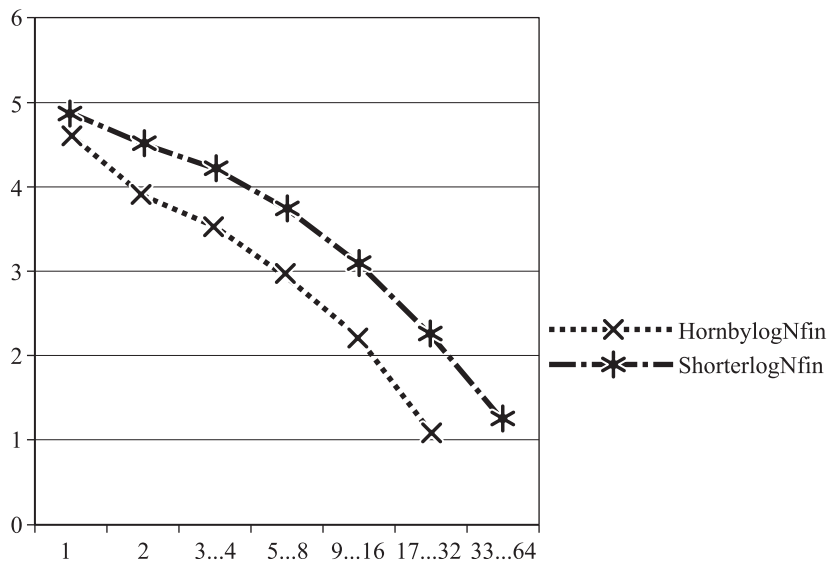

Рис. 8. Полисемическое распределение слов в английских словарях двух разных типов — кратком и среднем (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — количество слов данной полисемии)

Рассмотрение представленных на рис. 6–8 данных позволяет сделать вывод, что полисемические распределения независимо от типа толкового словаря данного языка сохраняют устойчивое типологическое сходство, структурное подобие, заключающееся в повторяющейся величине пропорции слов разной полисемии в словарях разного типа. Это означает, что лексикографический отбор слов и значений в словаре меньшего объема в сравнении со словарем большего объема происходит не хаотически, а на основе достаточно четких критериев, системно соотносящих их набор в относительно более ограниченном словаре с общим составом лексической системы языка (а поэтому и с составом слов и числом их значений в более полном словаре). Эти критерии задаются лексикографу его ощущением всеобщего характера одних слов и значений (из пересечения активных индивидуальных словарей), а также ощущением актуальности/неактуальности остающихся слов и значений.

Важно также отметить, что полисемическое распределение слов отображает и типологический статус языка — его относительную аналитичность. Полисемические распределения всех русских словарей в сравнении с тем же распределением английских словарей устойчиво являются более крутыми по углу наклона: за счет относительно большего числа однозначных слов в русских словарях и относительно меньшей в них максимальной полисемии. Это объясняется большей узостью лексического словаря в относительно более аналитическом английском языке (компенсируемом относительно более обширной фразеологией).

Таким образом, реальное системное членение словарного состава отражается в иерархии словарей, в системной соотнесенности многих из их характеристик, в том числе и в характеристиках распределения слов по числу значений в словарях разного типа.

4. Заключение

Проведенный сопоставительный анализ русских толковых словарей — БАС-1, МАС-1 и СО как представителей большого, среднего и краткого типов толковых словарей по составу их словника, по соотношению их полисемических характеристик, а также МАС-1 и СО — по разным типам стилистической маркированности значений в разных полисемических областях слов разных частей речи, подтвердил наши теоретически обоснованные ожидания о неслучайности сходств и расхождений в этих характеристиках между толковыми словарями разных типов. Обнаруживаемые сходства касаются универсальной тенденции к большей стилистической маркированности значений малозначных слов в сравнении с многозначными, а также большей стилистической маркированности «предметных» знаменательных слов (существительных) в сравнении со значениями «признаковых»

знаменательных слов (глаголов, прилагательных, наречий). Обнаруживаемые различия между словарями разных типов принципиально объясняются нами тем, что каждый из них отображает разные по широте и, соответственно, качеству, лексические ресурсы русского языка. Мы предполагаем, что в составе кратких словарей лексикографы отображают наиболее активное «ядро» словаря языка, образуемое, видимо, путем практического соотнесения и выявления ПЕРЕСЕЧЕНИЯ индивидуальных активных словарей носителей этого языка в бесчисленных перекрестных актах общения. Состав средних словарей отображает, скорее всего, ОБЪЕДИНЕНИЕ индивидуальных активных словарей, т. е. в пределе, ПОЛНЫЙ АКТУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ДАННОГО ЯЗЫКА (включая и периферийную, в том числе специальную лексику). Состав большого словаря отображает, видимо, еще более широкое ОБЪЕДИНЕНИЕ полного актуального словаря данного языка с устаревшей, но кому-то из современных носителей языка известной лексической периферией языка.

Наиболее явно макросоотношение толковых словарей трех разных типов предстает на графиках полисемических распределений русских и английских словарей. Выявляется замечательное ПОДОБИЕ между распределениями словарей разных типов внутри каждого языка. Выявляется также знаменательное отображение в характеристиках полисемического распределения ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ английского и русского языков. В полисемическом распределении английских словарей, в отличие от русских, наблюдается относительное усиление высокополисемической и ослабление низкополисемической области.

Эти, а также другие полученные нами данные не противоречат нашей гипотезе о существовании трехслойной структуры лексической системы языка и ее отображении в трехчастной типологии толковых словарей.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998; 2-е изд. СПб., 2000.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21 / Гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб., 2004–2012 (БАС-2).
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866.
- Евгеньева А.С. (Ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1957–1961 (МАС-1); 2-е изд. М., 1981–1984 (МАС-2).
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. Монография. М., 1978.

- Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М., 2000.
- Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 1–20 изд. (с 9 изд. под ред. Н.Ю.Шведовой). М., 1949–1989 (СО).
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2012 (СО).
- Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1992.
- Поликарпов А.А.* Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 774).
- Поликарпов А.А.* Системно-квантитативный подход в лингвистике // Научные школы в лингвистике. Смоленск, 2007.
- Поликарпов А.А.* Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко 29.09 — 1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург, 2011.
- Поликарпов А.А.* Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf
- Поликарпов А.А., Крюкова О.С.* О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).
- Поликарпов А.А., Курлов А.А.* Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // Вопросы языкознания. 1994. № 1.
- Поликарпова А.О., Поликарпов А.А.* Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
- Рогоженикова Р.П.* Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. М., 1990.
- Савчук Л.О.* Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965 (БАС-1).

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1–4. М., 1847.
Ушаков Д.Н. (Ред.). Толковый словарь русского языка. М., 1938–1940.
Hornby A.S. (Ed.) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3-rd ed. Oxford University Press, 1974 (Hornby).
Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th edition. Merriam-Webster, 2004 (Collegiate).
Merriam-Webster's School Dictionary. Revised edition Merriam-Webster, 2004 (School).
A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford Univ. Press, 1884–1933 (NED).
Oxford English Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989 (OED).
Oxford Shorter English Dictionary. 6th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007 (Shorter).
Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged (Ed. by Philip Babcock Gove). G. & C. Merriam, 1961 (Webster's 3rd).

Сведения об авторах: *Поликарпов Анатолий Анатольевич*, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, приглашенный профессор Барселонского университета (Испания). E-mail: anatpoli@mail.ru; *Марк Руис-Соррилья Крусате*, профессор отделения славянской филологии Барселонского университета (Испания). E-mail: m.ruizzorrilla@ub.edu

Ван Юн, Лю Хайтао

КВАНТИТАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ЕГО СИНТАКСИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ¹

Данная статья ставит своей целью расширение потенциала использования статистических методов в синтаксическом анализе русского языка. На основе данных из корпуса СинТагРус, разработанного Институтом проблем передачи информации РАН, анализируются квантитативные признаки имени существительного в двух случаях: когда оно выступает в роли главного слова и когда — в роли зависимого слова. Описываются главные типы синтаксических конструкций и особенности порядка слов в этих синтаксических конструкциях. Отдельно рассматриваются синтаксические отношения в обоих случаях.

Ключевые слова: русский язык, СинТагРус, имя существительное, синтаксические признаки, квантитативное исследование.

Focusing on Russian nouns and with the SynTagRus treebank built by the Russian Academy of Sciences as data source, this paper performs a quantitative analysis of the syntactic structures formed by Russian nouns as governors and as dependents, respectively. A more accurate description is provided of the basic types, word-order properties and syntactic functions of the syntactic structures in both cases.

Key words: Russian, SynTagRus, Treebank, nouns, syntactic properties.

1. Введение

В лингвистическом исследовании нередко используются статистические методы, которые «позволяют количественно описывать поведение различных языковых единиц (фонем, букв, морфем, слов) в тексте: частоту употребления единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с другими единицами и т. п. Одновременно накапливается обобщенная количественная информация о классах единиц, о языковых конструкциях (напр., данные о средней длине слова или предложения, о частоте употребления каких-либо грамматических форм в тех или иных синтаксических

¹ Данная работа написана при финансовой поддержке правительства КНР, грант NSSFC, проект № 11&ZD188. Авторы выражают глубокую признательность ETAP Line за предоставленное разрешение использовать для исследования корпус СинТагРус, разработанный Институтом проблем передачи информации РАН, а также Иоакиму Нивре за предоставление данных CoNLL — варианта корпуса. Они также выражают сердечную благодарность докт. филол. наук, проф. И.А. Бубновой за помощь в подготовке русского варианта текста статьи.

функциях и т. п.) Такая информация углубляет описание единиц языка» [ЛЭС, 2002: 231]. Эти методы часто служат основным средством в ходе информационной обработки естественного языка. В России статистические методы использовались лингвистами уже в конце XIX в. В последние годы русские ученые, продолжая эту традицию, расширяют сферу использования данного подхода, и это позволяет им получать новые результаты, особенно в области морфологии и лексикологии (см., например: [Белов, 2010; Кретов и др., 2011; Подлесская, 2012 и др.]).

Что касается китайских ученых, то их внимание сфокусировано на анализе языка с использованием БДЗ (банка деревьев зависимостей). К настоящему времени в Китае уже создан синтаксически размеченный корпус китайского языка, который постоянно продолжает пополняться. В течение 10 лет на основе этого корпуса и других БДЗ исследователи занимаются изучением количественных признаков китайского языка, выделяя и сопоставляя их с признаками, характерными для других языков.

Следует отметить значительные результаты, которые были достигнуты в статистической характеристике частей речи и их синтаксических функций в китайском языке [Лю, 2009; Liu, 2009; Liu et al., 2009; Гао, 2010]. Прежде всего тщательный анализ статистических данных, полученных на основе БДЗ, показал, что такие данные оказываются надежным источником для построения различных типологий [Лю, 2010]. Не менее значимым для дальнейших исследований является заключение о направлении зависимостей как о стабильном показателе языковой типологии, сделанное в ходе изучения некоторых синтаксических и типологических признаков с использованием пяти БДЗ китайского языка, разработанных разными методами синтаксической разметки и включающих в себя тексты разных стилей [Liu et al., 2009].

Основной целью нашего исследования, результаты которого изложены в данной статье, было подтверждение выводов китайских ученых на примере русского языка, а также демонстрация возможностей БДЗ для построения языковых типологий.

В первое десятилетие XXI в. Лаборатория компьютерной лингвистики Института передачи информации РАН создала синтаксически размеченный корпус русских текстов — корпус СинТагРус. Эта база данных дает широкие возможности проводить количественный анализ языковых явлений в разных аспектах русского языка, особенно в области синтаксиса, в силу того, что корпус содержит «синтаксическую структуру (СинтС) каждого предложения в виде дерева зависимостей» [Апресян и др., 2005: 194]. На основе такого корпуса можно дать более точное определение частоты каждой из частей речи и главных типов синтаксических конструкций, где

данная часть речи выступает как главный или как зависимый элемент. Более того, существует возможность охарактеризовать порядок слов внутри этих конструкций и их синтаксические функции, в результате чего можно проверять характеристики частей речи, качественно описанные в грамматических трудах, и даже выявить незамеченные до этого признаки.

Объектом нашего исследования, описываемого в данной работе, явилось имя существительное. Выбор объекта исследования определялся его важной синтаксической ролью в русском языке.

Наше исследование основано именно на данных из СинТагРуса. Для первого этапа работы методом случайной выборки нами было отобрано 3509 предложений, охватывающих 50 662 слов (не включая знаки пунктуации). Наша задача сводилась к следующему:

- 1) определить главные типы синтаксических конструкций, где имя существительное выступает в роли главного или зависимого слова;
- 2) проанализировать особенности порядка слов в разных синтаксических конструкциях;
- 3) охарактеризовать главные типы синтаксических отношений и их особенности в случаях, когда имя существительное выступает в роли главного слова;
- 4) охарактеризовать главные типы синтаксических отношений и их особенности в случаях, когда имя существительное выступает в роли зависимого слова.

2. Порядок слов в синтаксических конструкциях с именем существительным

Среди китайских русистов распространено мнение, что в силу свободного порядка слов в русском языке члены предложения не имеют в нем постоянной позиции. Вместе с тем в русской грамматике детально описываются правила словорасположения разных словосочетаний, их обычный, а также и стилистически окрашенный, порядок слов. Чтобы определить, насколько свободен порядок слов в русском языке, нужна информация о направлении синтаксической связи и расстоянии между словами. Однако в СинТагРусе эти данные не приводятся в эксплицитном виде. В силу этого нашей основной задачей была статистическая обработка отобранных нами из СинТагРуса предложений с целью получения необходимой информации и дальнейшей ее статистической обработки, которая в итоге позволила бы сделать релевантные выводы о закономерностях порядка слов в русском языке.

Прежде всего, было необходимо выяснить отношения между порядком слов, с одной стороны, и расстоянием между членами конструкции и направлением зависимостей, с другой. Как отмечает

Лю Хайтао, «расстояние между членами конструкции представляет собой линейное расстояние между главным словом и зависимым, т. е. разница между двумя словами, которые связаны отношением зависимости» [Лю, 2009: 252]. Если зависимое слово находится в препозиции по отношению к главному, то величина является положительной, а если в постпозиции — отрицательной. Такой признак препозиции или постпозиции в синтаксическом отношении (в дальнейшем именуемое как СинтО) называется направлением зависимости. По статистическим чертам СинтО двух направлений можно охарактеризовать черты порядка слов данного языка [Liu, 2010]. Например, в выбранном архиве данных из СинТагРусса количество СинтО с положительной величиной (т. е. зависимое слово находится в препозиции по отношению к главному) составляет 18 033, а с отрицательной величиной (т. е. зависимое слово находится в постпозиции по отношению к главному) составляет 32 629. В итоге 64.41 % зависимых слов находятся в постпозиции по отношению к главному. Это доказывает, что для русского языка характерна постпозитивность зависимого слова, что контрастирует с китайским языком. По статистическим данным «китайский язык, по сути, является языком с постпозитивностью главного слова... Только одна треть зависимых слов находится в постпозиции по отношению к главному слову» [Лю, 2009: 255].

С другой стороны, по нашим наблюдениям, синтаксические конструкции с именем существительным в русском языке проявляют также и черты постпозитивности.

Полученные нами статистические данные свидетельствуют, что в синтаксических конструкциях с участием имени существительного постпозиция преобладает над препозицией в случае, когда оно выступает как главное слово (т. е. $g=S$). Количество зависимых в постпозиции составляет 8901 и занимает 52.88 % от общего числа, соответственно число существительных в препозиции составляет 7930, что составляет 47.12 %. Такое расположение в основном совпадает с общей картиной расположения всех частей речи в СинТагРуссе. Кроме того, зависимое слово находится, главным образом, прямо после или перед главным словом в соседней позиции. Как показывают данные, количество конструкций, где расстояние зависимостей равняется 1, составляет 6172, т. е. 77.83 % от общего числа конструкций с положительной величиной; а число конструкций, где расстояние зависимостей равняется -1, составляет 4769, что равняется 53.58 % от общего числа конструкций с отрицательной величиной. Общая средняя величина расстояния зависимостей составляет 1.57, в том числе положительная средняя — 1.47, а отрицательная средняя — 2.08.

В случае, когда имя существительное служит зависимым словом (т. е. $w=S$), статистические данные четко показывают, что здесь

постпозиция зависимых существительных явно преобладает над препозицией таких существительных. Число зависимых в постпозиции равняется 15 557 (77.75% от общего числа), между тем как число зависимых в препозиции — 4451, что составляет только 22.25%. Иными словами, в данном случае подавляющее большинство зависимых слов находятся в постпозиции. При сравнении этих данных с предыдущим вариантом можно заметить, что там не проявляется такой явный количественный контраст между постпозитивными и препозитивными зависимыми. Кроме того, и расстояние зависимостей, главным образом расстояние положительной величины, отличается друг от друга. Как показывают данные, во втором случае число конструкций, где расстояние зависимостей равняется 1, составляет 2041, что составляет 45.86% от общего числа конструкций с положительной величиной. Другими словами, совершенно явно проявляется тенденция равномерного расположения, что противоположно расположению слов при $g=S$. Что касается постпозитивных зависимых, то здесь наблюдается сходное расположение в обоих случаях, при $g=S$ и при $w=S$. Общая средняя величина расстояния зависимостей при $w=S$ составляет 1.99, в том числе положительная средняя величина — 2.79, а отрицательная средняя величина — 1.77.

Из вышесказанного следует, что наблюдаются различия в направлении и расстоянии зависимостей в обоих случаях: и когда имя существительное служит главным словом, и когда оно служит зависимым. Эти различия проявляются в следующем:

1. В количественных показателях по направлению зависимостей. Хотя в обоих случаях отрицательные значения преобладают над положительными, они отличаются в количественном отношении. Так, когда существительное служит главным словом, число зависимых в постпозиции больше, чем их количество в препозиции, но данные различия несущественны. Причина такого положения видится в том, что такие конструкции включают немало субстантивных конструкций с прилагательным, где обычный порядок компонентов — препозиция прилагательного по отношению к существительному. В случае, когда существительное служит зависимым словом, также преобладает постпозиция зависимых слов, но наблюдается резкий подъем.

2. В средней величине расстояния зависимостей. Средняя величина расстояния зависимостей при $g=S$ оказывается меньше, чем при $w=S$. Это свидетельствует о том, что плотность между словами в синтаксических конструкциях с существительным как главным словом больше, чем в конструкциях с существительным как зависимым словом.

3. В распределении величины расстояния зависимостей. При $g=S$ расстояние положительного направления меньше того же расстояния отрицательного направления, что служит доказательством большей

тесноты связи между прилагательным (w) и существительным (g), чем плотность между существительным (g) и существительным (w). При w=S ситуация оказывается обратной: здесь расстояние положительного направления больше расстояния отрицательного направления, иными словами, плотность между глаголом (g, сказуемое) и существительным (w, дополнение) больше, чем плотность между существительным (w, подлежащее) и глаголом (g, сказуемое).

3. Статистический анализ имени существительного как главного слова

3.1. Дистрибуция СинтО при g=S

Выше были проанализированы особенности порядка слов в синтаксических конструкциях с именем существительным. Далее мы попытаемся выяснить признаки их синтаксических отношений, анализируя соответствующие статистические данные. В этой части анализ разворачивается на основе данных при g=S.

Статистика показывает, что имя существительное в роли главного слова образует с зависимым словом 47 СинтО. Более частотными являются определительное, квазиагентивное, 1-комплетивное, атрибутивное и сочинительное СинтО.

Первое место занимает определительное СинтО, всего 6815 (40.49% от общего числа СинтО). Это значит, что самой активной конструкцией является согласованное отношение, образованное именем существительным (в роли главного слова) и прилагательным (в роли зависимого). Например: *белые[w] волосы[g], действующий[w] источник[g], отодвинутый[w] стол[g]*.

За ним следует квазиагентивное СинтО, где зависимым словом служит также имя существительное, которое функционирует как несогласованное определение к главному слову. Такие СинтО насчитывают в общей сложности 2112, что составляет 12.55%. Например: *конструкция[g] комплекса[w], процесс[g] разработок[w], явление[g] Николая[w]*.

Почти такое же количество (2111) имеет 1-комплетивное СинтО, которое связывает предикативное слово с его вторым актантом, служащим прямым дополнением вершины и заполняющим валентность предикативного слова. Роль предикативного слова чаще всего выполняет отглагольное существительное, но также встречаются предлоги и инфинитивы. Например: *ведение[g] системы[w], страсть[g] к[w]..., задача[g] догнать[w]*.

В атрибутивном СинтО зависимое слово представляет собой несогласованное определение по отношению к главному слову — существительному. В качестве зависимого слова этого СинтО чаще всего выступает предложная группа (*дом [g] за [w], сотрудничество[g]*

между[w]), нередко встречается имя существительное в родительном падеже *специалисты [g] университета [w]; планировка [g] помещения [w]*; либо существительное в творительном падеже (*конструкция [g] протяженностью [w], изучение[g] посредством[w]*) и наречия некоторых типов (*ветчина [g] утюжком [w]; игра [g] вслепую[w]*).

Если во всех вышеуказанных СинтО зависимое слово выполняет функцию определения к главному слову, то в сочинительном СинтО в качестве зависимого слова часто выступает сочинительный союз, подчиняющий себе второй однородный член. Например: *биосфера[g] и[w], цифра[g] или[w], экономисты[g] ни[w]*.

Ниже наше внимание будет сосредоточено на более подробном анализе первых трех СинтО. Мы попытаемся представить статистику по каждому СинтО и на основе статистических данных выявить черты распределения частей речи в роли зависимого слова, особенности расстояния между главным и зависимым словом в разных синтаксических конструкциях и направления зависимостей, а также синтаксические функции этих конструкций.

3.2. Черты определительного СинтО

При определительном СинтО в подавляющем большинстве случаев функционирует именно согласованное определение в конструкциях $A[w] + S[g]$ и $V[w] + S[g]$. Во-первых, согласованное определение образуют прилагательное, местоименное и порядковое прилагательные. В целом было выявлено 6003 таких случаев, что составляет 88.09% всех зависимых слов. Во-вторых, зависимым словом служит причастие, которое тоже образует согласованное определение по отношению к главному слову — существительному. Их общее количество — 658, т.е. 9.66% от общего числа зависимых. Таким образом, 97.75% зависимых слов, управляемых существительным, выполняют функцию согласованного определения.

В конструкциях $A[w] + S[g]$ подавляющее большинство зависимых слов представлено препозитивными прилагательными. Их насчитывается 5910, т.е. 98.45% всех прилагательных в данных конструкциях, причем зависимые находятся главным образом в соседней позиции. Было выявлено 4915 конструкций, у которых расстояние между словами равняется 1, что составляет 83.16% всех препозитивных прилагательных. Например: *посторонние люди, научное предприятие, первые шаги*. Препозитивные прилагательные встречаются достаточно редко, прежде всего тогда, когда активизируется актуальное членение. В этих случаях имя существительное, как правило, имеет обобщенное значение. Например: *вещь дорогая, дело политическое*. Постпозиция бывает и в определительных конструкциях с местоименными существительными, как *ничего плохого, что-нибудь рискованное*.

В конструкциях V[w] + S[g] в роли зависимого слова выступает причастие, которое выполняет такую же функцию, как и прилагательное. Но под влиянием глагольного характера оно несколько отличается от прилагательного в направлении зависимостей, которое проявляет черты равномерного распределения по двум сторонам. Как показывают статистические данные, число препозитивных зависимых составляет 362 (55.02 % от общего числа конструкций данного типа). Расстояние в 1 встречается в 217 случаях. Например: *устаревшие законы, интересующие участки, описанная методика*. Расстояние с отрицательной величиной демонстрирует иную картину: расстояние в -1 встречается только три раза, а -2 — в 201 случаях.

3.3. Черты квазиагентивного СинтО

При квазиагентивном СинтО главным словом часто служит предикатное существительное, а зависимое слово реализует первую синтаксическую валентность этого слова, т. е. указывает на его субъект, поэтому в роли зависимого слова выступает именно существительное. В целом было выявлено всего 2048 таких конструкций (96.97 % всех зависимых), остальные зависимые — предлоги и прилагательные. Независимо от того, какая часть речи выполняет функцию зависимого слова, их подавляющее большинство находятся в постпозиции. Как показывают данные, 1903 зависимых существительных имеют отрицательную величину расстояния, что составляет 92.92 % от их общего числа. Предлоги и прилагательные в функции зависимых слов представлены незначительно, однако все они (100 %) имеют отрицательную величину. Это объясняется тем, что зависимые слова выполняют функцию несогласованного определения по отношению к главному слову — существительному. Например: *кабинет Семена, существование цивилизации, совместимость членов*. Данные слова редко находятся в препозиции, причем это происходит только в том случае, если данное местоименное существительное не рассматривается в корпусе как особая часть речи и примыкает к существительному. Например: *его жизнь, их работы, ее вид* и т. д. Еще раз подчеркнем, что предлог занимает незначительную часть в общем числе зависимых слов при квазиагентивном СинтО и находится только в постпозиции. Например: *взаимосвязь между, недоверие со стороны, часть из*.

3.4. Черты 1-комплетивного СинтО

1-комплетивное СинтО связывает предикатное слово (в нашем случае — S) с его вторым синтаксическим актантом, которым чаще всего служит также существительное. Если при квазиагентивном СинтО зависимое слово указывает на субъект главного слова, то при

1-комплетивном СинтО — на его объект. Например: *распределение ресурсов, возврат денег, описание внешности*. Кроме того, зависимое слово данного СинтО также заполняет и другие валентности управляющего им слова, например: *метод визуализации, работницы библиотек, цена войны*. Статистические данные показывают, что в данном типе СинтО зависимое существительное насчитывает 1534 случая, т. е. 72.67% всех зависимых слов. Второе место в роли зависимого слова принадлежит предлогу (435 случаев от общего числа, т. е. 20.61%). В итоге эти две конструкции (S[g]+S[w] и S[g]+PR[w]) составляют уже 93.28% всех зависимых. В обеих конструкциях большинство зависимых слов находятся в постпозиции по отношению к главному слову — существительному. В том числе зависимые слова с отрицательной величиной в конструкции S[g]+S[w] представлены в 1495 случаях, что составляет 97.46% всех зависимых в конструкции данного типа. Что касается конструкции S[g]+PR[w], то здесь число зависимых членов с отрицательной величиной равно 425 (97.70% всех зависимых этой конструкции). В данном случае зависимых с положительной величиной имеется только 10, а их препозитивная позиция объясняется их особой функцией в предложении. Например, стилистическую функцию выполняет конструкция *к (людям) любовь*, где препозитивный зависимый предлог подчеркивает свое зависимое существительное *люди*. Зависимые предлоги в конструкциях *за ... контроль, на ... средств* выполняют коммуникативную функцию по принципу актуального членения. В данном случае предложный оборот называет уже известное и представляет собой тему высказывания, поэтому он расположен в его начале. Центром высказывания, его ремой, является главное существительное, которое, как и следовало ожидать, выносится в конец предложения.

Анализ СинтО, образуемых именем существительным в роли главного слова, доказывает следующие его синтаксические признаки:

1) из всех частей речи имя существительное представляет собой такую часть речи, которая выполняет самые разные синтаксические функции;

2) самыми активными синтаксическими функциями конструкций с именем существительным в роли главного являются согласованное или несогласованное определение;

3) обычным порядком слов согласованного определения является препозиция зависимого слова, а несогласованного — постпозиция зависимого, что приводит в первом случае к положительной величине направления зависимостей, а во втором — к отрицательной;

4) необычный порядок слов — зависимых членов — часто выполняет коммуникативную или стилистическую функции.

4. Статистический анализ имени существительного как зависимого слова

4.1. Дистрибуция СинтО при w=S

Выше были проанализированы СинтО, которые существуют между существительным (как главным словом) и подчиняемым им зависимым словом, в результате чего были выявлены основные черты субстантивных конструкций. В этой части работы статистический анализ будет разворачиваться по отношению к СинтО между существительным как зависимым словом и его «хозяином», т. е. управляющим им словом, главным словом в конструкции, с целью определения синтаксических функций зависимого существительного в таких конструкциях. В корпусе СинТагРус отмечены 47 СинтО, образуемые зависимым-существительным. Более частотными являются предложное, предикативное, 1-комплетивное, квазиагентивное и аппозитивное СинтО.

На первом месте стоит предложное СинтО, количество которых составляет 5659 (28.29% от общего числа). Это означает, что при СинтО, образуемых существительным как зависимым и управляющим им словом, преобладает предложная группа. Например: *на[g] должности[w]*, *в[g] Москву[w]*, *через[g] неделю[w]*.

За ним следует предикативное СинтО, где существительное играет роль субъекта при главном существительном — предикативного слова, и часто заполняет первую или вторую валентность последнего. Например: *Сергей[w] рассказывает[g]*, *место[w] странное[g]*, *есть[g] указание[w]*. Число конструкций такого СинтО составляет 4397, т. е. 21.98% от общего числа.

Почти такую же долю занимает 1-комплетивное СинтО, насчитывающее 4166 единиц и составляющее 20.82%. Здесь зависимое существительное представляет собой прямое дополнение к главному слову, т. е. заполняет второй актанта предикативного слова. Например: *держат[g] человека[w]*, *покачать[g] головой[w]*, *держат[g] себя[w]*.

Четвертое место приходится на долю квазиагентивного СинтО, при котором зависимое существительное представляет собой несогласованное определение к управляющему им слову, число таких конструкций — 2048 (10.24%). В данных конструкциях главным словом служит предикативное существительное, а зависимое — существительное представляет собой субъект своего «хозяина» и осуществляет его первую валентность. 100% главных слов являются существительными. Например: *число[g] жителей[w]*, *большинство[g] сетей[w]*, *вспышка[g] пламени[w]*.

Еще одно СинтО, где в роли главного слова выступает также имя существительное — это аппозитивное СинтО. Такая конструкция на-

считывает 749 единиц и занимает 3.74% от общего числа всех выявленных конструкций. Например: *Михаил*[g] *Касьянов*[w], *философ*[g] *Платон*[w], *аэропорт*[g] *Кеннеди*[w].

Ниже мы подробно проанализируем первые три вида СинтО и попытаемся на основе статистического анализа данных раскрыть черты каждого из них: распределение частей речи в роли главного слова, особенности направления и расстояния зависимостей, а также синтаксические функции конструкций.

4.2. Черты предложного СинтО

Как показывают статистические данные, часть речи, подчиняющая имя существительное и образующая с последним предложное СинтО — это предлог, при этом средняя величина расстояния зависимости между главным словом — предлогом и зависимым-существительным составляет 1.47. В конструкциях СинтО данного типа число конструкций с отрицательной величиной по направлению зависимости составляет 5639 или 99.65% от общего числа конструкций данного типа. Это означает, что здесь преобладает постпозиция зависимого, т. е. существительного. Кроме того, большинство постпозитивных зависимых слов находятся в соседней позиции по отношению к предлогу, т. е. их расстояние зависимостей равняется -1. Такие конструкции составляют 3628 (64.34%) постпозитивных зависимых-существительных. Например: *на складе, согласно данным, за счет государства*. Кроме того, встречается немало конструкций с расстоянием зависимостей -2. Их общее количество составляет 1608 (28.52% от общего числа постпозитивных зависимых слов). Например: *в ... году, кроме ... единиц, в течение ... веков*.

Очень незначительную часть представляют препозитивные зависимые-существительные. Чаще всего это или крылатые выражения — предложные группы, такие как: *лет назад, ...недель спустя*, или конструкции с приблизительной семантикой, например: *минут через, метрах в*. Встречаются и отдельные случаи, где данные конструкции выполняют стилистическую функцию: *справедливости ради*. Средняя положительная величина по расстоянию зависимости составляет 1.16.

4.3. Черты предикативного СинтО

В предикативном СинтО в роли главного слова, от которого зависит существительное, выступают глагол, прилагательное и существительное, которые представлены 85.72%, 7.28% и 4.55% соответственно в общем числе главных слов данного СинтО. Это доказывает, что в таких синтаксических конструкциях предикатным словом служит главным образом глагол, а на прилагательное и существительное приходится незначительная доля случаев. Кроме того, в

этих случаях все зависимые-существительные представляют собой субъект предиката, что и определяет их обычное препозитивное расположение по отношению к предикату.

Как показывают данные, в конструкциях S[w]+V[g] 2797 зависимых слов-существительных препозитивны, т. е. на них приходится 74.21% всех зависимых слов. Из них 1329 находятся в соседней позиции, т. е. расстояние зависимостей равняется 1. Например: *посещение выглядело, директор показался, улица бурлила*. Такие случаи составляют 47.52% всех препозитивных существительных. Средняя положительная величина расстояния зависимостей составляет 2.86. Что касается постпозитивного существительного, то их количество равняется только 972 (25.79% от общего числа зависимых). Из них у 460 существительных расстояние -1 (47.33% всех постпозитивных существительных), например: *возникла опасность, прошла информация, ведутся эксперименты*. Средняя отрицательная величина расстояния зависимостей составляет 2.01.

В конструкциях S[w]+A[g] выявлено 262 препозитивных существительных (81.88% всех зависимых). Из них 114 существительных расположены непосредственно рядом со своим управляющим словом, у 57 существительных расстояние до управляющего ими слова составляет 2. В процентном соотношении эти существительные представлены 43.51% и 21.76% соответственно от всех препозитивных существительных. Средняя положительная величина по расстоянию зависимостей составляет 2.82. Что касается количества постпозитивных существительных, то их общее число составляет 58 единиц (18.12%). Из них в соседней позиции находится 29 существительных, что равно половине постпозитивных существительных, а еще 18 существительных — с расстоянием -2, что составляет 31.03%. Средняя отрицательная величина по расстоянию зависимостей составляет 2.24.

В конструкциях S[w]+S[g] большинство зависимых-существительных находятся в препозиции по отношению к своему управляющему слову. 182 существительных составляют 91% всех зависимых слов. По сравнению с предыдущими конструкциями предикативного СинТО здесь наблюдается более равномерное распределение расстояния зависимостей, свидетельством чего служит тот факт, что только 35 существительных находятся в соседней позиции по отношению к своему управляющему слову (19.23% из числа препозитивных существительных), существительных с расстоянием -2 — 64 (35.17%), с расстоянием 3 — 37 (20.33%). Средняя положительная величина по расстоянию зависимости составляет 3.34. Число постпозитивных существительных равняется 19 (лишь 9%). Здесь также наблюдается равномерное расположение конструкций с разными расстояниями зависимостей: с расстоянием -1 только 3 (15.79%), с расстоянием -2

значительно больше — 12 (63.16%). Средняя отрицательная величина по расстоянию составляет 2.28.

Статистический анализ показывает, что связь между главным словом и зависимым в конструкциях предикативного СинтО менее тесна. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том факте, что в таких конструкциях между словами могут быть вставлены более длинные конструкции, такие как деепричастные обороты, причастные обороты, разные подчиненные предложения и др.

4.4. Черты 1-комплетивного СинтО

1-комплетивное СинтО связывает предикатное слово (V, S, A или ADV) с его вторым актантом. В роли предикатного слова выступает, прежде всего, глагол, затем следует имя существительное. Каждый из них, соответственно, представлен 60.95% и 36.82% от общего числа главных слов. Незначительным количеством представлены прилагательные и наречия, которые составляют только 1.15% и 1.13% соответственно. Это свидетельствует о том, что зависимое-существительное часто служит прямым дополнением и присоединяется к своему «хозяину» — предикатному слову — по 1 комплетивному СинтО. Предикатным словом является прежде всего переходный глагол, за ним следует существительное, прилагательное и наречие. Именно поэтому обычным порядком зависимого-существительного является постпозитивный.

В конструкциях V[g]+S[w] преобладает постпозиция зависимого-существительного. Таких существительных было выявлено 1998, что составляет 78.69% от общего числа зависимых слов. Препозитивные существительные представлены только 541 случаями, т. е. 21.31% от общего числа. Независимо от типа конструкции — препозиции или постпозиции зависимого — наблюдается равномерное расположение существительного по расстоянию зависимостей. Средняя величина расстояния зависимостей составляет 2.12. Количество постпозитивных существительных, которые имеют величину 1 (49.30% от общего числа), равняется 985. Немало и конструкций с величиной -2 (584 случаев, т. е. 29.23%). Средняя отрицательная величина расстояния зависимостей составляет 1.97. Из всех препозитивных существительных имеется 213, которые находятся в соседней позиции по отношению к управляющему ими слову, и 140 существительных — с расстоянием 2. Они представлены соответственно 39.37% и 25.88% от всех препозитивных зависимых. Средняя положительная величина расстояния зависимостей составляет 2.68.

В конструкциях S[g]+S[w] наблюдается большой контраст между количеством зависимых постпозитивных и препозитивных существительных. Он объясняется тем, что подавляющее большинство представлено постпозитивными зависимыми, которые встречаются

в 1494 случаях, т.е. в 97.39% всех зависимых, а число препозитивных зависимых существительных только 40. Средняя величина расстояния зависимостей составляет 1.59. Однако положительная и отрицательная величины расходятся по своему позиционному распределению. В первом случае преобладает соседнее расположение между главным и зависимым словами: есть 34 конструкции, расстояние зависимостей которых равняется 1, что составляет 85% всех препозитивных зависимых. В целом такое распределение приводит к тому, что средняя величина расстояния зависимостей является очень небольшой — только 1.21. По сравнению с этим во втором случае наблюдается более равномерное распределение расстояния зависимостей, доказательством чего служит тот факт, что 894 конструкции с расстоянием 1 составляют 59.84% всех постпозитивных существительных, и 437 конструкций с расстоянием 2 составляют 29.25% от общего числа. Средняя отрицательная величина расстояния зависимостей составляет 1.60.

Статистический анализ СинтО, связывающих зависимое существительное со своим управляющим словом, позволил выявить следующие признаки соответствующих синтаксических конструкций:

1) имя существительное может быть зависимым от других частей речи и образует 47 СинтО, что свидетельствует о его наивысшей активности в образовании СинтО;

2) будучи зависимым словом, существительное участвует, главным образом, в образовании предложной группы, а также конструкций $S[w]+V[g]$, $V[g]+S[w]$, $S[g]+S[w]$;

3) зависимое-существительное может выполнять разные синтаксические функции, оно часто подчиняется предикатному слову и служит первым актантом (когда оно выступает как субъект предиката) или вторым актантом (когда оно выступает как объект предиката) этого слова, а также образует несогласованное определение для слова, управляющего им;

4) в СинтО, образуемых зависимым-существительным и его управляющим словом, зависимое главным образом находится в постпозиции по отношению к своему «хозяину», исключение составляет только предикативное СинтО, при котором преобладает препозиция существительного, служащего субъектом предикатного слова;

5) на уровне средней величины расстояния зависимостей самым большим расстоянием обладает предикативное СинтО, затем следует 1 комплетивное, квазиагентивное и предложное, что является свидетельством наименьшей плотности между подлежащим и сказуемым.

5. Заключение

Исследование показывает, что статистический метод помогает нам дать точное описание и анализ грамматических явлений. В случае русского языка Корпус СинТагРус, составленный по теории грамматики зависимостей, представляет собой надежный источник данных для количественного исследования. Именно на эту основу опирается анализ, проведенный в данной статье, объектом исследования которой является имя существительное в роли главного и зависимого слов. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. В обоих случаях (в роли главного слова и в роли зависимого слова) существительное обладает наивысшей активностью среди всех частей речи в образовании СинТО: оно образует всего 47 СинТО².

2. СинТО между словами в синтаксической конструкции, где существительное выступает в роли главного слова, проявляют черты большой разности в градиенте: первое, второе, третье и четвертое СинТО занимают в отдельности 40.49%, 12.55%, 12.54% и 6.93%. В случае, когда существительное выступает в роли зависимого слова, проявляются черты равномерности в дистрибуции разных СинТО: первое СинТО представлено только 28.29%, а второе, третье и четвертое СинТО представлены соответственно 21.98%, 20.82% и 10.24%.

3. На уровне направления зависимостей в обоих случаях преобладает отрицательная величина, т. е. в синтаксических конструкциях зависимое слово находится главным образом в постпозиции. При этом наблюдается разная пропорция: когда существительное подчиняет другие слова, доля постпозитивных зависимых составляет только 52.88%, т. е. чуть больше половины; когда существительное зависит от других слов, то эта доля достигает 77.75%, что значительно больше предыдущего.

4. На уровне порядка слов соседняя позиция составляет очень большую долю препозитивных зависимых (77.83%) в случаях, когда существительное выступает в роли главного слова, что доказывает доминирующее определительное отношение между существительным и зависящим от него словом.

5. Средняя величина расстояния зависимостей между словами в случае, когда существительное выступает в роли управляющего слова, меньше, чем то, которое наблюдается в случае, когда существительное является зависимым словом. Они составляют соответственно 1.57 и

² В случае, когда существительное выступает в роли главного слова, количество СинТО, образуемых остальными 8 частями речи, таково: V — 36, A — 30, ADV — 25, NUM — 16, PR — 16, CONJ — 14, PART — 6, INTJ — 1. В случае, когда существительное выступает в роли зависимого слова, количество СинТО, образуемых остальными частями речи, таково: PR — 35, A — 34, V — 32, ADV — 31, NUM — 25, CONJ — 19, PART — 9, INTJ — 4.

1.99. Этот факт свидетельствует о том, что в первом случае зависимое слово чаще всего выполняет определительную синтаксическую функцию, что приводит к большей плотности между словами, между тем как во втором случае зависимое существительное часто образует предикативную конструкцию, где оно служит вторым актантом предикатного слова, что и приводит к меньшей плотности между словами данной конструкции.

В заключение необходимо заметить, что в состав СинТагРуса входят тексты разных типов: и современная русская проза, и научно-популярные и общественно-политические статьи из журналов, и тексты новостных лент, которые проанализированы в данной статье не отдельно, а совместно. В силу этого результаты, полученные в нашем исследовании, носят общий характер. Однако в перспективе, как нам представляется, можно выбрать данные из Корпуса по разным типам и сделать отдельный анализ, чтобы дать более тонкое толкование синтаксических признаков имени существительного в текстах каждого из этих типов.

Список литературы

- Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Б.Л., Иомдин Л.Л., Санников А.В., Санников В.З., Сизов В.Г., Цинман Л.Л.* Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2006.
- Белов А.М.* Феномен квантитативной ритмики в современных фонологических теориях // Вопросы языкознания. 2010. № 1.
- Гао Сун.* Квантитативное исследование по синтаксическим функциям имени существительного в современном китайском языке на основе БДЗ // Обучение и исследование по китайскому языку. 2010. № 2.
- Кретов А.А., Меркулова И.А., Титов В.Т.* Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
- ЛЭС 2002 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002.
- Лю Хайтао.* Грамматика зависимостей: от теории к практике. Пекин, 2009.
- Подлесская В.И.* Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 1.
- РГ 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М., 1980.
- Liu Haitao.* Probability Distribution of Dependencies based on Chinese Dependency Treebank // Journal of Quantitative Linguistics. 2009. 16 (3).
- Liu Haitao.* Dependency direction as a means of word-order typology: a method based on dependency treebanks // Lingua. 2010. 120 (6).
- Liu Haitao, Yiyi Zhao and Wenwen Li.* Chinese syntactic and typological properties based on dependency syntactic treebanks // Poznań Studies in Contemporary Linguistics. 2009. 45(4).

Сокращения

БДЗ — банк деревьев зависимостей
СинтО — синтаксическое отношение
А — прилагательное
ADV — наречие
CONJ — союз
g — главное слово
INTJ — междометие
NUM — числительное
PART — частица
PR — предлог
S — существительное
V — глагол
w — зависимое слово

Сведения об авторах: Ван Юн (*Yong Wang*), докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, зам. директора Института иностранных языков Чжэцзянского университета (КНР). E-mail: wangyongzju@163.com; Лю Хайтао (*Haitao Liu*), докт. филол. наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра по моделям речевой деятельности Института иностранных языков Чжэцзянского университета (КНР). E-mail: htliu@163.com

К.М. Шилихина

**НЕУМЕСТНАЯ ИРОНИЯ И НЕУДАЧНАЯ ШУТКА:
МАРКЕРЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ
МЕЖДУ *BONA FIDE* И *NON-BONA FIDE*
МОДУСАМИ КОММУНИКАЦИИ**

В работе анализируется метапрагматическая рефлексия носителей русского языка в ситуациях переключения между серьезной (*bona fide*) и несерьезной (*non-bona fide*) коммуникацией. Конструкции *неуместная ирония / ваша ирония неуместна, неудачная/глупая шутка* и др. рассматриваются как метапрагматические маркеры, которые выражают негативную оценку речевых действий собеседника и маркируют отказ от перехода в *non-bona fide* модус коммуникации. В качестве иллюстративного материала в работе используются данные Национального корпуса русского языка, а также транскрипты радиointервью и фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, *bona fide* модус, *non-bona fide* модус, юмор, ирония, метапрагматический комментарий.

The paper discusses the issue of metapragmatic awareness of the speakers of Russian. The study focuses on the markers of switching between the *bona fide* and *non-bona fide* modes of communication. Collocations and phrases like ‘inappropriate irony’/ ‘your irony is inappropriate’, ‘silly/stupid joke’ function as signals of negative evaluation of the interlocutor’s utterance and mark the speaker’s refusal to support the *non-bona fide* dialogue. Russian National Corpus, transcripts of radio interviews and computer-mediated communication are used as data sources.

Key words: discourse, *bona fide* mode, *non-bona fide* mode, humour, irony, metapragmatic comment.

**Vona fide и non-bona fide модусы коммуникации:
правила интерпретации высказывания**

Классификация типов дискурса — одна из наиболее сложных задач, стоящих перед лингвистикой. В качестве классификационных оснований могут использоваться критерии внешние, внеязыковые (например, канал коммуникации, тип носителя информации, сфера человеческой деятельности, характер социальных отношений между участниками дискурса), или критерии внутренние (например, лексико-грамматическая организация текста или риторические отношения между элементами, составляющими высказывание / текст)

[Кибрик, 2009]. В данной статье предлагается еще один способ классификации типов дискурса: в его основание положен критерий, который можно назвать «режим интерпретации высказывания / текста». В соответствии с этим критерием выделяются два модуса коммуникации: *bona fide* (серьезное, правдивое, искреннее общение) и *non-bona fide* («несерьезное» общение, яркими примерами которого являются юмор и ирония).

Термин *модус* отличается неоднозначностью интерпретации. Так, А.А. Кибрик выделяет устный, письменный, жестовый и мысленный модусы дискурса на основе используемого канала коммуникации [Кибрик, 2009]. В данной работе мы придерживаемся другой трактовки: *модусом* называется такой режим коммуникации, который основан на определенных взаимоотношениях между участниками дискурса, высказыванием и положением дел в действительности. Взаимодействие между говорящим и адресатом может быть серьезным или игровым, замысел говорящего может совпадать с лингвистическим значением высказывания, а может и отличаться от него; наконец, само высказывание может соответствовать или не соответствовать положению дел в окружающем мире. Эти взаимоотношения между говорящим, адресатом, высказыванием и окружающим миром и определяют существование двух основных модусов дискурса — *bona fide* и *non-bona fide* [Шилихина, 2012].

По умолчанию большинство существующих моделей коммуникации ориентированы именно на *bona fide* модус; «несерьезное» использование языка либо не рассматривается совсем, либо описывается как отступление от основных принципов рационального, кооперативного общения (например, Г. Грайс характеризует иронию как пример умеренного нарушения максимы Качества [Grice, 1975]).

Идея разграничения *bona fide* и *non-bona fide* модусов коммуникации была высказана В. Раскиным в связи с анализом семантической структуры шуток [Raskin, 1985]. В основе предложенного противопоставления лежит единственный критерий — соотношение высказывания с реальностью: *bona fide* модус в качестве базового правила интерпретации высказывания предполагает соответствие пропозиции положению дел в действительности, в то время как *non-bona fide* дискурс такого соответствия не имеет. Соответственно, меняются и правила понимания сказанного: в ситуации *non-bona fide* дискурса адресат должен обнаружить расхождение между высказыванием и положением дел и найти некоторое рациональное объяснение этому расхождению. Правильное понимание может осложняться тем, что с точки зрения языкового оформления высказываний между двумя модусами может не быть очевидных различий, и тогда распознавание модуса становится еще одной коммуникативной задачей для адресата. В тех случаях, когда потенциально возможна двойственная

интерпретация сказанного, говорящий может облегчать решение этой задачи, эксплицируя собственную интенцию и тем самым направляя интерпретативную деятельность собеседника в нужное русло:

(1) Ну, люди-то многие смеются, а я **совершенно серьезно** так считаю и **говорю это искренне, без какой-то иронии**, без ужимок, без всякой ерунды. Я считаю, что Ксения Собчак — это не просто умная девушка, не вот там какая-то «Да, там какая-то дура набитая из Дом-2!» Нет. Ксения Собчак — это не просто умная девушка, а воспитанная, образованная и очень хорошо понимающая, что вокруг нее происходит, и вокруг нее в широком смысле¹.

Конструкции *совершенно серьезно* *считаю*, *говорю это искренне*, *говорю это без иронии* выполняют функцию метапрагматических маркеров. С их помощью говорящий сообщает собеседнику и аудитории необходимую для понимания «информацию об информации» [Van Leeuwen, 2004]. Говорящий употребляет целую серию маркеров *bona fide* модуса, решая тем самым сразу несколько коммуникативных задач: во-первых, он «увязывает» последующее высказывание с ситуацией, представляя ее как реально существующую (*я совершенно серьезно так считаю*); во-вторых, с помощью маркера *говорю это искренне* говорящий указывает на то, каким образом высказывание соответствует его (говорящего) внутреннему миру (*говорю это искренне*); наконец, в-третьих, он сообщает адресату, что сказанное следует интерпретировать по правилам *bona fide* дискурса (на это указывает маркер *говорю это без иронии*). Таким образом, пример 1 иллюстрирует различия между двумя модусами не только в плане отношения высказывания к положению дел в действительности, но и в том, как сказанное соотносится с внутренним миром говорящего.

Маркеры модуса коммуникации очень важны для организации взаимодействия участников дискурса, так как при переходе от *bona fide* к *non-bona fide* коммуникации меняются правила интерпретации. Поскольку сказанное не соответствует реальному положению дел, рациональное объяснение этого несоответствия возможно только в том случае, если адресат распознает расхождение между лингвистическим значением *non-bona fide* высказывания и тем, что Г. Грайс терминологически обозначил как «значение говорящего». Наличие маркера модуса коммуникации в значительной степени упрощает понимание интенции говорящего: метапрагматический комментарий становится своеобразной «инструкцией по применению» сказанного.

Арсенал средств, с помощью которых участники дискурса могут маркировать *bona fide* или *non-bona fide* модус, достаточно широк. Так, говорящий может регулировать процесс перехода из одного модуса

¹ Программа «Русский бомбардир» от 16.09.2011 г. URL: <http://echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/812070-echo/> (дата обращения 05.01.2012 г.).

в другой, не только «предупреждая» с помощью маркеров действия адресата, но и корректируя восприятие сказанного ранее:

(2) [Женя] *Вы знаете / Наденька / а я... представитель самой консервативной профессии.*

[Надя] *Да? Мы можем с вами посоревноваться.*

[Женя] **Нет / я серьёзно.** *У нас иметь собственное мнение особенно трудно. А вдруг оно ошибочно? А ошибки врачей дорого обходятся людям. (НКРЯ)*

В приведенном диалоге смена модуса коммуникации происходит дважды: Надя воспринимает слова Жени как иронию (ироническая трактовка становится возможной благодаря употребленному в превосходной степени сравнения прилагательному *консервативный*: известно, что лексика с яркой коннотацией легко «меняет знак» и это ее свойство повышает вероятность иронической интерпретации). Реплика Нади переключает диалог в *non-bona fide* модус (иронизируя, Надя подвергает сомнению соответствие пропозиции высказывания положению дел в действительности), поэтому реплика Жени выполняет функцию «ретроспективной» коррекции понимания сказанного и возвращает диалог в *bona fide* модус.

Примеры (1) и (2) иллюстрируют случаи, когда говорящий с помощью маркеров *я говорю серьезно / искренне / без иронии* комментирует собственные высказывания и тем самым регулирует интерпретативные действия собеседника, но модус общения не подвергается оценке и не становится предметом обсуждения. В примере (3) предметом обсуждения становится именно *non-bona fide* модус: один из участников дискурса негативно оценивает речевые действия собеседника и отказывается поддерживать иронический тон диалога:

(3) А. ПОЗНЯКОВ: *Фактически вы предлагаете волшебную модель: чтобы по 50 тысяч выплачивали зарплаты дворникам, — хотя непонятно, откуда эти деньги брать, и при этом тех мигрантов, которые есть, все-таки выгонять не надо.*

Правильно я понимаю?

К. ПОЛТОРАНИН: *Выгонять их бесполезно сейчас. Мы можем заставить всю милицию и армию этим заниматься, а успеха никакого не будет — уже пройдены все рубежи. А что касается зарплаты — напрасно иронизируете².*

С помощью маркера говорящий показывает, что слова собеседника были интерпретированы им по правилам *non-bona fide* модуса, (т. е. как несоотносимые с действительностью); очевидно, такое речевое поведение собеседника не соответствует изначальному замыслу говорящего. С помощью фразы *напрасно иронизируете* говорящий

² Программа «Народ против» от 02.11.2011 г. [URL: <http://echo.msk.ru/programs/orponent/826133-echo/>] (дата обращения: 25.01.2012 г.).

показывает, что считает обсуждение проблемы по правилам *non-bona fide* модуса неуместным.

Далее будут рассмотрены ситуации переключения между двумя модусами, когда с помощью маркеров говорящий негативно оценивает речевые действия собеседника и отказывает ему в праве на несерьезное, неискреннее, игровое (т. е. «ненастоящее») общение.

2. Неудачная шутка и неуместная ирония: *non-bona fide* модус как объект обсуждения

Использование языка опирается на наше знание о том, что считается «нормой», какие речевые действия относятся к «уместным», что можно или нельзя сказать в данной ситуации. Поэтому оценка речевых действий, как собственных, так и действий собеседника, является важным компонентом метакоммуникации: «Очень распространен случай, когда мы делаем предметом обсуждения свою собственную речь или часть ее (например, предшествующий абзац). Здесь происходит перенесение внимания говорящего от предмета речи на самую речь (рефлексия над собственной речью). И эта перемена в направлении речевой интонации обуславливается интересом слушателя» [Волошинов, 1930: 112].

Реагируя на смену модуса коммуникации, говорящий имеет возможность принять изменение правил и поддержать общение по правилам *non-bona fide* дискурса, либо, если по каким-то причинам смена модуса его не устраивает, эксплицитно выразить неудовольствие речевыми действиями собеседника и вернуть диалог в русло *bona fide* коммуникации. Примерами маркеров «неудачной» смены модуса коммуникации являются конструкции *ваша / твоя ирония неуместна, напрасно иронизируете / иронизируешь, неудачная / дурацкая шутка, неуместный юмор, это не смешно / нет ничего смешного*, а также иронический комментарий *смешно*, интерпретируемый путем «замены знака». Эти выражения показывают, во-первых, каким образом говорящий интерпретировал предшествующий фрагмент дискурса, а во-вторых, эксплицируют его негативное отношение к речевым действиям собеседника. Отрицательная оценка, в свою очередь, служит сигналом отказа от *non-bona fide* коммуникации.

Как правило, отказ от смены модуса коммуникации несет важную социальную информацию. Можно предложить три варианта объяснения, почему *non-bona fide* действия собеседника могут быть признаны неудачными.

2.1. Несогласие говорящего с высказанным ранее мнением

Появление маркера неудачного перехода из *bona fide* в *non-bona fide* модус может быть вызвано потребностью выразить несогласие с чьей-либо точкой зрения, высказанной ранее. Причиной несогласия

может быть существующее (по мнению говорящего) несоответствие между этой точкой зрения и реальным положением дел. Для обеспечения когерентности дискурса несоответствию должно быть найдено некоторое рациональное объяснение — и таким объяснением может быть несерьезность речевых действий того, кто высказал это мнение:

(4) *Обещания ремонтников — «диски прослужат сто лет» — не более чем **неудачная шутка**, — так прокомментировал суть дела директор лаборатории Александр Вахромеев. — Не берусь предсказать срок их жизни, но следующего серьезного испытания (приличной ямы) они уже не выдержат — изменилась структура металла. (НКРЯ)*

(5) *В свою очередь, Ральф Шумахер высказал самую жесткую позицию: «Поездка в США? Должно быть, это **неудачная шутка**. Не думаю, что там безопасно. Берни говорит, что мы должны там гоняться, но будет интересно, приедет ли он туда сам». (НКРЯ)*

Если говорящий классифицирует чьи-либо речевые действия как *неудачную шутку*, т. е. как слова, к которым нельзя относиться серьезно, он дистанцируется от высказанного мнения как не соответствующего действительности. Иными словами, *неудачная шутка* — это намеренная неточность в категоризации изначально серьезного речевого действия. Интерпретация чужого высказывания как шутки становится для говорящего возможным не благодаря юмористическому эффекту, а потому, что обещание или предложение не соответствует реальному положению дел.

О какого рода несоответствии между высказыванием и реальностью идет речь в данных случаях? Очевидно, дело здесь не в соблюдении логического условия истинности высказывания; скорее, речь идет о том, каким образом участники коммуникации воспринимают ситуацию сквозь призму имеющегося опыта.

2.2. Неуместность действий собеседника

Несоответствие высказывания действительности — не единственная причина оценки речевых действий собеседника как неудачной попытки *non-bona fide* коммуникации. В примере (6), оценивая просьбу собеседника как *дурацкую шутку*, говорящий не подвергает сомнению соответствие высказывания реальности, а указывает на неуместность речевых действий собеседника:

(6) — *Что случилось?*

— *Ровным счётом ничего. Запишите, пожалуйста, благодарность водителю Евгению Евстигнееву.*

— ***Что за дурацкие шутки?** Вы бы ещё в пять утра позвонили.*

— *Какие шутки? Меня прекрасно обслужили, вот и всё.*

(НКРЯ)

Аналогично функционирует фраза *здесь шутки неуместны* в примере (7): ситуация общения со следователем в принципе не предполагает перехода в *non-bona fide* модус, о чем сам следователь и предупреждает свою собеседницу, жену Н. Бухарина:

(7) *На вопрос, где работал муж, я ответила: «Редакция «Известий». — «Должность назовите, — сказал следователь, — в редакции «Известий» мог работать и курьер, и Бухарин». Я уточнила. «Здесь шутки неуместны, — заметил следователь, — я могу вам Бухарина в дело вписать, и лучше вам от этого не будет». Пришлось мне убеждать следователя, что я не шучу (НКРЯ).*

Очевидно, добровольное признание в родственных связях с Н. Бухариным с точки зрения следователя должно противоречить нормальному желанию человека доказать собственную невиновность, поэтому слова А. Лариной (Бухариной) он интерпретирует как попытку перевести диалог в *non-bona fide* модус.

2.3. Потребность в серьезном, искреннем общении

В качестве возможной причины отказа от *non-bona fide* модуса можно также называть психологическую потребность говорящего в искренней коммуникации. Примеры 8 и 9 — фрагменты диалогов, в которых основным объектом обсуждения становится именно модус коммуникации. В обоих случаях говорящий противопоставляет собственные речевые действия действиям собеседника именно по признаку серьезности-несерьезности:

(8) — *Ага, до сих пор не можешь забыть, как тебя сунули в сугроб! — засмеялась она.*

— *Я серьезно, а ты все хиханьки да хаханьки! — возмутился он, вставая. (НКРЯ)*

(9) — *Janet —*

Приглянулось мне это маслице из ТМ! Прочитала, что оно и для лица, и для тела, и для волос. Кто использовал его, как оно Вам? И как использовали: вместо тоника, сыворотки или крема? Для волос его вообще реально использовать?

rbebe

а еще на ем можно картоху жарить....

— *Janet —*

*Дина, я серьезно спрашиваю... а ты со своей картохой!*³

В приведенных выше диалогах маркеры имплицитно указывают не только отказ от *non-bona fide* коммуникации, но и упрек собеседнику, для которого обсуждаемая проблема не представляется значимой.

³ Интернет-форум магазина Ile de Beauté [URL: <http://www.etoaya.ru/forum/care/113933/>]

3. Заключение

Метапрагматические комментарии — это рефлексия носителей языка по поводу качества коммуникации, показатель того, как регулируется дискурс и упорядочиваются процессы взаимодействия его участников. В частности, комментирование собственных речевых действий или речевых действий собеседника помогает соотносить сказанное с реальным миром и устанавливать правила интерпретации в рамках *bona fide* или *non-bona fide* модуса коммуникации.

Если маркирование собственных речевых действий как *bona fide* или *non-bona fide* — это, по сути, определение правил, по которым адресат должен интерпретировать сказанное, то комментирование речевых действий собеседника с помощью фраз *неудачная / глупая / неуместная шутка, ваша ирония неуместна* и др. — это реакция говорящего на обнаруженную смену модуса. Как правило, «встречные» метапрагматические комментарии не только эксплицируют результат интерпретативной деятельности, но и являются сигналом «переговорного процесса», необходимого для уточнения правил понимания сказанного или для возврата процесса коммуникации в *bona fide* модус.

Список литературы

- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1930.
- Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2.
- Шилихина К.М.* Два модуса коммуникации: проблема границ интерпретации // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 10. Воронеж, 2012.
- Coupland N., Jaworski A.* Sociolinguistic Perspectives on Metalanguage // Metalanguage. Social and Ideological Perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics: Vol. 3. Speech Acts. N.Y., 1975.
- Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, 1985.
- Van Leeuwen T.* Metalanguage in Social Life // Metalanguage. Social and Ideological Perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.

Сведения об авторе: *Шилихина Ксения Михайловна*, канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета. E-mail: shilikhina@gmail.com

Е.Н. Никитина

**О ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ПРИ
«МОДАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ» ГЛАГОЛАХ
(на примере глагола *бояться*)¹**

Новые явления языка вначале являются как
пятна на старых.

А.А. Потебня

Проблема выбора винительного (Вин.) — родительного (Род.) падежей при модально-эмоциональных глаголах связывается в статье с межкатегориальным взаимодействием, в котором участвуют лексическая семантика глагола и имени, категории личности / неличности, количества (в случае вещественных имен). Показано, что расширение категориальной семантики существительных (за счет неличных имен), употребляющихся в форме Вин., может быть связано с повышением индивидуального статуса имени в рамках особых авторских тактик.

Ключевые слова: номинативные / пропозитивные имена, личные/ неличные имена, ирреальная модальность, перспективность, конкретно-референтные имена.

In the article the choice of the Acc./Gen. case of nouns in the context of so-called “modal-emotional” verbs (namely, *бояться*) is associated with some interaction of language categories: lexical semantics, category of personality and category of quantity (in the case of names of substances). It is said in the article that non-standard use of common nouns in the Acc. in the context of *бояться* results in their increased individual status, which correlates with the author's specialized textual tactics.

Key words: nominative/ predicate nouns, unreal modality, prospective meaning, specific/ non-specific nouns.

«Модально-эмоциональными» в данной работе названы, вслед за Г.А. Золотовой, лексически ограниченные группы глаголов «достигательных» (*добиваться, искать, ждать* и др.) и «отложительных» (*бояться, остерегаться* и др.). Г.А. Золотова показала возможность толкования глаголов обеих этих групп, называющих модально-эмоциональное отношение к действию, состоянию, присутствию, выраженному существительным в Род. п. в приглагольной позиции, посредством конструкции с глаголом *хотеть* (с отрицанием или без) и придаточным. Это особенно очевидно в случае существительного пропозитивной семантики: «избежать чествования — *не хотеть, чтобы* чествовали», «требовать благодарности — *хотеть, чтобы* благодарили» [Золотова, 1988: 34]. В случае предметной семантики существитель-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

ного в Род. речь идет об эллиптированной пропозиции (с бытийной семантикой): *бояться собаки* — «не хотеть присутствия собаки, не хотеть находиться в присутствии собаки». В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотова показала такие семантические стороны конструкции «модально-эмоциональный глагол + Род.», как наличие ирреальной модальности и пропозиитивность именной синтаксемы Род. п.

Мысль о том, что сочетание глагола обсуждаемой семантики с существительным в Род. п. имеет полипропозиитивный характер, высказывалась в грамматической науке XIX в. Так, А.А. Потебня, излагая точку зрения А.Х. Востокова (см. [Востоков, 1838]) и не соглашаясь с ней, пишет: «<...> ошибочно замечание, что движение мысленное есть сократительный образ выражения вместо предложения придаточного» с союзом *что, чтобы: желать счастья* = *чтоб* *пришло счастье* [Потебня, 1958: 321]. Аналогичная идея о сходстве между генитивом и сослагательным наклонением, о предикатной семантике генитива высказана в [Объектный генитив, 2008: 148–156] со ссылкой на работу [Kagan, 2005]. В трудах 1970–1990 гг., выполненных в рамках вербоцентрической и прикладной лингвистики, при семантическом анализе глаголов данной семантической группы (а именно *бояться, что...*) также обращалось внимание на такие семантические компоненты, как «высокая вероятность события, выраженного придаточным» [Иорданская, 1970; Анна А. Зализняк, 1992], «нежелательность события» [Wierzbicka, 1972], эмоциональность (Анна А. Зализняк). В книге [Анна А. Зализняк, 1992] используется название «предикаты внутреннего состояния», которое применяется к таким глаголам, как *бояться* и *ждать*. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОССРЯ) при толковании глагола *бояться* используется лексика эмоции: «испытывать неприятное чувство (курсив мой. — Е. Н.), какое бывает, когда имеет или может иметь место ситуация, воспринимаемая как опасная, и когда человек *хочет* (курсив мой. — Е. Н.) избежать опасности» [НОССРЯ, 2004: 60].

Термин Г.А. Золотовой «модально-эмоциональные глаголы» в «Синтаксическом словаре» явился интерпретационным, объяснительным по отношению к глагольной семантике; здесь он используется, так как позволяет под одним названием объединить глаголы, традиционно разводимые по разным рубрикам, и исследовать общие закономерности, касающиеся и семантики глагола, и поведения существительных — мены Род. / Вин.: *бояться собаки* — *бояться собаку, ждать поезда* — *ждать поездов*. Ср. также термин «интенциональные глаголы» из [Объектный генитив, 2008], который используется для глаголов с семантикой желания (*требовать, просить, ждать* и т. п.) и в «сферу действия» которого, по-видимому, не попадают глаголы «отложительные», с семантикой отчуждения (*избегать, чуждаться*).

Семантику современного Род. в русском языке (и славянских) принято возводить к двум старым индоевропейским падежам — аблативу (отложительному падежу) и генитиву, первый из которых означает отделение («исходная точка» по А. Мейе), а второй — принадлежность и часть [Мейе, 2002; Потеня, 1958]. Род. в предложно-падежных сочетаниях с пространственным значением и Род. беспредложный при модально-эмоциональных глаголах восходит к старому отложительному падежу — см. [Мейе, 2002: 373–375]). В русском языке интересно то, что все значения, к которым могут быть сведены «модально-эмоциональные глаголы» («аблативные») и близкие к ним, требующие Род. беспредложного, категоризованы свободными или конструктивно-обусловленными предложными именными синтаксемами Род.п.: удаление (*избегать*) — от кого, чего?; приближение пространственное (*касаться, достичь*), стремление эмоциональное (*достичь*) — до кого, чего?; желание, цель, проспективность (*просить*) — для чего? Семантика причинности, обнаруживаемая Г.А. Золотовой в синтаксемах Род. при «модально-эмоциональных глаголах», также может передаваться предложными синтаксемами Род.: из-за чего? от чего? Ср. также у В.В. Виноградова о смысловой связи пространственной и причинно-целевой семантики, выражаемой Род. с предлогом [Виноградов 1947, пар. 37]. Таким образом, мы наблюдаем своего рода «согласование» глагольной категориальной семантики (реализованной в лексической семантике каждого из глаголов) и грамматической семантики Род., своеобразную взаимную настройку глагольной лексики и именной грамматики.

Не случайно, видимо, Г.А. Золотова квалифицировала беспредложную синтаксему Род. в приглагольной позиции как обусловленную (*бояться собаки*), а не связанную (*глядеть, кормить собаку*)². По Г.А. Золотовой, свойство связанности проявляется у формы падежа имени в том, что эта форма предопределена подчиняющим глаголом и семантически оно производно от глагола, т. е. содержательно имена восполняют релятивную (недостаточную) семантику глагола, их форма (падеж) продиктована «моделью управления» глагола. В отличие от связанных, обусловленные синтаксемы формально и семантически независимы от глагола, в позиции при котором они могут находиться. Это можно объяснить на примере каузирующей именной синтаксемы при эмоциональных глаголах (*бояться собаки, любить собаку*): семантика глагола не обнаруживает и не ограничивает семантику имени (семантически имя свободно от глагола);

² Традиционно имя в косвенном падеже (Род./ Вин.) при модально-эмоциональных глаголах рассматривается как объект, см., в частности, АГ-80: Род. предполагает предмет «как объект желания, поиска, достижения, или удаления, отстранения». Объектное понимание характерно и для работ, написанных в рамках лексеоцентрической лингвистики [НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

форма падежа «пристраивается» к глаголу, значение синтаксемы (каузативное) приобретает в контексте конструкции. Вообще связанные синтаксемы, по Золотовой, более и легче всего поддаются интерпретации в рамках вербоцентрической грамматики (в отличие от других типов синтаксем — свободных и обусловленных, которые реализуют свое значение сами по себе или в рамках конструкций). Понимание современными лингвистами ограниченной объяснительной силы вербоцентризма можно проиллюстрировать двумя подходами к вербоцентризму в 2010-х годах: взаимодополнительные отношения между вербоцентризмом и грамматикой конструкций (В.С. Храковский, доклад в ИРЯ РАН, ноябрь 2012), грамматика конструкций как новая научная парадигма, сменившая вербоцентрическую грамматику (Е.В. Рахилина в [Лингвистика конструкций, 2010]).

Описанное выше семантическое согласование между «модально-эмоциональным» глаголом и именем в Род. в присловной позиции может разрушаться. Это происходит за счет вытеснения родительного падежа винительным, т. е. изменение падежа на Вин. влечет за собой изменение семантических отношений между глаголом и приглагольным именем. Ниже будет показано, что это изменение может проявляться в лексической семантике глагола, в индивидуальном статусе имени в Вин. п.

Ранее всего явление мена падежей Род./ Вин. было отмечено представителями тех направлений науки о языке, которые занимались стилистикой и культурой речи. Еще В.И. Чернышев писал о Вин. при глаголе *ждать* как о худшем по сравнению с Род., но нередко встречающемся. В дальнейшем проблема «неправильного» Вин. в связи с вопросами синтаксической нормы обсуждалась в [Ицкович, 1982]. В 1970–2000-е годы выбор Вин/Род. при модально-эмоциональных глаголах квалифицируется с точки зрения собственно грамматической. [АГ-80] признает, что мена Род./ Вин. занимает центральное место в варьировании беспредложных падежей, отмечая разговорный или устаревший характер формы падежа в некоторых контекстах (*спрашивать совет, слушаться бабушки*). Авторы отмечают и зависимость формы падежа от вида глагола (*заслуживать награду/ награды — заслужить награду*), от семантики существительного — личного, предметного неодушевленного или отвлеченного (*хотеть пряник/ пряника, ждать поезд/ поезда — ждать бабушку, жаждавать славы*). Самой распространенной точкой зрения стала та, что определенные, конкретные объекты предпочитают Вин., а неопределенные, абстрактные — Род. [Timberlake, 1975; Барентсен, 1980; Ицкович, 1982; НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

Данная работа посвящена интерпретации грамматики и лексики в сочетаниях глагола *бояться* и имени в Вин. на месте Род. Материалом для исследования в основном послужили примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], относящиеся к XX — началу XXI в.

Личные существительные (собственные имена и термины родства)

В [Золотова, 1988] отмечается корреляция между синтаксемами Род. и Вин. беспредложными, что связывается с категориальной семантикой имени: речь идет о личных именах при некоторых из «модально-эмоциональных» глаголов: *ждать сестры* — *ждать сестру*. Однако в современном языке это уже, скорее, не корреляция, а почти полное вытеснение формы Род. при глаголах *ждать*, *бояться*, *дождаться*, *слушаться* и др., которое не ощущается как ненормативное или разговорное.

Наступление Вин. личных имен настолько активно, что затронуло даже название известного литературного произведения — «Кто боится *Вирджинию* Вульф?» вместо «Кто боится *Вирджинии* Вульф?»: 133 000 откликов против 803 000 откликов на запрос в поисковой системе Google. В [НКРЯ] встречаются такие примеры, в которых личные существительные представлены собственными именами и терминами родства: *бояться Полю, папу, Катю, тещу, жену, Бабу Ягу, хозяйку, Фурицеву, тетку Харыту, Элю* и др. Зависимость падежа от категориальной семантики имени (личные — Вин. / неличные имена — Род.) ведет к тому, что именная синтаксема Вин. на месте «Род. пропозитивного» теряет пропозитивность и, как следствие, способность к толкованию и/или синонимической замене на пропозициональное имя или клаузу. Ср.: *бояться дедушки* — «не хотеть присутствия дедушки, избегать каких-то проявлений в его характере и поведении» (как *бояться грозы* — «не хотеть, чтобы была гроза»); *бояться дедушку* — ? (как «не любить дедушку»). Ср. также: *бояться дедушку*³ — *любить дедушку* — *ненавидеть дедушку*. Синтаксема Вин. в позиции при глаголах эмоционального отношения типа *любить*, *ненавидеть* имеет, по Г.А. Золотовой, объектно-каузативную семантику и тот же статус, что и Род. при глаголе *бояться*: это конструктивно-обусловленная синтаксема (лексическое значение имени независимо от лексической семантики глагола, глагол не предопределяет форму падежа имени). Выбор Вин. при *бояться* указывает на то, что происходят изменения в лексической семантике глагола *бояться*: он стремится встроиться в группу глаголов **эмоционального отношения** с приглагольным Вин. — *любить*, *ненавидеть*, *жалеть* и т. п. с общим семантическим компонентом «испытывать эмоцию, выражать отношение», покидая **модально-эмоциональную группу избегать**, *чуждаться* и т. п., которая объединяется семантическим компонентом «не хотеть, чтобы...». О сдвигах в лексической семантике глагола

³ Тенденция к выбору Вин. личных имен действительна и для других глаголов эмотивной семантики, она отмечается в художественных произведениях 1950-х гг.: *Вера почему-то Тараньку не стеснялась*; *Глебов Миньку Бычка тоже побаивался* (Трифонов «Дом на набережной»).

свидетельствует падеж прилагольного имени. Интересно, что ранее для трактовки предикатной семантики глагола *бояться*, связанной с семантикой актуального/узуального времени, привлекалась категория именного числа. Так, В.Ю. Апресян обращает внимание на то, что мн. ч. предопределяет предикат свойства (другими словами, узуальное время): *я боюсь мышей*, а ед. ч. — предикат состояния (или актуальное время): *я боюсь этой мыши*⁴ [НОССРЯ, 2004: 63].

Неудивительно, что в первую очередь «нормализуются» в Вин. и теряют способность к пропозитивному осмыслению именно собственные имена, в силу своей номинативной (непредикативной) сущности (сближающей их с местоимениями). При этом следует оговорить тот факт, что для мены Род./Вин. собственных имен (*боялся Саши* — *боялся Сашу*) не работает традиционное объяснение, касающееся референциальных характеристик имени: *ждать поезда* (интенциональное значение глагола, нереферентное имя), *ждать поезд* (экстенциональное значение глагола, референтное имя) — примеры и интерпретация из [Объектный генитив, 2008]. Ср. собственные имена в логике как имена, располагающие экстенционалом (множество всех объектов, называемых данным именем) и не обладающие интенционалом (общее свойство всех называемых объектов) [Плунгян, 2000: 241].

Что касается терминов родства, они практически всегда имеют конкретную референцию в силу своей реляционной семантики, номинативны и потому легко употребляются в Вин.: *бояться жену*. Однако рассмотрим классический пример: «Отчего я так дорожу ею (свободой. — *Е. Н.*)? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она мне предсказала *смерть от злой жены*» (Лермонтов «Герой нашего времени»). В данном случае, строя фразу «Печорин боялся злой жены/злую жену», мы бы определенно выбрали вариант с Род., но никак не с Вин., который представляется неосмысляемым, некорректным. В данной фразе в соединении с прилагательным (*злой*) Род. *жены* имеет своеобразные семантические характеристики: с одной стороны, имя указывает на единичность, уникальность референта (жена могла быть только одна). С другой — в соединении с прилагательным оно имеет предикатный статус («Печорин боялся жениться на женщине, которая станет злой женой, т. е. погубит его»); контекст связан с ирреальной модальностью (жены не существует) и проспективностью (опасения касаются будущего), пропозициональностью (= герой боялся каких-то проявлений «злой жены»): боялся погибнуть от злой

⁴ На наш взгляд, *бояться* является предикатом гномического времени (как и *любить*, *ненавидеть*). См. об этом подробнее ниже.

жены). Реальную модальность и номинативный статус термину родства в соединении с прилагательным возвращает притяжательное местоимение (падеж тогда связан лишь с более новой/более старой нормой): *Печорин боялся свою злую жену/своей злой жены.*

В следующих примерах из НКРЯ собственные имена стоят в Род. Это имена мифологических существ, которые метонимически означают ситуации, т.е. имеют пропозитивное осмысление (компенсаторное взаимодействие семантики падежа и семантики собственных имен, которые не имеют словарного пропозиционального значения):

Из кого тут выбрать! Блатнячек он не выносит. Человек он чистоплотный, боится Венеры [Е.С. Гинзбург. «Крутой маршрут», часть 2, 1975–1977]. = боится болезни, заражения;

... перед тем как «умереть», водная стихия бунтует: тут опять является ворожея Кумоха. Несколько раз в году вода проявляет свои языческие свойства, или русский человек несколько раз в году празднует свое неизбывное язычество; в марте и сентябре он боится Кумохи [Андрей Балдин. «Московские праздные дни», 1997] = боится бед, которые наводит Кумоха.

Неличные (одушевленные и неодушевленные) существительные

Показательно, что в НКРЯ не встретились примеры с Вин. от абстрактных имен при глаголе *бояться*, однако отмечено несколько примеров с Вин. от одушевленных (названий животных) и от неодушевленных имен. Эти примеры в большей или меньшей мере отстоят от нормы, а с точки зрения типа взаимодействия представляют собой рассогласовательную (компенсаторную) технику (взаимодействие между категориальной семантикой имени и падежа в приглагольной позиции).

Пожалуй, первый по времени из примеров в НКРЯ с конструкцией «*бояться* + название животного в Вин.», — это фрагмент из воспоминаний Марины Цветаевой о том, как дети подшутили над Андреем Белым, подложив ему резиновые игрушки, в том числе свинью, наполненную водой:

«Утром к столу Белый с видом настоящего Победоносца. У детей лица вытягиваются. И Белый, радостно:

— Нашел! Нашел! Обнаружил, ложась, и выбросил — полными. Я на них не лег, я только чего-то толстого и холодного... коснулся... Какого-то... живота. (Шепотом:) Это был живот свиньи. <...>

Белый<...>, со страхом и угрозой:

Я... не люблю свинью... Я — боюсь свинью!..

Этим ю как перстом или даже копьём упираясь в свиной рыльный пятак» (Пленный дух, 1934).

Выбор Вин. частично обусловлен параллелизмом конструкций *не люблю* — *боюсь*. В этом примере замечательна авторская рефлексия

по поводу грамматики выражения, выстроенная в терминах фонетики и графики: пятикратный повтор *ю*, четыре из которых ударные (в их число входит и флексия Вин. ед. 1-го скл. — *свинью*), уподоблен действию колющего копья или перста. Тем самым герой уподобляется Георгию-Победоносцу, а игрушечная свинья — его сопернику, т. е. Вин. обыгрывается и мотивируется на уровне экзистенциальном, жизненной эксцентрики героя мемуаров.

В двух следующих примерах, как и в предыдущем, факторы, способствующие выбору Вин., это конкретно-референтность имени, в примере [Щербакова, 2002] — это и контекст, в котором рассматриваемый глагол включен в ряд с глаголом эмоционального отношения *любить*.

— *В пятьдесят шестом... Первое осознание себя самой. Люблю собаку, козу Катьку, боюсь кошку. У нее один глаз, но она все им видит. Бесплезно подкрадываться со слепой стороны. Получишь!* [Галина Щербакова. «Новый Мир», 2002].

Страшно? Такой страх ежедневно испытывают множество московских ребятишек, выходя гулять во двор или на улицу. ... — Я боюсь собаку из соседнего дома, — говорит восьмилетняя Таня, живущая на улице Приорова. — Все дети у нас от нее прячутся [Надежда Тавובה. «Вечерняя Москва», 2002.12.09].

Следующий пример из НКРЯ содержит черты аномальности не только в форме Вин. одушевленного при глаголе *бояться*, но и в синтаксическом времени предиката *боялся*:

Я сиделся в темноте на сундук и боялся щуку. Щука была нарисована в книжке «Русские народные сказки». Ее держал над прорубью русопятый Емеля, и была она жирная и зеленая, как гусеница. Глаз ее неприятно сверкал. [Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза, 2000–2001]

Дело в том, что глагол *бояться* является предикатом неактуального (гномического) времени⁵, как и, например, глаголы *любить*, *ненавидеть* — подробно о пространственно-временной локализованности см. [Бульгина, Шмелев, 1997]. Такие предикаты несовместимы с конкретно-временной локализацией, с конкретной пространственной позицией субъекта состояния, ср.: *вставал и брился=брился стоя, ложился и читал=читал лежа, *садился и ненавидел=*ненавидел сидя, *садился и боялся=*боялся сидя*. Глаголы положения в пространстве имеют в этих примерах перфектную семантику («след») от действия сохраняется после совершения действия, названное глаголом положение в пространстве сохраняется при исполнении действия, названного следующим после

⁵ Традиционно имя в косвенном падеже (Род./ Вин.) при модально-эмоциональных глаголах рассматривается как объект, см., в частности, АГ-80: Род. предполагает предмет «как объект желания, поиска, достижения, или удаления, отстранения». Объектное понимание характерно и для работ, написанных в рамках лексеоцентрической лингвистики [НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

него глаголом, т. е. одновременно ему). Другая причина несовместимости глаголов эмоции с глаголами положения в пространстве — эмоции протекают во внутреннем, психическом пространстве человека, которое не «пересекается» с конкретикой внешнего пространства⁶.

Выбор Вин. обоснованно повышает экзистенциальный, индивидуальный статус существительного — названия животного: *собака, кошка* и особенно *щука*. В этом и состоит роль компенсаторного взаимодействия падежа и лексической семантики имени. В самом деле, животные приравниваются к страшному человеку. В связи с этим любопытна еще одна общая черта всех этих примеров из НКРЯ — они либо передают речь реального ребенка либо являются средством моделирования наивного сознания ребенка в мемуарах, которое не разграничивает разные индивидуальные статусы — личность/неличность в рамках категории одушевленности. Об аналогичном явлении применительно к категоризации личного/неличного субъекта в рамках предиката односоставного предложения в детской литературе см. [Никитина (в печати)]. В примере из автобиографической прозы А. Макаревича «неправильный» гномический предикат *бояться* в условиях конкретного пространства-времени вместе с «неправильным» Вин. образуют систему грамматических средств, реализующих детское сознание.

В следующем примере при глаголе *бояться* употреблено неодушевленное имя в Вин.:

Входящие, исходящие... Бумага не может повиснуть в воздухе. Она ляжет на чей-то стол и не может лежать без конца. У нас иногда даже бояться бумагу. Особенно если она подписана несколькими видными именами. Сделайте так. Напишите бумагу и подпишите известными режиссерами — Ромма не надо [Самуил Алешин. «Встречи на грешной земле», 2001].

Выбор Вин. можно объяснить несколькими причинами: (1) Род. от существительного *бумага* с первым (свободным) словарным значением «вещество» может осмысляться в партитивном значении, ср.: *бояться бумаги* — *оторвать бумаги*, Вин. же оживляет предметное значение документа; (2) Вин. повышает индивидуальный ранг документа. В данном примере интересна взаимная мена экзистенциальных статусов лица и предмета: если Вин. поднимает документ до статуса живого, действующего

⁶ См. также фрагмент из стихотворения Б. Окуджавы:

*Во дворе, где каждый вечер все играла радиоло,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Ленку Королева
и присвоили ему званье короля.*

В этой строфе представлен модусно-временной конфликт — перцептивный модус (конкретика пространственная) соединяется с семантикой модуса ментального. Локатив как внешнее пространство, не обладающее длительной временной перспективой, не осмысляется на фоне предиката отношения. Этот конфликт, который мы ощущаем как стилистический, имеет грамматическую подоплеку.

лица, то лицо, попав в позицию Тв. при переходном глаголе, приобретает черты инструментальные неличные, исполнительские, предметные: *подпишите бумагу известными режиссерами*. Ср. с примерами из диалектной речи: *колодец копали жонками, сарай строили шабаинниками, раньше детей крестили попом* — примеры из [Пожарицкая, 2004].

Итак, Вин. п. названий животных и вещественных имен может повышать их индивидуальный статус (вещи и животные как люди). Этот грамматический механизм взаимодействия лексической семантики имени и падежа напоминает то, что было описано Б.Л. Уорфом (1934) как «скрытая категория», или криптотип, см. перевод на русский язык [Уорф, 1972]. В этой работе на примере категории рода в английском языке была показана техника обнаружения неморфологизованных категорий: род получает формальное выражение, «только когда есть возможность соотнести данное существительное с личным местоимением ед. ч. (в случае среднего рода оно может также определяться по вопросительным и относительным местоимениям *what, which*)» [Уорф, 1972: 47–48]. При этом интересно, что семантика не-среднего рода по отношению к неодушевленным инстанциям открывается в особых случаях: например, в том случае, если инстанция выступает как субъект речи («штат сообщает»), если инстанция обладает собственной динамикой (корабли), если о животном (собака, рыбка) сообщается его хозяином, и т. п. Учитывая результаты нашего исследования, можно прийти к выводу, что в случаях, описанных Б.Л. Уорфом, важна экспликация не грамматического значения собственно категории рода, а повышение экзистенциального статуса данной инстанции: род становится проявителем семантической категории личности (т. е. особого значения, выделяемого в рамках категории одушевленности). В частности, для одушевленных неличных инстанций (животных) род является средством приближения к субъекту речи, к Я говорящего. В любом случае речь идет о повышении *индивидуности*.

Подводя итоги исследования, можно сказать следующее:

(1) Вин. от личных имен при глаголе *бояться* получает в современном языке статус стандартного, нормативного употребления, теряя пропозициональность и модифицируя семантику глагола.

(2) Расширение сферы употребления Вин. за счет неличных имен (одушевленных неличных либо предметных неодушевленных) при *бояться* не обладает чертами стандартности, связано с определенными нарушениями нормы и используется в индивидуальных авторских тактиках как средство повышения индивидуального ранга неличного имени, в частности, в условиях моделирования наивного мышления субъекта сознания.

(3) Особенности взаимодействия глагола *бояться* с Вин. п., в отличие от других «модально-эмоциональных» глаголов (например, *ждать*), обусловлены его гномической (неактуальной, узуальной) предикатной сущностью.

(4) Синтаксемы Вин. и Род. приобретают черты лексикализованности. Взаимодействие типа (1) и (2) осуществляется по типу семантического согласования по линии падежа — лексической семантики имени — семантики глагола. Взаимодействие типа (2) является также компенсаторным по линии «падеж — лексическая семантика имени», контекстом же для этого компенсаторного взаимодействия является модально-эмоциональный глагол.

Список литературы

- Барентсен А.А.* Объектные падежи при глаголе *ждать* // Возьми на радость. То Honour Jeanne van der Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. 6-е изд., испр. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1838.
- Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen, 1992.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Иорданская Л.Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М., (1982) 2009.
- Клобуков Е.В.* Падеж и модальность // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., (1938) 2002.
- Никитина Е.Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2.
- НКРЯ — <http://ruscorpora.ru>
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Пожарицкая С.К.* Особенности семантики и синтаксиса беспредложного творительного падежа в севернорусских говорах // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти В.Н. Сидорова. М., 2004.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I–II. М., 1980.
- Уорф Б.Л.* Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Kagan O.* Genitive case: Modal account. Ms. Jerusalem, 2005.
- Timberlake A.* Hierarchies in the Genitive Negation // Slavic and East European Journal. 19.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives // Linguistische Forschungen. Frankfurt; М., 1972. Bd. 22.

Сведения об авторе: *Никитина Елена Николаевна*, канд. филол. наук, докторант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: yelenon@mail.ru

В.А. Недзвецкий

«РУССКАЯ ПО ДУХУ» (ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА РОМАНОВА О РУССКИХ, РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

За что и почему немка Элиза, в замужестве Елизавета Алексеевна Романова, полюбила Россию, русский язык и совсем молодую новую русскую литературу? Как она восприняла пушкинскую поэзию, и что позволило ей — по первой главе «Евгения Онегина» — угадать его новаторское художественное качество? Таковы главные вопросы, на которые отвечает данная статья.

Ключевые слова: Елизавета Алексеевна Романова, «русская по духу», восхищение мужеством русских солдат и великодушием крестьян, деятельное заступничество, эстетическая пронизательность и литературная прозорливость.

What for and why did the German lady Eloise, Elizaveta Alexeyevna Romanova in her married state, come to love Russia, the Russian language and the new Russian literature which was quite young? How did she take Pushkin's poetry, and what enabled her — on the basis of the first chapter of 'Evgeny Onegin' — to divine its innovative artistic quality? Those are the main questions this article purports to answer.

Key words: Elizaveta Alexeyevna Romanova, 'Russian in her spirit', admiration of the Russian soldiers' courage and peasants' large-heartedness, active patronage, aesthetic clear-sightedness and literary sagacity.

Сначала краткая биографическая справка. Принцесса Баден-Дурлахского дома Элиза, о которой наш последующий рассказ, прибыла вместе со своей сестрой Амалией в Петербург в октябре 1792 г. Ей было тринадцать лет. Внешне очень привлекательна, хорошо поет, играет на арфе, скоро научится играть в шахматы и быстро овладевает русским языком, а также с интересом начинает постигать русскую историю и религию.

С 23 сентября (по ст. стилю) 1793 г. принявшая православие под именем Елизаветы Алексеевны она стала супругой Великого князя Александра Павловича и Великой княгиней. С 1801 г. — Императрица, хотя сама себя так не величает, отдавая предпочтение вдовствующей Императрице Марье Федоровне, супруге покойного Императора Павла I.

С первых месяцев пребывания в России и до своей смерти Елизавета Алексеевна находится в переписке (по-французски) со своей матерью Амалией, маркграфиней Баденской. Ее письма к матери

собраны и изданы в трех томах Великим князем Николаем Михайловичем. На русский язык переведена лишь небольшая их часть.

Как подчеркивают знавшие ее много лет, Елизавета Романова гармонично сложена, отличается особенно тонкой и изящной красотой лица, прекрасно воспитана и намного лучше своего супруга образована. В сане Императрицы она прилежно продолжает свое самообразование, читая на трех главных европейских произведениях авторов западноевропейских (мадам де Сталь, Шатобриана, Байрона, Т. Мура, Вальтера Скотта) и по-русски текущую русскую литературу.

В письме к матери от 17/29 марта 1822 г. она назовет свое тридцатилетнее пребывание в России своей «тридцатилетней службой» нашей стране.

Служба эта, однако, весьма далека от чиновничьей, так как нераздельна у Елизаветы Алексеевны с искренней и глубокой любовью к ее новому — российскому — отечеству. «... Должна признаться Вам, Мама, — пишет она макграфине Амалии 1/13 августа 1805 г., — что до глубины души привязана к России и, какое бы удовольствие я не испытала, очутившись вновь в Германии, о чем постоянно думаю, я сожалела бы, доведись мне навсегда покинуть Россию, и если бы, в силу воображаемых обстоятельств, оказалась хозяйкою в выборе места жительства, то уехала бы в Россию, пренебрегая целой вселенной. <...> И это не слепой энтузиазм, мешающий мне видеть преимущества иных стран пред Россией: я чувствую все, что ей не хватает, но вижу также и то, какой она может стать, а каждый ее шаг вперед радует меня»¹.

Эпоха первого крупного противостояния российской армии Наполеону, перед которым к тому времени покорно склонились Австро-Венгрия и Пруссия, — 1805 г. — придает российской любви Елизаветы Алексеевны весьма существенный демократический оттенок: она с не меньшей теплотой, чем к главному русскому военачальнику, относится ко всему русскому войску. «Сегодня, — сообщает 17/29 ноября 1805 г. Елизавета своей матери, — мы получили довольно успокаивающую новость, что г-н Кутузов выиграл у французов, заставив их отступить. Наши brave русские не изменяют себе: только они одни и способны доставить хлопот врагу; эти трусливые австрийцы, похоже, полагают естественным, что с ними поступают (французские оккупанты. — *В. Н.*) как с баранами. <...> Если бы не русские, французы в Австрии должны были бы увериться в том, что находятся в оцепеневшей от страха стране, поскольку им не оказывалось никакого сопротивления» (с. 191).

¹ Цит. по: *Васильева Лариса*. Жена и Муза. М., 2011. С. 188. В дальнейшем все ссылки на письма Е.В. Романовой к матери даны по их фрагментам, приведенным в книге Ларисы Васильевой, с указанием ее соответствующей страницы.

Уже со второй половины 1805 г., став «русской по духу» (Л. Васильева), Елизавета Алексеевна с *общенациональной*, а не только государственной и тем более придворно-кастовой позиции воспринимает и всей душой переживает в 1812 г. и драматизм, и величие российского поединка с «Великой армией» Наполеона. «Уверена, — с нескрываемой иронией по адресу западноевропейских пророчеств о “неминуемом” разгроме русских пишет она в августе этого года в далекую Германию, — Вас уже убедили в том, будто мы бежали в Сибирь, тогда как из Петербурга мы и не выезжали». И продолжает: «Мы готовы ко всему, кроме переговоров (т. е. о заключении с французским завоевателем желанного ему скорого мира с Александром I. — *В. Н.*)... Чем успешнее Наполеон станет продвигаться вперед, тем меньше ему придется рассчитывать на примирение. Это единодушное мнение Императора и *всех слоев населения* (курсив мой. — *В. Н.*) нашей страны... Наполеон не рассчитывал на это, как и на многие другие вещи. Каждый сделанный им шаг по безбрежной России приближает его к пропасти» (с. 290). Последняя уверенность Елизаветы Алексеевны прямо-таки поражает своей провидческой точностью, получившей реальное подтверждение в октябре–ноябре 1812 г. в русской победе под Тарутиным («Французской армией предводительствовал Мюрат, но она оказалась полностью разбитой: захвачены тридцать восемь пушек и почетное знамя, выданное первому полку кирасиров <...>, а также весь багаж Мюрата, военная касса с четырьмя миллионами и пленники...». С. 292) и в стратегически важном сражении за Малый Ярославец, выигранный войсками Кутузова, похоронивший план Наполеона отступить по нетронутой войной Калужской дороге («Для этого предпринимались многочисленные вылазки, но наши войска с невозмутимой твердостью перекрыли ему все пути... Вражеская армия ретировалась по той же дороге, по которой начала наступление, да так, что назвать это можно скорее бегством, чем отступлением». С. 294).

Отдав должное мужеству русских солдат, казаков и командиров, свершивших эти воинские подвиги, Елизавета Алексеевна вместе с тем заявляет: «Не меньше потребуется и для описания патриотического героизма, верности, самоотверженности, проявленных прекрасным русским народом... Ах! Матушка, с июня, когда разразилась эта буря, мне кажется, я прожила столетия. Во мне нарастали самые разные чувства: ужас, жалость, негодование, восхищение нашим народом...» (с. 295). А свой перечень «неисчислимых жертв, понесенных русской нацией», сочетавшихся с «ее неколебимой верностью, мужеством и отвагой, охвативших даже крестьян, сформировавших свои отряды и действующих по своему усмотрению», итожит столько же замечательным по его глубине и справедливости, сколько и *исторически* основательным выводом: «... все это достойно того (для русской

нации. — В. Н.), чтобы приобрести славу избавительницы рода человеческого от постигшего его бедствия» (с. 292–293).

В ряду национально-ментальных свойств русских Елизавета Романова в особенности восхищает их *великодушие* к поверженному противнику, отличавшемуся, напротив, ничем не оправданной жестокостью и насилиями над мирным населением в захваченных французами областях России. «Французы, — приводит их примеры Елизавета Алексеевна, — поймали нескольких несчастных крестьян в Москве, которых полагали использовать для службы в своих рядах, а чтобы они не сбежали, клеймили их, как скот, как лошадей в табуне»; «в Полоцке баварцы (т. е. немцы, в том числе и из родного Елизавете Алексеевне Бадена, входившие, как многие другие «языки» Западной Европы, в наполеоновскую армию. — В. Н.) вломились в один дом, где пожилая женщина держала пансион для маленьких девочек. Бедной женщине переломали руки и ноги, после чего она умерла, а когда дети бросились к ней, эти чудовища обрушили на них сабельные удары, убив несколько детей»; «в Московских монастырях они (французские солдаты. — В. Н.) специально волокли несчастных монашек в алтарь, где насиловали их!» «Видел ли кто-либо дикарей, убивающих детей и женщин?..», — восклицает, описав эти деяния «цивилизованных» захватчиков, почитающих себя христианами, Елизавета Алексеевна (с. 296, 297).

И тем более поражается она истинно христианскому умению простых русских людей прощать и самое жестокое зло. «Позвольте, — обращается она 10/22 ноября 1812 г. к своей матери, — привести некоторые примеры, позволяющие дать хотя бы самое слабое представление о характере нашей нации. Один русский офицер, проходя с казаками через какую-то деревню в окрестностях Москвы, — остановился перед крестьянским домом и спросил: “У вас есть французы?” Крестьянин ответил отрицательно, но со смущенным видом. А потом сказал: “Но если бы у меня и был один, вы ведь его не тронули бы, правда?” Входя в избу, офицер увидел француза, сидевшего в кругу семьи. “Он болен и устал, — сказал крестьянин, — я не могу отказать ему в гостеприимстве”. Чтобы почувствовать красоту такого поступка, нужно знать весь страх, ужас и справедливую ненависть, которые русский народ чувствовал и испытывал к французам за время войны» (с. 296).

Перейдем к лингво-литературной части нашей статьи. Вот два на редкость пронизательных для иностранки без специального филологического образования суждения Елизаветы Романовой о *русском языке*. «...Начала писать письма, — сообщает она маркграфине Амалии в 1810 г., — а голова заполнена мыслями об изучении нового предмета, к которому я приступила. Это курс русской литературы. Не подумайте, Мама, что я хочу стать писателем — Боже упаси! Но

мне нравится русский язык: он очень красивый, а почувствовать его прелесть можно, лишь занимаясь им. Мне хочется глубже понять его, чтобы наслаждаться им и научиться ценить написанные на нем произведения, с тем чтобы и самой писать хорошо. Поэтому с таким воодушевлением я приступила сегодня к новому виду занятий. Это захватило меня...» (с. 258). «...Заканчиваю письмо, дорогая Матушка, — развивает она свою мысль в марте 1811 г., — проведя два часа за одним из любимейших моих занятий — русским языком. Это поистине сентиментальный урок, поскольку наша литература пребывает пока в детстве, но когда проникаешь в богатство языка, видишь, что можно было бы из этого сделать, и тогда получаешь удовольствие, открывающее перед тобой сокровища, которым требуются руки, способные их использовать. К тому же звучание русского языка доставляет моему уху такое же наслаждение, как и прекрасная музыка» (с. 270).

В этих отзывах о русском языке в его лексико-семантическом и грамматическом богатстве, а также необыкновенной (ведь это признается немкой, помимо немецкого отлично владеющей французским и английским, возможно, и итальянским языками!) акустической широте, мелодической выразительности и интонационной гибкости Елизавета Алексеевна — прямой последователь Михаила Ломоносова и предшественник-единомышленник таких гениев нашего языка, как Александр Пушкин, Н. Гоголь, И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой, Н. Некрасов, О. Манделштам, однажды прогнозировавший наступление времени, когда русский язык будет изучаться и бытовать во всем мире так же глубоко и широко, как в античном средиземноморье бытовал язык греческий, а в средневековой Европе — латынь.

В самом деле: ее процитированная характеристика русского языка как лексико-фонетической основы и прямого стимулятора будущей, не менее яркой и великой, чем он сам, русской литературы четырнадцатью годами упредила следующее фундаментальное наблюдение А. Пушкина из его статьи «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (1825): «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI в. древний греческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавляя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимствует он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*»².

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М., 1951. С. 27–28.

С 1821 г. и до конца жизни в 1826 г. у Елизаветы Алексеевны устанавливаются теплые дружеские отношения и регулярное интеллектуальное общение с в ту пору уже признанным патриархом русской литературы и историографии Михаилом Николаевичем Карамзиным. «Судьба, — сообщал он 30 сентября этого года своему литературному соратнику Ивану Ивановичу Дмитриеву, — странным образом приблизила меня в летах преклонных ко двору необыкновенному и дала мне искреннюю привязанность к тем, чьей милости все ищут, но кого редко любят. Ты не менее моего знаешь двух (Карамзин имеет в виду Александра I и его мать Марию Федоровну. — В. Н.), но третью я узнал короче: императрицу Елизавету, женщину редкую. С прошлой осени я имел счастье беседовать с ней еженедельно, иногда часа по два и больше, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе; иногда даже спорили, и всегда я выходил из ее кабинета с приятным чувством. Государь сказал мне, что и она не скучала в его отсутствии беседами с историографом. К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни...»³.

Вот это карамзинское стихотворение, выдержанное в жанре стилистически *высокого* (этого требовал монарший сан адресата) и вместе с тем очень *личного* послания-пожелания:

ЭЛИЗЕ

(Императрице Елисавете Алексеевне в день ЕЕ рождения
13 Января при вручении ЕЙ подарка)
Элиза! Прими дар искренней любви.
Твой ум, Твоя душа питаются прекрасным;
Ты Ангел горестных, мать сирым и несчастным;
Живешь для счастья других... И так живи!
Не каждый ль день иль час Ты в жизни сей добрее,
Прекраснее душой и дружеству милее,
Достойнее святой, Божественной любви,
Достойнее небес?.. И так живи, живи!
Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье!
Узнаю наяву!.. Есть вечность для любви,
Бессмертие добра, есть Бог. И так живи!»

*С.-Петербург,
13 Генв. 1821 г.*

С 1819 г. Елизавета Алексеевна, фиксирует автор замечательной книги о ней Лариса Васильева, «помогает становлению “Вольного общества любителей российской словесности” и его печатного органа, журнала “Соревнователь Просвещения и Благотворения”. Душой общества и журнала становится поэт и полковник Федор Глинка. Общество называют еще и “Обществом друзей Елизаветы”»⁴.

³ Цит. по: *Васильева Лариса. Жена и Муза. С. 482–483.*

⁴ *Васильева Лариса. Жена и Муза. С. 507–508.*

Членов Общества подкупает искренний интерес Елизаветы к русской литературе и русским поэтам.

Со своей стороны и она отвечает участливым вниманием как к их творческим созданиям, так и к финансовым проблемам их периодического издания. Так, 13 сентября 1819 г. ее давний секретарь Н.М. Лонгинов сообщает Ф. Глинке, что «Императрица ознакомилась с номерами журнала, пожертвовала журналу 200 рублей и попросила передать Глинке свое “благословение и внимание к полезным трудам”»⁵.

Особенно примечательным для взаимоотношений Елизаветы Алексеевны с русскими писателями становится десятый номер «Соревнователя Просвещения и Благотворения». В нем появляется стихотворение А. Пушкина «В ответ на вызов написать стихи в честь государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны»:

На лире скромной, благородной,
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
*Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.*
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

(Курсив мой. — В. Н.)

Этот в свою очередь искреннейший, но в поэтическом отношении намного превосходящий карамзинское послание гимн Пушкина их общему адресату был у его автора далеко не единственным. Как в письме к П.А. Вяземскому свидетельствовал А.И. Тургенев, в 1819 г. Пушкин «написал несколько прекрасных стихотворений о Елизавете Алексеевне»⁶.

Уже это обстоятельство позволяет Ларисе Васильевой убежденно отстаивать в своей книге «Жена и Муза. Тайна Александра Пушкина» тезис о том, что по меньшей мере в названный год и главной женской героиней, и Музой пушкинской поэзии была Елизавета Алексеевна

⁵ Там же. С. 511.

⁶ Цит. по: *Васильева Лариса. Жена и Муза. С. 508.*

Романова, «прелестное видение» которой сопровождало лицейские и юношеские годы поэта, а память о ее «чистой красоте» и «нежном голосе» была сохранена им на всю последующую жизнь. И было бы крупной ошибкой не прислушаться к данной гипотезе замечательного русского поэта и прозаика XX в.

Ибо, если она и продиктована Л. Васильевой прежде всего ее *художественной интуицией*, то вовсе не противоречит, а, напротив, подкрепляется известными, но *по-новому* осмысленными фактами пушкинской биографии.

Вот Васильева напоминает нам события кануна первой ссылки Пушкина. Апрель 1820 г. Генерал-губернатор Петербурга, граф Милорадович, прочитав заполненную самим Пушкиным тетрадь его «возмутительных стихов», «хохочет, жалеет, что нет ничего про Государственный Совет, и объявляет поэту прощение от имени императора. На следующий день генерал-губернатор рассказывает всё как было Александру I. Тот недоволен: не слишком ли мягко. Берет тетрадь»⁷.

«По Петербургу разносится слух, что Пушкина ссылают то ли в Сибирь, то ли в Соловки. Чаадаев едет к Карамзину, просит его заступничества перед Марисей Федоровной, но Карамзин <...> знает, кто есть кто, и едет к ЕР» (т.е. к Елизавете Регине. — В. Н.)⁸. На следующий день Александр I говорит директору Царскосельского лицея Энгельгардту, что Пушкина следует сослать в Сибирь, а попытка Энгельгардта защитить поэта монархом проигнорирована.

«В то же время, — говорит Л. Васильева, — в журнале “Сын отечества” появляется отрывок из третьей песни поэмы “Руслан и Людмила”», и Николай Карамзин «срочно отсылает экземпляр журнала» Елизавете Алексеевне⁹. В отрывке же пушкинском есть строки:

Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внятней;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча... вздох понятный!

Принимая во внимание, что *Климена* в греческой мифологии — это супруга титана, которым в глазах россиян, вне сомнения, был и *император* Александр I, а «скучный Гимен» — это перифраз неудачного брака, в данных стихах Пушкина, делает вывод Лариса Васильева, нельзя не видеть глубокого душевного сочувствия поэта к незавидной супружеской доле Елизаветы Романовой. В какую и

⁷ *Васильева Лариса*. Жена и Муза. С. 435–436.

⁸ Там же. С. 436.

⁹ Там же.

действительно превратилось для нее ее супружество с Александром I, не раз убеждавшимися в правоте суждений жены по многим вопросам и весьма часто прибегавшим к ее советам, но должным образом не ценивший ее любви ни к себе, ни к российскому народу.

Трудно предположить, резонно продолжает Лариса Васильева, что столь эмоционально и эстетически чуткая женщина, как Елизавета Алексеевна, могла не отозваться душевно на такое и таким образом выраженное ей сочувствие Пушкина, необычный облик и стихотворный дар которого, скорее всего, остановил ее внимание еще несколькими годами ранее — при многократном посещении ею Царскосельского Лицея. И она... отозвалась, к тому же не просто ответным сочувствием опальному поэту, но, по всей очевидности, умным заступничеством за него перед разгневанным супругом-императором.

В самом деле: «как случилось, что вместо Сибири» Пушкин «попал на юг, вместо тюрьмы в благодатные края», «к самому доброму начальнику Ивану Никитичу Инзову. Либералу. Масону?». «Кто помог?»¹⁰, — вопрошает Лариса Васильева, предлагая читателю лишь единственно возможный ответ: этим помощником была только она, Елизавета Алексеевна Романова.

Пройдут четыре года, и для Пушкина, живущего и служащего в Одессе, описанная ситуация повторится в новом варианте. На этот раз причины для государева гнева две: письмо поэта 1824 г. к В.К. Кюхельбекеру со строкой «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма»¹¹. И письменная просьба новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова к министру иностранных К.В. Нессельроде перевести Пушкина из Одессы «в какую-нибудь другую губернию». «Опять Пушкину “светили” Сибирь или Соловки. А то, в зависимости от настроений монарха, и Шлиссельбургская крепость»¹².

И снова спасительницей Пушкина, убеждает нас Лариса Васильева, явилась Елизавета Алексеевна. Она объяснила Александру I, «глухому уже на два уха, что во всех гостиных только и разговору о Пушкине и его произведениях». Она «убедила его в том, что Пушкин замечательно пишет»¹³. Лишь она могла обратить внимание венценосного супруга на воронцовскую фразу: «в какую-нибудь другую губернию». И вот поэт — не в Сибири, а хотя и «под надзором родителей», но в наследственном псковском селе Михайловское.

¹⁰ Там же. С. 437.

¹¹ Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. X. 3-е изд. М., 1966. С. 86 — 87. Курсив мой. — В. Н.

¹² Васильева Лариса. Жена и Муза. С. 458.

¹³ Там же. С. 484.

В важнейшем для взаимоотношений Елизаветы Алексеевны с русскими писателями сюжете *она* и *Пушкин* особенно значим год 1825-ый, которому в сорокасемилетней жизни нашей героини суждено было стать предпоследним.

Дело не ограничивается тем, что в своем письме к Н.М. Карамзину от 23 февраля именно *этого* года Елизаветой Романовой *впервые* помянуто самое имя Пушкина. Чрезвычайно значима и причина данного упоминания. Вот данный фрагмент названного письма: «Очень сожалею, что не смогла сегодня увидеться с Вами, Вам известно, присутствие Ваше всегда доставляет мне удовольствие. Мне остается еще поблагодарить Вас за любезное внимание, которое Вы оказали мне, *прислав новую поэму Пушкина. Мне она понравилась...*» (с. 484–485; курсив мой. — В. Н.).

Итак, Елизавета Алексеевна получила от карамзинского посланца, как, видимо, получала и прежде, очередную пушкинскую поэму, ее явно заинтересовавшую. Ясно, что это не «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники» или «Цыганы», созданные в 1821–1824 годах. Но тогда что же?

Лариса Васильева, исходя из ошибочного предположения, что «во французском языке словом — роете — обозначаются и поэма и стихотворение»¹⁴ (в действительности стихотворение по-французски — *la poesie*, и оно женского рода, в то время как *le poete* — существительное рода мужского. — В. Н.), сочла невозможным определить не только название, но и жанр этого нового пушкинского произведения.

Однако если сопоставить хронологию процитированного выше письма Елизаветы Алексеевны к Н. Карамзину со временем появления *первой главы* «Евгения Онегина», то загадки здесь никакой не будет. Первая глава пушкинского «романа в стихах», не раз именовавшегося «поэмой» (в период его написания) и самим поэтом, а впоследствии и его критиками, увидела свет *15-го февраля* 1825 г.; письмо Елизаветы Алексеевны к Карамзину с отзывом об *этой главе* «Онегина» датировано *23-им февраля* того же года. Ибо речь в нем идет, вне всякого сомнения, о ней.

И нетерпеливый интерес (спустя *неделю* после публикации!) Елизаветы Романовой к началу самого оригинального и высокохудожественного произведения Пушкина 1825–1826 гг. (второй главы «Евгения Онегина», напечатанной в октябре 1826 г. Елизавета Алексеевна, «по официальным сведениям» скончавшаяся еще 4 мая этого года, узнать уже не могла), и ее всецело *одобрительный* отзыв о нем раскрывают нам эту читательницу Пушкина как человека удивительной эстетической проницательности и историко-литературного

¹⁴ *Пушкин Л.С.* Биографическое известие о А.С. Пушкине до 1826 года // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Серия литературных памятников. Т. I. М., 1985. С. 56.

предвидения тем более глубокого, что оно вплоть до конца 1830-х годов оставалось в России фактически единственным.

Вспомним прием, оказанный пушкинскому «роману в стихах» даже лучшими и самыми образованными литераторами — друзьями поэта. «В это время, — свидетельствовал Лев Пушкин, — появилась первая глава “Онегина”. Журналы или молчали, или отзывались о нем легко и равнодушно»¹⁵. «... Дал ли ты “Онегину” поэтические формы, кроме стихов?»¹⁶, — выговаривает Пушкину, не находя таких форм, Александр Бестужев. «Господина Онегина (иначе же нельзя его назвать), — иронизирует в частном письме за 1825 г. откровенный В.К. Кюхельбекер, — читал: есть места живые, блистательные, но ужели это поэзия?»¹⁷.

«Мне она понравилась», — без малейших оговорок и оглядок на суждения профессиональных авторов и критиков заявляет о «новой поэме», а в реальности — первой главе «Евгения Онегина» Елизавета Алексеевна Романова, этим суждением как бы предсказывая высокое определение своего «романа в стихах» самим Пушкиным: «он лучшее произведение мое»¹⁸.

Пребывая в 1824 — 1826 годах в Михайловском, поэт, естественно, не мог услышать названные слова своей коронованной почитательницы о его великом эпо-лирическом создании, но, вне сомнения, узнал о них позже от Н. Карамзина или членов его семьи. И, думается нам, увидел в них бесценные для него поддержку и подтверждение того, что отныне он как совершенно самобытный национальный поэт находится на верном творческом пути.

Своего же поразительно чуткого и глубокого ценителя — императрицу Елизавету Алексеевну Романову — еще раз поэтически отблагодарил в этом «Отрывке», датированном 1830 г.:

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей...

¹⁵ Пушкин Л.С. Биографическое известие о А.С. Пушкине до 1826 года // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Серия литературных памятников. Т. I. М., 1985. С. 56.

¹⁶ Бестужев А.А. — Пушкину А.С. 9 марта 1825 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. (Большое академическое издание). Т. XIII. С. 149.

¹⁷ Кюхельбекер В.К. — Одоевскому В.Ф. 5 апреля 1825 г. // Бычков И.А. Из переписки В.Ф. Одоевского. «Русское слово», 1904. Февраль. С. 380.

¹⁸ Пушкин А.С. — Бестужеву А.А. 24 марта 1825 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1966. С. 131.

... В текущем, 2013, году Россия торжественно отметит 400-летие Дома Романовых. Представителей этой царской династии было много, но далеко не все они заслужили право на благодарность миллионов россиян. Более чем спорны, по нашему убеждению, нынешние попытки всячески обелить в нашем сознании Николая I, весьма негативно охарактеризованного многими его соотечественниками, в числе которых были Л.Н. Толстой, назвавший его «Николаем Палкиным», и убежденный монархист Федор Тютчев, посвятивший ему в 1855 году такую эпитафию: «Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые, — / Все была ложь в тебе, все призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей».

Сегодняшняя реабилитация Николая I — дело явно безнадежное, так как продиктована она лишь конъюнктурными, стало быть, корыстными соображениями его хвалителей. Но в числе царствующих Романовых, в том числе людей с очень малой долей или даже полным отсутствием русской крови, были и те, кто действительно достоин нашего искреннего и глубокого почитания. Это и великий реформатор страны Петр I, и освободитель крестьян, а также инициатор других живительных реформ 1860-х годов Александр II, и его родственник, поэт Константин Романов, и «благословенный» при всех его слабостях победитель Наполеона Александр I. И, конечно, — такая иностранка на вершине российской власти, как очаровательная внешне и замечательная своими деяниями на благо России и ее культуры, русская по духу немка Элиза, она же Елизавета Алексеевна Романова.

Список литературы

- А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Серия литературных памятников. Т. I. М., 1985.
Васильева Лариса. Жена и Муза. М., 2011.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М., 1951.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. (Большое академическое издание). М.; Л., 1937–1949.
Русское слово. 1904. Февраль.

Сведения об авторе: *Недзвецкий Валентин Александрович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nedzvetsky@bk.ru

О.Ю. Панова

**У ИСТОКОВ: СКЛАДЫВАНИЕ КАНОНА,
ТОПИКИ И ТЕМАТИЧЕСКИХ КОНСТАНТ
АФРО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ТРАДИЦИИ**

Статья, представляющая собой краткий обзор афро-американской литературной истории, высвечивает основные фазы формирования литературного канона, а также базовую топику, мотивы и образность становящейся традиции, такие как стремление к образованию и книжному знанию, библейская образность, преимущественно восходящая к Книге Исхода, колонизация/репатриация в Африку, стремление к свободе, полярная звезда, трагическая полукровка, чернокожий трикстер, примитив. Рассматриваются также процессы усвоения и трансформации европейско-американских жанровых конвенций автобиографии, документального повествования, просветительского и сентиментально-романтического романа и переоценки фольклорной и благопристойной традиций в начале XX в., включая период Гарлемского ренессанса 1920-х годов.

Ключевые слова: история литературы, американская и афро-американская литература, литературная традиция, канон, жанр, топос, мотив.

The brief overview of African American literary history highlights the main stages of its canon formation and some of its basic topoi and motifs: quest for literacy and knowledge, Biblical imagery, predominantly from the Book of Exodus, colonization / emigration to Africa, quest for freedom, the North star, tragic mulatto, the black trickster and the primitive. Genre conventions of autobiography, documentary narrative, enlightenment and sentimental novel acquired from the Euro-American literary tradition and their transformation are also under consideration as well as re-evaluation of folk and genteel traditions in the early XXth century including the Harlem Renaissance of the 1920-ies.

Key words: literary history, American and African American literature, literary tradition, canon, genre, topoi, motif.³

История афро-американской литературной традиции насчитывает около трехсот лет (с конца XVIII по начало XXI в.). Принято начинать историю негритянской прозы с «Повествования о необыкновенных страданиях и удивительном избавлении негра Брайтона Хэммона» (1760)¹, а поэзии — со стихотворения поэтессы Люси Терри Принс

¹ A Narrative of the Uncommon Sufferings, and Surprising Deliverance of Briton Hammon, A Negro Man, — Servant to General Winslow, Of Marshfield, in New-England; Who returned to Boston, after having been absent almost Thirteen Years. Boston: Printed and Sold by Green & Russell, in Queen-Street, 1760.

(Lucy Terry Prince, 1730–1821) «Нападение на Барз» (Bars Fight, 1746), оставшегося неизвестным до публикации Дж. Шелдона в New England Magazine в конце XIX в.² Литература американских негров позволяет обозреть становление и метаморфозы литературной традиции, создание которой шло ускоренными темпами и в сжатые исторические сроки. Закономерности и логику этого процесса можно наблюдать на этом материале в концентрированном и укрупненном виде, как под микроскопом.

В истории афро-американской литературы легко вычлениются три больших этапа: 1) до отмены рабства, точнее, до конца гражданской войны и реконструкции Юга (конец XVIII в. — 1870-е годы); 2) до начала движения за гражданские права и революции 1960-х; 3) с рубежа 1950–1960-х годов до настоящего времени.

Первый этап в истории негритянской литературы — это время *становления*, которое происходит через *ученичество, подражание* европейско-американской традиции, усвоение и воспроизведение ее канонов. Сопричастность этой традиции расценивается как важнейшее завоевание. Только при условии христианизации и приобщения к книжной культуре, грамотности, письменности негр мог приобрести в глазах общества статус человека, а не вещи и не животного. Кроме того, умение читать и писать являлась главным аргументом в пользу интеллектуальной и культурной полноценности негров. Характерный пример — экспертиза, которой был подвергнут поэтический сборник «Стихотворения на разные темы, религиозные и нравственные»³, негритянской поэтессы Филлис Уитли (Phillis Wheatley, 1753–1783). Авторство поэтессы удостоверялось подписями «экспертной комиссии» уважаемых граждан Бостона, которая сделала следующее заключение: «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что, по нашему убеждению, стихотворения, указанные на следующей странице, действительно были написаны молодой негритянкой Филлис, которая всего несколько лет назад была привезена из Африки необразованной дикаркой (uncultivated barbarian from Africa) и с тех пор и до сего дня находится в печальном положении служанки-рабыни в одном из семейств нашего города. Она была проэкзаменована лучшими судьями и признана способной написать эти стихотворения»⁴.

Основные темы сочинений первых негритянских авторов, напрямую связаны задачей «очеловечивания» негров в глазах белого окружения:

1. Грамотность, образование (literacy) — высшая ценность в условиях рабства.

² Sheldon G. Negro Slavery in Old Deerfield // New England Magazine. Vol. 14. № 1. March, 1893. P. 55–56.

³ Wheatley Ph. Poems on Various Subjects, Religious and Moral / By Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. L.: Printed for Archibald Bell, 1773.

⁴ Ibid. P. VIII.

В рассказах бывших рабов, в первых романах и автобиографиях негритянских авторов подробно описывается обучение грамоте, трудности и препятствия, которые приходилось преодолевать, смекалку, а порой и героизм, которые нужно было проявлять рабу, чтобы научиться читать и писать. Описывая быт рабов, авторы с горечью отмечают, что среди негров распространены суеверия, процветает идолопоклонство. Поверья, «побасенки», суеверия, элементы африканского язычества (худу) — словом, тот самый фольклор, который будет признан величайшей ценностью в начале XX в., на данном этапе предстает как печальное свидетельство культурной отсталости негров. Это отвратительные пережитки, и с ними нужно бороться, чтобы стать вровень с теми стандартами, которые заданы высокой европейско-американской культурой.

2. Негритянская литература как «негативный снимок» американского демократического общества, основанного на просветительских идеалах.

Выразительным примером может послужить первый негритянский роман «Клотель или Дочь президента. Повествование из жизни американских рабов»⁵: его автор, беглый раб, черный аболиционист Уильям Уэллс Браун (1816–1884) рассказывает о судьбе рабынь-полукровок — дочерей и внучек Томаса Джефферсона. Отец-основатель, один из авторов Конституции предстает здесь как рабовладелец, богатый плантатор и отец незаконнорожденных детей, которых продают на аукционе.

Еще один пример — невольничьи повествования (slave narrative), который появились в конце XVIII в. и достигли пика популярности накануне Гражданской войны в 1840–1850-е годы. Как отмечает в своей известной монографии У. Эндрюс, жанровый канон невольничьих повествований построен на опрокидывании, ироническом переворачивании жанровых конвенций автобиографии, принятых в белой литературе⁶. Если автобиографию принято начинать с рассказа о своих предках, о родителях, семье, о фамильных традициях, то в невольничьем повествовании автор обычно не знает своего отца (часто высказывается подозрение, что это был хозяин), вовсе или почти не помнит матери. У него нет ни роду, ни племени, он носит фамилию хозяев. Вместо рассказа о детстве, обучении, взрослении следует рассказ об отсутствии детства и воспитания, а точнее, о «воспитании раба», который с ранних лет осваивает науку тяжелого труда, подчинения, насилия, страха.

3. Архетипическое движение с Юга на Север, от рабства к свободе.

⁵ *Brown W.W.* Clotel; or, The President's Daughter. A Narrative of Slave Life in the United States. L.: Partridge & Oakey, 1853.

⁶ *Andrews W.L.* To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760–1865. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1986. P. 15.

4. Еще одна тема — так называемая колонизация, т. е. возвращение на историческую родину — Африку с миссионерскими и колонизаторскими целями распространения христианства и европейско-американской цивилизации⁷. Отголоски споров вокруг колонизации, т. е. репатриации негров, можно найти во множестве текстов, принадлежащих перу как черных, так и белых авторов. Пожалуй, самый известный пример — знаменитый роман Г. Бичер-Стоу. В Либерию собирается отправиться из Канады Джордж Гаррис с Элизой и детьми, сын Касси и повзрослевшая Топси.

На этапе становления литературной традиции возникают *устойчивые образы*, постоянно присутствующие в текстах не только XIX, но и XX вв. Например, это образ «говорящей книги» (talking book). Как отмечает Г.Л. Гейтс⁸, впервые он возникает у самых истоков литературной традиции, в книге африканского раба Джеймса Альберта Юкосо Гроньосо «Повествование о самых примечательных событиях из жизни Джеймса Альберта Юкосо Гроньосо, африканского принца, рассказанное им самим» (1772)⁹. Африканский подросток, которого везут через Атлантику на невольничьем корабле, с изумлением наблюдает, как голландец, капитан судна, читает матросам Библию: «...за всю мою жизнь я не видел ничего более удивительного, чем эта книга, разговаривающая с моим хозяином... Я хотел, чтобы она поговорила и со мной... оставшись один, я открыл ее и приложил к ней ухо в великой надежде, что она скажет мне что-нибудь; но мне стало очень горько и я был чрезвычайно разочарован, когда обнаружил, что она не хочет говорить. Мне сразу же пришла в голову мысль, что здесь каждое существо и каждая вещь презирают меня, потому что я черный»¹⁰.

Нетрудно увидеть, что этот образ напрямую связан с важнейшей темой грамотности, приобщенности к книжной культуре. Перечислим еще несколько устойчивых образов: «трагическая полукровка» (tragic mulatto); Полярная звезда (North star), указывающая путь к свободе; крылья, чтобы улететь из рабства; путь через Атлантику на невольничьем корабле (Middle passage)

Что касается *жанровых форм* становящейся литературной традиции, здесь мы преимущественно наблюдаем процесс усвоения и трансформации жанров европейского Просвещения. Следует отме-

⁷ Американское колонизационное общество (American Colonization Society) было создано в 1816 г.

⁸ Gates H.L. Jr. Introduction: The Talking Book // *Pioneers of the Black Atlantic. Five Slave Narratives from the Enlightenment, 1772–1815* / Ed. by W.L. Andrews, H.L. Gates Jr. N.Y.: Basic Books, 1998. P. 4.

⁹ A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself. Bath: Printed by W. Gye, 1770.

¹⁰ Цит. по: Удлер И.М. В рабстве и на свободе. Становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII–XIX веках. Челябинск, 2009. С. 39–40.

тить ведущую роль публицистики и документального жанра — эссе, трактатов, воззваний, обращений, писем. В негритянской беллетристике, возникшей в XIX в., бросается в глаза заметное отставание от литературы мейнстрима. В эпоху расцвета американского романтизма негритянские авторы осваивают достижения литературы XVIII в. Это религиозная и дидактическая поэзия, автобиография и, разумеется, просветительский роман в разных его разновидностях, в том числе эпистолярный и дневниковый; эксплуатируются находки вековой давности, еще в прошлом столетии прочно завоевавшие признание читающей публики по обе стороны Атлантики. Так, например, в романе Гарриет Энн Джейкобс «Истории из жизни молодой рабыни» (*Incidents in the Life of a Slave Girl*, 1861) повествуется о «несчастьях добродетели». В основе сюжета — история о соблазнителе и несчастной девице, переходящая в историю падшей, но сохранившей благородство духа женщины. Схема, популярная еще со времен Ричардсона, в целом сохраняется в неизменном виде, обретая черты «местного колорита»: в роли жестокого и безнравственного Ловласа — хозяин-рабовладелец доктор Флинт, несчастная девица — молодая рабыня Линда Brent. Книга, по сути, представляет собой беллетризованное изложение фактов биографии автора; так новый, не-европейский опыт негритянского раба становится фактом культуры, отливаясь в уже существующую форму и при этом трансформируя ее.

В постшестидесятическом американском литературоведении принято рассматривать популярные в середине XIX в. «невольничьи повествования» как оригинальный жанр афро-американской литературы, отличающийся глубоким своеобразием¹¹. В известном своеобразие «невольничьим повествованиям», разумеется, отказать нельзя, как нельзя забывать и о том, что по сути дела *slave narrative* — это целый конгломерат жанров. Как уже было сказано, здесь соединяются автобиография, рассказ о духовном пробуждении (*conversion*), мемуары, публицистика, причем некоторые жанровые элементы при этом переживают метаморфозы, превращаясь в свою противоположность, как, например, классическая автобиография.

После гражданской войны и реконструкции Юга начинается **следующий этап** в истории черной литературы. Трансформации, которым подвергается в это время литературная традиция, связаны со становлением этнического самосознания, с поиском и утверждением самобытности негритянской литературы; но это «обретение своего голоса» пока представляется возможным исключительно в рамках американской национальной традиции.

¹¹ *Black Imagination and the Middle Passage* / Ed. by M. Diedrich, H.L. Gates Jr., C. Pedersen. N.Y.: Methuen, 1984; *Starling M.W. The Slave Narrative: Its Place in American History*. Boston: GK.Hall, 1981.

В контексте совершающихся исторических перемен необходимо было отыскать какие-либо автономные, специфически расовые культурные достижения, которые могли бы стать фундаментом для нового образа негра. Важнейшим аргументом в пользу антропологической и культурной полноценности негров стал *негритянский фольклор*, который был возведен в статус культурной ценности. То, что раньше образованная черная элита расценивала как плод невежества, темноты, постепенно начинает становиться неотъемлемой частью литературной традиции. Негритянская литература вступает в период, соотносимый с европейским романтизмом «крови и почвы», романтическим народничеством. В качестве иллюстрации приведем лишь некоторые факты.

В 1867 г. был издан первый сборник спиричуэлс — «Песни черных рабов в США» (Slave Songs in the US) под редакцией Уильяма Фрэнсиса Аллена. По всей стране с успехом гастролируют негритянские хоры, некоторые коллективы, такие как Fisk Jubilee Singers, становятся звездами национального масштаба. В 1881 г. выходят «Сказки дядюшки Римуса» Джоэля Чэндлера Харриса, быстро завоевавшие популярность, а на исходе 1890-х негритянский прозаик Чарльз У. Чеснатт выпускает «негритянский аналог» книги Харриса — сборник рассказов «Колдунья» (Conjure Woman, 1899), где создан образ обаятельного и лукавого сказителя дядюшки Джулиуса, потчующего своими забавными, а порой и назидательными побасенками новых хозяев заброшенного имения — семейную пару, переехавшую на Юг из северного города. 1890-е годы — период расцвета поэзии на диалекте, корифеем которой становится Пол Лоуренс Данбар — негритянский поэт-лауреат, чье творчество поддерживают и «рекламируют» влиятельные белые друзья, в том числе знаменитый критик Уильям Дин Хоуэллс. В 1903 г. выходит знаменитая книга «крестного отца» Гарлемского ренессанса Уильяма Дюбуа «Души черного народа» (The Souls of Black Folk), где несколько глав посвящены фольклору и быту американских негров — спиричуэлс и блюзам, черной церкви, негритянскому диалекту и т. д.

Общеизвестно, что с наступлением Гарлемского ренессанса целый ряд ярких авторов (Зора Нил Херстон, Джеймс Уэлдон Джонсон, Лэнгстон Хьюз и мн. др.) стремятся соединить литературную традицию и фольклор, работают в области фольклористики, этнографии, антропологии. Сложившийся репертуар тем и образов пополняется особенно активно в 1920–1930-е годы. В это время важнейшие *тематические константы* — поиск идентичности, акцентирование своей расовой оригинальности, негритянский фольклор как отражение «черной души» и «новый негр» — концепт, вокруг которого разворачивается полемика (В чем задача «нового негра»? Стать выше расы или быть человеком своей расы, тоже американцем, но особенным,

самобытным?). Характерные черты черной расы (витальность, примат чувственно-эмоционального и интуитивного над рациональным началом, артистизм, пластичность, ритмичность, непосредственность) начинают осознаваться как ценности; они призваны дополнить и компенсировать односторонность ценностей белого общества (респектабельность, образованность, воля к успеху, нацеленность на достижение, процветание и пр.).

Среди *устойчивых образов*, появившихся в этот период в литературе, назовем, в первую очередь, те, что восходят к фольклору. Это персонажи анималистических сказок (Братец Кролик, Братец Лис и др.), разные варианты трикстера, герои блюзов и баллад. Из блюзовой традиции в литературу перекочевали гендерные архетипы: с мужским началом ассоциируется одиночество, саморазрушение, отрыв от корней, дома, семьи; с женским — цельность, традиционность, терпение, охрана дома и очага. Широко используется библейская образность, в первую очередь из Книги «Исхода», вошедшая в культурный обиход еще во времена рабства (Египет — земля рабства и обетованная земля, Моисей и гонитель-фараон, стены Иерихона, переход Иордана, лестница Иакова и т. д.).

Яркая иллюстрация того, как происходил синтез прецедентной и новой топики (которая по прошествии нескольких лет сама станет прецедентом) — романное творчество писательницы, этнографа и фольклориста Зоры Нил Херстон. К примеру ее беллетризованная автобиография «Следы на пыльной дороге» (*Dust Tracks on a Road*, 1942) во многом строится на фольклорных топосах. Это образы повествователя-«сказителя», трикстера, персонажей баллад. Вместе с тем легко узнаются прецедентные образы и лейтмотивы, вошедшие в черную литературу еще в XIX в. Это, во-первых, визионерство, связанное с пробуждением творческих сил героини; но, разумеется, у Херстон «обращение» (*conversion*), рассказ о котором был кульминацией духовных автобиографий, носит уже совсем не религиозный характер. Во-вторых, это тема грамотности (*literacy*), книжной культуры, — книгочейство, учеба в школе, без которых не может сформироваться самостоятельная самосознающая личность.

В литературе 1920–1930-х годов возникает образ *черного примитива*, вобравший в себя представления о характерных чертах черной расы — витальность, непосредственность, сексуальность, близость к природе. Образ негра — «естественного человека», почти не затронутого «порчей цивилизации», часто встречается в белой модернистской литературе и встраивается в топос «американского Адама» и «американского Эдема». Негр-примитив — безусловно положительный идеал у Ш. Андерсона и У. Фолкнера, У. Карлоса Уильямса, Г. Стайн («Меланкта», 1909), У. Франка (роман «Праздник», 1923) и К. Ван Вехтена, автора скандально знаменитого романа «Черномазый раек»

(Nigger Heaven, 1926), где изображается «веселый Гарлем» двадцатых. — мир альфонсов и содержанок, приживалов и «светских мотыльков», прожигающих жизнь в кабаре и на частных вечеринках.

Образ примитива сразу вызвал к себе двойственное отношение в среде негритянской интеллектуальной элиты. Целый ряд авторов (У. Дюбуа, Дж. Уэлдон Джонсон и др.) утверждали, что образ примитива поддерживает стереотип о негре как о полу-животном, представителе низшей расы, противоречит идеалу образованности и цивилизованности, мешает прогрессу черной расы в Америке. Для них примитив тесно связывался с негативными и унижительными образами времен рабства — «обезьяна», «Топси», потешный «менестрель» (белый артист-танцор, представляющий гротескную карикатуру на негра). Однако другие деятели Гарлемского ренессанса видели в примитиве символ самобытности черной расы, воплощение ее достоинств и возможностей, недоступных белым. Образчики примитива в негритянской литературе создали Клод Маккей (Джейк в романе «Домой, в Гарлем», 1927) Эрик Уолронд (сборник рассказов «Смерть в тропиках», 1926), Лэнгстон Хьюз как в прозе (циклы рассказов о Дж.Б. Симпле 1940–1960-х гг.), так и в целом ряде стихотворений («Негритянские танцоры», «Ночная песня в Гарлеме», «Жалоба черной расы» и др.). Показательно, что все эти авторы — либо выходцы из Вест-Индии (Маккей, Уолронд), либо видные фигуры в так называемой черной диаспоре, поддерживавшие многочисленные дружеские связи с литераторами Гаити, Мартиники, Кубы, Африки (Хьюз, Маккей). Не случайно негритянский примитив 1920–1930-х годов заметно повлиял на идеологию негритюда, а впоследствии оказался тесно связан с афроцентризмом и черным сепаратизмом.

В период Гарлемского ренессанса, когда возникла мода на «все негритянское», в том числе и на негритянских писателей, афроамериканская литературная традиция совершила качественный скачок. Тем не менее отставание от мейнстрима так и не было ликвидировано. В период «предренессанса» (1880–1910-е годы) негритянская литература в основном следует принципам романтизма и викторианской благопристойности (поэзия Данбара, романы, рассказы и новеллы Ч. Чеснатта). В эпоху Хемингуэя и Фолкнера, Дос Пассоса и Андерсона негритянская проза — это, в первую очередь, бытописание, принцип жизнеподобия, психологизм. В XIX в. негритянские авторы писали о том, какими должны быть негры, представляли идеал, а реальное положение дел рисовали как недолжное и унижительное состояние. Теперь главный вопрос, которым озабочена литература — не «какими мы должны быть?», а **«какие мы на самом деле?»** Задачам самопознания были починены и **жанровые формы** — бытописательские и психологические романы, повести, рассказы, очерки и новеллы. Принцип жизнеподобия, внимание к социальным

проблемам, точность деталей и прочие характерные приметы указывают на тесную связь с принципами главных литературных направлений прошлого века — реализма и натурализма. На этом фоне наблюдается единственное исключение — книга лирической прозы Джина Тумера «Тростник» (Cane, 1926), ничем не уступающая лучшим образцам американского модернизма. Поэзия в целом обгоняет прозу — Лэнгстон Хьюз, Стерлинг Браун, Клод Маккей и другие поэты Гарлемского ренессанса гораздо смелее и авангарднее в своих поэтических экспериментах, чем их современники-прозаики. Однако ситуация по-настоящему начнет выравниваться лишь в 1940–1950-е годы с появлением таких черных классиков XX в., как Ричард Райт, Ральф Эллисон, Джеймс Болдуин, творчество которых позволяет констатировать, что негритянская литература США, пройдя период ученичества и подражания, достигает определенной зрелости и самостоятельности.

Список литературы

- Удлер И.М.* В рабстве и на свободе. Становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII–XIX веках. Челябинск, 2009.
- Andrews W.L.* To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760–1865. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1986.
- Black Imagination and the Middle Passage / Ed. by M. Diedrich, H.L. Gates Jr., C. Pedersen. N.Y.: Methuen, 1984.
- Brown W.W.* Clotel; or, The President's Daughter. A Narrative of Slave Life in the United States. L.: Partridge & Oakey, 1853.
- Gronniosaw U. (James Albert).* A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself. Bath: Printed by W. Gye, 1770.
- Hammon B.* A Narrative of the Uncommon Sufferings, and Surprising Deliverance of Briton Hammon, A Negro Man, Servant to General Winslow, of Marshfield, in New-England; Who returned to Boston, after having been absent almost Thirteen Years. Boston: Printed and sold by Green & Russell, in Queen-Street, 1760.
- Pioneers of the Black Atlantic. Five Slave Narratives from the Enlightenment, 1772–1815 / Ed. by W.L. Andrews, H.L. Gates Jr. N.Y.: Basic Books, 1998.
- Terry L.* Bars Fight. *Sheldon G.* Negro Slavery in Old Deerfield // New England Magazine. Vol. 14. № 1. March, 1893. P. 55–56.
- Starling M.W.* The Slave Narrative: Its Place in American History. Boston: GK. Hall, 1981.
- Wheatley Ph.* Poems on Various Subjects, Religious and Moral / By Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. L.: Printed for Archibald Bell, 1773.

Сведения об авторе: Панова Ольга Юрьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olgapanova65@mail.ru

С.И. Кормилов, Г.А. Аманова

**МЕТРИКА, РИФМА И СТРОФИКА В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ ИЗ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев)**

Статья первая

Из-за различия просодий ритм в русских переводах с некоторых восточных языков передается чрезвычайно условно. Немногочисленные переводчики корейской поэзии по-разному пытаются дать русский художественный аналог иноязычных приемов. В данной работе с точки зрения стиховедения рассматриваются работы трех переводчиков разного таланта и разной квалификации.

Ключевые слова: стих, полустихие, размер, стопа, рифма, строфа.

The translation of poems from some oriental languages has the conditional character, because they have different prosody. Translators of Korean poetry, who are not numerous at present, tries to find the different ways for artistic translations into Russian of the some methods of the foreign languages. The authors of this work to investigate of the translations of Korean poems by three Russian translators, who have the different level of the skills and qualifications.

Key words: verse, hemistich, metre, metric foot, rhyme, stanza.

В переводах с некоторых восточных языков используются весьма условные аналоги ритма оригиналов. Сказываются различия языковых просодий. Так, основа русской — тоническая, а японской — силлабическая, но японский стих не является только силлабическим: «Ритм строится на определенном числе и чередовании пяти- и семисложных строк. Большое значение имеют музыкальные ударения и мелодический рисунок стиха» [Боронина, 2001: 1266]. Рифмы не было. На этой основе силлабо-тонический принцип неосуществим.

Тем не менее японисты в 1920-е годы попытались его применить даже в переводах старояпонской прозы. Н.И. Конрад и его сотрудники совещались относительно принципов перевода хроники «Кодзики» («Записи древних дел», начало VIII в.). По словам будущего академика, у них «возникла мысль передать текст этой священной книги японского народа — гекзаметром <...>, чтобы у русского читателя создалось впечатление близкое, если не вполне эквивалентное тому, которое, по нашим представлениям, должно быть у японцев. Если учитывать тот факт, что Кодзики — особенно первая ее часть — есть типичный мифологический эпос, и притом именно обработанный в своеобразную стилистическую форму, представление о Кодзики

(главным образом о ее первой части) как об эпической поэме должно быть недалеко от истины. Переложение на гекзаметр переводчиком уже было частично сделано; однако, поскольку мы не были убеждены в своей правоте, постольку было решено дать перевод прозаический, с тем, чтобы впоследствии уяснить себе этот вопрос уже более определенно» [Конрад, 1927: 544–545]. Действительно, древнее предисловие к «Кодзики» (переводчик Н.И. Фельдман) в сборнике 1927 г. дано обычной прозой, но отобранные главы VII–VIII (переводчик Г.О. Монзелер) — прозой метризованной, напоминающей гекзаметр [там же: 75–82]. Однако не только ориентацией на него объясняется эксперимент японистов. В конрадовских переводах из «Исэ-моногатари» и «Записок из кельи» Камо-но-Тёмэя используется не всегда выдержанный двусложниковый ритм [там же: 158, 160–162, 260–262, 271–277], а вместе с тем и немного трехсложникового [там же: 159, 272], причем к «Запискам из кельи» («Ходзёки», XIII в.) Н.И. Конрад делает примечание: «Перевод этого произведения впервые был мною опубликован в 1922 году в “Записках” Орловского Государственного Университета (Орел, Госиздат)» [там же: 549]. Понемногу и двусложника и трехсложника есть в переводе «Повести о Тайра» Е.М. Колпакчи [там же: 297, 317], дольниковая проза — в переводах небольшой части «Собрания древних и новых песен Ямато» (А.Е. Глускина) и «Ямато-моногатари» (Е.М. Колпакчи) [там же: 99, 163–174]. Значит, метризация прозы ощущалась как создающая вообще, в принципе экзотический колорит.

Еще в 1923 г. Конрад напечатал перевод книги X в. «Исэ-моногатари» («Исэских новелл» о похождениях одного кавалера в провинции Исэ) [см.: Исэ..., 1979: 6–9], переизданный в 1979 г. в серии «Литературные памятники». Автор перевода широчайше использовал метризованную прозу, сочетая трехсложниково-дольниковый и двусложниковый варианты, иногда даже в одной фразе. Гекзаметр здесь ни при чем, а чуждый японской просодии силлабо-тонический принцип задействован.

Гораздо ближе друг к другу были проза и стих в китайской литературе. Как отмечал Л.З. Эйдлин в предисловии к переводам В.М. Алексеева, «трудно в классической китайской литературе отделить поэзию от прозы <...>» [Китайская..., 1959: 19], но ритм в ней совсем уж далек от силлабо-тонического. В наиболее ранний период поэзия «еще целиком была песенной, стих зависел от музыки и количество слогов в строке не было постоянным, однако господствовал 4-сложный стих. В отличие от европейского метрического стиха, ему была свойственна рифма (кольцевая, перекрестная и т. д. <...>» [Лисевич, 2001: 353–354]. Впоследствии силлабический принцип усилился, но не стал определяющим. «Приблизительно к 6 в. н.э. в китайском языке окончательно сложилась новая система музыкаль-

ных тонов. Это привело к становлению в поэзии и новой системы стихосложения — т. наз. г э л ю й ш и, что по-русски переводится как «уставный», или “регулярный” стих. Для регулярного стихосложения, в отличие от прежнего, песенного, характерно определенное количество иероглифов-слогов в строке, строгое чередование тонов и строгая рифма. Именно этим стихом написаны, как правило, хорошо известные русскому читателю по переводам произведения Бо Цзюйи, Ду Фу, Ван Вэя, Ли Бо и др. Став классическим, этот стих просуществовал 14 столетий и не исчез окончательно даже в наши дни. Строка уставного стиха ш и, как правило, состоит из пяти (5-сложный) или семи (7-сложный) слогов-иероглифов. При декламации они делятся паузой, на стопы по два слога в каждой; т.к. число слогов в строке нечетное, то последняя стопа ее состоит из одного слога. Всего в стихотворении обычно восемь строк. Музыкальные тоны по своему мелодическому звучанию делятся на ровные (п и н) и неровные (ц з э). В стихотворении они чередуются в строгой последовательности, основная цель которой — устранить монотонность, придать стиху музыкальность и создать своеобразную то повышающуюся, то понижающуюся мелодию. Именно эта волнообразная мелодия и придает стиху присущий ему ритм» [Лисевич, 2001: 354–355]. Русских стих, естественно, не может состоять исключительно из односложных слов и тоновой «мелодией» наподобие китайской не обладает.

В.М. Алексеев ритмическую китайскую прозу в 1910–1930-е годы переводил обычной русской прозой [Китайская..., 1959: 8–16, 20, 25], но в 40-е он заявил об этих переводах как подлежащих «замене ритмическими» (по силлабо-тоническому и дольниковому принципам): «<...> я намерен это осуществить, невзирая на трудности подобного предприятия <...>» [там же: 36]. Л.З. Эйдлин писал о публикации 1958 г. (переиздание — 1959): «Мы поместили в издаваемом нами сборнике лишь часть неопубликованных переводов В.М. Алексеева, остальное же ждет своего издания. <...> Здесь собраны переводы, сделанные В.М. Алексеевым в годы Великой Отечественной войны уже на новой основе, с попыткой передать трудный, меняющийся ритм оригинала» [там же: 17, 36]. Алексеев только отказался от попытки передать сплошные рифмы [там же: 335]. В книге есть гетерометрические стихи, есть простая проза, но господствует либо двусложниковая, либо трехсложниковая метризация прозы. Другие переводчики с китайского за Алексеевым не пошли, и явно не только из-за трудности воспроизведения прихотливого, изменчивого ритма, но и ввиду большой условности его передачи с использованием двусложных и тем более трехсложных стоп или «долей» (при расшатывании трехсложника, его переходе в дольник). Такой ритм все равно не походил на ритм оригиналов, это была лишь попытка отечественными средствами передать приблизительное впечатление от него.

Непередаваем и ритм корейской поэзии. Комментатор стихов и переводов Ахматовой Н.В. Королева непрофессионально называет его просто силлабическим [Ахматова, 2005: 834]¹. Правда, то же делал автор учебника корейского языка (1951) В.А. Хван Юндюн, но он отмечал и «музыкальность» корейского стиха [Хван Юндюн, 1957: 126], что вовсе не является комплиментарной метафорой. Природа этого стиха, создаваемого на языке, «который до сих пор ученые затрудняются соотнести с какой-либо языковой группой или семьей» [Пак, 1998: 58], сложна и не до конца ясна. Некоторые действительно считают его силлабическим, другие — силлабо-тоническим, учитывая ударения, третьи — силлабо-квантитативным, «с распределением слогов по долготе и краткости, наподобие римского; наконец, четвертые, оспаривая последнюю точку зрения, доказывают, что ритм корейского стиха образуется длительностью определенного количества слогов (2–7), объединенных ритмом фонационных групп, и называют корейскую метрическую систему “квантитативной по числу слогов”». Хотя все специалисты сходятся в признании «более или менее постоянного количества слогов в строке» классического корейского стиха, изосиллабизм, тем более относительный, «сам по себе еще не является определяющим для природы корейского стихосложения вообще» [Концевич, 2001: 398]. На него влияет смешанное музыкально-квантитативное ударение, причем предположительно до XVII в. высота тона, как в китайском языке, была важнее долготы звучания и «преобладал медленный темп речи, с плавными мелодическими переходами. Потом наступил период относительного равновесия. В современном языке <...> различия по долготе и высоте тона стираются, становятся нерегулярными». Подобным образом эволюционировало стихосложение — «от напевного музыкального стиха через речитативный к современному декламационному свободному стиху» [там же]. А.А. Холодович отмечал, что в XVII–XVIII вв. преобразование популярнейшей формы трехстиший сичжо (по-русски пишется также как *сиджо* и *сидё*) «идет прежде всего по линии принижения роли строки и перехода к непрерывному чередованию ритмически организованных стоп, в основе которых лежит то же самое число слогов, что и в стопе сичжо. Здесь, таким образом, закладываются основы либо для перехода стиха в свободный, что, кстати, характерно и для корейской поэзии двадцатого века, либо для отрицания стиха как такового в пользу ритмически организованной прозы. Известно, что такие выдающиеся произведения <...>, как “Повесть о Чхунхян”, как раз и написаны такой ритмически организованной прозой» [Корейская..., 1958: 13–14]. Но другой кореевед, А.Ф. Троцевич, перевела

¹ Далее страницы этого тома указываются в круглых скобках без отсылки к изданию.

упомянутую повесть без метризации или какой-либо подчеркнутой ритмизации [Классическая проза..., 1975: 332–368].

В русском стихе XX в., преодолевшем прежнюю почти полную монополию силлабо-тоники, роль строки не понизилась, а повысилась, строка была осознана в качестве объединяющего начала для всех форм стиха включая свободный. Стих как основная единица стихотворной речи и строка фактически отождествились (при возможности ее графического дробления), что не было в такой степени свойственно корейской поэзии. Верлибр и метризованная проза оказались антиподами: деление на строки без классического метра в одном случае и стопное либо «долевое» (как в дольнике) членение речи без разделения на строки, подведенные под один ранжир, — в другом. Но и раньше корейская и русская просодии не сходились. Изосиллабизм, пусть нестрогий, для первой был важнейшим признаком классического стиха на протяжении многих столетий. Русский силлабический стих под влиянием польского и французского был в этом отношении значительно строже и, в отличие от корейского, имел обязательную рифму, но продержался он меньше одного века и классической поэзии не породил, явившись лишь робкой подготовкой к ней. После реформы Тредиаковского — Ломоносова он стал для образованных русских совершенно неудобочитаем. До утверждения ломоносовской силлабо-тонической системы реформаторы пытались его усовершенствовать с помощью тоже тонического принципа. В итоге реформированный русский стих был чисто условно приравнен к античному квантитативному, ударный слог стал считаться аналогичным долготному, безударный — краткому. Корейское же ударение, зависящее не только от длительности произнесения слога, но и от той или иной высоты тона (когда где-то нужно «взвизгнуть», где-то пробасить, а где-то использовать промежуточный тон), еще труднее «притянуть» к русскому экспираторному, силовому ударению. В статье «Корейская поэтика», написанной Л.Р. Концевичем и кочующей из одного справочно-энциклопедического издания в другое, т. е. играющей роль главного источника теоретической информации о корейской словесности, допущена грубая терминологическая ошибка: «Возможно, до 17 в. корейское ударение было больше тоническим, чем долготным (об этом свидетельствуют хотя бы специальные обозначения четырех тонов в заимствованных из китайского словах и трех тонов в исконно корейской лексике), преобладал медленный темп речи, с плавными мелодическими переходами» [Концевич, 2001: 398]. Корейское ударение — *тоновое*, а не «тоническое», такое словоупотребление вообще тавтологично, в русской традиции «тонический» и значит «ударный». Темп речи, ее плавность и мелодичность при грамотном русском словоупотреблении не могут ставиться в прямую зависимость от силового ударения. Кстати, далее в этой

статье есть еще одна тавтологическая фраза: говорится про строфы «с повторяющимся рефреном» [там же: 401]. Не повторяющихся рефренов не бывает.

Стиховедческие ошибки, теоретические и фактические, еще больше усложняют вопрос о русских поэтических переводах с восточных языков. Авторы статьи об ахматовских переводах пишут: «Образ восточной поэзии отзывается в форме двустушией — одной из характерных форм восточной поэзии» [Козубовская, Малышева, 1998: 65]. Очевидно, имеется в виду арабо-персидский *бейт*. По-русски его передают двустушиями, но на Востоке он считается одним стихом, разделенным на полустушия [Гаспаров, 2001: 209]. Доказательств того, что бейт повлиял на двустушия Ахматовой, нет. Сами Г.П. Козубовская и Е.В. Малышева тут же признают: «Прямой зависимости Ахматовой именно от восточной формы обнаружить нельзя» — и называют три достаточно различных вида «содержательной нагрузки» ее двустушией, что не имеет отношения к Востоку, а затем делают вывод: «Общее для всех разновидностей — сознание несбыточности, инобытийности, ирреальности происходящего, что выражено в одном из “восточных” двустушией: “А умирать поедем в Самарканд / на родину бессмертных роз...” <...>, связанного (так. — С. К., Г. А.) с биографическим контекстом» [Козубовская, Малышева, 1998: 65–66]. Цитируемая миниатюра написана, действительно, на Востоке, в Ташкенте, по случаю смерти в Самарканде женщины, близкой к Н.Н. Пунину — бывшему гражданскому мужу Ахматовой. Только по форме это не собственно двустушие, а «полторастушие», имитирующее отрывочность и цитатность. Эта форма характерна для эпитафий [Кормилов, 2012: 8–9, 12, 15], и ее главный содержательный ореол — кладбищенский, а не ориентальный².

Комментатор ахматовских переводов из корейской лирики пишет: «Наиболее распространенными были «сидё» (сичжо) — трехстишия с обязательной цезурой посередине каждой строки» (с. 834). Верно отмечено, что на русский язык сиджо обычно переводили шестистишиями, т. е. русская судьба корейского стиха в данном случае такова же, какова судьба арабо-персидского бейта. У истоков этой традиции — один из двух первых (1956) сборников переводов корейской лирики, вышедший в Алма-Ате и названный «Корейские шестистишия». Переводчики — А. Жовтис и П. Пак Ир. Другой сборник появился в Москве под названием «Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой». Через два года он был переиздан. На

² Прочитывая другое стихотворение, авторы статьи «“Восточные переводы” А. Ахматовой» заменили слово «Всего» на «Всех»: «Всех прочнее на земле печаль // И долговечней царственное слово» [Козубовская, Малышева, 1998: 75]. Это превратило первый процитированный стих из ямбического в хорический, ритмически не вяжущийся со вторым.

титульном листе факт переиздания не отмечался, но А.А. Холодович в предисловии сообщал: «Настоящее, второе издание “Корейской классической поэзии” частично переработано и дополнено новыми переводами» [Корейская..., 1958: 16].

Исключенная из Союза советских писателей в 1946 г. Ахматова была в нем восстановлена в 1950-м и с этого времени систематически занималась стихотворными переводами [Записные..., 1996: 140]. Не раз она говорила о том, как это ее угнетало. В черновике письма к Дмитрию Евгеньевичу, очевидно Максимову (известному литературоведу), от 3 января 1963 г. она принимала его новогоднее пожелание — «побольше стихов и поменьше переводов.

Я окончат<ельно> убедилась, что для поэта переводы дело гибельное.

Творческая энергия утекает и образуется удушье, с которым совершенно нельзя бороться» [там же: 275].

Возможно, отношение к переводам из восточных литератур было мягче. В поздних ахматовских записях появились «свидетельствующие об особой увлеченности философией, медитативной поэзией Востока и пристальном внимании к жизни человеческого Духа во сне» [Шевчук, 2004: 66]. Например, 27 мая 1964 г.: «Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора и приближения к буддизму, кот<орым> я живу последнее время <...>» [Ахматова, 2002: 306]. Интерес к одной восточной культуре может стимулировать интерес к другой. Из индийской поэзии Ахматова перевела только 30 стихотворений Рабиндраната Тагора (с. 165–185, 193–205), его поэму «Паломничество» (с. 185–193) и пять стихотворений Сумитранандана Панта (с. 205–208), а китайские поэты у нее представлены 12 именами (правда, всего 22 произведениями) (с. 258–282). Кроме того, она, возможно, принимала участие в окончательной отделке переведенной Н.И. Харджиевым поэмы Цюй Юаня «Лисао» (с. 703–716, 1004). Но корейские поэты оказались вне какой-либо конкуренции. Первый договор на их перевод Ахматова подписала 13 января 1955 г. (см. с. 830). Книга переводов появилась быстро — в следующем году.

М.Л. Гаспаров в «постскрипуме» к своей статье «Стих Анны Ахматовой» сожалел, «что до сих пор нет возможности обследовать свод стихотворных переводов Ахматовой: иногда такие «стихи для заработка» дают интересные толчки оригинальному творчеству поэта» [Гаспаров, 1997: 491]. Увы, полный и подлинный «свод» этих переводов скорее всего установить нельзя. Все-таки Ахматова относилась к ним не так, как к собственным стихам, и могла выдать перевод, сделанный другим человеком, за свой. Кто кому притом больше помогал — это вопрос. К одному из последних интервью Л.Н. Гумилева, названному «Последний сын Серебряного века», редакция журнала «Декоративное искусство» (1993. № 1–2) дала следующее примеча-

ние: «Разница в сумме гонорара переводов стихотворений для члена Союза писателей СССР и остальных была значительной. Иногда за Ахматову литературную работу по переводу стихотворений, насыщенных историческими сюжетами, как профессиональный историк, выполнял Лев Гумилев» [Гумилев, 2012: 339]. Сам Лев Николаевич рассказывал: «<Сидим> и говорим о поэзии — корейской или китайской (тогда мы переводили вместе). А вообще — эти отношения, с переводами (кто их делал) — пусть останутся нашей тайной, не нужно <их> знать. <...> В истории я толк знаю! Это Ахматова такое загибала в исторических переводах!.. Ну, да я обещал молчать...» [там же: 338–339]. Предваряя приведенные высказывания, редакция журнала сообщала, что «Л.Н. вспоминает конец 1950-х годов, когда он вернулся из лагеря и жил у матери» [там же: 338]. Лев Николаевич вернулся из лагеря не в «конце» 1950-х, а в 1956 г. Первое издание «Корейской классической поэзии» в том году уже вышло. Договоры на переводы из китайских поэтов Ахматова подписывала в 1953 и 1955 гг. и лишь на минимальное число строк — 28 сентября 1956-го (с. 814). Н.В. Королева в комментариях к переводам из китайских и корейских поэтов ни о каких рукописях, которые бы сохранили почерк Л.Н. Гумилева, не упоминает. Когда и что он советовал матери устно, неизвестно, однако слова «переводили вместе» — по-видимому, преувеличение почти 80-летнего старика.

Другое дело — притязания младшего друга Ахматовой Н.И. Харджиева (1903–1996), разностороннего гуманитария, которого Л.Н. Гумилев за что-то осуждал, возможно, за раскрытие «тайны» авторства переводов с корейского, вышедших под именем Ахматовой³. Харджиев на склоне лет приписал себе их «большую часть» [Харджиев, 1992: 230]. Согласно его пометам на издании 1956 г., им выполнено 49 переводов (см. с. 831–833). В книге, принадлежавшей ему, на пятидесяти с лишним страницах имеются поправки-предложения Харджиева изменить ту или иную строфу. Однако, свидетельствует Н.В. Королева, «во втором издании книги Ахматова не приняла ни одного из этих предложений, из чего можно заключить, что работа над изданием 1958 г. велась ею без участия Харджиева» (с. 833). Безусловно, у него не только в глубокой старости было преувеличенное представление о собственных переводческих способностях и заслугах. Из харджиевского списка на основе архивных материалов Королева отобрала те произведения, переводы которых ахматовский помощник без достаточных оснований приписал исключительно себе (см. с. 833, 839, 848, 865–867, 871, 873, 878, 879, 882), и включила их

³ «Остались некоторые обиды, на Харджиева, например, но это между нами, стариковское» [Гумилев, 2012: 352]. Нужно оговорить, что статья Н.И. Харджиева «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой» появилась в печати только в год смерти Л.Н. Гумилева.

в Собрание сочинений Ахматовой; то, что осталось в списке, в Собрание не вошло. Несмотря на основательность работы, проделанной исследовательницей, какие-то сомнения относительно авторства некоторых переводов, индивидуального или совместного, возможны. Кроме того, разрушена цельность книги «Корейская классическая поэзия». По сути, она и не выглядела как индивидуально-авторская. Неподготовленному читателю чрезвычайно много было бы в ней совершенно непонятно без предисловия А.А. Холодовича и особенно его комментариев. Корейская поэзия в весьма значительной мере — это поэзия намеков, аллегорий и символов, а также традиционных образных клише, которые читатели с иной культурой не могут воспринять как таковые. Вот, например, сиджо Со Ика в переводе:

Ели бы разрушить эту гору,
Если б засыпать ею море,

Я тогда б добрался до Пынляя,
Там с моей любимой повстречался...

Но, увы, я схож с пичужкой малой
И не создан для таких деяний!

[Корейская..., 1958: 158]

Примечание востоковеда: «Автор стихотворения сравнивает себя с малой пичужкой (в подлиннике — с птицей цзинвэй). По преданию, жена мифического императора Янь-ди, утонувшая в Восточном море, обернулась после смерти птицей; эта маленькая, невзрачная птичка долбит камни и деревья, пытается засыпать отколотыми камешками и щепочками то море, в котором она утонула, когда была человеком. Разумеется, это ей не удастся. Поэтому выражение «птица цзинвэй засыпает море» означает: замыслить что-либо несбыточное и только зря потратить на это силы» [там же: 305]. Читатель еще обязательно должен знать, что корейская литература сформировалась под мощным воздействием китайской. Что же мог сделать комментатор-русист? Только вкратце изложить объяснение Холодовича (с. 862).

В Собрании сочинений разрушены состав и структура книги. Хотя составляла ее не Ахматова («Составление сборника на русском языке осуществлено кафедрой корейской филологии Ленинградского государственного университета» [Корейская..., 1958: 16]), отбор и соотношение текстов имеют важнейшее значение для книги как целого. Думается, харджиевские переводы можно было бы дать другим шрифтом, ведь, помимо сказанного, не исключено, что где-нибудь Ахматова их «коснулась» если не пером на бумаге, то голосом при обсуждении. Три перевода Холодовича под редакцией Ахматовой в Собрание вошли под отдельной рубрикой, по сути, в приложении (с. 728–729), в книге же не три, а четыре перевода занимали свои места, определенные ее структурой (поскольку это прежде всего

сборник корейской поэзии, а не ахматовской) [Корейская..., 1958: 128, 229, 263, 280]; почему-то один перевод Холодовича — сиджо Ли Хвана «Пусть гром разрушит скал грядущий...» — Н.В. Королева поместила в корпус ахматовских (с. 321), хотя в комментарии писала: «В «Содержании» книги “Корейская классическая поэзия” в обоих изданиях указано, что стихотворение “Пусть гром разрушит скал грядущий...” переведено А. Холодовичем под редакцией А. Ахматовой» (с. 855). В «содержании» сборника во всех четырех случаях отмечалось: «Перевод А. Холодовича под ред. А. Ахматовой» [там же: 311, 317–319]. «Известный ученый, заведовавший одно время тремя кафедрами — корейской, японской и китайской филологии, выдающийся исследователь типологии языков, блестящий переводчик с немецкого, французского, английского, корейского и других языков — А.А. Холодович не нашел возможным при указании автора перевода четырех трехстиший опустить слова «под ред. А.А. Ахматовой», что свидетельствует о его отношении к таланту А.А. Ахматовой, вложившей огромный труд в издание корейской классической поэзии» [Пак, 1998: 60–61]⁴. В этом отличие поведения Холодовича от поведения Харджиева и даже Льва Гумилева.

Н.В. Королева заявила, что публикует ахматовские переводы, «следуя композиции книги «Корейская классическая поэзия» (1958), где произведения расположены в основном по хронологическому принципу» (с. 837). Это дважды неверно. Книга построена больше по жанровому (учитывающему и своеобразие стиха), чем по хронологическому принципу. «Сборник состоит из четырех частей. В первую часть вошли произведения раннего средневековья, написанные в форме, присущей народной поэзии. Последующие части включают в себя произведения позднего средневековья (с XV в.): вторая часть — произведения, написанные в форме *каса* (XVI в.), третья часть — стихи в форме *сичжо* (XV–XVIII вв.), четвертая часть — стихи в форме *чанга* (XVII–XVIII вв.)» [Корейская..., 1958: 16]. Н.В. Королева деление книги на части ликвидировала, отнюдь не «следуя» четкому принципу ее композиции. Первая часть без харджиевского перевода песни «Тон-дон» никак не обозначена, следом идут рубрики «Корейские поэты XIV–XV вв.» и «Корейские поэты XVI–XVIII веков», в последнем собраны «Неизвестные авторы». В книге «Стихи неизвестных авторов» замыкали третью и четвертую части; маленькие первая и вторая состояли соответственно из произ-

⁴ Не все переведенные Холодовичем тексты были трехстишиями. Заблуждался и Л.Р. Концевич, высказывавшийся насчет «четырех *сиджо* и одного *чан-сиджо*, переведенных А.А. Холодовичем под редакцией Анны Ахматовой» [Концевич, 2008: 358]. На самом деле Холодович перевел два *сиджо* [Корейская..., 1958: 128, 229] и два стихотворения в своем переводе [там же: 263, 280] отнес к форме *чанга*, включив их в четвертую часть сборника; в них 9 и 11 строк.

ведений старинного фольклора и одного автора — Чон Чхоля, поэта XVI в., взявшего псевдоним Сон Кан (см. с. 846). В результате жанры и традиционные формы, которые были для той поэзии важнее, чем творческие индивидуальности, оказались в томе, подготовленном Н.В. Королевой, перемешанными. В обеих публикациях преобладают трехстишия — русские шестистишия, пробелами разделенные на двустишия, — сиджо. Но в книге они все объединены в одну (третью) часть, а у Королевой в них вклинились поэма Сон Кана в жанре каса (по-русски — сплошной 5-стопный ямб с чередованием женских и мужских окончаний) «Забрел в Сонсан однажды некий странник...» (с. 293–298) и стихотворение Ким Мин Суна «Недугов, что меня терзают тяжко...» (с. 343) в жанре чанга (также 5-стопный ямб с чередованием окончаний; последний стих оборван, что случилось в лирике поздней Ахматовой, на 3-й стопе: «Так это все неважно...»). Рубрика «Неизвестные авторы», в свою очередь, начинается с сиджо, которые потом («Кузнечик, о кузнечик!..», с. 355) без всякого обозначения сменяют чанга в разных формах.

Ошибка при перепечатке сломала размер в стихотворении Ю Ын Бу «Прошедшей ночью ветер дул...»: «И землю снегом покрыл» (с. 291) вместо «снег покрыл» [Корейская..., 1958: 65]; в переводе сиджо неизвестного автора «Конь ржет от нетерпения...», чередовавшем дактилические окончания с мужскими [там же: 211], получалась форма «нетерпенья» (с. 345), нарушившая эту последовательность. Опечатка вкралась в дольник «Возглас Чхоёна» в переводе старинного драматизированного песенного действия «Чхоёнга»: «Не надо мне тысячи золотых, // Не над семи сокровищ! // Поймите мне лихоманку» (с. 285). Во второй строке должно быть, естественно, «надо», как в первой. Без искажения размера обошлось при текстологическом искажении в начале сиджо неизвестного автора: «Один слепец взял на спину другого, // На босу ногу намусин надев <...>» (с. 348, в «содержании» — с. 1101); должно быть «Один слепец, взяв на спину другого <...>» [Корейская..., 1958: 224]. Кроме того, Сон Сун [Корейская..., 1958: 165] оказался переименован в Сон Ина (с. 332). Правда, была исправлена явная опечатка в приведенном выше сиджо Со Ика: «Если бы засыпать ею море» (с. 331), а не «Если б», как получилось в сборнике, что тоже нарушало размер.

«Ахматова работала над переводами корейских поэтов с увлечением, гордилась вышедшей книжкой, охотно дарила ее друзьям и знакомым с разнообразными надписями» (с. 830). «В своих высказываниях, заметках разных лет Ахматова часто выделяла свои переводы с корейского, говорила об увлечении, с которым она работала над ними. Работа с подстрочниками сопровождалась изучением восточной культуры. Специалисты утверждают, что Ахматовой удалось передать особенности корейской поэзии, приблизиться к оригиналу,

передать мироощущение человека древней эпохи с его особой философией и культурой» [Козубовская, Малышева, 1998: 64]. Однако первый рецензент «Корейской классической поэзии» и «Корейских шестистиший» В.А. Хван Юндюн, говоря о московском издании, в ряде случаев «остался недоволен слишком вольным обращением переводчиков с оригиналом. Многие его замечания высказаны по поводу переводов, сделанных Н.И. Харджиевым, но кое-что относится и к текстам Ахматовой» (с. 834–835). В этих случаях он с точки зрения содержания предпочел переводы А. Жовтиса и П. Пак Ира.

Насчет «многих замечаний», якобы относящихся именно к харджиевским переводам, Н.В. Королева неправа: лишь перевод стихотворения неизвестного автора «Уйдя с любимой в горы...», критически анализируемый Хван Юндюном (правда, с него и начинается строгий анализ [Хван Юндюн, 1957: 123–124]), входит в признанный ею список Харджиева (с. 833). Безусловно, для Ахматовой-переводчицы художественность была важнее обязательной точности. Аттестуя рецензента как, «по-видимому, хорошо знающего корейскую поэзию и корейский язык» (с. 835), Н.В. Королева, тем не менее, констатирует: «Эта рецензия, по-видимому, была известна Ахматовой, так как ее текст имелся в ее архиве (см. ОР РНБ, ф.1073). Однако при переиздании книги в 1958 г. она не отказалась ни от своей свободы в переложении текста, ни от торжественности слога, ни от некоторой «мистики», которую считала нужным привнести в корейский оригинал» (с. 837). Л.Р. Концевич, уважающий своего «покойного учителя В.А. Хван Юндюна», рассматривает оба первых переводных сборника корейской поэзии — и в варианте Ахматовой, и в варианте Жовтиса — как «великолепный пример двух поэтически разных прочтений корейской классики в русском переводе» [Концевич, 2008: 378, 375].

В чем Хван Юндюн был решительно некомпетентен, так это в отношении стиховедения, и не только русского. Его личной вины в такой некомпетентности, можно сказать, нет: в СССР вообще стиховедение с 30-х до самого конца 50-х годов было в загоне, приравнивалось к третирававшемуся формализму.

Рецензент заявляет: «В составе московского сборника — произведения поэтов раннего средневековья, написанные в форме, присущей народной поэзии (до XV в.) — лирические *каса*, *сидё* и *чанга* (стихи с XV по XVIII в.)» [Хван Юндюн, 1957: 123]. При такой пунктуации получается, что *каса*, *сидё* и *чанга* — это и есть народные формы, существовавшие до XV в., но в скобках сказано, что после. В предисловии А.А. Холодовича и в структуре сборника эти формы разграничены чётко, логически и исторически. «Алма-атинское издание составлено лишь из *сидё* и *чанга* <...>» [там же], — продолжает критик. Но как быть с заглавием книги «Корейские шестистишия», против которого он не возражает? *Чанга* — это «букв. “длинная песня”» [Концевич,

2001: 401], произведения этого жанра должны быть уж во всяком случае больше трех стихов (шести полустихий). Сначала Хван Юндюн сам называет сидё (эта транскрипция его устраивает больше, чем «сиджо» [Хван Юндюн, 1957: 126]) «шестистишиями» [там же: 123], потом пытается сделать уточнение, но крайне неудачно: «То, что в московском издании написано по-русски как сичжо («трехстишие»), в алма-атинском — как сидё («шестистишие»))» [там же: 126]. При такой формулировке получается, словно сидё и сичжо (сиджо) по смыслу не одно и то же: будто бы первое означает шестистишие, второе — трехстишие.

«Ахматова пользуется только белым стихом, А. Жовтис и П. Пак Ир прибегают и к рифмованному стиху. Наименее удачные переводы книги “Корейские шестистишия” это как раз переводы рифмованные, хотя само обращение к рифме кажется нам оправданным» [там же: 125], — пишет Хван Юндюн. Похоже, А.Л. Жовтис (1923–1999), профессиональный стиховед-русист, но вместе с тем весьма активный переводчик из многих национальных литератур, впоследствии учел это замечание. В книгу своих избранных переводов он включил лишь одно полностью рифмованное стихотворение неизвестного корейского поэта, им переведенное:

Мой милый, уезжая в дальний край,
Оставил мне слова на «ай» и «ой»:
«Домой» и «твой», «прощай» и «ожидай».
А мне совсем не надо слов на «ай»,
Пусть остаются лишь «домой» и «твой».
[Жовтис, 1983: 83]⁵

Показательно, что текст этот шуточный. Может быть, Жовтис, занимавшийся как разносторонний литературовед, в частности, древнерусской литературой («В составленной им в 1966 г. хрестоматии для университетов и гуманитарных факультетов “Древнерусская литература” более 30 произведений представлено в его переводах» [Абишева, 2013: 10]), хотя бы подсознательно помнил, что в русском средневековье рифмой, не употреблявшейся ни в обычной устной, ни в письменной речи (там это был бы курьез), охотно пользовались скоморохи.

В сборнике избранных переводов Жовтиса 93 сиджо. Из них 10 имеют ситуативные рифмы. Это всегда одно созвучие на шесть строк. Рифмуются строки, находящиеся в стихотворении на разных позициях: трижды — строки 1 и 3 [АЖ, с. 51, 63, 78], по два раза — 3 и 5 [там же, с. 59, 68] и 4 и 5 [там же, с. 54, 71], по одному разу — 2 и 3, 4 и 6, 2 и 6 [там же, с. 77, 70, 67]. В последнем случае рифмовка редкая, отдаленная: рифмующие строки разделены тремя нерифмующими — двумя с женским окончанием и одной с мужским; вдобавок рифма неточная: *расцветают* — *растает*. Возможно, попыткой

⁵ Далее отсылки к этому изданию даются с обозначением АЖ.

учесть корейскую специфику было то, что половина этих рифм относится к грамматическим: кроме уже приведенной использованы рифмы *рябым — тупым, порхать — щебетать, вином — кипятком, цветут — поют* [там же, с. 51, 63, 77, 78]. Правда, в паре *расцветают — растает* не совпадает число и время глаголов, а в паре *вином — кипятком* — род существительных.

Отдаленная рифма была также в первоначальном варианте перевода цикла «Девять излучин Косана» Ли И. В нем вторая строка третьей строфы в форме сиджо — «Как хороша излучина Игок!» — рифмовалась с заключительной, шестой: «Им вестью будет белый лепесток», — которой восхищался рецензент книги переводов Жовтиса «Луна в реке» (1975): «“Им вестью будет белый лепесток” — как это просто и поэтично сказано, сколько в этом внутреннего, душевного изящества и умения одухотворить все сущее на земле!» [Ровенский, 1976: 63]. Тем не менее переводчик-стихoved не обольстился похвалой земляка (рецензия снабжена пометкой «Алма-Ата») и сделал заключительный стих строфы совсем другим (может быть, имеется другой вариант оригинала?), без рифмующегося слова: «Кто им сумеет рассказать о ней?» [АЖ, с. 60].

Свое сравнительно лояльное отношение к рифме в переводах В.А. Хван Юндюн объяснял как на конкретном примере, так и обобщенно. В переводе стихотворения Ли Вон Ика (XV в.) из «Корейских шестистиший»:

У ивы заветной сто тысяч веток,
Удержишь ли ими весенний ветер?
Пчела золотая и бабочка светлая
Вовек не вернуться к увядшему цвету.
У самой сильной любви нет силы
Вернуть уходящего милого —

«налицо одна из важнейших особенностей сидё — богатая аллитерация (на «в»). Между тем переводчик сборника «Корейская классическая поэзия», как и автор предисловия проф. Холодович, совершенно не уделили внимания инструментовке корейского стиха в переводах, которая полностью восполняет (так. — С. К., Г. А.) отсутствие такого элемента новой европейской поэзии, как постоянная рифма.

В переводах А. Ахматовой стих — белый, всегда и везде. В «Корейских шестистишиях» музыкальность его звучания, не передаваемая на чужом языке, компенсируется иногда рифмой, иногда (как в приведенном стихотворении) аллитерациями, ассонансами, внутренней рифмой и другими специфическими средствами русской поэтики» [Хван Юндюн, 1957: 126].

Получается, не только на уровне смысловой точности, но и на уровне формы Ахматова часто уступает А. Жовтису и П. Пак Иру, а до эрудиции Хван Юндюна далеко не только ей, но и Холодовичу.

На самом деле в приведенном стихотворении кроме аллитераций (отмечена на «в», но есть и менее сильная на «с») и ассонансов присутствует опять-таки вряд ли плодотворный в переводах с корейского прием — сплошная рифма, да какая! — «левая», без совпадения заударных частей слов, а в двух из трех пар еще и разносложная. Такие рифмы появились у футуристов и стали возрождаться во второй половине XX в. у некоторых подражателей Маяковского, например Евтушенко. Последний в 1957 г. уже успел вкушать славы. Ахматова удостоилась упрека Хван Юндюна за то, что не захотела, чтобы у знакомого с поэтической культурой читателя стих корейского поэта XV в. вызывал ассоциации со стихом Маяковского, официально главного советского поэта, или молодого умеренного «бунтовщика» Евтушенко, которого она называла «очень плохим Маяковским» [Ахматова, 2002: 337].

Что касается аллитераций, то в корейском языке они менее заметны, чем в русском, из-за большого количества сходных согласных звуков: [к(г)], [кк] и [кх], [т(д)], [тт] и [тх], [п (б)], [пп] и [пх], [ч(ж)], [чч] и [чх], [с], [сс] и т. д. [Большой корейско-русский..., 1976: 16]. Созвучия такого рода часто вызываются собственно языковыми причинами, а не творческими, художественными. Попытка их буквального воспроизведения на русском языке могла бы выглядеть нарочитой, как иногда было у символистов и их литературных противников — тех же футуристов. Выросшая в атмосфере Серебряного века Ахматова помнила, что не только футуристы противопоставляли себя классике с ее обычно недемонстративной поэтикой. Символисты тоже противопоставляли свое творчество пусть не классике, но эпигонам поэзии XIX в., считали его прежде всего новаторским. А сборник, для которого Ахматова переводила, назывался «Корейская классическая поэзия». Переводы и должны были производить на культурного читателя (ведь сборник предназначался не полуграмотным людям) впечатление именно классической, а не символистской (восточная символика совсем иная, чем европейская) и тем более футуристической поэзии.

Лишь единожды — в переводе сиджо Ю Ын Бу «Прошедшей ночью ветер дул...» (с. 291) — Ахматова срифмовала свои четвертую и пятую строки (*во прах — о цветах*), которые соответствуют второму полустижию второго и первому полустижию третьего стиха оригинала. Безусловно, это получилось случайно. Может быть, кто-то из составителей подстрочников⁶ несколько наивно попытался ей подсказать желательную внутреннюю рифму в сиджо поэтессы XVI в. Сор И «Говорят: “Сосна!” Сосна какая?..». Конец подстроч-

⁶ «Подстрочные переводы были подготовлены сотрудниками кафедры филологии Ленинградского университета проф. А.А. Холодовичем, М.И. Никитиной и студентом Петром Паком» [Пак, 1998: 57]. Только, конечно, кафедры корейской филологии [Корейская..., 1958: 16], а не филологии вообще.

ника таков: «Эй, серпы детишек мальчишек-дровосеков! Вам ли до меня добраться!» (с. 864). Они угрожают сосне, под которой автор подразумевает себя. Для человека опасны и серпы, но аллегория получается не слишком логичной. Ахматова заменила серпы на топоры (то есть сознательно пошла на неточность!) и не польстилась на легкомысленных «детишек мальчишек», придав стиху своей корейской предшественницы больше серьезности и достоинства: «Топоры мальчишек-дровосеков, // До меня не дотянуться вам!» (с. 334).

Такой рифмы, как в переводе из Ю Ын Бу, и не могло быть у поэта XV в. Рифмовка полустушиий распространилась позднее и не в той конфигурации. Специалист сообщает, что «в *сиджо* существуют примеры цезурных созвучий, которые не являются следствием параллелизма или повтора. Такие стихотворения не многочисленны и относятся, главным образом, к позднему периоду (XVII–XVIII вв.). Например:

Пэкку-я нолладжи мара
нэ чабыл нэ анира
сйоньсань-и пэрсини
кал тэ эпсий йе ваннора
и ху-нан чхаджыр и эпсыни
но-рал чочха ноллира
(“Чхонгу ёнон”, стр. 79)

Не бойся, белая чайка,
Не мне тебя ловить.
Государь удалил [меня] от себя,
И я пришел сюда: мне деться некуда.
Теперь никто не станет искать меня,
И я останусь с тобой здесь наслаждаться.
(тип ааваса)»
[Никитина, 1962: 153–154].

Любопытно, что рифмовка *ааваса* совпадает с рифмовкой арабско-персидских газелей, только те обычно гораздо длиннее, чем *сиджо*.

«Здесь, — продолжает исследовательница, — корейская поэзия вплотную подошла к созданию рифмы, т. е. таких созвучий, которые полностью освободились от явлений ритмико-синтаксического параллелизма. Если в последних *сиджо* и можно в известном смысле говорить о полноценной рифме, то в целом для стихотворения этого жанра применим лишь термин В.М. Жирмунского «эмбриональная рифма». Рифма в *сиджо* не является обязательным метрическим правилом. Однако ее нельзя отнести и к случайным явлениям, так как она возникает на метрически определенном месте (конец полустушия и конец начальной стопы). Более четверти всех *сиджо* XV–XVII вв. имеют цезурную рифму. Но в дальнейшем развитии <...> корейская поэзия, которой оставалось только окончательно завершить процесс создания рифмы, отказалась от достижений в этой области» [там же: 154]. В 1950-е годы А.А. Холодович мог не знать статистики, приведенной специалистом именно по этому жанру («Более четверти всех *сиджо*...»), а следовательно, не мог сообщить ее Ахматовой, которая и не имела склонности к экспериментальным, не устоявшимся формам.

С размерами стиха у переводчиков корейской поэзии проблем больше, чем с рифмами. «Краткость слов, в сравнении с русскими, очень осложняет задачу перевода, если переводчик стремится со-

хранить шестистишие» [Хван Юндюн, 1957: 126]. Дело не только в длине строк, но и в их строении. Долгота и высота тона по-русски непередаваемы; можно ли по крайней мере передать слоговое строение корейской строки? Корееведы условно пользуются понятием «стопа», но подразумевают совсем не обязательно равновеликие, как в силлабо-тонике, группы слогов. Элементарная единица стиха в этой системе «образуется группой слогов (2–7 — в порядке нарастания от ранних жанров к современным), различных по долготе и тону (природа чередования их не совсем ясна), но связанных смысловым, синтаксическим и мелодическим единством» [Концевич, 2001: 399]. В статье «Корейская поэтика» высказано предположение, что вряд ли существуют «стопы» длиннее трех слогов, поскольку «4- и 7- сложные «квазистопы» как бы делятся очень краткой, едва заметной паузой, образуемой либо повышением, либо понижением тона на две или три части (в слоговом выражении: 4=2+2, 5=2+3 или 3+2, 6=3+3, 7=2+2+3, 3+2+2 и 2+3+2)» [там же]. Тогда не соответствует ли больше всего этим схемам дольник, основывающийся на группах в два и три слога, — особенно дольник немецкий, выросший, в отличие от русского, на почве двусложных, а не трехсложных метров [Гаспаров, 2001: 150]? Возможно, стиховед Жовтис хотя бы поначалу именно так и заключил и широко использовал дольник (естественно, русский) в своих переводах. В.А. Хван Юндюн, скорее всего, не знал такого слова и употребил родовое обозначение «тонический стих»⁷, хотя в то время так называли «стих Маяковского», точнее, его акцентную разновидность: Ахматова, как он дважды заявил, «использует только нерифмованный силлабо-тонический стих. В «Корейских шестистишиях» мы находим и ударный (тонический), и силлабо-тонический стих русской классической поэзии. <...> Тонические размеры в алма-атинском издании лишены плавности русского классического стиха, но это стих весьма оригинальный, можно сказать — экспериментального характера. Нам кажется, что новаторство переводчиков, применивший тонический стих без рифм, заслуживает внимания. Вот пример такого стиха:

В лунную ночь одиноко
Любуюсь дальней горой.
Гора совершенной милой,
С которой я разлучен:
Гора бессловесна, но с нею
Никто не рассорит меня.
(Юн Сон До «Новые песни гор»)

⁷ Современный литературовед Н.В. Королева, следуя за Хван Юндюном в определении стиха переводов с корейского, все же внесла необходимое уточнение: «Силлабический размер корейского стиха передавался на русский язык либо традиционными силлабо-тоническими размерами, либо ударным стихом (дольником)» (с. 834).

Пожалуй, этот стих действительно близок к оригиналу» [Хван Юндюн, 1957: 126]. Нельзя не отметить, что в «тоническом» стихе приведенного сиджо дольниковых строк только половина, а половина — силлабо-тонические (дактиль в первой строке и амфибрахий в двух последних). Кстати, А.Л. Жовтис в заметке к 400-летию со дня рождения Пак Ин Ро привел только одно стихотворение, в сходной форме: четыре строки из шести — анапест, две (вторая и предпоследняя) — дольник [Жовтис, 1961: 79]. Но этот переводчик, литератор и ученый считал дольник пригодным для передачи самого разного содержания и ни в коей мере не «привязывал» его к какой-то одной национальной культуре. Так, в сборнике «Эхо» напечатано выполненное дольником переложение «Слово о Мамаевом побоище, или Задонщина» [АЖ, с. 278–292]. Все сиджо в этом сборнике переведены 5-стопным ямбом; среди переводов стихотворений других жанров есть и дольниковые, но они не доминируют: их 18 из 60. Естественно, для «итогового» сборника отбирались переводы, которые их автор считал наиболее удавшимися. Значит, со временем А.Л. Жовтис перестал возлагать на дольник чрезмерные надежды, если таковые раньше имели место.

Неверно утверждение, что Ахматова переводила корейцев только классическим стихом. Среди ее сиджо два 3-иктных дольника: на анапестический основе — «Словно воды реки текущей...» Пак Хё Гван, поэтессы середины XIX в., составившей и издавшей в 1876 г. сборник сиджо «Родник песенной поэзии» (с. 870), на амфибрахической основе — «Повалит ли гору ветер...» неизвестного автора (с. 341, 347). Отход от силлабо-тоники в обоих случаях компенсирован единством женских окончаний стихов, да и сами дольники — урегулированные, делятся на «доли» во всех строках одинаково, т. е. составлены аналогично античным логоэдам, а это стих тоже стопный. Окончание стихотворения Пак Хё Гван — «Мальчик, новым вином нас потчуй, // Выпьем чарку новой весною!» — напоминает начало стихотворения Пушкина «Мальчику (Из Катулла)»: «Пьяной горечью Фалерна // Чашу мне наполни, мальчик!» [Пушкин, 1977: 222]. Мальчик-виночерпий фигурирует также в сиджо Чон Тхэ Хва (конец XVII в.) «Захмелел от первой чарки...», которое Ахматова, блестящий знаток Пушкина, перевела тем же белым 4-стопным хореем, которым написано стихотворение «Мальчику»: «Мальчик, чарку дай вторую, // Чтоб печали проводить!» (с. 328), — только не с одними женскими, а с чередованием женских и мужских окончаний.

Кроме двух сиджо, Ахматова использовала дольник в переводах из наиболее древней корейской поэзии. Полиметрическим является перевод песни «Чхоёнга», которая «была развернута в своего рода драматическое представление, разыгрывавшееся рядом действующих лиц (сам Чхоён, бес лихорадки, его слуги, хор) вокруг маски» [Корей-

ская..., 1958: 4]. «Торжественный зачин» состоит из пяти длинных цезурованных и двух коротких строк. Четыре длинных составлены каждая из двух полустиший 3-иктного дольника — неурегулированного, построенного на основе всех трех трехсложных метров с пропусками ударений на иктах. После первых длинных строк — «В священные годы Силла, в славные годы Силла, // Благоденствие в Поднебесной — по доброте Рахура!» — следует короткая «О, отец наш Чхоён!», допускающая интерпретацию и как 2-стопный анапест (при атонировании «О»), и как дактилический 3-иктный дольник. Затем две длинные строки подобны по структуре первым. Следующая укорочена и предваряет совсем короткую: «Три бедствия, восемь напастей // Сгинули б навсегда!» (с. 283). Это 3-стопный амфибрахий и 3-иктный дактилический дольник с атонированным вторым иктом («навсегда»). Заключительная короткая строка заставляет остановиться на второй интерпретации структуры первой короткой строки: они аналогичны.

За «Торжественным зачином» следует «Славословие Чхоёну» с дольниковым обращением «Лик и образ отца Чхоёна!» и 17 длинными анапестическими строками — тремя 6-стопными и остальными 5-стопными, чередующимися неупорядоченно (с. 283–284). Затем между восьмистрочными «Вопрошением» и «Песней Чхоёна» с подхватом в 4-стопном хорее помещается трехстрочный «Призыв беса лихорадки» в 3-стопном ямбе (с. 284–285). Следующие восклицания беса — одно двустушием в 8-стопном хорее (4+4: «Обещаю я Чхоёну десять тысяч золотых...») и одно в 4–3-стопном амфибрахии («О горы, о доли! За тысячу ли // Запрячьте меня от Чхоёна!»), а между ними — приведенный выше «Возглас Чхоёна» в 3-иктном дольнике («Не надо мне тысячи золотых...»). Заканчивается произведение двустушием от лица автора в 4-стопном хорее: «Так изрек он, умоляя, — // Бес великой лихорадки» (с. 285).

Другое представление, «Согён Пельгок», имеет прозаические ремарки. Стихотворные главки состоят из трехстиший. В каждом две первых строки написаны 3-иктным дольником: в главах I–II на дактилической основе с единичными отступлениями в анакрузе, в III на амфибрахической. В IV, где в названии реки Тэдонган ударение на последнем слоге, первые две строки звучат как 4-стопный хорей, неуместный в данном контексте: «Ты за Тэдонган, ачжилка, // Ты за Тэдонган, стремишься» (с. 287)⁸. Но ритмическая инерция подсказывает, что у Ахматовой обращение «Ты» атонировано; тогда эти строки — дольник с двумя из трех «схемных» ударений (не использованный икт пришелся на предлог «за»). Такая интерпретация

⁸ Во втором стихе ненужная запятая привнесена при перепечатке (ср. [Корейская..., 1958: 30]).

подтверждается дольником как на амфибрахической, так и на дактилической основе в следующей, заключительной строфе: «Когда на лодке уедешь, // Там веселиться будешь» (с. 287).

Третья строка во всех строфах — звукоподражательный припев «Ви, туоронсон, таринтири!» (с. 285–287). При ударении в слове «туоронсон» на последнем слоге он оказывается как бы вне размеров. Но здесь *yo* — дифтонг. Поэтому припев оказывается вполне подходящим к метрике произведения 3-стопным дактилем.

Третий ахматовский перевод из первой части сборника «Корейская классическая поэзия» — уже не полиметрический. «Зеленые горы» оформлены восемью шестистишиями в основном 4-стопного хорея. Их смысловая основа представлена четверостишиями с неодинаковыми чередованиями мужских и женских окончаний, а припев у всех один, с укороченной на стопу последней строкой: «Ялли, ялли, яллясан, // Ялляри, ялля» (с. 288–289).

Таким образом, практически целиком дольниковый перевод из древнейшей поэзии у Ахматовой — один из трех. Четвертое (по порядку первое) произведение в первой части сборника «Корейская классическая поэзия», «Тон-дон», перевел Харджиев (см. с. 831) 5-стопным хореем⁹.

О песнях XII–XIV вв. на корейском языке (преобладали стихи на китайском) в статье «Корейская поэтика» говорится: «Короткие строфы (из двух или четырех строк) объединялись определенной темой в цикл и заканчивались повторяющимся рефреном. Число строф не было постоянным. Строка содержала три, обычно 3-сложные, стопы» [Концевич, 2001: 401]. В чисто силлабическом отношении русский дольник для перевода в таком случае подходил. Но это стих тонический, ударный, и помимо того, что для экспираторного ударения не принципиальны ни долгота, ни высота тона (которые у корейцев «сглаживали» неравносложность), объединенная иктом группа слогов в дольнике, как и стопа в силлабо-тонике, не является *смысловой* единицей в отличие от корейской «стопы как смысловой единицы с определенной интонацией и определенным положением ударения» [Никитина, 1972: 244]. Ахматова, пусть руководствуясь интуицией, в переводах корейских поэтов вполне обоснованно не увлеклась дольником даже на время, хотя именно дольником написала свое главное произведение — «Поэму без героя». Начало «Чхоёнга» с его длинными строками даже и не похоже на тот дольник, который распространился в русской поэзии XX в. Переводчице, по всей вероятности, просто нужно было сразу создать у читателя впечатление некой экзотической формы, еще не ставшей классической. У русских поэтов

⁹ Его нарушает опечатка во второй строке: «Счастье держа перед собою». Должно быть «счастие», как в третьей: «Доблести и счастье мое» [Корейская..., 1958: 21].

XX в. дольник, потеснив трехсложники («расшатыванием» которых он создан), стал «как бы шестым классическим метром» [Гаспаров, 1984: 260]. Однако это случилось именно в XX в., и дольник воспринимался как стих хотя и распространенный, но новый. Ахматова, не имевшая стиховедческой подготовки, сумела это почувствовать.

Кстати, и Хван Юндюн не абсолютизировал предполагаемые преимущества «тонического стиха». Приведя трехсложниково-дольниковое сиджо из «Корейских шестистиший», он пишет: «Разумеется, сводить все стихи к такому размеру нет необходимости, ведь классический белый ямб тоже оправдал себя» [Хван Юндюн, 1957: 126]. Ученик был придирчивее учителя. Он писал, что «в наши дни, когда появились записи с исполнением *сиджо* и *каса* известными корейскими мастерами, А.Л. Жовтис наверняка нашел бы какой-нибудь более подходящий размер, чем пятистопный ямб, для перевода *сиджо*» [Концевич, 2008: 376].

Как бы то ни было, и Ахматова, и Жовтис особенно благоволят к 5-стопному ямбу. Хван Юндюн попытался очертить круг его содержательного функционирования, пусть достаточно широкий: «Чрезвычайно интересно отметить, что в обеих книжках переводчики прибегают к пятистопному ямбу при передаче стихотворений и циклов лирико-философского плана («Девять излучин Косана» Ли И). Как известно, это традиция русской классической поэзии» [Хван Юндюн, 1957: 126]. Да, классической, преимущественно XIX — начала XX в., но притом изначально идущей от драматургии, к которой упомянутый цикл Ли И отношения не имеет. Весьма малоупотребительный в русской поэзии XVIII — начала XIX в., 5-стопный белый ямб из английской, немецкой, а затем и русской драмы «перешел в лирику — в медитативные стихотворения, стилизованные в драматический монолог. <...> Одним из первых образцов такого ямба была «Тленность» Жуковского из Гебеля, диалог с размышлениями о смертности всего земного; молодой Пушкин смеялся над ней, но в зрелые годы сам написал уже монолог «Вновь я посетил» тоже с размышлениями о прошлом, о смерти, но и о будущем; и эта семантика с тех пор присутствует фактически во всех стихотворениях такой формы: в «Эзбекские» Гумилева, «Вольных мыслях» Блока (первое стихотворение — «О смерти»), от них — в «Белых стихах» Пастернака, во вспоминательных «Эпических мотивах» Ахматовой, в стихах 1918 г. Ходасевича, в размышлениях о гибельных судьбах России у Волошина (а в подражание ему — у Багрицкого) и затем у Луговского, и о старой и новой эпохе у Мандельштама, и о том, как «Ломали Греческую церковь» у Бродского» [Гаспаров, 1999: 282]. Рифмованный же 5-стопный ямб в XX в. сравнялся по употребительности с лидером XIX в. — ямбом 4-стопным: теперь «как в ямбе, так и в хорее на

4-стопники и 5-стопники приходится приблизительно по 40% всех стихотворений, а остальные 20% распылены между всеми другими стопностями» [Гаспаров, 1984: 262]. Это делает 5-стопный ямб в целом *нейтральным*, т. е. в высшей степени полифункциональным размером. И, конечно, в ахматовских, да и жовтисовских переводах из корейских поэтов его функции весьма разнообразны.

Почему он предпочитается, в частности, при переводе сиджо? Может быть, дело не только в том, что 5-стопный ямб — «твердая основа метрического репертуара Ахматовой» [Гаспаров, 1997: 483]. Из разновидностей сиджо «основой является пхён-сиджо (15–18 вв.), т. е. стихотворение, состоящее из 3-строчной строфы, средний размер которой 43 слога. Идеальная формула его следующая: 4 3/3(4) 4// 3 4/3(4) 4// 3 5/4 3. В действительности в размерах строк пхён-сиджо были возможны колебания, но в целом пхён-сиджо стремились к какому-то среднему варианту стопы и строки (14–16 слогов), определяемому <> видимо, метрическим временем и мелодией» [Концевич, 2001: 402]. Причем «в классическом сичжо трехстопным может быть лишь начальное полустишие третьей строки» [Никитина, 1972: 241], которому в переводах соответствует пятая строка шестистишия. Л.Р. Концевич считает, что она и должна быть длиннее других [Концевич, 2008: 359–360, 380]. Однако для русского уха подобные увеличения только одной строки из шести звучали бы совершенно непривычным перебоем, невозможным в *классическом* стихе. Поэтому в переводах Ахматовой и Жовтиса такого нет.

Но почему, например, Жовтис в своих сиджо, собранных в книге «Эхо», использует исключительно 5-стопный ямб? Если пхён-сиджо в среднем насчитывают 43 слога, то средняя длина их полустиший — 7 слогов. Это соответствует длине русских 4-стопного хоря с мужским окончанием (т. е. неполной последней стопой), 3-стопного ямба — с женским, 3-стопного дактиля — с мужским, 2-стопного амфибрахия — с дактилическим, 2-стопного анапеста — с женским. Это в основном размеры, считающиеся *короткими* и малораспространенные, особенно в XX в. Нормальный средний отрезок речи, определяемый дыханием, — это восемь-девять слогов. Ему максимально соответствует 4-стопный ямб с чередованием женских и мужских окончаний, а также 3-стопные трехсложники, но они вообще гораздо менее распространены, чем ямб. 4-стопный ямб и господствовал в XIX в. Но в XX в., когда упростилась строфика в большинстве произведений, частыми стали неточные рифмы, для компенсации понадобилось удлинить метр. 5-стопный ямб, как и 4-стопный, стал размером *поэтически нормальной* величины. В стихе без рифм это особенно естественно. А «при переводе, видимо, целесообразен метод умножения корейского стиха в слоговом исчислении на некий

коэффициент (примерно 7 корейских слогов равны 9 или 10 русским слогам)» [Концевич, 2008: 359–360]¹⁰.

Стихoved Жовтис с сознательным расчетом в переводах сиджо данной тенденцией ограничился.¹¹ Великий поэт Ахматова пошла по гораздо более сложному пути. Вероятно, имея представление о том, что в корейском стихе «стопы» бывают неодинаковыми, она именно строфическую устойчивость сиджо компенсировала разнообразием размеров, то есть «раскидала» неодинаковые стопы по разным стихотворениям, каждое из которых выдержано в одном классическом размере¹². 5-стопный ямб при этом сыграл роль организующей метрической доминанты. Такое решение, конечно, наряду с высоким эстетическим уровнем переводов, и порождает читательское восприятие переведенной поэзии как *классической*. Здесь больше художественной *условности* в передаче стиха, абсолютно непохожего на свой национальный, чем в однозначном решении А.Л. Жовтиса, но совершеннее результат.

Список литературы

- Абишева Сауле*. Ученый-педагог, переводчик, гражданин // Жовтис А.Л. Избранные статьи. Алматы, 2013.
- Ахматова Анна*. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 2002.
- Ахматова Анна*. Собр. соч. Т. 8 (дополнительный). М., 2005.
- Большой корейско-русский словарь: В 2 т. Т. I / Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. М., 1976.
- Боронина И.А.* Японская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.

¹⁰ В свете сказанного непонятно, чем Л.Р. Концевича не устраивает 5-стопный ямб в сиджо (ведь 5-стопный ямб с мужским окончанием насчитывает как раз 10 слогов). По поводу одного из переводов Жовтиса он даже написал ему: «Очень разбитной ритм русского стиха в переводе» [Концевич, 2008: 415]. Жовтис ответил: «Впечатление... о “разбитном ритме” у Вас субъективно — произведение дано точно в том же ритмическом ключе, что и все (или почти все) *сиджо* этой книжки (ямб пятистопный)» [там же].

¹¹ Он писал редактору книги переводов «Бамбук в снегу» (1977) Л.Р. Концевичу о своем «пятистопном (почти на протяжении всей книги! Это метр, избранный для *сиджо*) ямбе» как условии строгой формы: «<...> строгость всех *сиджо*, с моей точки зрения, уже определяет узнавание читателем *сиджо* как уникальной формы по самой их структуре» [Концевич, 2008: 390].

¹² Жовтис в письме к Л.Р. Концевичу признавал достоинства ахматовского подхода, но защищал и свой: «О многословии. Ахматова могла не быть многословной, ибо у нее каждое стихотворение переведено своим (разным!) размером. Взгляните на цикл (Юн Сондо) в ее переводе. Одно стихотворение сделано короткими строчками, другое — длинными. Если же “колодка” одна (а она у меня одна почти во всей книге и уж обязательно одна в ц и к л е), то какое-то «разжижение» в двух-трех местах оказалось неизбежным. Ведь объем моей строки — 10 или 11 слогов (в зависимости от клаузулы пятистопного ямба)» [Концевич, 2008: 393].

- Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984.
- Гаспаров М.Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.
- Гаспаров М.Л.* Стих Анны Ахматовой // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 т. Т. III: О стихе. М., 1997.
- Гумилев Лев.* Всем нам завещана Россия. М., 2012.
- Жовтис А.* Великий поэт Кореи // Простор (Алма-Ата). 1961. № 8.
- Жовтис Александр.* Эхо. Стихотворные переводы. Алма-Ата, 1983.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996.
- Исэ-моногатари. Перевод, статья и примечания Н.И. Конрада. М., 1979.
- Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексева. 2-е изд. М., 1959.
- Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975.
- Козубовская Г.П., Мальшева Е.В.* «Восточные переводы» А. Ахматовой // Культура и текст. Литературоведение. Ч. I. СПб.; Барнаул, 1998.
- Конрад Н.И.* Японская литература в образцах и очерках. Ч. I. Л., 1927.
- Концевич Л.Р.* Корейская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Концевич Л.Р.* Оригинал — подстрочник — художественный перевод и границы их адекватности (из опыта переводов корейской средневековой поэзии) // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Сост. Н.И. Никулин. М., 2008.
- Корейская классическая поэзия / Пер. Анны Ахматовой. М., 1958.
- Кормилов С.И.* Бытование в литературе характерных метро-ритмических форм «лапидарного слога» надписей на памятниках и их дериватов // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 1 (17).
- Лисевич И.С.* Китайская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Никитина М.И.* К вопросу о рифме в «сиджо» // Народы Азии и Африки. 1962. № 5.
- Никитина М.И.* Корейская средневековая поэзия «сиджо» и «чан-сиджо»: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1972.
- Пак Г.А.* Антология корейской классической поэзии в переводе А.А. Ахматовой // Культура и текст. Литературоведение. Ч. I. СПб.; Барнаул, 1998.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. III. Л., 1977.
- Ровенский Н.* <Рец.> Луна в реке. Стихотворные переводы Александра Жовтиса. Алма-Ата: «Жазушы», 1975 // Литературное обозрение. 1976. № 11.
- Харджиев Н.И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Ахматовские чтения. Вып. II: Тайны ремесла. М., 1992.
- Хван Юндюн В.* Два сборника корейской поэзии // Советский Казахстан (Алма-Ата). 1957. № 9.
- Шевчук Ю.В.* Тема времени в поздней лирике А. Ахматовой // Творчество А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева в контексте русской поэзии XX века. Материалы Международной научной конференции... Тверь, 2004.

Сведения об авторах: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru; *Аманова Гулистан Абдирзаковна*, канд. филол. наук, преподаватель китайского и турецкого языков (Ташкент — Москва). E-mail: mangul9797@mail.ru

В.Е. Хализев, А.А. Холиков

РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА И ТРАДИЦИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКОГО

Авторы статьи сосредоточились на наследовании традиций А.Н. Веселовского учеными первых полутора — двух десятилетий XX в. Речь идет о теоретико-методологических установках и прежде всего — подходе к изучению *единичных* литературных фактов и *личностного* начала в составе творчества писателей.

Ключевые слова: литературоведение, история науки, Александр Николаевич Веселовский

The authors focused on the inheritance of A.N. Veselovsky's traditions by scientists of the first half— two decades of the twentieth century. The article refers to the theoretical and methodological facilities and above all — an approach to the study of individual literary facts and personal principle in the work of writers.

Key words: literary criticism, history of science, Alexander Nikolayevich Veselovsky.

Общим местом в работах по истории отечественного литературоведения (и советского, и постсоветского периодов) является утверждение, что российская наука о литературе в предреволюционные годы находилась в состоянии упадка. Яркое тому свидетельство — широко известная трехтомная коллективная монография (1975–1982), последняя книга которой посвящена именно этой поре. Здесь (в разделе «Академическое литературоведение и марксизм») говорилось о «методологическом кризисе» предреволюционного литературоведения, его «очевидных изъянах» и «методологическом эклектизме», усыхании до разработки вспомогательных дисциплин (библиографии, архивоведения и т. п.), а также до самодовлеющей описательности и накопления фактического материала, в чем усматривалась едва ли не единственная заслуга ученых того периода. Итоговое суждение — весьма суровое: академическая наука оказалась «в методологическом тупике»¹.

Этой, так сказать, негативистской *мифологеме*, к сожалению, отдали дань и ученые «первого ряда». В 1972 г. Ю.М. Лотман высказался предельно жестко: «Деградация академического литературоведения вызвала ответную реакцию в работах молодых литературоведов так

¹ Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в. М., 1982. С. 169–171.

называемой формальной школы...»². Другой филолог, Виктор Эрлих, в замечательной книге о русском формализме, изданной в 1980 г. на английском языке, утверждал, что авангард 1910-х (имелись в виду и футуризм, и ранний формализм) знаменовал «выход из тупика, в котором на тот момент оказалось академическое литературоведение»³. Сравнительно недавно та же мысль (с большими размахом и резкостью) была высказана на страницах журнала «Новое литературное обозрение»: до формализма (будто бы!) имело место только «преднаучное знание» о литературе⁴. Ни А.А. Потебня, ни А.Н. Веселовский, ни ранний В.М. Жирмунский, ни многие другие (тоже достойные уважения и пристального внимания) литературоведы, стало быть, собственно учеными не являлись: таковыми оказались лишь В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов. О «предрассудках» доформалистического литературоведения, о преобладавших в нем «прописных истинах» и «романтических штампах» говорится в только что появившейся книге Я.С. Левченко⁵. Подобный негативизм суждений о дореволюционной науке имеет корни в литературоведении 1920-х годов, и не только формалистическом (Б.М. Эйхенбаум в 1921 г. настаивал на том, чтобы его друг В.М. Жирмунский отрекся от всего, что он «думал и делал» до революции⁶), но и марксистском (В.Ф. Переверзев в программной статье 1928 г. утверждал, что следует «беречься... от всяких рецидивов старых методов»⁷).

² Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 16.

³ Цит. по изд.: Эрлих В. Русский формализм: история и теория. СПб., 1996. С. 50.

⁴ Дмитриев Ал., Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 211.

⁵ Левченко Я.С. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012. С. 29–30.

⁶ См.: Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / Публ. Н.А. Жирмунской и О.В. Эйхенбаум // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 314–315.

⁷ Переверзев В.Ф. Необходимые предпосылки марксистского литературоведения // Литературоведение: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Переверзева. М., 1928. С. 18. В подобном духе и в том же году, что может показаться странным, высказался и В.М. Жирмунский. Он писал, что «в старой университетской “истории литературы”» имели место «беспринципный эклектизм и общий упадок» (*Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л., 1928. С. 7). Эти слова ученого, что самоочевидно, его убеждениям отвечали далеко не в полной мере. Вероятно, они прозвучали для того, чтобы отвести глаза как издателям, так и читателям от религиозно-философской ориентации самого Жирмунского в предреволюционные годы. Обратим внимание, что вслед за этими словами (вопреки их смыслу) речь зашла о *новых* идеях С.А. Венгерова, Д.П. Петрова, В.Н. Перетца (с. 8). И заметим, что в послереволюционные десятилетия ученый не отрекался от своего «крамольного» прошлого. «В. Макс, — свидетельствует муж дочери ученого, — всю жизнь сохранял любовь к трудам своей молодости... Незадолго до смерти, уже в больнице, он составил план Собрания своих сочинений, согласно которому в первый том должны были войти обе книги о немецком романтизме», написанные в 1910-е годы ([*Аствацатуров А.Г.*]. От редакции // Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. VII).

Неудовлетворенность ученых 1920-х годов и последующих десятилетий (вплоть до нашего времени) тем, что сделано литературоведами предреволюционной поры, не являлась безосновательной. «Крен» в сторону описательства, накопления сведений и фактов, о чем в свое время говорил В.М. Истрин, имея в виду научные труды о средневековой литературе, действительно был налицо. Истрин справедливо отмечал: «Целые страницы исполнены выписками и сличениями разнообразных текстов и всевозможных “редакций”, с мелкими подробностями, приводится масса сопоставлений, иногда очень мелких»⁸. (Истрин, заметим, в подобного рода эмпиризме усматривал не столько односторонность ученых, сколько неоспоримое достоинство их работ.)

Вместе с тем *тотальное* неприятие деятельности младших современников Веселовского (упадок, путь в тупик) является глубоким заблуждением, и неудивительно, что укоренившееся в филологической среде по преимуществу отрицательное отношение к литературоведам, расцвет творчества которых пришелся на два первых десятилетия XX в., ныне в какой-то степени преодолевается, о чем свидетельствуют и статьи энциклопедического издания «Русские писатели. 1800–1917», и републикация в 1996 г. книги В.М. Жирмунского о немецком романтизме, в 2000-м — монументального труда под редакцией С.А. Венгерова «Русская литература XX века (1890–1910)», а также работы Е.А. Тахо-Годи об А.М. Евлахове⁹. Но отечественная академическая (университетская) наука о литературе как *единый культурно-исторический феномен*, сложный, богатый, разноплановый, поныне остается непроясненной. В существующих монографиях по русскому литературоведению XX в. (И.К. Кузьмичев, К.А. Баршт, Д.М. Сегал) о начале столетия сколько-нибудь подробно не говорится. Наша статья является попыткой перебороть негативизм и/или невнимание к этому этапу развития науки, ознаменовавшемуся рядом достижений, которые имеют непреходящую значимость. Не притязая на полноту картины, мы сосредоточимся лишь на одной стороне дела: на обогатившем нашу науку наследовании традиций А.Н. Веселовского учеными первых полутора — двух десятилетий XX в. Речь пойдет не о трудах Веселовского в русле культурно-исторической школы о западном Средневековье и Возрождении (тема, нуждающаяся в специальном рассмотрении) и не о его исторической поэтике, основательно изученной. Мы будем говорить об иных гранях

⁸ Истрин В.М. Методологическое значение работ А.Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916 гг.). Пг., 1921. С. 31.

⁹ См., например: Тахо-Годи Е.А. «Дантовская тема» в работах А.М. Евлахова // Тахо-Годи Е.А. Великие и безвестные: Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв. СПб., 2008. С. 393–424.

деятельности лидера отечественного литературоведения XIX столетия: о его теоретико-методологических установках и прежде всего — подходе к изучению *единичных* литературных фактов и *личностного* начала в составе творчества писателей.

I

5 октября 1870 г. Веселовский прочитал лекцию «О методе и задачах истории литературы как науки», отдав предпочтение одному методу — сравнительному: «...это метод вовсе не новый, не предлагающий какого-либо особого принципа исследования: он есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения»¹⁰. По убеждению Веселовского, общий методологический принцип должен быть *индуктивным*. Исследователь противостоял всякого рода умозрительным построениям, к которым была склонна романтическая эстетика: «... обобщение можно назвать научным, разумеется, в той мере, в какой соблюдена постепенность работы и постоянная проверка фактами, и насколько в вашем обобщении не опущен ни один член сравнения»¹¹. Обобщение, утверждал Веселовский, не является научным, если оно неполно, «то есть недовольно взято материала для сравнения», или — «принято на веру, не добыто из фактов, а факты к нему приноровлены»¹². При этом Веселовский отстаивал не узкий эмпиризм позитивистского толка, а выступал за создание прочного эмпирического фундамента мыслительной работы, исключающего возможность подведения фактов под общий взгляд. Одной из важнейших задач ученый считал сбор материала для тщательно обоснованной фактами «индуктивной поэтики», которая устранит «умозрительные построения»¹³. Обобщения, под которыми слаба основа фактов, Веселовский находил в «Поэтике» В. Шерера (у него «историческая точка зрения нередко сталкивается с умозрительной»¹⁴) и в «Истории английской литературы» И. Тэна, по его мнению, пренебрегшего точностью¹⁵.

Индуктивные установки в духе Веселовского вызывали к себе у ученых XX века разное отношение, во многих случаях критическое. Так, вразрез с ними шли методологические принципы ведущих науч-

¹⁰ *Веселовский А.Н.* О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 15.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 14.

¹³ *Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 57.

¹⁴ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. С. 86.

¹⁵ См. об этом: *Веселовский А.Н.* Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 23.

ных школ 1910–1960-х годов: марксизма, формализма, в значительной мере структурализма. Здесь заранее готовые схемы как бы накладывались на рассматриваемые литературные факты, в результате чего имели место «поспешность обобщений» (формула А.Л. Бема) и методологический априоризм. А в более позднюю пору (неволью наследуя умозрительность романтической эстетики) ученые стали отдавать предпочтение внерациональным началам деятельности гуманитариев перед строгим познанием объекта. Утвердился примат дедуктивных построений. Иллюстрация тому — теоретические концепции не только ряда марксистов и некоторых формалистов, но и современных ученых¹⁶, выбирающих в качестве девиза слова А. Эйнштейна: «Воображение важнее знания. Знание ограничено. Воображение объемлет весь мир» (Из интервью для газеты *The Saturday Evening Post*, 26 октября 1929). Напомним: воображение — это синоним фантазии, уводящей от рациональности, без которой наука немислима, и грозящей произволом по отношению к предмету рассмотрения.

Методологическая традиция Веселовского как «индуктивиста» тем не менее оказалась неустранимой. Освоение фактов как необходимое условие обобщений — вот аксиома, лежащая в основе работ таких ученых первого ряда, как Д.Е. Максимов, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачев, М.Л. Гаспаров, А.П. Чудаков, а если говорить о литературоведении первых десятилетий XX в. — В.Н. Перетца как исследователя средневековой словесности и молодого В.М. Жирмунского с его работами о немецком романтизме. В русле индуктивной методологии Веселовского, в частности, весьма решительно высказалась в 1907 г. одна из участниц филологического семинария В.Н. Перетца (и его будущая жена), Варвара Павловна Адрианова. Она не только указала на значимость «сравнительного метода», но и оговорила два непеременных требования к работе филолога: полноту изучения предмета («Ни один источник не может быть забракован раньше, чем будет установлена на основании исследования его непригодность») и обоснованность тезисов («Исходный пункт, на который опирается дальнейшее исследование, должен быть прочно обоснованным, иначе все последующее построение оказывается неустойчивым, разрушающимся при малейшем прикосновении критики»)¹⁷.

Установка Веселовского на разработку «индуктивной поэтики», синтезирующей начала эмпирические и проблемные, подлинность фактов и широту обобщений, оказалась, как видно, насущной и

¹⁶ См.: *Эштейн М.Н.* Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // *Философские науки.* 2008. № 12. С. 34–55.

¹⁷ *Адрианова В.П.* Филология, ее задачи и методы: по Paul'ю и Воеckh'у // *Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы.* Киев, [1907]. С. 9–10, 13.

актуальной как для литературоведения начала XX в., так и для многих крупных ученых советского времени, упорно сторонившихся умозрительно-дедуктивных построений.

II

В теоретико-методологических установках Веселовского важна и другая сторона, тоже оказавшаяся глубоко значимой для исследователей начала прошлого столетия и ими тщательно обосновывавшаяся: признание прав и насущности *разных* методов изучения литературы, т. е. методологический *плюрализм*. Ученый не только не провозглашал какой-то метод единственно приемлемым, но, напротив, говорил о границах его использования. Так, обсуждая в 1890 г. работу И.П. Созоновича и ее метод (понимание внехудожественных явлений как главного «источника» народно-песенных сюжетов), Веселовский замечал: «... метод не новый, но им надо пользоваться умеючи, памятуя, что он не исключительный и что, когда бытового критерия не хватает, необходимо браться за другой»¹⁸.

Впоследствии, в 1900–1910-е годы, плюралистическая методология дала о себе знать в работе В.В. Сиповского «История литературы как наука» (1906): «Из всего вышесказанного видно, что новый метод <эволюционный. — В.Х., А.Х.> может дать ценные и любопытные выводы, но с непременным условием, чтобы применять его осторожно и только в тех случаях, когда это действительно возможно»¹⁹. Подобная же идея составила основу фундаментальной монографии А.М. Евлахова, в которой впервые в отечественном литературоведении предложен опыт систематического изложения имеющихся научных и инонаучных методов²⁰.

Не менее показательны труды В.Н. Перетца, утверждавшего, что «универсального метода нет, есть различные методы, путем коих мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям. Методология каждой науки изучает и выясняет степень пригодности различных методов для получения научной истины»²¹. Ученый констатировал соответствие литера-

¹⁸ *Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. XVI // Журн. М-ва нар. просв. 1890. Март. С. 29.

¹⁹ *Сиповский В.В.* История литературы как наука. 2-е изд. СПб.; М., 1911. С. 47.

²⁰ *Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1–2. Варшава, 1910–1912; т. 3. Ростов н/Д, 1917. До Евлахова методологические концепции изучения истории литературы не излагались систематически, а представляли собой их краткий обзор в хронологической последовательности. См.: *Сиповский В.В.* История литературы как наука. СПб.; М., 1906; *Архангельский А.С.* Введение в историю русской литературы. Пг., 1916.

²¹ *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 8.

туроведческих методов (их перечислено более десяти) различным граням литературной жизни. Были названы, в частности, методы эстетический, историко-психологический, этический, сравнительно-исторический, эволюционный.

В том же ключе ровно на рубеже столетий высказался М.Н. Розанов. По его мнению, литературное произведение — это «явление в высшей степени сложное»: в нем сосредоточены «разнообразнейшие проявления духовной жизни человека» (элементы психологические, эстетические, биографические, исторические, философские, этические, социальные и т. д.). Следовательно, для каждого звена произведения нужен свой подход. Розанов призывал неуклонно избегать односторонности и «пускать в ход различные приемы, исправляя недочеты одного метода при помощи других»²².

Суждения литературоведов начала столетия о множественности научных методов, недостаточно системные, по преимуществу перечислительные («перечневые»), порой неумелые (эkleктика, за которую сурово осуждали ученых этой поры, действительно имела место), но они, эти суждения, в то же время оказались плодотворными, ибо открыли путь к постижению литературы в ее многоплановости и богатстве.

Более полувека спустя, в 1974 г., в духе В.В. Сиповского, А.М. Евлахова, В.Н. Перетца, М.Н. Розанова, А.Н. Вознесенского, оспаривая ставший привычным в советские годы методологический монизм, выступил М.М. Бахтин. Выразив критическое отношение к разговорам «о каком-то “единоспасающем” методе в литературоведении», ученый заметил: «Оправданны и даже совершенно необходимы *разные* подходы, лишь бы они были серьезными и раскрывали что-то новое в изучаемом явлении литературы, помогали более глубокому его пониманию»²³. В доперестроечные времена эти фразы звучали как своего рода вызов господствовавшим стереотипам мышления. Тому, что было свойственно трудам Веселовского, во многом сродни работы не только М.М. Бахтина, но и В.М. Жирмунского, А.П. Скафтымова, Д.С. Лихачева (перечень имен было бы нетрудно продолжить): имело место *творческое* наследование академических традиций дореволюционной поры, в том числе начала XX столетия. Эти литературоведы *синтезировали* научный опыт прошлых эпох и во многом его обогатили.

²² Розанов М.Н. Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений // Русская мысль. 1900. № 4. С. 179, 182. Позже, отвергая наметившуюся методологическую унификацию и ратуя за множественность научных подходов, высказался А.Н. Вознесенский: «... методологический монизм мне кажется односторонним, разрешающим только лишь некоторые вопросы историко-литературной науки» (Вознесенский А. Метод изучения литературы // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 1. С. 132).

²³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 330–331.

III

Со временем перед Веселовским острее вставал вопрос о соотношении в литературном процессе повторяющегося и неповторимого; надындивидуального и личностного. Разрабатывая историческую поэтику (в основном это 1890-е годы), он выдвигал на первое место моменты стабильности, традиционности, повторяемости, которые именовал преданием. Ученый считал, что наука о литературе должна всецело сосредоточиться именно на предании, чтобы изучать индивидуальное лишь впоследствии: «Свобода личного поэтического акта ограничена преданием; изучив это предание, мы, может быть, ближе определим границы и сущность личного творчества»²⁴. Приведенные слова из неизданной при жизни Веселовского статьи по исторической поэтике (написана в 1888–1890 гг., впервые опубликована Жирмунским в 1959-м) свидетельствуют, что предание, т. е. многовековая традиция, в теории мыслилось им как наиболее значимый, даже едва ли не единственный предмет изучения. Ученый одобрительно цитировал слова Ф.И. Буслаева: «... всякая новизна не что иное, как тонкий слой, нанесенный временем на другие старые слова, затерянные в незапамятной давности...»²⁵.

В *конкретных* исследованиях поздний Веселовский, однако, шел вразрез с данной своей установкой и занимался «биографической подкладкой поэтической психологии», т. е., не откладывая дела на будущее, напрямую обращался к индивидуальному творчеству. Этот «уклон», в частности, имел место в работах об итальянском Возрождении, основная проблематика которых — эмансипация личности в переходную эпоху на фоне кризиса средневекового сознания. С течением времени Веселовский всё настойчивее апеллировал к личностному началу в жизни общества и самой литературе, свидетельства чему — такие работы 1870-х годов, как «Джордано Бруно. Биографический очерк» (1871) и «Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви» (1872). Позже, в 1890-е («Данте-Алигьери», 1893; глава «Художественные и этические задачи “Декамерона”» в книге «Боккаччо, его среда и сверстники», 1893) и еще в большей мере — в начале 1900-х («В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения», 1904; «Петрарка в поэтической исповеди *Canzoniere* (1304–1904)», 1905).

В своих поздних работах Веселовский сосредотачивается на «личном почине» (это словосочетание повторялось им неоднократно) авторов, а не на его фоне, каково предание. Тем самым ученый

²⁴ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. С. 150.

²⁵ *Веселовский А.* [Рец.:] Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М., 1886 // Журн. М-ва нар. просв. 1886. Ч. ССXLVI (июль). С. 165.

выходит за рамки параллельно разрабатывавшейся им исторической поэтики. Так, в книге о Жуковском, несмотря на заверения в стремлении «направить анализ не столько на личность, сколько на общественно-психологический тип»²⁶, Веселовский занят прежде всего индивидуальностью поэта. Он находит прямую связь между пробуждением чувства к Протасовой и творчеством: «На увлечении Жуковского Марьей Андреевной Протасовой надо было остановиться: она была для него “поэзией жизни”, под ее влиянием он стал поэтом личного чувства, благоговейного, элегического, не страстного»²⁷. Подобным образом рассматривается и поэзия позднего Жуковского (периода после его женитьбы): «Новый, личный элемент вторгнулся в поэзию старика, не знавшего “молодости”, нашедшего позднее боязливое успокоение в семье»²⁸. Творчество Жуковского видится Веселовскому как органически связанное с «опытом сердца». Нечто сходное — и в статье о Петрарке: до появления Лауры «бывали увлечения, теперь явилось чувство, не лишенное некоторой сенсуальности, но способное подниматься до чисто художественного созерцания и нравственного просветления. Оно объединило его песни, материал будущего *Canzoniere*»²⁹.

Имевший место в деятельности Веселовского сдвиг (он шел по нарастающей) в сторону изучения личностного начала в словесном искусстве знаменовал преодоление и его собственных теоретических суждений, где доминировали установки, общие для *всех* наук при отсутствии учета гуманитарной специфики литературоведения. И этот сдвиг в немалой мере отвечал упрочившемуся в ту пору пониманию личности наук о человеке. Мы имеем в виду герменевтику — учение о постижении духовной жизни людей, явленной, в частности, в искусстве. Ф. Шлейермахер утверждал, что сколько-нибудь полное освоение уникальных феноменов духовной жизни — художественных произведений — достигается через *понимание*, которое носит ярко выраженный личностный характер: оно требует «таланта познания каждого человека»³⁰. Позже, на рубеже XIX–XX веков, эти идеи получили развитие в работах В. Дильтея, основоположника духовно-исторической школы, выдвинувшей на первый план категорию *понимания* как характеристику специфики гуманитарных наук³¹, а также

²⁶ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. XII.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Там же. С. 435.

²⁹ Веселовский А.Н. Петрарка в поэтической исповеди *Canzoniere* (1304–1904) // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939. С.159–160.

³⁰ Шлейермахер Ф.Д.Е. Герменевтика // Общественная мысль. IV. М., 1993. С. 227.

³¹ См. об этом: Старостин Б.А. Духовно-историческая школа // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 607–608.

в трудах неокантианцев (Г. Риккерт, В. Виндельбанд). Веселовскому эти ветви философского науковедения вряд ли были известны, но переклички между работами «гуманитариев-спецификаторов» и его собственными (в особенности поздними) самоочевидны: не выводя своих суждений о личностном начале писательского творчества на уровень теоретизирования, ученый вместе с тем со временем преодолевал представления о построении науки о литературе по образцу наук естественных (о природе). Извлечь из поздних работ Веселовского их теоретический эквивалент — такова, мы полагаем, одна из насущных задач, решение которой пунктирно намечено В.М. Марковичем³² и А.Е. Маховым³³.

Напряженное внимание к личности авторов имело место и в трудах современных Веселовскому академических литературоведов, разделявших и наследовавших его, так сказать, персоналистские установки (о чем пойдет речь в пятом разделе нашей статьи). На уровень теории это литературоведческое веяние первыми, по-видимому, вывели М.Н. Розанов, утверждавший в упомянутой нами работе 1900 г., что ученым необходимо внимание «к вопросу о личном авторском элементе в литературных произведениях»³⁴, и Ф.Д. Батюшков, который годом раньше говорил, что в художественном произведении важно прежде всего «выражение личных чувств» автора³⁵.

Так сдвигалось академическое литературоведение рубежа столетий от своей былой позитивистской ориентации в сторону персонализма (в широком смысле этого слова): от культа «чистой» науки к учету гуманитарной специфики знания о художественной словесности.

IV

Пристальному интересу позднего Веселовского к личности писателя, к его интимному «опыту сердца» сопутствует (и это существенный факт истории отечественного литературоведения как такового) изучение самих художественных произведений: постижение их как формально-содержательной целостности. В конце жизни ученому удалось расширить собственную методологию и проделать

³² См.: *Маркович В.М.* Книга А.Н. Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении // *Маркович В.М. Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России: Сб. статей.* СПб., 2007.

³³ См.: *Махов А.Е.* Последний труд А.Н. Веселовского // *Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения».* М., 1999. С. 3–9.

³⁴ *Розанов М.Н.* Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений. С. 171.

³⁵ *Батюшков Ф.Д.* Утопия всенародного искусства. По поводу: Л. Толстой «Что такое искусство?» Брюнетьер, Сеземан и др. // *Вопросы философии и психологии.* Кн. 1 (46). 1899. Январь-февраль. С. 39.

путь (на что указал еще В.Н. Перетц) от истории культуры к истории поэтических *форм* (тут важно множественное число данного слова) и на этой основе — к проблемам анализа личного творчества. В 1893 г. Веселовский определяет историю литературы как «историю общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах»³⁶. Здесь форма понимается как нечто внеиндивидуальное, повторяющееся, медленно эволюционирующее (ряд работ Веселовского, напомним, посвящен таким феноменам, как эпитет, образный параллелизм, сюжет). Но со временем упрочивается установка ученого на анализ формальных компонентов *отдельных* произведений как актов личного творчества писателя. Эта установка наличествует уже в книге «Боккаччо, его среда и сверстники». Автор определяет эстетическую ценность «Декамерона» и рассматривает его со стороны стиля. В том же русле — монография о Жуковском. Здесь вскрывается кропотливая работа поэта над стихом, уделяется пристальное внимание стилистике его переводов поэтических текстов. Наконец, в последней части — «Народность и народная старина в поэзии Жуковского» — исследователь сосредоточен на отдельных произведениях (стихотворных сказках, исторических повестях, поэмах) и их творческой истории.

К месту еще раз вспомнить статью о Петрарке, в которой Веселовский не ограничивается уяснением биографической основы творений поэта и решением вопросов, связанных с датировкой, но (и это главное) уясняет формально-содержательную связь между текстами. Поэзия Петрарки анализируется на идейно-образном и тематическом уровнях. Ученому удается охарактеризовать мотивную структуру стихотворного цикла «Canzoniere» и прийти к выводу (пусть и гипотетичному) относительно особенностей его композиции.

Приведенные факты свидетельствуют, что своими поздними работами Веселовский создал плодородную почву для осмысления *центрального* предмета литературоведения — произведения в его многоплановости, выражающего индивидуальную творческую волю автора. Сегодня общепризнано, что постижение единичных словесно-художественных феноменов является первичным в составе науки о литературе, тогда как изучение более широких и крупных явлений вторично, производно: оно зависит от итогов рассмотрения отдельных художественных творений. Таким образом, Веселовский прошел путь от изучения контекста и фона литературных фактов к тщательному рассмотрению их самих. Выдающийся филолог XIX столетия, основоположник исторической поэтики вышел, как видно, за ее рамки, и этот «выход» оказался весьма плодотворным.

³⁶ *Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. С. 57.

Сместив в последний период своей деятельности акцент с вне-литературных факторов творчества и его «надличностных» начал на сами литературные произведения, Веселовский побудил ученых XX в. (уже в его начале!) к уяснению состава и структуры художественных текстов, к интенсивной разработке теоретической поэтики, а также к раздумьям методологического характера — о путях познания произведений в их многоплановости, богатстве, глубине. Эту наметившуюся у позднего Веселовского установку правомерно охарактеризовать как стадию создания *интерпретирующей поэтики* (словосочетание, встречающееся у М. Верли). Является ли эта поэтика, наряду с поэтикой исторической, одним из центров научного наследия позднего Веселовского — вот вопрос, на который, думается, еще предстоит ответить. Но главное представляется достаточно ясным: ученый в конце жизни (пусть и не говоря об этом языком теоретика) пришел к своего рода синтезу *имманентного* и *контекстуального* рассмотрения литературных фактов. В поле его зрения оказались прежде всего сами творения писателей, но активно принимались во внимание и биографические явления, явления эпохи, и пришедшее в литературу наследие прошлого (в том числе далекого). Как и в разработке исторической поэтики, так и в опытах поэтики интерпретирующей Веселовский был зачинателем, а не завершителем. Свидетельство тому — теоретико-литературные изыскания младших современников ученого, которые активно откликнулись на его устремленность к рассмотрению отдельных писателей и единичных литературных фактов.

Согласимся с Н.И. Ефимовым: в деле популяризации новых идей Веселовского (а также Потебни, обратившегося к художественному произведению как целому в монографии «Мысль и язык», 1862) помогло харьковское переодическое издание «Вопросы теории и психологии творчества» (1911, т. 1), «которое, широко разойдясь, приучало массового читателя к размышлению над вопросами художественной формы»³⁷. В 1914 г. (т. е. еще в «доформалистическую» эпоху) В.Н. Перетц писал: «... принципом, руководящим историком литературы, мы поставим — изучение формальной стороны литературных произведений, того, “как” выразил поэт свою идею, а не того, “что” выразил он»³⁸. Спустя три года, 17 декабря 1917-го, на заседании Историко-филологического общества при Самарском университете Перетц выступил с докладом, где, анализируя приемы композиции и изобразительные средства произведений Б.А. Лазарев-

³⁷ Ефимов Н.И. Социология литературы: Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии. Смоленск, 1927. С. 142.

³⁸ Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914. С. 221.

ского, обосновал сформулированный перед разбором тезис: «... в искусстве важнее всего не *что*, а *как*»³⁹. В том же русле — трехтомная монография А.М. Евлахова, в которой говорится: «Содержание рождается и умирает, форма — бессмертна». И далее — яркая формула: «Творчество — это покушение на *что* ради *как*»⁴⁰.

Как видно, академическое литературоведение в России начала XX в., предвзято формализм, настойчиво обращалось к проблеме поэтической формы и ее специфических черт. Это, конечно же, несколько не умаляет новаторских свершений русской формальной школы, но высвечивает ее генезис, которого В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум и ранний Р.О. Якобсон предпочитали не замечать. Заслуги литературоведов начала века в области изучения художественной формы со временем признал, по-видимому, один лишь Якобсон. В лекциях 1930-х годов он справедливо отметил, что ученики Веселовского «выдвинули программное требование исследования формы как специфического, определяющего компонента литературного произведения». И — о том же самом еще более решительно: в «... русском литературоведении конца XIX — начала XX века, наряду с ведущими направлениями, равнодушными к вопросам формы, постоянно существовали попытки систематического исследования этой проблематики»⁴¹. Однако такого рода позитивные оценки русского литературоведения предреволюционной поры, к сожалению, на протяжении всего XX столетия «погоды не делали»: проявляя уважительное внимание к наследию Веселовского⁴², ученые советского и постсоветского периодов, как правило, безоговорочно отметили достижения науки о литературе 1900-х — начала 1910-х годов.

V

Академическое литературоведение XIX в. было сосредоточено по преимуществу на фольклорной и литературной «старине», от близкой же по времени словесности оставалось отчужденным. Показательно, что Веселовский не считал нужным знать современную ему литературу. «В течение многих лет, — вспоминал Ф.Д. Батюшков, — мне не

³⁹ *Перетц В.Н.* К вопросу об основаниях научной литературной критики // Ученые записки Самарского университета. 1919. Вып. 2. С. 43. При этом В.Н. Перетц понимал, что «разорвать в поэтическом творчестве форму и содержание — невозможно» (С. 63).

⁴⁰ *Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1. Варшава, 1910. С. 366, 357.

⁴¹ *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. С. 52.

⁴² В анонимной программной статье ОПОЯЗ'а (1919) отдана дань уважения создателю исторической поэтики (в то время как Потебня в ней аттестуется как создатель ложной теории и ученый-неудачник); авторы назвали Веселовского «великим ученым» (Изучение теории поэтического языка // Жизнь искусства. 1919. 21 окт. № 273).

удалось убедить Александра Николаевича прочесть “Братьев Карамазовых” Достоевского»⁴³. Сходным образом литературный процесс XIX в. оставался вне поля зрения Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни, хотя первый из них, завершая лекционный курс по русской литературе, рассказал о «Письмах русского путешественника» Карамзина, а второй делал заметки о творчестве Толстого и Достоевского. Из числа крупных академических ученых позапрошлого столетия к литературе своего времени обращались, пожалуй, лишь С.П. Шевырев, выступавший и в роли литературного критика, а также А.Н. Пыпин, закончивший в 1899 г. свой фундаментальный труд «История русской литературы», четвертый том которого посвящен писателям конца XVIII — первой половины XIX в.

Со временем положение дел стало меняться⁴⁴. Существенным признаком приближения науки к литературной современности явились поздние работы Веселовского. Такова юбилейная лекция о Пушкине как национальном поэте (1899) и, главное, монография о Жуковском (1904).

Из числа «первых ласточек» этого сдвига — книги Нестора Котляревского «Очерки новейшей русской литературы. Поэзия гнева и скорби» (1890), где речь шла о Минском, Надсоне, Апухтине, Голенищеве-Кутузове, и «Мировая скорбь в конце XVIII и в начале XIX века» (1898 г., 3-е изд. — 1914). Назовем также книгу В.В. Сиповского о «Письмах русского путешественника» (1899), двухтомный труд И.И. Замотина «Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе» (1903, 1907), монографию П.Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель» (1913), которая, как отмечено в статье Е.М. Пульхритудовой, «справедливо признана энциклопедией рус<ской> обществ<енной> и лит<ературной> жизни 20–30-х гг. 19 в.»⁴⁵.

Неоценимо важную роль в процессе сближения науки с литературной современностью сыграли работы Ф.Д. Батюшкова, который в статьях о западноевропейском и русском XIX в. поистине творчески унаследовал позднего Веселовского с его обращением к интерпретирующей поэтике. Представляются, в частности, весьма значимыми суждения ученого о М. Метерлинке и Г.И. Успенском⁴⁶.

⁴³ Из неизданной книги Ф.Д. Батюшкова «Около талантов»: Александр Николаевич Веселовский / Публ. П.Р. Заборова // Русская литература. 2006. № 4. С. 65.

⁴⁴ Однако еще в 1907 г. В.М. Истрин утверждал: «Ближайшее же к нам время не может быть объектом науки по той простой причине, что дает слишком много простора для проявления субъективности» (Истрин В.М. Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX века // Журн. М-ва нар. просв. 1907. Новая серия. Ч. X (июль–август). С. 317–318).

⁴⁵ Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. Стлб. 611.

⁴⁶ Батюшков Ф.Д. М. Метерлинк и Глеб Успенский о справедливости // К свету. Научно-литературный сборник / Под ред. Ек.П. Летковой и Ф.Д. Батюшкова. СПб., 1904.

дерзновенно, смело и в полной мере убедительно сопоставляются этические позиции писателей, что предваряет литературоведение более поздней эпохи, представленное М.М. Бахтиным (прежде всего ранним), В.М. Жирмунским (тоже ранним), а также А.П. Скафтымовым, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимовым, Д.С. Лихачевым.

В ряду крупномасштабных изданий, посвященных русской литературе XIX в., далеко не последнее место занимает собрание сочинений Пушкина, подготовленное под редакцией С.А. Венгерова. Оно вообрало в себя статьи об отдельных произведениях поэта, написанные видными учеными. В 1900–1910-е годы неоднократно переиздавались исследования о Гоголе, Тургеневе, Чехове Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который, по словам Ю.В. Манна, «был в свое время одним из ведущих и популярнейших русских литературоведов»⁴⁷. Публикуются работы М.Н. Розанова о немецком и английском романтизме. Привлекла к себе заинтересованное внимание литературоведов, писателей, философов книга В.М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914).

Знаменательным фактом истории русской культуры начала столетия стало появление статей, брошюр и книг, посвященных отечественной словесности XIX в. как феномену единому, богатому и вместе с тем разнородному. Авторами подобных работ были и представители академического литературоведения (С.А. Венгеров, В.Н. Перетц), и критики, публицисты, философы⁴⁸.

Создаются, далее, грандиозные по замыслу коллективные труды о русской и зарубежной литературах близкого времени в их целостности. Среди них пятитомная «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского, оставшаяся незавершенной, а также «История западной литературы (1800–1910 гг.)» под редакцией и при активном авторском участии Ф.Д. Батюшкова, едва ли не самого крупного историка литературы (как западноевропейской, так и русской) в ряду ученых начала века. В предисловии к первому тому отмечено, что в числе авторов — не только литературоведы, но и писатели, критики, публицисты; что художественная литература рассматривается здесь в ее неразрывной связи с философией: задача данного издания состояла в том, чтобы уяснить творчество писателей XIX в. «при свете новейших историко-литературных исследований», имея в виду «нынешние сумерки художественной жизни», брожение и «общий разброд литературы», до сих пор не слившейся в «целостное

⁴⁷ Манн Ю.В. Д.Н. Овсяннико-Куликовский как литературовед // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 3.

⁴⁸ См.: Хализев В.Е. Спор об отечественной классике в начале XX века // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005. С. 13–50.

направление»⁴⁹. Этот замысел тоже остался сполна не реализованным, до литературной современности дело доведено не было. Третий том, оказавшийся последним (гораздо меньший по объему, чем предыдущие), завершается статьями о Ч. Диккенсе и У. Теккерее.

Литературоведение начала XX в., как видно, неуклонно приближалось к своей современности. Этот процесс достиг максимума (мы имеем в виду дореволюционное время) в коллективной монографии о русской литературе 1890–1910 гг. под редакцией С.А. Венгерова (1914–1916), к которой теперь и обратимся.

VI

Это трехтомное издание предварено пространной статьей Венгерова «Этапы неоромантического движения», которая явила собой первый опыт обстоятельного сопоставления прошлой литературы с тем, что привнес в художественную культуру Серебряный век. Здесь литературная современность характеризуется как отмеченная одновременно и значительными обретениями, и серьезными утратами (на фоне достигнутого в предшествующие десятилетия). Говорится, что ныне возникла и упрочилась особая, совершенно новая стилистическая форма: манера стала «более утонченной, чем прежде», главное же — захватываются «такие сложные проблемы, на которых прежние литературные искания, во всем стремившиеся к соблазнительной ясности, совершенно не останавливались»: в литературе преломилось «горячее возбуждение», связанное с надеждами и ожиданиями, был брошен вызов традиции (в этой связи упоминаются Бальмонт и Горький). В то же время Венгеровым отмечается *кризисное* состояние этой обновленной литературы: в последние годы писатели и вообще литературно образованные люди «жили в каком-то сплошном угаре, самое невероятное казалось вероятным, фантастика захватила всех», возобладали индивидуалистические умонастроения, доминировало «чувство чрезвычайности» (курсив авторов. — В.Х., А.Х.). Эти не лишённые болезненности новации, этот вызов традиции, утверждал ученый, начинают себя исчерпывать, намечается (в обновленном варианте) возврат к прошлому (имеются в виду Бунин, Зайцев, Чириков, которым в данном издании отведены специальные статьи). Говорилось, что нынешний этап литературной жизни должен быть преодолен и уже преодолевается: «Цикл завершился, начинается что-то новое, или, вернее, идет совершенно определенный возврат к заветам великого прошлого, к великой простоте русского реализма, к искренности русского литературного творчества, к его священному желанию достигнуть не только эстетического <нами исправлена

⁴⁹ От редакции // История западной литературы (1800–1910 гг.) / Под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. Т. I. М., 1912. С. 7–8.

опечатка: было написано “этического”. — В.Х., А.Х.> совершенства, но и быть проводником красоты нравственной»⁵⁰.

Прогноз Венгерова подтвердился в XX в. далеко не в полной мере. Но его слова о непререкаемости «заветов великого прошлого» таили в себе глубокую, непреходящую истину. Здесь налицо переключка с прославленной статьей В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916), если читать ее по первоначальной публикации, а не по резко сокращенному автором в 1928 г. варианту. Вспомним: «... мы хотели бы, чтобы новый реализм не забыл приобретений предшествующей эпохи»; «нам грезится, что новая поэзия... будет вскормлена всей Россией, ее историческими преданиями и ее идеальными целями»⁵¹.

Приведенные высказывания Венгерова и Жирмунского сродни суждениям одного из крупных французских философов П. Рикёра: «Дух новизны — это усилие по преодолению новизны настоящего и устремленность в будущее, исходя из наследия прошлого». И еще, со ссылкой на историка Р. Козеллека: «Прошлое имеет будущее»⁵².

Венгеровский трехтомник был внутренне полемичен по отношению к многочисленным суждениям той поры о полярности реализма XIX в., нередко именовавшегося «старым», т. е. устаревшим, себя исчерпавшим, и нового, современного, «символического» (позже его стали называть «неореализмом»)⁵³. Писатели, критики, публицисты рубежа столетий настойчиво говорили, что литература XIX в. зачастую сводилась к обсуждению социальных проблем и выражению гражданских чувств (слово «народничество» с негативной коннотацией использовалось в неопределенно широком значении), тогда как (будто бы!) интерес писателей к человеческой личности отсутствовал. Утверждалось, что лишь «символический реализм» конца столетия впервые проявил пристальный интерес к человеку как

⁵⁰ Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. Кн. 1 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 2000. С. 20, 34.

⁵¹ Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. С. 404.

⁵² Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 13.

⁵³ См., например: Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2001. Мы полагаем, что терминологически более строгим было бы разграничение реализма не как такового, а традиционного, упрочившегося и возобладавшего в XIX столетии, — и неореализма Серебряного века, властно окрасившего наш литературный XX век, но не воцарившегося в нем безраздельно: традиционный реализм, обошедший стороной литературное движение рубежа веков, но усвоивший традиции Пушкина, Толстого, Чехова, т. е. века Золотого, полной жизнью жил в творчестве Шмелева, Зайцева, Газданова, Шолохова, Платонова (в его рассказах середины 1930-х годов и более позднего времени), Твардовского, Белова, Шукшина, Шаламова, а в наше время Распутина и Б. Екимова. Именованье этих писателей неореалистами вряд ли правомерно: в данную когорту они решительно не вписываются. Скорее уж, Достоевского можно было бы зачислить по ведомству неореализма.

таковому. Подобной крайности отдали дань Е. Колтановская, Л. Гуревич, Эллис, М. Волошин и многие другие⁵⁴. В таких случаях имело место надменно-отчужденное отношение к отечественной классике XIX столетия. Этой, говоря мягко, односторонности и противостоял Венгерова (наряду с Жирмунским).

Венгеровский трехтомник ценен, помимо всего прочего, и тем, что в нем наличествуют статьи о писателях самой разной ориентации: Вересаев и Бальмонт, З. Гиппиус и Чириков, М. Горький и Мережковский, Л. Андреев и Зайцев, Ф. Сологуб и Вяч. Иванов... Опубликован ряд статей о литературно-общественных объединениях: о журнале «Северный вестник» (Л. Гуревич), об «ивановских средах» (Н. Бердяев), о «пионерах марксизма» (В. Базаров)... Состав авторов тоже весьма разнороден: Ф.Д. Батюшков, Вяч. Иванов, А. Белый, В. Брюсов, Ф.Ф. Зелинский, В. Львов-Рогачевский, Е. Колтановская, А. Горнфельд, А. Дерман... Одни и те же лица нередко выступают в двух ипостасях: и в качестве объектов изучения, и как авторы статей о писателях, благодаря чему литература начала века предстает в облике некоего организма, где всё сцеплено и спаяно. Несомненную значимость имеют также включенные в данное издание и написанные специально для него (по просьбам Венгерова) автобиографические заметки, материалы, справки, порой — и мемуарные тексты.

Трехтомная венгеровская история русской литературы рубежа столетий, на протяжении ряда десятилетий находившаяся вне поля зрения ученых (по понятным причинам), лишь ныне стала входить в научный обиход. Знаменательным фактом явилось ее серьезное и уважительное (при том непредвзято-критическое) обсуждение в статье В.А. Келдыша о литературе Серебряного века (1997). Здесь в духе Венгерова, по следам его высказываний о «неоромантическом движении», говорится, что нынешней науке о литературе нужен «окончательный отказ от восприятия литературного движения конца XIX — начала XX в. лишь в категориях конфронтаций и взаимоотчуждения — как состояния войны между реализмом и модернизмом»⁵⁵. Отрадным событием нашей науки стало недавнее (ровно на рубеже столетий: в 2000 г.) переиздание венгеровской коллективной монографии. Самоочевидно, что этот монументальный труд неоспоримо ценен и как памятник литературоведческой мысли своего времени, и как констатация фактов (автобиографии писателей), которые без Венгерова канули бы в Лету. «Составляющие» этого труда, мы по-

⁵⁴ См.: *Абишева У.К.* Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. М., 2005. С. 43–70.

⁵⁵ *Келдыш В.А.* Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010. С. 22. Активно одобрительные отклики на венгеровский трехтомник как актуальный и ныне см. на с. 26, 27.

лагаем, займут достойное место в научных работах наступившего столетия.

В начале XX в. русские ученые, как видно, стали последовательно обращаться к литературе близкого им времени. В этом — великая заслуга литературоведения той поры перед отечественной культурой. Мы имеем в виду Ф.Д. Батюшкова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, раннего В.М. Жирмунского, С.А. Венгерова. Говорить об упадке академического литературоведения тех лет нет никаких оснований: исследовательская мысль двигалась вперед, активно (как никогда ранее) сопрягая творчество писателей ушедших эпох с литературной современностью.

VII

Атмосфера в филологической среде дореволюционной поры была совсем иной, чем в более позднее, советское время. Преобладало мирное и доброжелательное сотрудничество ученых, придерживавшихся разных взглядов и установок. Не было заметно того, что принято называть конкуренцией, тем более — вражды между какими-либо группировками. Вот эпизод, который представляется символически значимым. В 1880-е годы А.А. Потебня подверг в печати критике некоторые идеи своего старшего современника Ф.И. Буслаева, после чего написал ему «полуизвиняющееся» письмо. Ответ Буслаева был таков: «... Тот ученый, профессор, который не радуется, что его слушатели дальше и шире идут в науке... делает капитальный грех против своего призвания»⁵⁶. «Спокойствие научного духа» (*Wissenschaftliche Ruhe*) — так выразился, говоря о Потебне, известный сербский лингвист А. Белич, получивший образование в России⁵⁷. Эти слова переадресуемы и другим ученым дореволюционного времени, в том числе и Веселовскому с его неизменной доброжелательностью, уважительно и понимающе отозвавшемуся о Буслаеве (в рецензии на книгу «Мои досуги»⁵⁸) и Пыпине (в некрологе⁵⁹). «Во всех корпорациях, — писал Белич в 1925 г., — самое важное — дух, который в них господствует... Университеты с небольшим числом крупных ученых, но проникнутые научным духом, способны более успешно работать для науки, чем университеты с гениальными учеными, но без настоящей научной атмосферы. В русских университетах эта атмосфера существовала. По моему мнению, это была самая сильная

⁵⁶ Цит. по: Франчук В.Ю. А.А. Потебня. М., 1986. С. 85.

⁵⁷ Цит. по: Овсяннико-Куликовский Д.Н. Потебня // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. Т. 2. С. 484.

⁵⁸ См.: Веселовский А. [Рец.:] Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М. Два тома. 1886 // Журн. М-ва нар. просв. 1886. Ч. ССXLVI (июль). С. 154–168.

⁵⁹ Известия ОРЯС Имп. АН. Т. IX. 1904. Кн. 4. С. VIII.

их сторона»⁶⁰. Данное свидетельство тем более ценно, что исходит извне. Оно, мы полагаем, выражает достаточно объективный взгляд и на русское литературоведение начала XX в.

Наиболее активным созидателем этой дружественной и творческой атмосферы в последнее предреволюционное десятилетие был Венгеров, и не только как инициатор, организатор трехтомного издания, но и в роли руководителя Пушкинского семинария, который работал в Петербургском университете с января 1908 г. (позже собрания проводились и на Бестужевских женских курсах) до осени 1917-го, когда «неудобства вечернего трамвайного движения приостановили деятельность кружка» (горестно-иронические слова Венгерова)⁶¹. Приостановили, добавим, навсегда. Доклады ряда участников венгеровского семинария публиковались в сборниках «Пушкинист», которых было три (1914, 1916, 1918). В Пушкинском семинарии (в числе многих других) участвовали такие начинающие литературоведы, как А.Л. Бем, С.М. Бонди, В.В. Гиппиус, В.М. Жирмунский, Ю.Г. Оксман, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум. Это сообщество было весьма многочисленным. По словам А.Г. Фомина, единомышленника и помощника Венгерова, едва ли не все университетские студенты-филологи «группировались около него, были его учениками»: руководитель «сумел создать на своих занятиях хорошую атмосферу... бодрое, радостное настроение», «большую, энергичную семью молодых исследователей»⁶². Приведем и другое высказывание о Пушкинском семинарии: это был своего рода «литературный клуб», «зал парламента», «аукцион филологических истин» (Вс. Рождественский)⁶³. Установка Венгерова как руководителя семинария (ее правомерно назвать плюралистской) заявлена в предисловии к первому выпуску «Пушкиниста»: «Ни в самих темах, ни в тех отправных пунктах, которые в них намечены, нет ничего обязательного. И рядом с темами, предлагаемыми мной, дается широкая возможность писать на всякого рода “вольные” пушкинские темы»⁶⁴.

К увлечению молодых участников семинария вопросами художественной формы, как отмечал Фомин, Венгеров «не отнесся враждебно» и «дал полный простор ее изучения». Больше того! Участники семинария возбуждали в его руководителе «интерес к форме», и

⁶⁰ Цит. по: *Гудков В.П.* Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999. С. 132–133.

⁶¹ *Венгеров С.А.* Предисловие // Пушкинист. Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С.А. Венгерова. III. Пг., 1918. С. VII.

⁶² *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского Семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова (Пушкинист. IV / Под ред. Н.В. Яковлева). М.; Пг., 1922. С. XXVIII, XXXIII.

⁶³ Цит. по: *Калентьева А.Г.* Влюбленный в литературу. Очерк о жизни и деятельности С.А. Венгерова (1955–1920). М., 1964. С. 38.

⁶⁴ *Венгеров С.А.* Предисловие // Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С.А. Венгерова. [I]. СПб., 1914. С. XV.

вследствие этого «произошло взаимное воздействие»; имело место то, «что органически спаивает одно поколение с другим, учителей с учениками»⁶⁵.

Венгеровская установка на сохранение и упрочение контактов между литературоведами старшими и младшими по суровой воле русской истории не реализовалась: отмеченный духом дружеского согласия Пушкинский семинарий оказался завершающим аккордом дореволюционного академического (вузовского) литературоведения, мирного и спокойного, традиционалистского и притом поистине творческого.

Однако идея преемственности научной мысли (кажется, вопреки всему и вся) оказалось сохранной. Одно из свидетельств тому — воспоминания Д.С. Лихачева о В.П. Адриановой-Перетц: возглавив сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме, «она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого, соединить в своем мире две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего»⁶⁶.

* * *

Символически значимой явилась одновременная (в 1920 г.) смерть лидеров отечественного литературоведения начала XX в.: Д.Н. Овсяннико-Куликовского, продолжателя А.А. Потебни, Ф.Д. Батюшкова и С.А. Венгерова, учеников А.Н. Веселовского. Наступило время (длилось оно десятилетиями), когда официальная идеология властно и агрессивно, порой жестоко и губительно вторгалась в деятельность ученых и в сами их судьбы⁶⁷. Но неизменно наличествовало плодотворное, можно даже сказать, героическое, хотя и не явное, не прямое противостояние литературоведов мертвящему «официозу», которое имело место в деятельности и формалистов, и более поздних структуралистов, и серьезных, убежденных марксистов, и, что особенно важно, тех ученых, которые, наследуя дореволюционные традиции литературоведения и гуманитарной мысли как таковой, действовали вне рамок лидировавших научных школ. Но и утраты, понесенные литературоведением на перепаде эпох, были более чем серьезными. Во-первых, поистине научное филологическое сообщество с его мирно-дружественной атмосферой, сложившееся в России на протяжении ряда десятилетий, после событий второй половины 1910-х годов в сколько-нибудь значительной мере сохранить себя, конечно же, не смогло. Во-вторых, имела место утрата памяти о до-

⁶⁵ *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского Семинария. С. IX.

⁶⁶ *Лихачев Д.С.* Воспоминания. М., 2006. С. 384.

⁶⁷ См.: *Хализев В.Е.* Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012. С. 108–138.

стижениях академического литературоведения начала XX в. и более давнего времени: забвение научного прошлого было длительным. Ныне, как мы старались показать, этому приходит (хотя он и не наступил *quantum satis!*) конец.

Список литературы

- Абишева У.К.* Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. М., 2005.
- Адрианова В.П.* Филология, ее задачи и методы: по Paul'ю и Воехк'у // Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Киев, [1907].
- Архангельский А.С.* Введение в историю русской литературы. Пг., 1916. [*Аствацатуров А.Г.*]. От редакции // Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.
- Батюшков Ф.Д.* М. Метерлинк и Глеб Успенский о справедливости // К свету. Научно-литературный сборник / Под ред. Ек.П. Летковой и Ф.Д. Батюшкова. СПб., 1904.
- Батюшков Ф.Д.* Утопия всенародного искусства. По поводу: Л. Толстой «Что такое искусство?». Брюнетьер. Сеземан и др. // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (46). 1899. Янв.-февр.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Венгеров С.А.* Предисловие // Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С.А. Венгерова. [П]. СПб., 1914.
- Венгеров С.А.* Предисловие // Пушкинист. Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С.А. Венгерова. III. Пг., 1918.
- Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.
- Веселовский А.Н.* Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010.
- Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л., 1939.
- Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. XVI // Журн. М-ва нар. просв. 1890. Март.
- Вознесенский А.* Метод изучения литературы // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 1.
- Веселовский А.* [Рец.:] Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М. Два тома. 1886 // Журн. М-ва нар. просв. 1886. Ч. ССXLVI (июль).
- Гудков В.П.* Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999.
- Дмитриев Ал., Левченко Я.* Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // Новое литературное обозрение. 2001. № 50.
- Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1–2. Варшава, 1910–1912. Т. 3. Ростов н/Д, 1917.
- Ефимов Н.И.* Социология литературы: Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии. Смоленск, 1927.

- Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л., 1928.
- Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001.
- Из неизданной книги Ф.Д. Батюшкова «Около талантов»: Александр Николаевич Веселовский / Публ. П.Р. Заборова // Русская литература. 2006. № 4.
- [б.а.] Изучение теории поэтического языка // Жизнь искусства. 1919. 21 окт. № 273.
- История западной литературы (1800–1910 гг.) / Под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. Т. I. М., 1912.
- Истрин В.М.* Методологическое значение работ А.Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916 гг.). Пг., 1921.
- Истрин В.М.* Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX века // Журн. М-ва нар. просв. 1907. Новая серия. Ч. X (июль-август).
- Калентьева А.Г.* Влюбленный в литературу. Очерк о жизни и деятельности С.А. Венгерова (1955–1920). М., 1964.
- Келдыш В.А.* Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2001.
- Келдыш В.А.* Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010.
- Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971.
- Левченко Я.С.* Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.
- Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- Мани Ю.В.* Д.Н. Овсяннико-Куликовский как литературовед // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
- Лихачев Д.С.* Воспоминания. М., 2006.
- Маркович В.М.* Книга А.Н. Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении // Маркович В.М. Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России: Сб. статей. СПб., 2007.
- Махов А.Е.* Последний труд А.Н. Веселовского // Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
- Переверзев В.Ф.* Необходимые предпосылки марксистского литературоведения // Литературоведение: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Переверзева. М., 1928.
- Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / Публ. Н.А. Жирмунской и О.В. Эйхенбаум // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.
- Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914.
- Перетц В.Н.* К вопросу об основаниях научной литературной критики // Учен. зап. Самарск. ун-та. 1919. Вып. 2.
- Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.

- Рикёр П.* История и истина. СПб., 2002.
- Розанов М.Н.* Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений // Русская мысль. 1900. № 4.
- Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова: В 2 кн. Кн. 1. М., 2000.
- Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в. М., 1982.
- Ситовский В.В.* История литературы как наука. 2-е изд. СПб., 1911.
- Старостин Б.А.* Духовно-историческая школа // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2007.
- Тахо-Годи Е.А.* «Дантовская тема» в работах А.М. Евлахова // Тахо-Годи Е.А. Великие и неизвестные: Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв. СПб., 2008.
- Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского Семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова (Пушкинист. IV / Под ред. Н.В. Яковлева). М.; Пг., 1922.
- Франчук В.Ю.* А.А. Потебня. М., 1986.
- Хализев В.Е.* Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012.
- Хализев В.Е.* Спор об отечественной классике в начале XX века // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.
- Шлейермахер Ф.Д.Е.* Герменевтика // Общественная мысль. IV. М., 1993.
- Эшштейн М.Н.* Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12.
- Эрлих В.* Русский формализм: история и теория. СПб., 1996.
- Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011.

Сведения об авторах: *Хализев Валентин Евгеньевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры теории литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mkhalizeva@yandex.ru; *Холиков Алексей Александрович*, канд. филол. наук, преподаватель кафедры теории литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexey_kholikov@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н.Ю. Зимина

«РОМАН В ДЕВЯТИ ПИСЬМАХ» ДОСТОЕВСКОГО КАК РОМАН О ЛЮБВИ

В статье рассматривается любовная линия и женские образы «Романа в девяти письмах» Ф.М. Достоевского. В ходе исследования обнаруживается, что героиня «Романа...» Татьяна Петровна не является ни неверной женой, ни «соблазненной и покинутой», как это традиционно принято считать в литературоведении. Напротив, она, как и Татьяна из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, является чистой и целомудренной девушкой.

Ключевые слова: Достоевский, «Роман в девяти письмах», неверные жены, Пушкин, «Евгений Онегин».

The article considers the love line and female characters in “Novel in Nine Letters” by Fyodor Dostoyevsky. The study found that the heroine of “Novel...” Tatiana isn’t an unfaithful wife or “seduced and abandoned”, as she has traditionally been considered in literary criticism. On the contrary, she, like Tatiana from “Eugene Onegin” by A. Pushkin, is a chaste and pure woman.

Key words: Dostoevsky, “Novel in Nine Letters”, unfaithful wives, Pushkin, “Eugene Onegin”.

«Роман в девяти письмах» Ф.М. Достоевского принадлежит к числу наименее изученных его творений. Это небольшое произведение было написано в 1845 г. для задуманного Н.А. Некрасовым юмористического альманаха «Зубоскал», вскоре после триумфального успеха «Бедных людей», и, очевидно, наследовало от них эпистолярную форму. «Роман в девяти письмах» был прочитан в кружке Белинского и произвел «фурор», как сообщает его автор в письме к брату Михаилу от 16 ноября 1845 г. [Достоевский, 1972–1990, 28: 1, 116]. Однако альманах не был допущен к печати цензурой, и издание было отложено до 1847 г. В отношениях с Белинским к тому времени произошло значительное охлаждение, чем отчасти можно объяснить тот факт, что, будучи опубликованным, «Роман...» Достоевского вызвал разочарование. 19 февраля 1847 г. критик писал о нем И.С. Тургеневу: «Достоевского переписка шулеров, к удивлению моему, мне просто не понравилась — насилу дочел» [Белинский, 1953–1959, 12: 335]. Видимо, это отношение было унаследовано советским, а затем и российским литературоведением, поскольку в обзорах жизни и творчества о втором и последнем эпистолярном

эксперименте Достоевского, как правило, ничего не говорят или же уделяют ему несколько строк. Не пишут об этом произведении Л.П. Гроссман [Гроссман, 1962], Ю.И. Селезнев [Селезнев, 1985]. Л.И. Сараскина вскользь упоминает его [Сараскина, 2011: 153], как и исследователь раннего творчества писателя В.С. Нечаева [Нечаева, 1979: 228]. Работы же, посвященные исключительно «Роману в девяти письмах», очень немногочисленны.

Тем не менее это произведение представляется заслуживающим более пристального изучения, в частности большего внимания требуют любовная линия «Романа...» и его женские образы. Отчасти эту задачу призвана выполнить данная статья.

Основная фабула произведения вполне уместается в определение Белинского «переписка шулеров», образы которых восходят к персонажам «Игроков» и «Тяжбы» Н.В. Гоголя. Японский достоевист Накамура Кэнноскэ пересказал ее следующим образом: «Два господина, забавным образом обладающие «зеркальными» именами — Петр Иванович и Иван Петрович — уговариваются о встрече по некоему важному делу, но по разным причинам их дороги никак не могут пересечься. Каждый раз они отправляют по почте письма, написанные по всем правилам этикета, но в этих письмах они нещадно бранят друг друга. Вот такая смешная история из бестолковой петербургской жизни» [Накамура, 2011: 26]. В ходе переписки выясняется, что эти господа обчистили некоего молодого человека Евгения Николаевича, а теперь не договорятся о том, как «поделить прибыль». Впрочем, надо сказать, что у Достоевского это дано так темно и неясно (вообще текст является достаточно запутанным и трудным для чтения, особенно для современного читателя, чем, возможно, отчасти объясняется его малая популярность), что данный момент (денежные расчеты) может быть понят по-разному. В современном литературоведении он имеет и другое истолкование, о чем речь пойдет ниже.

Однако, как бы ни объяснялись финансовые отношения героев, можно констатировать, что в шестом и седьмом письмах корреспонденты, так и не встретившись и не договорившись, порывают друг с другом.

И тут начинается самое интересное. Потому что «Роман в девяти письмах» Достоевского состоит не из девяти, как можно было бы предположить, а из одиннадцати писем. 16 и 17 ноября соответственно герои получают по почте по два пакета. В тексте это отражено двумя авторскими ремарками.

Вот они:

«Шестнадцатого числа ноября Петр Иванович получает по городской почте на свое имя два письма. Вскрывая первый пакет, вынимает он записочку, злейливо сложенную, на бледно-розовой бумажке. Рука жены его. Адресовано к Евгению Николаичу, число

2 ноября. В пакете больше ничего не нашлось. Петр Иванович читает:» [Достоевский, 1972–1990, 1: 239] (далее следует письмо его супруги Анны Михайловны, о нем позже).

«Семнадцатого числа ноября Иван Петрович получает по городской почте на свое имя два письма. Вскрывая первый пакет, вынимает он записочку, небрежно и наскоро написанную. Рука жены его; адресовано к Евгению Николаичу, число 4 августа. В пакете больше ничего не нашлось. Иван Петрович читает:» [Достоевский, 1972–1990, 1: 239] (далее следует письмо его супруги Татьяны Петровны)

Обращает внимание очевидный параллелизм обоих фрагментов. На фоне почти идентичных текстов ярче выступают их различия. Это характеристики записок («затейливо сложенная, на бледно-розовой бумажке» и «небрежно и наскоро написанная») и числа (2 ноября и 4 августа). Описание первого послания явно вызывает романтические ассоциации, от второй веет чем-то тревожным. Ожидания читателя оправдываются. Письма жен главных героев вовсе не безобидны. Приведем их полностью:

«Милый Eugene! Вчера никак нельзя было. Муж был дома весь вечер. Завтра же приезжай непременно ровно в одиннадцать. В половине одиннадцатого муж отправляется в Царское и воротится в полночь. Я злилась всю ночь. Благодарю за присылку известий и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это всё она исписала? Впрочем, есть слог; спасибо тебе; вижу, что любишь меня. Не сердись за вчерашнее и приходи завтра, ради бога.

А.»

«Прощайте, прощайте, Евгений Николаич! награди вас господь и за это. Будьте счастливы, а мне доля лютая; страшно! Ваша воля была. Если бы не тетушка, я бы вам вверилась так. Не смейтесь же ни надо мной, ни над тетушкой. Завтра венчают нас. Тетушка рада, что нашелся добрый человек и берет без приданого. Я в первый раз пристально на него поглядела сегодня. Он, кажется, добрый такой. Меня торопят. Прощайте, прощайте... голубчик мой!! Помяните обо мне когда-нибудь; я же вас никогда не забуду. Прощайте. Подпишу и это последнее, как первое мое... помните?

Татьяна»

[Достоевский, 1972–1990, 1: 239]

С первым письмом, кажется, все ясно, оно написано неверной женой Петра Ивановича Евгению Николаевичу, как выясняется, ее любовнику. Со вторым все сложнее. Однако почему-то в литературоведении чаще всего Татьяну Петровну, жену Ивану Петровича, также называют любовницей Евгения Николаевича.

В энциклопедии «Достоевский» Н.Н. Наседкина читаем: «...пока два ловких шулера вели между собою переписку на тему, как бы

им покапитальнее обчистить Евгения Николаевича в карты, тот, оказывается, весьма ловко и успешно наставлял им рога...» [Наседкин, URL: http://www.niknas.narod.ru/4dost/1dost_enz/dost_enz1-08.htm#Роман_письмах] М.С. Альтман, сравнивая раннее творение Достоевского с «Евгением Онегиным», пишет: «Продолжение романа, однако, совсем не пушкинское: Татьяна обманывает мужа и становится любовницей Евгения. Выходит, что при одноименных персонажах есть, говоря языком Пушкина, «дьявольская разница» между романом в стихах Пушкина и романом в письмах Достоевского» [Альтман, 1975: 144]. Накамура К. замечает: «Как это следует из последнего письма, скользкий и смазливый мужчина, который является предметом раздора между двумя господами — любовник обеих жен: и Ивана Петровича, и Петра Ивановича» [Накамура, 2011: 27]. Американский исследователь Р. Белкнап указывает: «Жулики обокрали Евгения Николаевича и друг друга. В восьмом и девятом письме оказывается, что Евгений Николаевич обдурил их, но не в картах, а в любви». Здесь опять-таки сюжет гоголевский. В «Игроках» Гоголя жертва обводит вокруг пальцев шулеров, убегая с их деньгами. У Достоевского шулеры теряют не деньги, а жен <...> Здесь, в шестом письме «Романа в девяти письмах», начинается переход от одного литературного жанра к другому, от реалистического, имитирующего непонятные постороннему детали настоящих писем и пользующегося древними приемами — к другой, тоже классической традиции, к фабуле римских и «новых» греческих комедий об обольщенных женах, как у Теренция и Менандра» [Белкнап, 1996: 27–28]. Очевидно, под обольщенными женами подразумеваются и Анна Михайловна, и Татьяна Петровна.

Представляется необходимым заявить, что сложившееся в литературоведении понимание образа Татьяны Петровны как неверной жены ошибочно. Ведь ее письмо, как это очевидно, прощальное. Оно написано накануне венчания, 4 августа. В первом же письме читатель узнает, что Иван Петрович — молодожен (письмо, видимо, написано в начале ноября, даты нет, к сожалению). Петр Иванович пишет ему: «Жена моя вчера, в бытность нашу у Семена Алексеича, весьма кстати подшутила над вами, говоря, что вас с Татьяной Петровной вышла парочка непоседов. Трех месяцев нет, как женаты, а уже negliжируете домашними своими пенатами» [Достоевский, 1972–1990, 1: 230]. Татьяна Петровна же в письме от 4 августа пишет: «Завтра венчают нас» и 5 раз (!) повторяет «прощайте». Очевидно, с Евгением Николаевичем ее связывали отношения, закончившиеся после свадьбы. Какие же в тексте есть основания считать ее неверной женой? Представляется, что таких оснований нет. Правда, в третьем письме Петр Иванович не застаёт Ивана Петровича дома, зато обнаруживает там Евгения Николаевича. Однако этого все же мало, чтобы обвинять

Татьяну Петровну в неверности. Встреча их могла быть случайной, а могла иметь и другое объяснение, о чем позже.

Справедливости ради нужно сказать, что в литературоведении встречается и другое понимание образа Татьяны Петровны. Так в комментарии к академическому собранию сочинений она названа «чистой, обманутой девушкой» [Достоевский, 1972–1990, 1: 501], т. е. принадлежащей к типу «соблазненных и покинутых» героинь Достоевского, таких как Варя Доброселова («Бедные люди») или Настасья Филипповна («Идиот»). Современный же исследователь С.С. Шаулов прочел «Роман в девяти письмах» как роман о фиктивном браке. «Сложная интрига, в которой участвуют Иван Петрович и Петр Иванович, к моменту собственно романа уже завершена женитьбой Ивана Петровича, но не завершены денежные расчеты участников. Их споры по этому поводу и составляют главное содержание романа. Все функционально значимые фигуры здесь есть: Иван Петрович — подставной муж, Петр Иванович и его жена — сводни, Евгений Николаевич — обидчик» [Шаулов, 2009: 57].

Однако и такое понимание «Романа в девяти письмах» не выглядит убедительным. Если Татьяна Достоевского была «обманута», т. е. соблазнена, то почему ее тетушка радуется тому, что «нашелся добрый человек и берет без приданого»? В ее ситуации счастьем вообще было выйти замуж. И в этом случае нецеломудрие жены не могло не быть известно Ивану Петровичу — и пропадает эффект неожиданности, связанный с получением ее записки.

С.С. Шаулов делает интересное открытие: слова Татьяны Петровны о будущем муже «он, кажется, добрый такой» повторяются в письме Пульхерии Ивановны как слова Дуни о ее женихе Лужине («Преступление и наказание»): «...он человек хоть и небольшого образования, но умный и, кажется, добрый» [Нечаева, 1979: 31]. Эта фраза развивается Раскольниковым: «*Это кажется* всего великопнее! И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!..» [Там же: 35].

Однако Дуня не принадлежит к «соблазненным и покинутым» героиням Достоевского, напротив, она «целомудренна ужасно, неслышанно и невиданно <...> целомудренна, может быть, до болезни», как сообщает о ней Свидригайлов [там же: 365]. Не такова ли и Татьяна Петровна, если уж они выражаются одинаковыми фразами?

В пользу этого предположения говорит и пушкинское имя героини. М. С. Альтман писал: «В романе в девяти письмах» Достоевского имеется некая Татьяна в очень памятном для русского читателя сочетании с Евгением. По своим именам — совсем пушкинская пара! И завязка романа между Татьяной и Евгением у Достоевского такая же, как у пушкинских Татьяны и Евгения: Татьяна (Петровна) еще девушкой полюбила Евгения (Николаевича), но вышла замуж, без

любви, за другого» [Альтман, 1975: 144]. К этому можно добавить, что сам факт написания *письма* сближает героиню Достоевского с героиней пушкинского романа в стихах. Кроме того, имя Татьяна не является любимым у Достоевского, он крайне редко дает его своим персонажам (помимо «Романа в девяти письмах» оно встречается, кажется, только в «Селе Степанчикове», где Татьяна Ивановна — полусумасшедшая немолодая девица с полумиллионом приданого, и «Подростке», в котором Татьяна Павловна Пруткова — приятельница Версилова, помогающая в устройстве его внебрачного сына). Исходя из этого, можно сделать вывод, что имя героини «Романа в девяти письмах» — явная отсылка к Пушкину, а это значит, что Татьяна Достоевского не является «обманутой девушкой», как и Татьяна из «Евгения Онегина».

Что же произошло между героями Достоевского, почему они расстались, и Татьяна Петровна вышла замуж за нелюбимого? Быть может, Евгений Николаевич предлагал совершить ей постыдный поступок — убежать с ним из дома без благословения родных, а она ему отказала? И именно так следует понимать слова из ее письма «Если бы не тетушка, я бы вам вверилась так. Не смейтесь же ни надо мной, ни над тетушкой». «Так» — значит без венца, по одному «честному слову». И именно преданность «старым порядкам», боязнь «греха» может вызывать смех, которого опасается Татьяна Достоевского.

Ужас же Ивана Петровича при прочтении ее записки как раз в том, что он узнает, что за него вышли без любви, лишь накануне венца в первый раз на него пристально посмотрев. Это выглядит гораздо более убедительно, чем версия о фиктивном браке.

При таком прочтении «Романа в девяти письмах» жена Ивана Петровича не является ни неверной женой, ни «соблазненной и покинутой», напротив, она целомудренная девушка, высоко ценящая мнение родных. И такое прочтение представляется наиболее адекватным.

Однако и в этом случае остается масса вопросов. Как объяснить встречу Евгения Николаевича и Татьяны Петровны? (Из третьего письма ясно, что они находились в доме Ивана Петровича в одно и то же время). Что означают слова «Благодарю за присылку известий и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это всё она исписала?» в письме Анны Михайловны? И наконец, самое интригующее, кто же прислал две записки жен Петра Ивановича и Ивана Петровича?

Здесь исследователь вступает на зыбкую почву догадок и предположений. «Роман в девяти письмах» — это, по удачному выражению С. С. Шаулова, «своего рода эпистолярный «конспект» развернутого романического повествования» [Шаулов, 2009: 56]. Объем произведения (десять страниц) слишком мал для подробного описания всех сюжетных перипетий, обычных для «настоящих» романов, в

том числе зрелых романов самого Достоевского. Да и эпистолярная форма плохо подходит для изложения *событий*, ее область — внутренний мир человека.

При таких условиях неизбежна недосказанность, оставляющая широкое поле для читательских предположений. Усугубляется она еще и темным, с введением множества ненужных для сюжета подробностей, текстом самого Достоевского, обусловленным установкой на традицию «натуральной школы», в данном случае, по Р. Белкнапу, реалистическим уподоблением эпистолярного романа настоящим письмам.

Тем не менее путем медленного, вдумчивого чтения удастся построить некую версию событий, конспективно представленных в произведении.

Проще всего ответить на первый из трех перечисленных вопросов. Встреча Татьяны Петровны с Евгением Николаевичем могла быть случайна, т. е. Евгений Николаевич зашел за чем-то к Ивану Петровичу, но не застал его. Другой вариант подоплеку этого события, более «романический» — Евгений Николаевич пытался возобновить отношения с бывшей возлюбленной, которую некогда отверг (как это было и в пушкинском романе), однако получил отказ. Почему бы не вообразить, как Татьяна Достоевского говорит его Евгению нечто вроде:

«Но я другому отдана,
Я буду век ему верна?»
[Пушкин, 1986, 2: 335]

Третий вариант — их встреча была любовным свиданием, — отвергается по уже указанным причинам (Татьяна не неверная жена).

Известно, что поступку Татьяны Пушкина (отказ Онегину) Достоевский придавал принципиальное значение. Это отразилось в его знаменитой речи, произнесенной на открытии памятника Пушкину на закате своих дней, в 1880 г. В ней Достоевский горячо спорил с Белинским, для которого верность Татьяны — это «профанация чувства и чистоты женственности», потому что «отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны» [Белинский, 1953–1959, 7: 501]. «Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столь пострадавшим» [Достоевский, 1972–1990, 26: 142] — говорит о развязке пушкинского романа Достоевский, а в одном из черновики выражается еще яснее: «...в решении Татьяной вопроса в последней главе романа я вижу мысль и всю правду поэмы, для которой, может быть, она и была задумана» [там же: 285]. Поэтому представляется вполне вероятным, что и героиня «Романа в девяти письмах» так же отказывает своему Евгению, как и героиня пушкинского произведения.

Остается неясным место в письме Анны Михайловны и главный вопрос — кто послал записки жен их мужьям.

Думается, произошло следующее. В шестом письме Иван Петрович угрожает Петру Ивановичу, что если тот не вернет ему деньги, он прибегнет к открытой силе и покровительству закона, а кроме того, идет на настоящий шантаж, пишет, что обладает «кое-какими свидетельствами, которые, оставаясь в руках вашего покорнейшего слуги и почитателя, могут погубить и осквернить ваше имя в глазах целого света» [Достоевский, 1972–1990, 1: 228]. Можно предположить, что эти «свидетельства» — это любовные письма Анны Михайловны к Евгению Николаевичу. Поскольку деньги не были отданы (что видно из седьмого письма), угроза была пущена в ход, и одно из этих писем Иван Петрович отправил по почте в качестве мести и как доказательство серьезности своих намерений.

Прочитав письмо супруги, Петр Иванович узнал не только о ее неверности, но и о том, что у нее хранится какая-то «куча бумаги», которую «исписала» некая особа. Он решил выяснить, что это. «Кучей бумаги» была переписка Евгения Николаевича с Татьяной Петровной, которую он прислал своей новой любовнице, чтобы «посмеяться» над бывшей или же из каких-то других неизвестных читателю мотивов.

И вот, чтобы отомстить, Петр Иванович посылает одно из писем молодой жены ее мужу — прекрасный способ испортить налаживающуюся супружескую жизнь.

Такое объяснение появления двух «незапланированных» любовных писем в романе представляется вполне логичным. Более того, оно вполне соответствует особенностям сюжетосложения, характерным для раннего Достоевского. Подобные же сложные манипуляции с бумагами (правда, там это будут административные документы) встречаются в другом раннем юмористическом рассказе Достоевского «Ползунков».

Можно возразить — любовные письма были посланы Евгением Николаевичем как месть за проигрыш в карты. Но в этом случае он терял Анну Михайловну как любовницу. Эта версия произошедшего не выглядит убедительной.

Если же принять первый вариант развития событий, то особенно издевательски звучат слова обоих мужей в их прощальных письмах: «На будущей неделе уезжаю в Симбирск; приятелем бесценнейшим и любезнейшим другом останется у вас Евгений Николаич» [Достоевский, 1972–1990, 1: 239] (из письма Ивана Петровича) и «Евгений Николаич на днях уезжает в Симбирск, по делам своего деда, и просил меня похлопотать о попутчике; не хотите ли?» [Там же] (из письма Петра Ивановича). Это одно из наиболее комических и одновременно жестоких мест в творчестве Достоевского.

Так «переписка шулеров» приобретает черты семейной и любовной драмы. Комизм усиливается и становится трагикомизмом,

открывая пути к другому Достоевскому, тому, что прославил русскую литературу и встал в один ряд с именами Шекспира и Бальзака. А «Роман в девяти письмах» оказывается не безделицей, написанной на волне успеха дебютного произведения, а своеобразным наброском шедевров позднейшего периода.

Список литературы

- Альтман М. С.* Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975.
Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959.
Белкина Р. О традиции эпистолярного романа в «Романе в девяти письмах» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. № 13.
Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского. СПб., 2011.
Наседкин Н. Н. Достоевский. Энциклопедия. Электронная публикация: http://www.niknas.narod.ru/4dost/1dost_enz/dost_enz.htm
Нечаева В. С. Ранний Достоевский 1821–1849. М., 1979.
Сараскина Л. И. Достоевский. М., 2011.
Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1985.
Шаулов С. С. Об одной незамеченной автоцитате Ф. М. Достоевского («Роман в девяти письмах» и «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3.
Пушкин А. С. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986.

Сведения об авторе: *Зимина Наталья Юрьевна*, аспирант кафедры литературы Псковского государственного университета. E-mail: ritta_narod@mail.ru

К.Ю. Зубков

**«ОЧЕРК НАРОДНОЙ ДРАМЫ»: СЮЖЕТИКА
И ЦИТАЦИЯ В «ОБРЫВЕ» И.А. ГОНЧАРОВА¹**

Статья посвящена одной из сюжетных линий последнего романа Гончарова. Главный герой этого романа определяет историю слуг Савелия и Марины как «очерк народной драмы». Автор статьи рассматривает, что подразумевается под понятием «народная драма», включающим произведения А.А. Потехина, А.Ф. Писемского и, что наиболее важно, А.Н. Островского, чья «Гроза» является одним из наиболее значимых претекстов «Обрыва».

Ключевые слова: И.А. Гончаров, роман, драма, аллюзия, народность.

The article is concerned with one of the story lines in Goncharov's last novel. The main character of the novel refers to the servants Savely and Marina's story as "a sketch of the national drama". The author of the article examines the implications of the notion "national drama", which includes the works by A.A. Potekhin, A.F. Pisemsky and, most importantly, A.N. Ostrovsky, whose "Thunderstorm" is one of the most important texts existing prior to "The Precipice".

Key words: I.A. Goncharov, novel, drama, allusion, people's national character.

Исследователи «Обрыва» И.А. Гончарова убедительно показали специфику структурного построения этого произведения. Композиция романа двупланова и построена на соединении осуществленного романа, созданного автором, и неосуществленного романа, который пытается создать главный герой². Тем самым у Гончарова актуализируется и тематизируется собственно романное начало: «Обрыв» становится романом о романе. В современных работах продемонстрировано, как реализуется этот принцип на уровне мотивной структуры романа: оба плана романа объединены единой системой мотивов, которые, в свою очередь, могут быть определены как относящиеся к проблемам эстетической завершенности (совершенства, оформленности), т. е. металитературные³. Внутренняя структура романа «Обрыв»

¹ Благодарим Н.В. Калинину за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки данной работы.

² См.: Райнов Т. «Обрыв» Гончарова как художественное целое // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916. С. 32–75.

³ См.: Рипинская Е.В. 1) Русский реалистический роман: мотив и сюжет (И.А. Гончаров. «Обрыв». Опыт анализа риторической организации романа) // Вестник молодых ученых. Филологические науки. 2004. № 5. С. 27–46; 2) Мотивная структура романа: символическая интеграция vs семантическая дифференциация (И.А. Гончаров «Обрыв») // Гончаров: живая перспектива прозы. Науч. ст. о творче-

построена как саморефлексия романной формы⁴. Такие особенности построения текста должны соответствовать специфике выстраивания в нем системы аллюзий. Если роман во многом посвящен проблеме литературы и литературности, он неизбежно должен так или иначе соотноситься с реально существующими произведениями литературы. Естественно, литературный контекст «Обрыва», наиболее насыщенный цитатами и реминисценциями произведения Гончарова, часто рассматривается исследователями. Однако в многочисленных работах на эту тему обычно не учитываются достижения исследователей, обратившихся к поэтике романа. Обширный цитатный план «Обрыва» рассматривается без учета металитературной природы построения романа. В нашей работе мы попытаемся на материале незначительной по объему и третьестепенной по значению сюжетной линии показать, каким образом взаимодействуют друг с другом аллюзии в романе.

Мы проанализируем историю Савелия и Марины, дворовых Татьяны Марковны Бережковой, достаточно показательную для общей структуры романа. Как и почти все линии сюжета в «Обрыве», история Савелия и Марины подается прерывисто, причем между отдельными ее эпизодами успевает произойти огромное количество прочих событий. Первые ее фрагменты описаны в самом начале романа, а финал — в конце, в результате не очень внимательный читатель, увлекшись драматичной историей Веры и Волохова, может и забыть о том, что случилось, например, ночью, когда Савелий чуть не бросился на Райского, приняв его за очередного любовника своей жены (часть 2, глава 14).

Такая дискретная структура наррации оправдана тем фактом, что рассматриваемая история очень неоднородна и выстроена по двухплановому принципу, характерному для романа в целом. Внимание читателя должно быть сосредоточено не столько на фабуле, сколько на том, как повествуется о событиях.

Жизнь Савелия и Марины выглядит очень прозаичной, более того, рассказ о ней сознательно организован по контрасту с «литературными» ожиданиями читателя. Так, сцена жестокого избиения жены мужем дана в ироничных и добродушных тонах:

«Он подумал немного, потупившись, крупные складки показались у него на лбу, потом запер дверь, медленно засучил рукава и, взяв старую вожжу, из висевших на гвозде, начал отвешивать медленные, но тяжелые удары по чему ни попало. Марина выказала всю данную ей природой ловкость,

стве И.А. Гончарова. Szombathely, 2012 (= BIBLIOTHECA SLAVICA SAVARIENSIS. T. XIII). С. 438–451.

⁴ Разумеется, появление такой структуры может быть объяснено с точки зрения истории литературы — как попытка защитить традиционный роман от упреков таких авторов, как Н.Г. Чернышевский, и показать способность этого жанра раскрывать актуальные темы.

извиваясь, как змея, бросаясь из угла в угол, прыгая на лавки, на столы, металась к окнам, на печь, даже пробовала в печь: вожака следовала за ней и доставала повсюду, пока наконец Марина не попала случайно на дверь»⁵.

Очевидно, что литературная модель, заданная, например, произведениями Н.А. Некрасова о крестьянах (ср. хотя бы его стихотворение «Зеленый шум», 1863, с мотивом измены крестьянки мужу), предполагает, что подобный эпизод должен быть изложен в очень серьезных тонах. В окрашенном иронией тексте, приведенном выше, страдания женщины не отождествляются со «страданиями народа», что, несомненно, нарушает читательские представления о том, как следует изображать трагедию народной жизни. Ирония снижает потенциально возвышенную ситуацию до прозаического эпизода из жизни двора.

Прозаической трактовке событий повествователем противостоит литературное восприятие Райского. В сознании увлеченного дилетанта муж, бьющий неверную жену, мгновенно превращается в «очерк народной драмы» (240). Под «драмой» явно имеется в виду не просто драматичная история, а именно художественное произведение — под очерком подразумевается не литературный жанр, а художественное изображение, что ясно видно из следующей фразы: «И Марина улыбалась ему в художественном очерке» (там же). Что же имел в виду Райский под народной драмой? Вообще драма в «Обрыве» — слово, обозначающее одновременно и литературный род, и литературный жанр (род и жанр при этом постоянно смешиваются), и жизненную историю с мрачным финалом. Неслучайно Райский говорит с Верой о ее переживаниях на языке восходящих к Аристотелю эстетических понятий: «Вижу только, что у тебя какая-то драма, что наступает или наступила катастрофа...» (583). Когда передаются мысли Волохова о Тушине, обыгрывается двойственность понятия «драма»: «Не драму ли затевает этот лесной Отелло: “крови”, “крови”, что ли, ему надо!» (723). В разговорах с бабушкой о Савелии и Марине Райский тоже употребляет слово «драма» в разных значениях. В цитированном выше фрагменте под драмой явно имеется в виду литературный жанр — об этом свидетельствует отсылающий к словам о «народной драме» обмен репликами между бабушкой и Райским, к которому явилась Крицкая:

« — Вот тебе и «непременно»! — шепнула Татьяна Марковна, — видишь! Теперь пойдет таскаться, не отучишь ее! Принесла нелегкая! Стоит Марины! Что это, по-твоему: тоже драма?

— Нет, это, кажется... комедия! — сказал Райский ...» (241).

Иногда же Райский говорит о Савелии и Марине, употребляя слово «драма» в другом значении: «У нас нет жизни, нет драм вовсе: убивают в драке, пьяные, как дикари!» (240).

⁵ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб., 2004. С. 239. Далее все ссылки на этот том даны в тексте с указанием страницы.

В данном случае, судя по всему, имеется в виду произведение из жизни простонародья или близких к нему слоев общества (Савелий и Марина — дворовые). Жанр драмы о простонародье был особенно распространен в русской литературе 1850-х годов, когда уже активно велась работа над романом⁶. В тексте «Обрыва», впрочем, можно выделить параллели с несколькими произведениями, наиболее значительными для этого поджанра. «Народная драма» — выражение, иногда употреблявшееся по отношению именно к группе пьес, созданных этими авторами и восходящее, по-видимому, к авторскому определению жанра пьесы Островского «Не так живи, как хочется» (1854). В пьесе этой речь идет, впрочем, не о крестьянах, а о купцах, однако социальная конкретность вообще ослаблена: речь идет, собственно, не о купцах, а о представителях простого русского народа вообще⁷.

Комментируя употребленное Райским выражение, можно сразу сказать, что в сюжетном отношении сравнение выглядит не вполне точным: в русской драматургии практически не существовало произведений, сюжет которых был бы построен на отношениях мужчины и женщины из простонародья. Обычно хотя бы один герой относился к более привилегированным сословиям, причем социальное положение героев в сюжете обыгрывалось. Еще в 1854 г. П.В. Анненков писал, что народная жизнь с большим трудом поддается изображению в западных литературных формах:

«Желание сохранить рядом, друг подле друга, требования искусства к настоящему, жестким ходом жизни, произвести эстетический эффект и вместе целиком выставить быт, мало подчиняющийся вообще эффекту, — желание это кажется нам неисполнимым»⁸.

Впрочем, вскоре после появления этих строк Потехин создал пьесу «Суд людской — не Божий» (1854), где весь конфликт разворачивается в крестьянской среде. Однако ни конфликт, ни образы героев этого произведения не имеют ничего общего с известными Райскому сведениями о Савелии и Марине. Учитывая серьезность «народной драмы» Потехина, восклицание Райского о «верном очерке» кажется совершенно нелепым: герой отказывается понять, что «народная драма» ценна именно тем, что создает «неприкрашенный

⁶ См.: *Лотман Л.М.* А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961. С. 92–190; *Журавлева А.И.* А.Н. Островский-комедиограф. М., 1981. С. 83–119; *Соколова В.Ф.* «Народная драма» 1850–1860-х годов // История русской драматургии (Вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1987. С. 156–193.

⁷ См.: *Журавлева А.И.* Указ. соч. С. 108.

⁸ *Анненков П.В.* Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Критические очерки / Сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. И.Н. Сухих. СПб., 2000. С. 58.

ужас реальности»⁹, который нельзя воспринимать с точки зрения красоты и увлекательности. В последнем действии пьесы Потехина как раз появлялся барин Скрипунов, со стороны наблюдающий за народной жизнью и в силу своей поверхностности неспособный ее понять, т. е. по функции во многом аналогичный Райскому. Особенно неуместно у Скрипунова, как и у Райского, неожиданно «эстетическое» восприятие жизненной драмы, только что развернувшейся перед ним:

«Трогательная история! Именно наши крестьяне... (*Делает в воздухе неопределенное движение рукою.*) Удивительный народ!.. С душой!..»¹⁰

Уже в следующей сцене из «Обрыва» с участием интересующих нас героев возникает намек на любовный треугольник Райский — Савелий — Марина. Савелий в темноте принимает Райского за любовника своей жены, а узнав в нем барина, воспринимает его с явной подозрительностью:

«— Как же вы изволили звать Марину! — медленно произнес он, помолчав, — нешто вы ее видели?» (269).

Подозрения Савелия беспочвенны, однако сама предполагаемая ситуация, в которой дворянин чуть не уводит жену у мужика, явно напоминает еще одну народную драму, а именно «Горькую судьбину» Писемского (1859), где барин соблазняет жену своего крестьянина. Эту пьесу Гончаров оценивал достаточно высоко:

«Силы и натуры пропасть: сцены между бабами, разговор мужиков — все это так живо и верно, что лучше у него из этого быта ничего не было. Конечно, местами резко и не без цинизма, но это будет, вероятно, сглажено если не им, то ценсурой»¹¹.

Можно провести параллели и между образами действующих лиц пьесы Писемского и романа Гончарова. Райский у Гончарова и барин Чеглов у Писемского оба отличаются легкомысленностью и неспособностью предсказать последствия своих поступков. У обоих героев возникает контраст возвышенного понимания любви и бытовой ситуации, в которой они оказываются. Герой Писемского пытается честно и благородно относиться к возлюбленной. «...Я честный человек...»¹², — говорит он, хотя ситуация, в которой барин уводит жену у своего мужика, уже сама по себе исключает возмож-

⁹ Выражение А.И. Журавлевой, использованное для характеристики «Горькой судьбины» Писемского. См.: *Журавлева А.И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988. С. 75.

¹⁰ Русская драма эпохи А.Н. Островского / Сост., общ. ред., вступ. ст. А.И. Журавлевой. М., 1984. С. 143.

¹¹ Письмо к П.В. Анненкову от 20 мая 1859 г. // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1955. С. 323–324.

¹² *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1959. С. 194.

ность поведения, соответствующего как обиходному пониманию честности, так и понятию дворянской чести. С Чегловым можно сравнить Райского, который, с одной стороны, охвачен романтическим культом страсти, а с другой стороны, подвержен совершенно не романтическим страстным порывам — достаточно вспомнить, как Райский «исполнил дружескую обязанность» по отношению к своему другу Козлову (часть 3, глава 12)¹³. Савелий у Гончарова также напоминает Анания у Писемского: оба они сдержанные, хозяйственные, оба предпочитают не говорить, а действовать, оба женились по любви на незавидной невесте (у Гончарова невеста очень легкомысленна, у Писемского очень бедна), оба держат в страхе жену, оба не смогли внушить ей привязанности. Судя по всему, Райский сначала увидел в образах Савелия и Марины «очерк народной драмы», опираясь на сюжет произведения наподобие пьесы Писемского. Драма, впрочем, не состоялась: для Савелия достаточно авторитета барина, чтобы конфликт исчез, не успев начаться. Это вполне соответствует письму Гончарова Писемскому, в котором будущий автор «Обрыва» писал по поводу чудовищной кульминации «Горькой судьбины», где главный герой убивает сына, рожденного женой от барина:

«...это сильное и, пожалуй, весьма быть могущее и, конечно, бывалое окончание подобного дела все-таки не может быть допущено иначе и в натуре как исключение (примите в соображение общий характер отношений наших крестьян к господам: этого не надо отнюдь выпускать из вида, особенно в искусстве)»¹⁴.

В сюжете «Обрыва» реализован гончаровский вариант этого конфликта, а стремление героя жить по книжным моделям показано как несостоятельное.

Сходным образом построена система аллюзий на языковом уровне. Рассмотрим изложение встречи Савелия и Марины, произошедшей сразу после случая с Райским:

«— Что тебе, леший, не спится? — сказала она и, согнув одно бедро, скользнула проворно мимо его, — бродит по ночам! Ты бы хоть лошадям гривы заплетал, благо нет домового! Срамит меня только перед господами!.. — ворчала она, несясь, как сильф, мимо его с тарелками, блюдами, салфетками и хлебами в обеих руках, выше головы, но так, что ни одна тарелка не звенела, ни ложка, ни стакан не шевелились у ней» (269).

Совершенно бытовая ситуация здесь переосмыслена, причем в литературном ключе: Марина оказывается «сильфом». Типично

¹³ См. о смешении в сознании Райского божественной и плотской любви: *Гейро Л.С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. Т. 102. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования / Отв. ред. С.А. Макашин, Т.Г. Динесман. М., 2000. С. 167–168.

¹⁴ Письмо к А.Ф. Писемскому от 28 августа / 9 сентября 1859 г.: *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 324.

романтическое сравнение женщины с фантастическим существом¹⁵ здесь используется в речи нарратора. Любопытно, что это второе сравнение с сильфом в «Обрыве»: в первый раз с этим существом сопоставляется Марфинька, причем прямо оговаривается, что так ее видит «у себя в уме» Райский (174). Если сравнение с сильфом можно еще приписать точке зрения Райского, то слова самой Марины уже намного труднее объяснить влиянием позиции главного героя. Марина прямо сопоставляет своего мужа с лешим. Вообще-то Марина именует так мужа неоднократно (ср. 235), но именно здесь это сравнение настолько развернуто, к тому же соседствует с «сильфом». Сопоставление любовной страсти с действием сверхъестественной силы очень типично для русской литературы времен Гончарова. Ко временам «Обрыва» существовало как минимум три произведения, в которых на материале народной жизни возникала аналогия любви и действия нечистой силы. Это рассказы М.В. Авдеева «Огненный змей» (1853), Николая Успенского «Змей» (1862) и, самое главное, повесть Писемского — автора «Горькой судьбины» — «Леший» (1853), где обыгрывается совершенно тот же фольклорный образ, что и у Гончарова. Упоминается «змей» и в «Обыкновенной истории»: «В третьем году ко вдове Сидорихе, — примолвила Аграфена, — летал по ночам огненный змей в трубу»¹⁶. Очень часты сравнения такого типа в тех самых народных драмах. Например, в «Горькой судьбине» Лизавета сравнивает мужа с «лютым змеем» и «разбойником в лесу»¹⁷. Разумеется, высокое сравнение с сильфом выглядит на этом фоне комичным, но все же, как выясняется, некоторое отношение к действительности оно имеет. Перед нами — действительно, чувство, соответствующее литературной традиции описания народа, но, в отличие от предшественников Гончарова, сравнения с нечистой силой подчеркивают не «силу и натуру», пользуясь приведенным выше выражением Гончарова о пьесе Писемского, и не суеверность, непросвещенность простого народа, а до-человеческий, животный характер страстей. Никакая драма из таких чувств, конечно, получиться не может. Райский, видящий в Савелии «цельную, оригинальную и сильную фигуру», а в Марине — «бескорыстную жрицу культа, “матерь наслаждений”» (216), глубоко заблуждается. Таким образом, книжные образы переосмыслены нарратором и способствуют дискредитации книжного мышления Райского.

Не менее прозаичен и финал: неверная жена, судя по всему, рассталась с мужем, потому что заболела дурной болезнью:

¹⁵ Ср., например, образ «Ундины» в главе «Тамань» романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1841).

¹⁶ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 444.

¹⁷ Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 198, 218.

«Еще с Мариной что-то недоброе случилось. Она, еще до болезни барыни, ходила какой-то одичалой и задумчивой и валялась с неделю на лежанке, а потом слегла, объявив, что нездорова, встать не может.

— Бог карает! — говорил Савелий, кряхтя и кутая ее в теплое одеяло.
<...>

Ее отправили в клинику, в соседний город, за двести верст.

Сам Савелий отвез ее и по возвращении, на вопросы обступившей его дворни, хотел что-то сказать, но только поглядел на всех, поднял выше обыкновенного кожу на лбу, сделал складку в палец толщиной, потом плюнул, повернулся спиной и шагнул за порог своей клетушки» (695–696).

Из столкновения простого и наделенного естественной народной мудростью мужчины и стихийной, эмоциональной женщины никакого драматического конфликта не получилось, вопреки основанным на литературных сюжетах догадкам Райского.

Таким образом, в романе формируется сложное соотношение двух пластов реальности. С одной стороны, литературные проекции, существующие в сознании Райского, комичны и не соответствуют реальности. Это особенно подчеркивается в разговорах с бабушкой, когда оказывается, что Райский даже не задумывается о реальной жизни своих «героев», которые в действительности являются живыми людьми:

«— Что же с ними делать? — спросила бабушка, — надумался ли ты? Не сослать ли их?..

— Ах нет, не трогайте, не мешайте! — с испугом вступился он. — Вы мне испортите эту живую натуральную драму...

— Ну, скажите на милость: не трогать! Он убьет ее.

— Так что же! У нас нет жизни, нет драм вовсе: убивают в драке, пьяные, как дикари! А тут в кои-то веки завязался настоящий человеческий интерес, сложился в драму, а вы — мешать!.. Оставьте, ради Бога!» (240).

С другой стороны, без идеалистического мышления Райского смысл реальности, как он задан в романе, не может быть раскрыт. Книжные образы типа «сильфа» в сознании Райского не соответствуют действительности, но они необходимы для более глубокого, чем эмпирическое описание, постижения реальности. Через комичное сравнение Савелия и Марины с героями «народной драмы» раскрывается более глубокий аспект этих образов, связанных, правда, с совершенно иной пьесой, без участия героя оказавшийся бы скрытым. Иными словами, через поверхностный план литературных параллелей просвечивает их глубинный уровень.

Гончаров сам обратился к проблематике народной драмы в отзыве (1860) на пьесу Островского «Гроза» (1859). Гончаров доказывает, что «Гроза» заслуживает Уваровской премии, поскольку, по всей видимости, является национальной драмой и бесспорно является драмой народной:

«В той же драматической раме улеглась картина национального быта и нравов с беспримernoю художественною полнотою и верностью. Всякое лицо

в драме есть типический характер, выхваченный прямо из среды народной жизни, облитый ярким колоритом поэзии и художественной отделки <...>

Не распространяясь далее в справедливых похвалах этому высокому, классическому произведению, в заключение долгом считаю присовокупить, что, по моему мнению, драма г. Островского <...> заслуживает премии, независимо от всех прочих достоинств, и потому, что в ней исчерпан и разработан богатый источник *русского современного народного быта*¹⁸.

Логика приведенного фрагмента гончаровского отзыва такова: «Гроза» отражает национальный быт и нравы, а потому заслуживает премии. Даже если Академия наук с этим суждением и не согласится, она не может возразить, что драма посвящена народному быту, что также является основанием для вручения премии. Нетрудно заметить, что Гончаров, вслед за Островским и, по всей видимости, в отличие от Райского, понимает народную драму не как крестьянскую (кстати, во всех считавшихся «народными» произведениях Островского героями являются купцы). Писатель имел в виду известное романтическое разграничение народности и национальности, т. е. своеобразных черт этноса и нации, особенности которой обладают общечеловеческим значением¹⁹. Восприятие Гончаровым «Грозы» крайне своеобразно на фоне русской критики середины XIX в. Он прямо называл одним из двух главных лиц в «Грозе» Варвару:

«... автор создал другое типическое лицо, девушку, падающую сознательно и без борьбы, на которую тупая строгость и абсолютный деспотизм того семейного и общественного быта, среди которого она родилась и выросла, подействовали, как и ожидать следует, превратно, то есть повели ее веселым путем порока, с единственным, извлеченным из данного воспитания, правилом: *лишь бы все было шито да крыто*»²⁰.

Утверждая, что «падение» Варвары совершается под влиянием строгости и деспотизма семейного быта, Гончаров не вполне прав: у Островского Кудряш говорит: «Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет»²¹. Быт действительно влияет на Варвару, но вряд ли своим деспотизмом. Аналогична и ситуация с Мариной: бабушка подробно рассказывает Райскому о нравах двора, в которых Марина выросла:

¹⁸ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 137. Курсив И.А. Гончарова.

¹⁹ Оно типично, например, для критических статей Белинского, конечно, высоко ценимых Гончаровым. См. подробнее: *Terras, Victor. Belinskij and Russian Literary Criticism. Madison: The Heritage of Organic Aesthetics. The University of Wisconsin Press, 1974. P. 92–101.*

²⁰ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 136–137. Выделенные курсивом слова являются цитатой из слов самой Варвары (см.: *Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 228*). Показательно и то, что в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), Гончаров прямо сравнил Варвару с Ольгой из пушкинского «Евгения Онегина» (см.: *Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 77*). Пара Татьяна – Ольга, по словам писателя в той же статье, использовалась им в качестве основы системы женских образов «Обрыва».

²¹ *Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 243.*

«Скажите, бабушка: Марина одна такая у нас, или...

Бабушка сердито махнула рукой на дворню.

— Все в родстве! — с омерзением сказала она. — Матрешка неразлучна с Егоркой, Машка — помнишь, за детьми ходила девчонка? — у Прохора в сарае живмя живет. Акулина с Никиткой, Танька с Васькой... Только Василиса да Яков и есть порядочные! Но те все прячутся, стыд еще есть: а Марина!...» (241)

В «Грозе» первыми людьми, которые нарушили «правило» «шитокрыто», были как раз Кудряш с Варварой, сбежавшие из города. Еще одна параллель: у Островского соперничество образованного человека и героя «из простых» тоже намечено, но не реализуется: Кудряш думает, что Борис хочет отбить у него Варвару, и угрожает ему:

«...вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парню ноги переломают. Я за свою... да я не знаю, что сделаю! Горло перерву!»²²

Вся эта сцена схожа со столкновением Райского и Савелия, принявшего барина за любовника своей жены. В «Грозе», как и в «Обрыве» соотнесены параллельные сюжетные линии: истории падения девушки и измены жены, хотя в романе Гончарова они инвертированы: в центр помещена трагическая линия Веры, а на периферию отнесена история неверной жены (точнее, две истории: Марины и Ульяны). Действие в обоих произведениях происходит в провинциальном городке на фоне Волги, образ которой обретает символическую значимость.

Наконец, в обоих произведениях есть явно соотносимые эпизоды с грозой, которая связывается героями с грешной страстью («... я хочу обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ее классической грозой» — 408; «... это были только следы удаляющейся грозы, страсти» — 692) и одновременно с расплатой за грехи. Татьяна Марковна у Гончарова, в частности, «не только сама боялась грозы, но даже не жаловала тех, кто ее не боялся, считая это за вольнодумство» (446). По всей видимости, в ее сознании гроза связана с жизненными испытаниями («... бывают и не такие грозы в жизни! — со старческим вздохом заметила Татьяна Марковна» — 452), которые религиозная бабушка воспринимает именно как кару (следом за нею грозы боится и Марфинька, к которой тема греха и возмездия имеет минимальное отношение — ее страхи, в отличие от бабушкиных, представлены в «Обрыве» в сугубо комическом виде). Схожим образом и у Островского грозы боится Катерина, считающая себя грешной:

«Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми

²² Там же. С. 242.

твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед Богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, — вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить!»²³

Итак, некоторые линии в романе Гончарова построены по аналогии с «народной драмой» Островского. Речь, разумеется, идет не о влиянии «Грозы» на замысел «Обрыва» — скорее, сходство построения этих произведений вызвано общей проблематикой, значимой для обоих авторов. Вероятно, можно говорить и о том факте, что Гончаров осознавал это сходство, считая его значимым для своего романа. Если сохранять вводимое Гончаровым противопоставление народного и национального, то можно сказать, что «народные» нравы изображаются с немалой долей иронии, тогда как обладающая национальной глубиной история Веры обретает подлинно трагический масштаб. Ключом к пониманию роли «народной драмы» в «Обрыве» является выбранное Райским для эпиграфа к своему роману стихотворение Гейне, вообще очень значимое для понимания того, как соотносятся «жизнь» и «искусство» в сознании Райского. История Савелия и Марины кажется «народной драмой», но эта драма, пользуясь выражением из стихотворения, «разыграна в шутку»²⁴: чувства Савелия могут быть сильными и серьезными, но драматической сложности и динамизма эта страсть не достигает, а истинной драмы национального значения герой до поры не видит. Именно национальный масштаб обретает драма Веры.

Однако история Веры завершается не как драма в жанровом смысле. Райский в «Обрыве» говорит: «Ты не смейся и не шути: в роман всё уходит — это не то что драма или комедия — это как океан: берегов нет или не видать; не тесно, все уместится там» (38), — а позже с океаном сравнивается любовь художника к своему творению и божества к мирозданию (548). По всей видимости, Райский выражает не только свои, но и авторские мысли о романе как универсальном, открытом и наиболее свободном жанре. Эти соображения неслучайно выражаются с помощью пространственных метафор, соотносимых с самим текстом романа. Ассоциация драмы с рекой позже в тексте будет реализована в драматической коллизии, которая, как и у Островского, развернется на берегах Волги. Представление об ограниченности драмы, замкнутой в своих «берегах», как представляется, находит аналогии в драме Островского.

В «Грозе» для Катерины невозможно пересечь Волгу, за которой открывается «сельский вид»²⁵, т. е. невозможно выйти за пределы

²³ Там же. С. 225.

²⁴ Показательно, что это выражение встречается только в переводе А.К. Толстого, написанном по просьбе Гончарова. Его нет ни в оригинале, ни в других переводах.

²⁵ *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 210.

Калинова, не погибнув. Пространство пьесы замкнуто²⁶, а катастрофическая развязка неизбежна. В «Обрыве» пространство открыто, и с того берега Волги приходит Тушин, который помогает Вере продолжить жизнь. Именно романная свобода сюжета, не ограниченного единством действия, и открытость пространства, не замкнутого одним местом действия, позволяет предотвратить наметившуюся драматическую катастрофу. Отметим, что здесь вновь актуализируется контрастная параллель с историей Савелия и Марины: если «леший» Савелий — человек, еще не развившийся до понимания подлинно человеческих законов нравственности и способный только жестоко бить не любящую его жену, то «медведь» Тушин (сравнение этого героя с медведем встречается в романе постоянно: 453, 456, 577, 738) — напротив, человек, способный понять и простить Веру²⁷. Соответственно, связь Тушина с лесом трактуется по-другому: Тушин — это человек, способный гармонизировать и упорядочить природный хаос. В романе это выражается и в способности преодолеть в себе животное начало, которое властвует над Савелием, и в способности превратить «лес» на другом берегу Волги в цивилизованное пространство²⁸. Неслучайно ту злую силу, которую Тушин намерен победить, он сам описывает с помощью символических образов, один из которых, «обрыв», является опорным для романа, а другой, «гроза», — находит параллель в пьесе Островского: «Она будет моей царицей и укроется в моих лесах, под моей защитой, от всяких гроз и забудет всякие обрывы, хоть бы их были тысячи!!!» (747).

Эпизод с «народной драмой» позволяет, таким образом, увидеть сложную систему соотношений различных нарративных и аллюзионных уровней в романе. За иронично поданным бытовым пластом скрывается не менее ироничный уровень литературных аллюзий, заданный воображением Райского и существующий по преимуществу в плане позиции героя, которая опровергается самой структурой наррации. Однако этот пласт необходим для постижения глубинного уровня реминисценций. Автор романа «Обрыв», задающий этот уровень, стремится вступить в диалог с создателем «Грозы» — не столько народной, сколько национальной пьесы. Этот диалог способствует определению возможностей романной формы по сравнению

²⁶ О пространстве в «Грозе» см., например: *Свердлов М.И.* Почему умерла Катерина? «Гроза»: вчера и сегодня. М., 2005. С. 10—21.

²⁷ Этих героев писатель сопоставлял в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «... в Тушине отношение к Вере носит чистый и глубокий, осмысленный и сознательный характер человеческой привязанности <...> Здесь глубокая же, сосредоточенная, но чисто животная до жестокости, также неразрушимая страсть в грубой, невзрачной натуре серьезного и тупого Савелья к его желтоглазой неверной жене» (*Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 103).

²⁸ См. о Тушине как герое цивилизации и прогресса: *Гейро Л.С.* Указ. соч. С. 117—119.

с иными литературными жанрами — и именно эти возможности наиболее существенны для глубинного уровня созданной в романе системы аллюзий. Таким образом, на реминисцентном уровне в «Обрыве» выстраивается такая же двухплановая структура, как и на уровне композиции.

Список литературы

Источники

- Анненков П.В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П.В. Критические очерки / Сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. И.Н. Сухих. СПб., 2000.
- Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. СПб., 1997.
- Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб., 2004.
- Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1955.
- Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1974.
- Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1959.
- Русская драма эпохи А.Н. Островского / Сост., общ. ред., вступ. ст. А.И. Журавлевой. М., 1984.

Исследования

- Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. Т. 102. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования / Отв. ред. С.А. Макашин, Т.Г. Динесман. М., 2000.
- Журавлева А.И. А.Н. Островский-комедиограф. М., 1981.
- Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988.
- Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961.
- Райнов Т. «Обрыв» Гончарова как художественное целое // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916.
- Рипинская Е.В. Русский реалистический роман: мотив и сюжет (И.А. Гончаров «Обрыв». Опыт анализа риторической организации романа) // Вестник молодых ученых. Филологические науки. 2004. № 5.
- Рипинская Е. В. Мотивная структура романа: символическая интеграция vs семантическая дифференциация (И.А. Гончаров «Обрыв») // Гончаров: живая перспектива прозы. Науч. ст. о творчестве И.А. Гончарова. Szombathely, 2012 (= BIBLIOTHECA SLAVICA SAVARIENSIS. Т. XIII).
- Свердлов М.И. Почему умерла Катерина? «Гроза»: вчера и сегодня. М., 2005.
- Соколова В.Ф. «Народная драма» 1850–1860-х годов // История русской драматургии (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1987.
- Terras Victor. Belinskij and Russian Literary Criticism. The Heritage of Organic Aesthetics. The University of Wisconsin Press, 1974.

Сведения об авторе: *Зубков Кирилл Юрьевич*, канд. филол. наук, ст. преп. филол. ф-та СПбГУ, мл. науч. сотр. ИРЛИ РАН (Пушкинского дома). E-mail: k_zubkov@inbox.ru

М.С. Макеев

**КНИГА А.К. ГОЛУБЕВА О НЕКРАСОВЕ КАК
ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПОЭТА
(на материале писем А.А. Буткевич к издателю)**

Публикуемые письма Анны Алексеевны Буткевич, сестры Н.А. Некрасова, к автору одной из первых посмертных биографий поэта, А.К. Голубеву, позволяют дать оценку этому труду как источнику сведений о жизни и творчества поэта. В комментариях показано, что по большей части книга Голубева является перепечаткой работ предшественников. Единственная по-настоящему ценная и имеющаяся только в этом источнике информация — сообщение о содержании речи Валериана Панаева, друга Некрасова, произнесенной над его могилой.

Ключевые слова: Некрасов, Анна Алексеевна Буткевич, Андрей Квинтилианович Голубев, Валериан Панаев, биография Некрасова, похороны Некрасов.

The goal of this material is to present to scholars the letters of Anna Alekseyevna Butkevitch, the poet N.A. Nekrasov's sister, to the author of one of his first posthumous biographies, A.K. Golubev. These letters enable us to estimate the real value of Golubev's book as a source of information about Nekrasov's life and work. In his comments to Butkevitch's letters the author of the article argues that most of Golubev's book is a reprint of fragments from the works of Golubev's predecessors. The only really valuable information contained in this source is description of the speech of Valerian Panayev, Nekrasov's friend, delivered at the poet's funeral.

Key words: Nikolay Alekseyevich Nekrasov, Anna Alekseyevna Butkevich, Andrey Kvintilianovich Golubev, Valerian Panayev, Nekrasov's biography, Nekrasov's burial.

Об Андрее Кинтильновиче (другой вариант — Квинтильяновиче) Голубеве, издавшем в 1878 г. книгу «Николай Алексеевич Некрасов. Биография. Критический обзор поэзии. Собрание стихотворений, посвященных памяти поэта. Свод статей о Н.А. Некрасове с 1840 года»¹ (вышла, скорее всего, в начале июня, поскольку самая ранняя рецензия на нее появилась в газете «Голос» 7 июня), часто говорят как об авторе первой посмертной биографии поэта. Несмотря на то что такое представление ошибочно², сама книга заведомо представляет

¹ В дальнейшем все цитаты из этого издания даются без ссылки с указанием в скобках номера страницы.

² На то, что книжка, изданная Голубевым, не только не была вообще первой биографией Некрасова, но и первой посмертной, обратила наше внимание Ольга Александровна Замаренова, указав на целый ряд посмертных биографий, вышедших

интерес хотя бы потому, что издана современником Некрасова. До последнего времени труд Голубева внимание некрасоведов практически не привлекал. Даже личность автора и издателя представляла собой загадку. Недавние работы Г.В. Красильникова³ и М.И. Полевой⁴ прояснили вопрос о личности и судьбе этого человека.

Однако самый важный и очевидный вопрос, связанный с этой книгой, до сих пор даже не был поставлен: насколько важным источником для изучения биографии Некрасова она является. Ряд деталей, имеющих в труде Голубева, на первый взгляд, говорит том, что ценность ее может быть достаточно высокой. Дело в том, что в ее создании возможно предположить участие А.А. Буткевич, как раз в это время (с марта 1878 г.) работавшей совместно с библиографом С.И. Пономаревым над изданием первого посмертного собрания стихотворений Некрасова (предварявшего объемной биографией поэта, написанной Скабичевским в том числе со слов и по указаниям Буткевич). Так, на титульном листе и в Предисловии сообщается, что «чистый сбор от издания будет передан сестре Н.А. Некрасова, Анне Алексеевне Буткевич, для лучшего устройства находящейся на месте родины поэта сельской школы, которая пользовалась особым вниманием и попечением покойного» (с. VIII). Кроме того, у Голубева перепечатана библиография прижизненных статей о творчестве Некрасова, ранее опубликованная тем же Пономаревым под названием «Копеечная свечка в память о Некрасове» в № 3 и 4 «Отечественных записок». Безусловно, уж сам факт тесного сотрудничества Голубева с любимой сестрой поэта в ходе работы над его биографией повышал бы ценность сообщаемых в ней сведений, особенно в том случае, если эти данные встречаются только в этой работе.

Прошли мимо некрасоведов и документы, связанные с голубевской книгой: находящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 202. Оп. 1. № 245. Л. 1–1 об., 3) два письма А.А. Буткевич к Голубеву, написанные в начале апреля 1878 г. Между тем внимательное изучение этих, на первый взгляд, малозначительных документов многое проясняет. Именно поэтому мы решились опубликовать эти письма с максимально подробными комментариями, с помощью которых

раньше голубевской: среди них, например, «Биография и характеристика Некрасова», опубликованная Яромиром Грубным (Hrubny) в чешском журнале “Osveta” (1878. № 4).

³ Голубев А.К. Из заметок в моих записных книжках. Об Абакумцевской школе, на родине Н.А. Некрасова (в 1884 году) / Публикация Г.В. Красильникова // Русская усадьба XVIII — начала XX веков. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Ярославль, 2005. С. 78–82.

⁴ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012.

постарались дать ответ на вопрос о ценности изданной Голубевым биографии Некрасова.

Письмо 1

Милостивый Государь

Андрей Кинтильянович,

Извините, что до сих пор оставила вас без ответа¹ — всё время была больна и только вчера могла поговорить о вашей книге². Прошу вас, согласно вашему обещанию, прислать мне первые листы предисловия и биографии — последняя особенно необходима на случай вкравшихся неточностей³.

Еще имею к вам большую просьбу: не будете ли вы так обязательно уступить мне, присланный вам для образца, портрет брата⁴? Я обещала экз<емпляр> его стихотворений профессору Груберу⁵ и вот прошло два месяца, а я все не могу попасть на хороший портрет, который стоило бы приложить. Всё что делали фотографы с портрета Некрасова — всё неудачно. Вы одни можете вывести меня из затруднительного положения — позвольте же мне надеяться, что вы не откажете мне в моей просьбе⁶.

Еще раз сердечно благодарю вас за ваше доброе намерение сделать что-нибудь в память брата и — каков бы ни был результат — прошу принять уверения в глубоком к вам уважении.

А. Буткевич

1878 г.

5 Апреля

¹ Имеющееся в виду письмо Голубева неизвестно. Из слов Буткевич следует, что голубевский замысел издания книжки о Некрасове возник самостоятельно и никакими указаниями со стороны сестры поэта во время работы биограф не пользовался. Предположительно в марте он сообщил ей о своей работе (замысле или уже состоявшейся работе). Однако до момента написания данного письма Буткевич с текстом была еще не знакома и получила книгу уже в листах на следующий день. Судя по тому, что об этом не упоминается в письме, идея передать сборы от книги на некрасовскую школу также возникла фактически уже после окончания работы над книгой. Очевидно, примерно тогда же возникла идея (не совсем понятно, кому она принадлежит — Голубеву или Буткевич) включить в книгу библиографию прижизненной критики о творчестве Некрасова. Буткевич писала Пономареву 5 июня 1878 г.: «Стихов, написанных на смерть брата, не помещайте — публика найдет их в разных Сборниках и, между прочим, в Сборнике, для которого я у Вас просила “Копеечную свечку”» (Литературное наследство. Т. 53–54. Некрасов. III. М., 1949. С. 176).

² Можно предположить, что лицами, с которыми Буткевич говорила о книге Голубева, являются Салтыков-Щедрин и Елисеев, чье суждение было очень важным для нее самой при издании стихотворений брата (см.: Литературное наследство. Т. 53–54. С. 180, 184).

³ Характерное замечание, говорящее об интересе Буткевич преимущественно к биографии поэта, а также ее и редакторов «Отечественных записок» равнодушию к голубевской вполне поверхностной и дилетантской «интерпретации» его творчества.

⁴ К книге Голубева был приложен портрет Некрасова работы С.Л. Левицкого, что было предметом его особой гордости: «... Мы желали дать при книге верный и художественно исполненный портрет Н.А. Некрасова. С этой стороны, надеемся, нам скажут спасибо» (с. VII).

⁵ Грубер Венцеслав Леопольдович (1814–1890) — профессор Петербургской Медико-хирургической академии, знаменитый ученый и врач. Провел вскрытие тела Некрасова. Очевидно, именно при этих обстоятельствах с ним познакомилась Буткевич.

⁶ В письме к С. Пономареву 24 ноября 1878 г. Буткевич выразила нежелание использовать портрет, помещенный Голубевым: «На-днях Брокхауз пришлет пробный портрет; если мне не понравится — велю стереть и делать другой, только уж, право, не знаю, какой послать для образца — все не нравятся. Не хотелось бы брать Голубевский — я должна самостоятельно дать портрет, а не повторять тот, который уже был при других изданиях» (Литературное наследство. Т. 53–54. С. 188). В результате в посмертном издании стихотворений Некрасова помещен другой известный фотопортрет поэта — работы Г.-И. Денъера.

Письмо 2

Милостивый Государь

Андрей Кинтильянович,

Читали биографию¹ — впечатление весьма хорошее: все прибавленное вами верно и очень симпатично². Поправьте только год приезда в Пет<ербург> (1838)³.

Мне поручено⁴ передать вам не упоминать о речи Панаева⁵. Почему? Все Панаевы в течение 30 лет оставались в самых дружеских отношениях с братом, знали его лучше нежели кто-либо, любили его и были ему искренно преданны⁶. Обсудите сами это обстоятельство, имеете право не принять замечания.

Преданная вам
А. Буткевич

Получ<ено> 6 Апреля
1878 г.

¹ Кроме Буткевич, предположительно имеются в виду те же Салтыков-Щедрин и Елисеев.

² Смысл этой странной похвалы становится понятен только при внимательном сопоставлении сочинения Голубева с другими биографиями Некрасова. Дело в том, что подавляющая часть текста «голубевской» биографии является простой перепечаткой. Больше всего было заимствовано из биографии, записанной со слов самого поэта М.М. Стасюлевичем и опубликованной им в книге «Николай Алексеевич Некрасов» из серии «Русская библиотека», вып. IV (СПб., 1877). Она использована практически целиком и составляет львиную долю биографии Голубева: весь ее текст на стр. с 3 по 6, а также с 9 по 11 — это текст биографии Стасюлевича. Большие куски оттуда же перепечатаны на с. 12, 13, 14 и 15. Надо отдать должное Голубеву, этот свой источник он указал (с. 2), однако сама формулировка этой сноски («Все факты из жизни Н. А. Н. взяты нами из VI т. “Русск. Библ.” — этого пока единственного источника») не точна и потому, что это не было единственным источником, который использовал Голубев. Другой, уже не названный «источник» книги Голубева — статья Суворина «Недельные очерки и картинки» (Новое Время. 1878. № 662. 1 января. С. 3–4). Из

нее полностью составлен текст 7 и 8 страниц голубевского труда (с заменой, правда, личных местоимений). Описание болезни и смерти Некрасова (с. 17 и половина 18-й с.) практически полностью перепечатано из статьи Н.А. Белоголового «Болезнь и последние дни жизни Н.А. Некрасова» (Новое Время. 1877. № 661. 31 дек.). Таким образом, из первых 18 страниц (всего в биографии 21 с.) самому Голубеву принадлежит не более четырех. Его собственный вклад сводится к коротким «связкам» между чужими фрагментами и пересказу своими словами журнальных и газетных некрологов. Еще один источник, с которым знакомился Голубев, — это биография Некрасова, помещенная в «Хрестоматии для всех», составленной Н.В. Гербелем (СПб., 1873). Оттуда он перепечатал библиографию прижизненно изданных собраний стихотворений Некрасова вместе с вкравшейся в нее ошибкой: на с. 5 книги Голубева (как и у Гербеля) указано, что второе издание «Стихотворений Н. Некрасова» вышло в 1858 г. в одном томе (на самом деле — в 1861 г. в двух частях). Таким образом, бóльшая часть работы Голубева может охарактеризована как «прибавление» к цитатам из предшественников. Видимо, единственной оригинальной частью труда Голубева является описание похорон поэта (с. 18–21).

³ Это указание было выполнено. На с. 7 книги Голубева год приезда Некрасова в Петербург указан как 1838 (у Стасюлевича 1839). Это единственное изменение, внесенное Голубевым в большой фрагмент из текста Стасюлевича. И этим замечанием практически ограничился в результате вклад сестры Некрасова в работу Голубева. Судя по всему, Голубев показал Буткевич внесенные исправления непосредственно перед отдачей книги в цензуру. В цитированном выше письме Пономареву от 5 июня она пишет: «Кстати, я сама ничего не знаю о судьбе этого Сборника. Месяц тому назад я виделась с издателем, как раз накануне злосчастного дня, когда он должен был представить весь материал в цензуру — с тех пор, он как в воду канул. Быть может, Сб<орник> прихлопнули?» (Литературное наследство. Т. 53–54. С. 188). Как показывают эти слова, написанные, скорее всего, уже тогда, когда книга Голубева вышла из печати, судьба издания волновала сестру поэта мало. Во всяком случае, сам Голубев серьезно отнесся к благотворительной цели своего издания и впоследствии принимал участие в судьбе некрасовской школы.

⁴ Видимо, теми же Салтыковым и Елисеевым.

⁵ Имеется в виду Валериан Александрович Панаев, двоюродный брат Ивана Ивановича Панаева и брат Ипполита Александровича Панаева, близкий Некрасову человек, автор мемуаров, в которых немало места уделено поэту. Ему посвящены стихотворения Некрасова «Родина» (1846) и «Возвращение» (1873).

⁶ Наиболее загадочная и интересная часть письма связана с речью Валериана Панаева на похоронах Некрасова (он выступал первым). О содержании его выступления до сих пор практически ничего не было известно. Немногочисленные мемуаристы либо вообще не называют Панаева среди выступавших (Короленко, Плеханов), либо, как Засодимский, затрудняются пересказать его речь (по его словам известно только, что Панаев говорил тяжело, делал паузы, был видимо взволнован). Никакой информации о речи Панаева не было и в газетных репортажах о похоронах великого поэта, во всяком случае по указаниям «Летописи жизни и творчества Н.А. Некрасова» (Т. 3. 1867–1877. СПб., 2009. С. 620–622). Между тем сообщение о содержании речи Валериана Панаева в книге Голубева присутствует и является, вероятно, едва ли не единственным, сделанным им по собственным впечатлениям. Видимо, он был на похоронах Некрасова (или слышал рассказ непосредственного свидетеля).

Рекомендация в письме Буткевич не упоминать речь Панаева, видимо, предполагает, что в этой речи и в ее изложении у Голубева было нечто такое, что могло поставить под сомнение доброе отношение Валериана Панаева к Некрасову, что-то

компрометирующее для Некрасова и тем самым и Панаева представляющее в неправильном свете. Между тем, на первый взгляд, в описании речи у Голубева нет ничего компрометирующего. Приведем его целиком: «Первым говорил Панаев. Сказав, что Некрасов, будучи самородком, благодаря своей встрече, на заре своей жизни, с другим самородком, Белинским, вышел на путь, стяжавший ему славу народного поэта, оратор, на основании своего многолетнего близкого знакомства с покойным, заметил, что Некрасов, и как человек, был на высоте своего поэтического дарования» (с. 20). Невинность и совершенная нейтральность содержания речи Панаева в таком изложении позволяет предположить, что пожелания Буткевич и, вероятно, редакторов «Отечественных записок» связаны с тем, что тот вариант биографии, который прислал Голубев, отличался от печатного. Кажется вполне правдоподобным, что биограф, воспользовавшись данным ему правом «не принять замечания», все-таки решил оставить упоминание краткое изложение речи Панаева, но смягчить какие-то его аспекты. Поскольку биограф ограничен в манипулировании информацией, то можно предположить, что переделанный вариант остается в целом верным изложением речи друга Некрасова.

Что же смутило Буткевич и ее «наставников» в первоначальном варианте? Если исходить из печатного варианта как смягченного, а не кардинально переработанного, то можно легко увидеть, что потенциально наиболее щекотливым является, конечно, утверждение Панаева, что Некрасов-человек был на высоте Некрасова-поэта. Это напоминает о наиболее болезненной для памяти Некрасове проблеме его «двойственности», преследовавшей его при жизни и обсуждавшейся в некрологических статьях (что отчасти вылилось в безобразную полемику о том, был ли поэт подлецом в жизни и лжецом в своем творчестве, см., например, Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов. М., 1990. С. 444–480). Можно предположить, что в своей речи Панаев несколько острее и рискованнее, чем в печатном варианте голубевской книжки (и это было отражено в первоначальной редакции), высказался на тему, которая, конечно, требует большой деликатности и, соответственно, большего спокойствия, чем мог сохранить пораженный смертью близкого друга Валериан Панаев.

Голубев не хотел просто опустить упоминание речи Панаева вообще или отказать от упоминания о наиболее спорной ее части, возможно, по нескольким причинам. Прежде всего, похоже, он искренне считал выступление удачным и достойным изложения. Из всех речей, прозвучавших на могиле Некрасова, он уделяет внимание только Панаеву и говорившему вслед за ним Достоевскому: «После Ф.М. Достоевского говорили еще четыре оратора и читали стихи. Но сказанное вообще было не особенно удачно» (с. 21). Также возможно, что он сохранил изложение речи Панаева потому, что хотел своей книгой принять участие в этой дискуссии о личности поэта. Среди очень немногих фрагментов, принадлежащих в тексте лично Голубеву, есть следующий: «Существуют толки о каких-то нравственных падениях Некрасова, о пятнах на его совести, о чем поэт и сам заявляет в своих стихотворениях. Говорить нам об этих падениях, не имея достоверных данных и полагаясь только на ходячие заявления, едва ли возможно, так как эти заявления могут исходить из весьма нечистого источника. Для нас, конечно, важно было бы знать все подробности жизни Некрасова, важно хотя бы в том отношении, чтоб посчитаться с общими прегрешениями, коих наверное не чужды и все мы — “от мала до велика”... Наконец, важно знать для определения, какие из прегрешений поэта считать вольными и какие невольными, имеющими корень и условия в обстоятельствах жизни» (с. 15). С точки зрения такой установки на то, чтобы правдиво и открыто говорить о «прегрешениях» поэта, выступление Панаева выглядит вполне законным, каким бы острым и противоречивым оно ни казалось.

Список литературы

Голубев А.К. Николай Алексеевич Некрасов. Биография. Критический обзор поэзии. Собрание стихотворений, посвященных памяти поэта. Свод статей о Н.А. Некрасове с 1840 года. СПб., 1878.

Голубев А.К. Из заметок в моих записных книжках. Об Абакумцевской школе, на родине Н.А. Некрасова (в 1884 году) / публикация *Г.В. Красильникова* // Русская усадьба XVIII — начала XX веков. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Ярославль, 2005.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Т. 3. 1867–1877. СПб., 2009.

Полевая М.И. Андрей Кинтильянович Голубев // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012.

Сведения об авторе: *Макеев Михаил Сергеевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: makeev_ms@mail.ru

Е.И. Литневская

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСИТУАТИВНОСТИ ПРИ ДЕШИФРОВКЕ ПИСЬМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Электронно-опосредованная письменная разговорная речь имеет существенные отличия от устной разговорной речи в типах и особенностях конситуативности, существенной для успешности ее дешифровки. Для устной разговорной речи дешифровка нередко невозможна без учета предметно-акциональной конситуативной составляющей, при дешифровке же письменной разговорной речи дистантность коммуникантов и опосредованность коммуникации различными по своим техническим характеристикам носителями информации часто требует учета семиотической составляющей конситуации.

Ключевые слова: разговорная речь, интернет-коммуникация, смс-коммуникация, конситуация, апперцепционная база.

Computer-mediated written colloquial speech has significant differences from spoken colloquial language as far as its types and specifics of con-situationality relevant for its successful deciphering are concerned. Deciphering is quite often impossible for spoken colloquial language without taking into account the con-situational component dealing with objects and actions. In contrast to that, while deciphering written colloquial speech the distance between communicating parties and the fact that communication is mediated by means of different media varying in their technical characteristics often require taking into consideration the semiotics of the con-situational component.

Ключевые слова: spoken language, internet communication, sms communication, con-situation, basis for perception.

Общим местом коллоквиалистики является отмеченная еще в самом начале исследования устной разговорной речи (РР) высокая роль конситуативности, общности апперцепционной базы коммуникантов: «Все важнейшие особенности РР (по всей вероятности, кроме фонетических) объясняются условиями ее функционирования — сильной опорой на конситуацию, которая вплавляется в речь» [Земская, 1968: 98]. Е.А. Земская разводит понятия конситуации как конкретной ситуации данного коммуникативного акта и апперцепционной базы как общих предварительных сведений и опыта коммуникантов [Земская, 2004: 296–297], однако в лингвистике эти понятия часто соплагаются и даже объединяются в силу их объективной связанности. Так, например, в учебном пособии по психолингвистике Р.М. Фрумкиной

отмечается, что «конситуативность РР — это, помимо всего прочего, еще и общность так называемой “апперцепционной базы”» [Фрумкина, 2003: 252]. В нашем исследовании мы, при всем понимании различной природы этих экстралингвистических компонентов коммуникативного акта, принимаем установленные Р.М. Фрумкиной родо-видовые отношения этих параметров и будем считать общность апперцепционной базы одной из составляющих конситуации.

Е.А. Земская постулирует необходимость изучения разговорного языка (как известно, автор использует данный термин и аббревиатуру РЯ для обозначения разговорного языка, противопоставленного в данной традиции коллоквиалистики кодифицированному литературному языку — КЛЯ) «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами», а следовательно, исследование РЯ должно опираться на такие стороны общей проблемы, как «РЯ и структура ситуации, РЯ и невербальные средства коммуникации, РЯ и личностные и социальные особенности партнеров коммуникации и мн. др.» [Земская, 2004: 292].

Известно, что исследование РР во второй половине XX в. исходило из исключительно устной формы ее бытования, однако рубеж веков и начало XXI в. породили новые, письменные формы РР, связанные с распространением новых носителей — компьютеров и сотовых телефонов, позволяющих вести обиходно-бытовую переписку он-лайн (on-line), т.е. в режиме реального времени, или в приближенных к этому режиму условиях. Именно эти формы коммуникации и являются объектом исследования в нашей статье. Указанные выше формы имеют письменную реализацию, в силу чего в некоторых статьях, посвященных сетевому языку, высказывается мнение о появлении новой, гибридной формы коммуникации (см., напр., [Кибрик, 2009: 9; Чернова, 2010: 792; Какорина, 2010: 337]). Существенным положением нашего исследования является отказ от признания промежуточного статуса этих форм РР и рассмотрение их как принципиально письменных. Важно при этом, что письменный вариант представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную РР, а особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста (см. об этом, напр., [Литневская, 2009; Литневская, 2011а; Литневская, 2011б; Литневская, 2011в; Литневская, 2012]). В данной статье мы привлечем для анализа такие формы письменной РР, как смс-переписку и чатовую коммуникацию (как в формате чата, так и в качестве составляющей таких многокодовых и многожанровых видов интернет-коммуникации, как переписка по скайпу, сетевая игра, социальная сеть и др.). При этом письменная РР будет сопоставляться нами с устной РР для выявления особенностей обеих.

При устной коммуникации «спаянность разговорной речи с ситуацией рассматривается как одно из важнейших ее типологических свойств. <...> Наиболее ярко «изоморфизм» вербального и невербальных кодов обнаруживается в тех случаях, когда условиями ситуации «задается» необходимость активного взаимодействия разных видов деятельности ее участников — как речевой, так и неречевой. <...> Вербальный ряд активно взаимодействует с предметным, жестомимическим и акциональным. При этом собственно коммуникация осуществляется с помощью предметно-акционального кода, а речевой канал нередко является лишь сопроводителем действия» [Китайгородская, Розанова, 2010: 210–211].

Таким образом, роль конситуации в устной разговорной коммуникации заключается в том, что невербальные компоненты восполняют не выраженные эксплицитно вербальные компоненты высказывания; например:

«В хозяйственном магазине покупательница Ж. выбирает товар. Продавец П. ей помогает.

Ж. Молодой человек/ а можно вместо той вазы вот эту такую/ а?/ вместо вот этой такую/

П. Эту?

Ж. Да/ вот такую, э... для салату/ да?

П. Такая не хотите?

Ж. Нет/ я вот эту возьму//» [Китайгородская, Розанова, 2010: 212].

Как мы видим из приведенного диалога, конситуативность вызывает синтагматическую и парадигматическую неполноту устных высказываний: нереализацию валентностей, синтаксическую эллиптичность высказываний, пропуск номинативных компонентов, восстанавливаемых из невербального контекста, дейктическое употребление указательных местоимений.

Многие вербальные последствия конситуативности устной РР возможны только при условии наличия у коммуникантов общего совместного визуального ряда, т.е. при условии непосредственного контакта. Письменная же РР дистантна и лишена визуального контакта, что делает невозможным, например, дейктическое употребление местоименных слов (кроме личных местоимений 1 и 2 лица). Дейктическое употребление указательных местоименных слов может быть использовано в ней лишь с целью языковой игры; в качестве примера приведем фрагмент чатового диалога (здесь и далее в примерах графика, орфография и пунктуация коммуникантов полностью сохранены):

<aLeX> а где в Строгино есть Школа № 66?

<DiBaZoooL> там

<aLeX> Где??

<DiBaZoooL> вооооон там

В письменной РР фактором, позволяющим дешифровать полученное сообщение, также может быть акциональность, но из-за дистантности коммуникации проявление ее иное. Зная о том, чем занят адресант, и учитывая тот фактор, что адресант уверен в том, что и адресат осведомлен об этом, адресат без труда дешифрует смс-сообщение типа «*Молоко какое и сколько?*» как вопрос о том, сколько следует купить пакетов молока при условии, что он осведомлен о том, что адресант находится в магазине и занят покупкой продуктов. Отметим, что в устной РР в ситуации, когда адресант и адресат вместе занимаются покупками, вопрос был бы редуцирован до «*Сколько брать?*», поскольку в этом случае оба коммуниканта находились бы в одном месте. Таким образом, структура высказывания как в устной, так и письменной РР допускает пропуск отдельных компонентов высказывания, но характер этого пропуска будет различен.

Аналогичная компрессия высказывания проявляет себя в становящихся все более популярными в интернете письменных текстовых онлайн трансляциях различных событий. Так, например, разнообразные ресурсы традиционно предлагают он-лайн трансляции спортивных мероприятий. При этом комментатор исходит из того, что адресант осведомлен о правилах спортивного мероприятия, но не видит происходящего. Это позволяет ему редуцировать дополнительную информацию и сообщать только о ключевых моментах состязания с обязательным упоминанием имен действующих лиц. Приведем фрагмент текстовой трансляции футбольного матча сборных России и Греции, проходившего 16 июня 2012 г. (перед каждой письменной репликой комментатора автоматически высвечивается, какая идет минута и секунда матча); трансляция проводилась на сайте с сетевым адресом <http://news.sportbox.ru>:

00:00 Начало первого тайма. Греция вводит мяч в игру.

01:25 Первый раз подобрались россияне к чужой штрафной. Аршавин пытался пробить в касание после скидки партнера. По мячу наш капитан толком не попал, зато получилась передача в штрафную на ход Широкову. Сифакис здорово играет на выходе, опережая российского полузащитника.

02:49 Офсайд: Салпингидис Димитриос (Греция) оказывается в положении «вне игры».

05:34 Угловой: Карагунис Георгиос (Греция) правой ногой с правого угла поля навешивает в штрафную.

05:37 Удар по воротам: Кацуранис Константинос (Греция) бьет правой ногой из штрафной в створ ворот Мяч отбит вратарем (сейв).

05:54 Момент у греков! Глушаков и кто-то из его партнеров не успел на ближней штанге за греческим полузащитником, но перебросить себя Малафеев не позволил.

06:13 Угловой: Карагунис Георгиос (Греция) правой ногой с правого угла поля навешивает в штрафную.

06:18 Удар по воротам: Торосидис Вассилиос (Греция) бьёт левой ногой из штрафной. Удар заблокирован.

Наиболее близко к устной РР проявление конситуативности в чатовых комментариях к сетевым ролевым играм (MMORPG-чатах), в которых каждый из игроков находится перед своим компьютером и участвует в динамичной игре своим персонажем; больше всего такое взаимодействие напоминает общение детей при ролевой игре — с той только разницей, что геймеры находятся дистантно, а взаимодействуют их виртуальные персонажи, однако результат этого взаимодействия виден на экране всем коммуникантам. Например:

<i>Дисперсия</i>	<i>лут на 1 линию баррикад или на 1 камушек?</i>
<i>Дисперсия</i>	<i>кто знает</i>
<i>Lame</i>	<i>хз</i>
<i>Lame</i>	<i>имхо это ро на 1 камень</i>
<i>Lame</i>	<i>вы ады будете варить?</i>
<i>Lame</i>	<i>или нет?</i>
<i>Lame</i>	<i>вручную?</i>
<i>River of Good Sadness</i>	<i>так</i>
<i>iHCr</i>	<i>говорите что надо я дам</i>
<i>Lame</i>	<i>ты скажи будем или нет</i>
<i>iHCr</i>	<i>просто нету больше стеблей</i>
<i>Lame</i>	<i>у тя адов сколько всего?</i>
<i>Lame</i>	<i>там алко еще 400 осталось</i>
<i>Lame</i>	<i>ты скажи соклько у тя всего адов</i>
<i>Lame</i>	<i>и хватит ли на ГВ</i>
<i>Lame</i>	<i>если хватит то ца не враим</i>
<i>Lame</i>	<i>потом свраим</i>
<i>iHCr</i>	<i>у меня адов нет остались только гранаты</i>
<i>iHCr</i>	<i>250 штук</i>

Как мы видим, собственно языковая форма чатового полилога обнаруживает все признаки, характерные для чатов любого типа как для разновидности неформальной письменной РР (об этом см., напр., [Литневская, Бакланова, 2005]): соединение бытовой разговорной лексики со специальным жаргоном пользователей данной игры, аграмматизм реплик, графико-орфографические и пунктуационные нарушения, допустимые и отчасти принятые в качестве узуальной нормы в общении такого рода. Компрессированность же высказываний максимальна и приближена к устной РР, что вызвано необходимостью быстрого реагирования на ход игры, с одной стороны, и отсутствием повторов, характерных для устной РР, — с другой.

Обратимся к обиходно-бытовой электронно-опосредованной переписке. В качестве материала для анализа он-лайн интернет-коммуникации будут использованы фрагменты личной переписки автора посредством чатовой составляющей скайпа.

Для понимания особенностей шифровки и дешифровки письменной РР обязателен учет технических особенностей и возможностей материальных посредников и носителей информации — компьютеров в интернет-коммуникации и мобильных телефонов в смс-коммуникации.

Как известно, скайп позволяет дистантное устное общение коммуникантов; при невключении функции видеозвонка это общение эквивалентно телефонному разговору, при включении этой функции к звуку добавляется визуальный контакт собеседников. Тем не менее текстовое общение без звонка является очень популярным каналом связи в силу того, что это позволяет вести приватную переписку одновременно с несколькими находящимися в скайпе коммуникантами; кроме того, переписка позволяет коммуникантам отходить от компьютера и возвращаться к нему. И наконец, многие коммуниканты просто любят общаться в письменной форме из-за ее лаконичности и зачастую афористичности.

Как и в классическом чате, реплики появляются на экране сразу после нажатия клавиши отправки с автоматическим указанием сетевого имени адресанта и времени отправки сообщения.

Общаются А и Б, женщины в возрасте около 45 лет с высшим образованием, подруги. Приведенный ниже фрагмент начала сеанса переписки укладывается в минуту:

А	:)
Б	<i>Привет!</i>
А	;{
А	<i>Искусство — вред!</i>
А	<i>театры — рассадник заразы!</i>
Б	<i>сестра звонит</i>
А	<i>Стоит мне забыть помазать нос вифероном и выйти в люное место, как я хватаю какой-то вирус</i>
А	<i>Хорошо, что звонит. А я тем временем щас тебе пожалуюсь</i>

Б отвлекается на разговор с сестрой, А тем временем набирает и отправляет сегментами текст про вчерашний поход в театр.

Как мы видим, в этом небольшом фрагменте задействовано большинство приемов, принятых в чатовом общении: использование эмотиконов (смайликов) в фатической функции, в том числе в качестве первой реплики для инициации диалога, свободное обращение с режимом прописных и строчных букв, отсутствие точки в конце

предложения, опечатка в виде пропуска буквы (*люное = людное*), использование принятого в «языке падонкав» фонетического письма (*щас*), неполная линейность текста (см. последние 4 реплики). Таким образом, конситуативность как фактор дешифровки проявляет себя здесь не только в общем для коммуникантов знании того, что А накануне ходила в театр, но и в знании обоими собеседниками визуальных норм общения в чате и особенностей технических возможностей скайпа.

Понимание того, что набор реплики требует нескольких секунд, также оказывает существенное влияние на дешифровку текста, фрагменты которого в силу этого могут иметь нелинейный характер и на первый взгляд нарушать требования когезии как, например, в фрагменте диалога А и Б за неделю до празднования Нового года:

[23:24:29] А	<i>Может, нам всё же длинные платья надеть?</i>
[23:25:38] Б	<i>ну если надо, то я могу и сшить за два дня</i>
[23:25:59] А	<i>Да ну, зачем?</i>
[23:26:07] А	<i>А ты завтра в поликлинике?</i>
[23:26:07] Б	<i>для радости</i>
[23:26:13] Б	<i>да и послезавтра</i>
[23:26:17] А	<i>Для радости водку пьют</i>
[23:26:28] А	<i>Может, зайдешь после работы?</i>
[23:26:41] Б	<i>я тогда наоборот- становлюсь агрессивной))</i>
[23:26:45] А	<i>Я не буду на тебя чихать. Я вообще не чихаю</i>
[23:26:51] Б	<i>после водки</i>
[23:27:02] А	<i>Понятно, что не после платья</i>

Большой интерес представляет и характер опечаток в бытовой интернет-переписке. Использование клавиатуры компьютера как материального посредника в передаче информации оказывает существенное влияние на характер этих опечаток; это пропуск букв или пробелов, задевание соседних с необходимой буквой клавиш, смещение на одну клавишу по сравнению с необходимой как для одной буквы, так и для некоторой последовательности букв, например:

- *Пока) Завтра жду звлгка*
- *Как ты? Как голова? Удалось выснаься и отдохнуть?*

Знаменательно то, что исправление досылается следующей репликой только в том случае, если характер опечатки затрудняет дешифровку реплики, например:

[23:01:45] *Я за новым ноутом, клавиатура тут ерная, совсем другая...
Как сложно менять устоявшиеся привычки*

[23:01:49] *Вот. Буквы пропускаю*

Иная ситуация с дешифровкой полученных сообщений возникает при смс-коммуникации.

В ряде случаев при дешифровке актуальна та же констатирующая, что и в устной РР. Так, бытописание в смс-коммуникации вызывает использование большого количества разговорной лексики, известной обоим коммуникантам:

- *Завтра старофрэн, начала готовить зарубежку.*

Аграмматизм сообщения также дешифруется с помощью тех же механизмов, которые заложены в дешифровке устной РР. Для реализации синтаксической экспрессии могут использоваться любые синтаксические фигуры, характерные для устной РР: рассогласование частей высказывания, стяжение, парцелляция, перестановка частей, назывные предложения и др. Они, помимо повышения экспрессивности, решают и другие задачи — например, способствуют более компактному изложению, а диалогическая форма переписки, естественно, влечет за собой неполноту предложений, например:

- *Из отеля в 17.30 — ох!*
- *она спрашивает «почему никто не пришел на 1 пару?» выходящей у нас потому что, вот как это объяснить?..*

Однако смс-коммуникация опосредована телефоном, а технические возможности телефона отличаются не только от устного канала связи, но и от возможностей компьютера: клавиатура устроена иначе, сообщение ограничено в знаках, а стоимость его пересылки напрямую зависит от его объема.

Некоторые русскоязычные пользователи до сих пор используют в смс-общении транслитерацию русских слов на латиницу, поскольку в силу специфики кодировки Unicode сообщение транслитом вмещает больше знаков, чем сообщение кириллицей. Дешифровка таких сообщений требует от адресата знания правил транслитерации:

- *Prosti. ja hotela kak lu46e(*

При наборе сообщения как латиницей, так и кириллицей могут быть использованы замены букв на цифры: 4 = ч, 6 = ш и т. д. Справедливости ради надо заметить, что такая замена производится только теми пользователями, которые не используют программы встроенного словаря (например, Т9).

Как и в чате, в смс-коммуникации широко используются эмодзи, но при этом число распространенных смайликов невелико, а способ их набора с клавиатуры весьма прост и компактен по числу знаков; чаще всего это знаки) и (. Попадая в один ряд с вербальными знаками, эмодзи развили большую многозначность, не свойственную иконическим знакам, но характерную для слов естественного языка. Так, смайлик) или :) может обозначать и шутку, и приятие, и лукавое извинение, а смайлик (или :(означает и огорчение, и извинение; эти эмодзи используются как в дружеском общении, так и в сообщениях не самым близким людям (например, от ученика к преподавателю и обратно или от коллеги к коллеге):

- *Извините, опаздываю :(*
- *Елена Ивановна, с праздником! Здоровья и хорошего настроения! :-)*

В целях компрессии в качестве отдельных высказываний или их компонентов в смсках еще более активно, чем в чатах, используются знаки препинания и даже математические символы. Для выражения недоумения можно послать один вопросительный знак, посланная в отдельном сообщении точка означает конец данного сеанса переписки, а плюс может выражать согласие или одобрение — в зависимости от контекста. При этом наиболее частотное использование вопросительного и восклицательного знака как замены целого высказывания — недоумения или восторга. Как и в чатах, бывает, что содержательная сторона коммуникации редуцируется до минимума, и коммуникация начинает представлять собой лишь обмен прагматическими интенциями.

Интересно, что в случае близких отношений возможным становится отправление пустых сообщений. Полученные с определенного известного адресату номера, они обозначают «Думаю о тебе! Люблю!».

Как несложно догадаться, для языка смс-сообщений характерны аббревиатуры и сокращения. Главный принцип сокращений такой же, как и в чатах (отсутствие при сокращении точек и косых черт), но общее их число увеличивается. При этом многие слова сокращаются до согласных или до сочетаний с их преобладанием, например:

- *Вечером буду в Мскв*
- *Пжста, пришли срочно ее тел*
- *Спс, что помнишь)*
- *опаздыв.на 10 мин*

Сокращения такого рода приняты и в общении не с самыми близкими людьми:

- *Дождитесь пжлста меня в скайпе в вс*

Более того, сокращения все чаще стали употребляться и в рекламных рассылках:

- *Новая кол-ция! Спец.цены на Fabiani 10%. Отправитель: P qauttro*
- *С 5 по 9 марта в праздник весны мы дарим доп. скидку 5% по вашей ДК. Отправитель: ModaComfort*

Стандартными являются сокращения НГ (=Новый год), ДР (=день рождения), пж (=пожалуйста) и другие:

- *Ленка, пздр вас всех с НГ!*

Написания типа *ваще, тыща, щас, ща*, как и в чатах, чрезвычайно распространены, тем более что они не только маркируют разговорность, но и сокращают текст в знаках и по времени ввода:

- *Ваще не знаю че ты там себе думаешь*

Ограниченность смс-сообщения в знаках и экономия времени ввода приводит к тому, в переписке людей, принадлежащих к одной малой социальной группе и имеющих значительную общую апперцепционную базу, в еще большей степени, чем в чатах, используется сокращение личных имен и названий, известных собеседникам, совершенно несвойственное устной РР:

- *Смотрели Турцию — безумные цены. Залезли в мой X в Египте — в 2 раза дешевле. К боится (Африка). Куда?*

У смс-переписки есть и другие особые, не свойственные ни устной РР, ни другим формам письменной РР текстовые признаки. В отличие от чата (и тем более от устной РР), смс-сообщение часто содержит не один, а несколько вопросов, поскольку их объединение позволяет сэкономить время и деньги на пересылке. Поэтому ответное сообщение также часто представляет собой последовательность ответов на разные вопросы, смысловая связь которых в пределах сообщения, взятого изолированно от инициального, прослеживается с трудом, например:

- *Хорошо. Нет. В 7. Куплю*
- *ох(ок*

Особенностью смс-коммуникации является наличие в телефоне особой функции — встроенного словаря, самым распространенным из которых является словарь Т9. Разработанная компанией Tegic Communication более чем для 50 языков мира, услуга словаря Т9 в русской версии появилась в 2002 году и сразу заняла прочные позиции.

Словарь Т9 предлагает варианты слов с определенной последовательностью букв по мере убывания их частотности. При этом он формирует особые условия дешифровки неверно написанного слова. Так, например, Т9 не содержит многих конситуативно необходимых слов, и часто пишущий смски человек имеет представление о примерном составе словника этого словаря. Это представление дает возможность скомбинировать некоторые слова из фрагментов, каждый из которых представляет собой распространенное и заведомо имеющееся в словаре слово, после чего убираются пробелы между этими компонентами. Однако иногда в спешке эти пробелы могут быть не убраны, и тогда адресат получает, например, такое сообщение:

- *Она позвонила и просила прощения. Я немедленно по мир ил ся*

Его дешифровка предполагает понимание адресатом механизма создания текста с использованием адресантом режима Т9 и знания особенностей последнего.

Набирая сообщения с помощью Т9, коммуникант регулярно видит последовательно предлагаемые слова, поэтому адресат поймет, какие слова имелись в виду на самом деле даже в случае подобной

«опечатки». Однако при этом человек, не привыкший пользоваться режимом Т9, декодировать текст не сможет. Приведем несколько примеров такого рода:

- *Попробую уговорить Водку (Водку = Вовку)*
- *Ты чего был год сети? (год = вне)*
- *Лена, сотри, только что обнаружила твое смс (сотри = сорри).*

В случае же неиспользования функции Т9 «промахивание» мимо клавиши и набор одной буквы вместо другой, находящейся на этой же клавише, вызывает спокойную реакцию и обычно не требует корректирующей смски «вдогонку»:

- *Это!! Нечетно!! Т_____Т*

Обычно такое сообщение содержит замену одной буквы на другую, но при полной раскладке клавиатуры, подобной клавиатуре компьютера (такие клавиатуры представлены, например, в коммуникаторах), опечатки в смс-сообщениях становятся аналогичными опечаткам при онлайн-интернет-коммуникации. Так, случайное нажатие на несколько клавиш (а на интерактивном экране их задеть значительно проще, чем на клавиатуре компьютера) может вызвать вставку в сообщение бессмысленного сочетания букв, и в этом случае обычно досылается корректирующее сообщение, например:

- *Ты макколл будешь?*
- **скоро?* (второе сообщение дослано через 2 секунды после первого)

Особый интерес представляет дешифровка сообщений, «самостоятельно» написанных телефоном с голоса адресанта. Программы распознавания голоса несовершенны, поэтому неверно распознанные программой слова зачастую не имеют с исходными никакого смыслового сходства. Так, следующее сообщение было отправлено из больницы, и только понимание того, что оно создано в режиме распознавания голоса, в сочетании с конситуацией этого сообщения сделало возможным его дешифровку:

- *Силы нитрат железа себя (=Силы не трать, жалея себя)*

Таким образом, электронно-опосредованная обиходно-бытовая письменная речь представляет собой такой вид коммуникации, что при ее дешифровке существенное место занимают не только учет ситуации общения, кодифицированных и узуальных норм письменной РР и общего фонда знаний коммуникантов, но и конситуативность, связанная со знанием особенностей технического средства коммуникации, т.е. семиотическая конситуативность.

Список литературы

- Земская Е.А.* Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968.
- Земская Е.А.* Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
- Какорина Е.В.* Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: Система — норма — узус. М., 2010.
- Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010.
- Литневская Е.И.* О некоторых графико-орфографических особенностях письменных жанров разговорной речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 6.
- Литневская Е.И.* О некоторых жанрах письменной обиходно-бытовой речи в русском языке начала XXI века // Служение слову: Сборник, посвященный 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен, 2012.
- Литневская Е.И.* Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011а. № 5.
- Литневская Е.И.* Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М., 2011б.
- Литневская Е.И.* Разговорная речь в стилистике и коллоквиалистике (К определению понятия) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011в. № 2.
- Литневская Е.И., Бакланова А.П.* Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 6.
- Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: Уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.
- Чернова Ю.В.* Концепции письменности и устности в чате // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2010.

Сведения об авторе: *Литневская Елена Ивановна*, канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: litn-elena@mail.ru

И.А. Виноградов

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ МАЙЯСКОГО НАРРАТИВА

В статье рассматриваются три особенности нарративного текста: неканонические употребления аспектуальных показателей, синтаксические клише и семантические повторы. Материалом исследования послужили оригинальные тексты на шести современных языках семьи майя. Отдельное внимание уделено жанровому распределению данных особенностей и грамматическим свойствам конкретного языка, обуславливающим их появление и использование.

Ключевые слова: языки майя, нарратив, аспект, клише, повтор.

The paper deals with three features of narrative discourse: non-canonical usage of aspectual markers, syntactic clichés, and semantic repetitions. The collections of original texts in six modern languages from the Mayan family served as material for the study. Special attention is concentrated on the genre-determined distribution of these features, as well as on the grammatical properties of the language that condition its appearance and usage.

Key words: Mayan languages, narrative, aspect, cliché, repetition.

1. Введение

Лингвистические приемы, позволяющие выделить то или иное событие на фоне остальных и привлечь к нему внимание слушателя, весьма разнообразны и могут основываться на фонетических, лексических и грамматических особенностях конкретного языка. В данной статье анализируются грамматические средства, которые регулярно используются для эмфатического выделения того или иного эпизода в нарративных текстах на современных языках майя. Привлекается материал шести языков семьи, которые представляют различные генетические группы: цоциль, чоль, киче, уастекский, юкатекский и мам.

Термин «нарратив» в рамках данного исследования мы понимаем максимально широко: вслед за [Labov, Waletzky, 1967] мы определяем его как упорядоченное описание прошедших событий с помощью последовательности клауз, порядок которых соответствует реальному порядку событий. Мы будем считать, что «подвиды нарратива включают мифы, народные и волшебные сказки, правдивые и вымышленные истории и некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты» [Брокмейер, Харре,

2000: 32]. Применительно к языкам майя будут рассмотрены жанры легенды, сказки, автобиографического рассказа, инструкции по выполнению хозяйственных или бытовых работ (постройка дома, шитье платья и т. п.). Мы покажем, что некоторые грамматические особенности могут быть характерны только для какого-либо определенного нарративного жанра.

В данной статье анализируются три основные грамматические особенности нарратива, наиболее часто встречающиеся в текстах на современных майяских языках: выбор типа аспектуального маркирования (раздел 2), использование устойчивых синтаксических конструкций (раздел 3) и повторы близких по значению фраз различными синтаксическими, а часто также и лексическими средствами (раздел 4). Основным материалом для данного исследования послужили сборники оригинальных текстов на исследуемых языках.

2. Аспектуальное маркирование

В языках майя события, входящие в нарративную последовательность, могут иметь особое аспектуальное маркирование. Так, например, в языке мам последовательность одиночных событий в прошедшем времени, составляющая нарративный сюжет, маркируется аспектуальным показателем прогрессива, который, употребляясь вне нарративного дискурса в своем «основном» значении, выражает длительное незавершенное действие. Ср., например, семантику прогрессивного префикса *n-* в следующих фразах (условные обозначения, которые используются в примерах, расшифрованы в конце статьи):

(1) *noq gaana n=chin aq'naa-n-a*
 МАМ только напрасно PROG=1SG.ABS работать-AP-1SG

'Я напрасно работаю' [England, 1974: 5].

(2) *n=Ø-b'an tzan jun xlitz' t-u'n*
 МАМ PROG=3SG.ABS-сделаться ну один воск 3SG.POS-форма
xjaal

человек

'Он слепил из воска фигуру человека' [England, 1985: 4].

Первое предложение находится вне нарративного повествования, и в нем прогрессивный аспект выражает свое «основное» значение, а второе предложение взято из нарративного контекста, и прогрессив употреблен там применительно к ситуации, которая в обычном случае кодировалась бы перфективом.

Использование прогрессива в таких антонимичных его основной семантике конструкциях может быть объяснено двумя способами. Во-первых, тем, что прогрессив в своем нарративном употреблении выражает длительность самого нарратива, а не описываемых в нем

событий (т. е. является своеобразным «метаязыковым» маркером и указывает на развитие процесса повествования: см. [England, 2003: 11]). Во-вторых, прогрессив может рассматриваться как маркер условного «переноса» событий в прошлом на момент речи с целью глубже «погрузить» слушателя в описываемую реальность.

Это явление в маме похоже на характерное для многих европейских языков «настоящее историческое» время, выражающее слияние прошлого или выдуманного повествовательного мира и рассказа о нем как о событии, происходящем в настоящий момент [Van Ess-Dykema, 1984: 284]. В маме, в отличие от европейских языков, нет грамматической категории времени, и поэтому неудивительно, что соответствующие функции берет на себя категория аспекта.

Среди череды событий, составляющих линию сюжета, могут выделяться более и менее важные для развития фабулы. Их «значимость» также может выражаться при помощи аспектуального маркирования. В языке мам наиболее важные события сюжетной линии маркируются перфективным аспектом и тем самым выделяются на фоне остальных «прогрессивных» ситуаций. В языках чоль и цоциль, где, наоборот, сюжетная линия маркируется перфективом, в таких случаях может использоваться имперфективное маркирование, как это происходит в следующем отрывке из рассказа на языке чоль (приводится русский перевод и в скобках рядом с каждым глаголом указывается аспект, в котором соответствующий глагол употреблен в оригинальном тексте): «*Через некоторое время я почувствовал (PFV), что рядом с домом кто-то есть. <И вдруг> вошел (IPFV) медведь! Что мне оставалось делать (IPFV)? У меня не было ни ружья, ни палки, чтобы защититься. И не было никого, кого можно было бы попросить о помощи. Я испугался (PFV), когда он стал приближаться к кровати, где спал мой младший брат*» [Alarcón Estrada et al., 1997: 330].

В нарративах на языке цоциль с помощью имперфектива могут маркироваться и события, имеющие для фабулы «второстепенное» значение и лишь вводящие основную сюжетную линию. Приведем в качестве примера начало одной из цоцильских сказок: «*Жил-был мужчина, у которого умерла (PFV) жена. Мужчина плакал и плакал (IPFV). Он пришел (IPFV) на кладбище. Он пришел (IPFV) плакать. Появился (PFV) человек*» [Laughlin, 1977: 28]. Последняя фраза открывает основную сюжетную линию, которая целиком маркируется перфективом. Таким образом, вероятно, в связи с очень узким кругом возможных аспектуальных значений (как правило, он ограничен противопоставлением имперфектива и перфектива), в цоциле имперфектив совмещает две противоположные функции, обозначая

одновременно и важный сюжетный поворот (завязку, кульминацию, развязку), и второстепенную повествовательную линию.

Примеры нестандартного аспектуального выбора, когда речь идет о «вспомогательных» событиях, не играющих существенной роли для развития основной сюжетной линии, можно встретить и в юкатекском языке. Придаточные предложения времени, описывающие завершенные ситуации в прошлом, которые лишь задают последовательность событий нарратива и устанавливают временные рамки главного действия, часто содержат глагольную словоформу, маркированную имперфективом (пример 3).

(3) k-u líik'-il y-ich te' ka'anal=o',
 YUC IPFV-3.ERG поднимать-IPFV 3.POS-глаз PREP верх=ENCL
 ti yaan le máak=o'
 PREP EXST DEF человек=ENCL

'Он поднял глаза вверх и увидел человека' [Andrade, Máas Collí, 1999: 54].

Аналогичная ситуация наблюдается в конструкциях с прямой речью, где глагол, вводящий ее, также часто стоит в имперфективе (пример 4), хотя обозначает однократное мгновенное завершенное действие и должен был бы оформляться перфективным аспектом.

(4) k-uy a'al-ik Jwaan ti' nuxi'
 YUC IPFV-3.ERG говорить-IPFV Хуан PREP старый
 j-koj=e': «Je'el=a' túun u neek' in weebos»
 MASC- DEM=ENCL тогда 3.POS зерно 1.POS яйцо.PL
 койот=ENCL

'Хуан сказал старому койоту: «Вот зерна <из> моих яиц»' [Cuentos Mayas: 60].

Использование нестандартного аспектуального маркирования для создания эффектов художественной выразительности, по всей видимости, было свойственно еще языку древних майяских иероглифических надписей (см. [Houston, 1997]). В современных языках семьи майя это средство не утрачивает свою актуальность, хотя и переходит в нарративную сферу, т. е. из письменного модуля в устный.

3. Языковые клише

Устойчивые синтаксические клише выполняют в нарративах на языках майя две основные роли. Во-первых, они используются для ввода в «нарративное время» и вывода из него, то есть как своеобразные показатели «переключения» с «обычного» аспектуального

маркирования на нарративное (см. предыдущий раздел) и обратно. Во-вторых, с помощью клише часто описывается ряд распространенных сюжетных поворотов.

Первая функция синтаксических клише может быть продемонстрирована на примере языка цоциль, где для зачина и вывода есть специальные устойчивые словосочетания, встречающиеся почти в каждой сказке или легенде. Так, погружение в повествовательный план обычно происходит при помощи фразы (5), которая предшествует представлению главного героя, а вывод из нарратива осуществляется фразой (6), за которой следует краткое резюме повествования.

(5)	a	ti	vo'ne=e		ou	to	ox...
TZO	FOC	DEF	давным.давно=ENCL		EXST	еще	не.сейчас
(6)	ja'	yech	la		un...		
TZO	это	так	мол		тогда		

Эта особенность объясняется двумя причинами. С одной стороны, как было сказано в предыдущем разделе, нарратив часто характеризуется особым аспектуальным маркированием, которое может ввести в заблуждение слушателя, если он не был к этому заранее подготовлен. Распознав клише, слушатель понимает, что далее следует повествование в нарративном режиме с его специфическими грамматическими особенностями. С другой стороны, такие клише удобны тем, что они не требуют отвлекаться от сюжетной линии и могут быть беспрепятственно встроены в повествование. Семантически они представляют собой эпизоды, которые присутствуют почти в каждом нарративе: так, фраза-клише (5) — это представление действующих лиц нарратива.

Клише также используются при описании «стандартных» событий, часто присутствующих в нарративах. В языке цоциль такие клише встречаются при описании возвращения одного из участников к другому (когда участники обмениваются стандартными репликами, как в примере 7) и при выражении недоверия к сообщаемому факту (пример 8).

(7)	mi	li'-ot=e,	ants?	—	li'-on=e
TZO	Q	здесь-2SG=ENCL	жена		здесь-1SG=ENCL

букв. 'Ты здесь, жена? Я здесь' [Laughlin, 1977: 51].

(8)	mi	yech	av-al?	—	yech	k-al
TZO	Q	так	2SG.ERG-говорить		так	1SG.ERG-говорить

букв. 'Ты так говоришь? Я так говорю' [Laughlin, 1977: 35, 81].

В обычной речи подобная семантика может быть передана и другими синтаксическими конструкциями, а описанные выше клише являются исключительно жанровыми особенностями некоторых нарративов, представляющих собой сказки, легенды и прочие фольклорные произведения, которые рассказчик не придумывает сам, а воспроизводит по памяти.

4. Повторы

В отличие от клише, повторы характерны для более спонтанного дискурса, поэтому их практически невозможно встретить в легендах или сказках, которые являются частью устной литературной традиции конкретной этнической группы и передаются из поколения в поколение. Повторы часто встречаются в рассказах биографического или бытового характера и служат для выражения наиболее значимой мысли, резюме.

Главной особенностью майяских повторов является их синтаксическая вариативность: одна и та же мысль выражается в тексте несколько раз разными синтаксическими средствами, причем линейная дистанция между соседними повторами может быть довольно большой и содержать дополнительную сюжетную линию. Например, в рассказе пожилой женщины киче четыре раза встречается упоминание такого плана (дается перевод как можно ближе к оригиналу на киче): «*Раньше мир был совсем другим*», «*Это не так, как сейчас, потому что мир уже изменился*», «*Когда мы были детьми, все было не так*», «*Раньше наша жизнь была другой*» [Petrich, 1998: 76–78]. Эти фразы отделены друг от друга небольшими сюжетными линиями, рассказывающими о работе на кофейных плантациях, о трудностях при поиске работы, об уровне заработка.

Другой пример можно найти в уастекском рассказе о процессе утраты языка: «*А я, я все еще использую уастекский*», «*Я не потеряла его*», «*Я говорю на уастекском с другими людьми*», «*Я говорю на уастекском каждый день*» [Kondic, 2012: 56–61]. Так же, как и в примере на киче, рассказчице удается избежать дословного повторения одной и той же фразы благодаря активному использованию синтаксической и лексической синонимии. Среди ряда синонимичных конструкций обычно встречается и конструкция с перфектным аспектуальным маркированием (пример 9).

(9) baa'	na'	u	k'ip-th-aamal
HUA NEG	1SG	1.ERG	терять-CAUS-PRF

'Я не потеряла <уастекский язык>' [Kondic, 2012: 59].

Очевидно, что действие, описываемое в повторяющихся клаузах, обычно не является элементом событийной последовательности и не входит в сюжетную линию. Оно находится вне нарратива, являясь как бы «связующим звеном» между нарративным временем и временем речевого акта. Этим объясняется отказ от перфектива или имперфектива — аспектуальных значений, используемых в нарративном режиме, — в пользу «нейтрального» значения перфекта.

Судя по всему, повторы наиболее распространены в киче и уастекском. Отметим, однако, что анализ повторов в изданных текстах, пусть и на языке оригинала, таит в себе некоторую опасность, связанную с тем, что редактор при адаптации устного текста может посчитать повтор своего рода «коммуникативной неудачей» и опустить соответствующий фрагмент текста. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что в других проанализированных в рамках данного исследования языках майя повтор не входит в число особенностей нарратива.

5. Заключение

В качестве грамматических особенностей майяских нарративов могут быть выделены такие разные лингвистические явления, как синтаксическая вариативность при повторах, смена аспектуального маркирования (в том числе, когда это противоречит «основной» семантике соответствующей аспектуальной граммемы) и использование устойчивых выражений-клише. В зависимости от конкретного языка набор этих средств может меняться. Так, например, нами не было отмечено фактов использования повторов в нарративах на цоциле или смены аспектуального плана повествования в киче.

Развитию той или иной особенности может способствовать общее грамматическое устройство конкретного языка. Так, отсутствие в языках семьи майя грамматической категории времени вынуждает использовать аспектуальную дифференциацию в тех ситуациях, когда в европейских языках можно было бы ожидать использование временных маркеров. Широкое применение устойчивых клише свидетельствует, с одной стороны, о наличии богатой нарративной традиции, а с другой — о желании подчеркнуть конкретный жанровый статус текста. Наличие тех или иных грамматических особенностей сильно зависит от степени спонтанности нарративного текста. Например, в легендах и сказках, передающихся из поколения в поколение, почти не используются повторы, характерные, наоборот, для рассказов бытового характера.

Условные обозначения

Языки: HUA — уастекский, МАМ — мам, TZO — цоциль, YUC — юкатекский.

Глоссы: ABS — абсолютив, AP — антипассив, CAUS — каузатив, DEF — определенный артикль, ENCL — энклитика, ERG — эргатив, EXST — экзистенциальный предикат, FOC — фокус, IPFV — имперфектив, MASC — показатель мужского пола, NEG — отрицание, PFV — перфектив, PL — множественное число, POS — посессив, PREP — предлог, PRF — перфект, PROG — прогрессив, Q — вопросительная частица, SG — единственное число.

Список литературы

- Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. [нет автора]. Cuentos mayas. Instituto para el desarrollo de la cultura maya del estado de Yucatán. URL: <http://www.indemaya.gob.mx>
- Alarcón Estrada V.* et al. (eds.) Cuentos y relatos indígenas, VI. México D.F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1997.
- Andrade M.J., Máas Colli H.* (eds.) Cuentos mayas yucatecos, 1. Mérida: Ediciones de la Universidad Autónoma de Yucatán, 1999.
- England N.C.* “Sobre Agua Potable” // Nora C. England collection, 1974. The Archive of the Indigenous Languages of Latin America: www.ailla.utexas.org
- England N.C.* “Xhiky’ tuk’ Xo’j” // Nora C. England collection, 1985. The Archive of the Indigenous Languages of Latin America: www.ailla.utexas.org
- England N.C.* El tiempo / aspecto en la narración de cuentos en Mam (maya) // Доклад на “I Simposio de Lingüística Amerindia” Mérida (México), 2003.
- Houston S.D.* The shifting now: Aspect, deixis and narrative in Classic Maya texts // American Anthropologist. 99(2). 1997.
- Kondic A.* Narraciones en huasteco de San Francisco // Tlalocan. XVIII. 2012.
- Labov W., Waletzky J.* Narrative analysis: oral versions of personal experience // Helm J. (ed.) Essays on the verbal and visual arts. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- Laughlin R.M.* Of cabbages and kings: Tales from Zinacantán. Washington D.C.: Smithsonian Institution Press, 1977.
- Petrich P.* (ed.) Vida de las mujeres del lago Atitlán. Guatemala: Casa de estudios de los pueblos del lago Atitlán, 1998.
- Van Ess-Dykema C.J.* The historical present in oral Spanish narratives. Doctoral dissertation, Georgetown University, 1984.

Сведения об авторе: *Виноградов Игорь Андреевич*, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: happyjojik@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ

Как уже сообщалось в нашем журнале, в октябре 2012 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялись чтения, посвященные 95-летию со дня рождения выдающегося ученого, профессора кафедры русского языка филологического факультета МГУ Веры Арсеньевны Белошапковой (см. подробную информацию об этом событии, подготовленную И.А. Галактионовой и опубликованную в первом номере нашего журнала за этот год). По просьбе редакционной коллегии некоторые из докладчиков подготовили на основе своих выступлений статьи, предлагаемые вниманию читателей.

От редакционной коллегии

Т.В. Шмелева

КОММУНИКАТИВНЫЙ ВЕС ПРОПОЗИЦИИ

В статье утверждается, что изучение и описание сложного предложения необходимо соотносить с идеей трехаспектности высказывания. Такой подход учитывает имеющиеся знания о сложном предложении и требует использования новых понятий, таких как техника сложного предложения, коммуникативный вес пропозиции. Эти понятия получают обоснование в статье и иллюстрируются анализом медийного текста.

Ключевые слова: сложное предложение и его конструктивный, смысловой и актуальный аспекты, техника сложного предложения, коммуникативный вес пропозиции.

It is stated in the article that the study and description of the complex sentence should be correlated with the idea of an utterance's three-aspectual character. Such an approach takes into account the existing knowledge of the complex sentence and requires the use of some new notions, such as the technology of a complex sentence and the communicating weight of the proposition. These notions are substantiated in the article and illustrated with an analysis of a media text.

Ключевые слова: the complex sentence and its constructional, semantic and functional-perspective aspects, the technology of a complex sentence, the communicative weight of a proposition.

Для тех, чья лингвистическая судьба связана с Верой Арсеньевной Белошапковой, каждая памятная дата — горькое и светлое напоминание об Учителе, ее отношении к русской грамматике и своим

ученикам, о ее любимых синтаксических идеях. В 95-ю годовщину со дня рождения Веры Арсеньевны хотелось бы обратиться к идее трехаспектности предложения¹.

Прежде всего стоит напомнить, что именно Вера Арсеньевна ввела эту идею в отечественный научный оборот. В ее учебнике [Белошапкова, 1977: 82–83] находим положение, формулируемое со ссылкой на уже упомянутую статью: «... предложение в понимании современной синтаксической науки — сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта: 1) формальную устроенность, 2) семантическую структуру, 3) коммуникативную устроенность». Эта идея определяет композицию учебника, как и написанного ею синтаксического раздела университетского учебника современного русского языка [Белошапкова, 1981; Белошапкова, 1989; Современный русский язык, 1997]; могу добавить, сказанное относится и к лекционному курсу Веры Арсеньевны. Такую композицию можно назвать «поаспектной»: от формальной организации — к семантической структуре, а затем — к коммуникативной устроенности предложения.

Разумеется, идея чешского лингвиста не была единственной опорой для такого понимания предложения, как ее подтверждение воспринимались широко обсуждавшееся в те годы понятия *структурной схемы предложения* [Грамматика, 1970] и его *актуального членения* [Ковтунова, 1976]. Но как идея, синтезирующая разнообразные исследования предложения / высказывания² и объясняющая его природу, она чрезвычайно важна, и Вера Арсеньевна увидела в ней, так сказать, особую «организующую силу» для синтаксической науки.

Синтаксическая концепция В.А. Белошапковой в дальнейшем нашла отражение в ряде ее публикаций [Библиография, 1997; Белошапкова, Менькова, 1995], в исследованиях ее учеников [Диссертации, 1997; Абашина, 2006], университетских учебниках современного русского языка [Всеволодова, 2000; Ильенко, 2009]. Все это позволяет говорить о том, что идея трехаспектности предложения стала неотъемлемой частью современного синтаксического мышления.

Но с годами выявляется некая асимметрия в ее использовании: поаспектное описание более последовательно осуществляется по

¹ Эта идея принадлежит чешскому лингвисту Франтишку Данешу. Она опубликована в статье [Daneš, 1964], так и не переведенной на русский язык.

² Популярный некогда сюжет различения предложения и высказывания, принадлежности их языку или речи сегодня кажется не заслуживающим такого внимания и, главное, не дающим нам каких-то существенных научных приобретений. С пониманием этого обстоятельства связано мое неразличение этих двух терминов и использование их как синонимов. Естественно, что в случаях устойчивых сочетаний типа *простое предложение, сложное предложение, модель предложения* нет смысла нарушать сложившийся узус. Но при обсуждении общих проблем высказывания/предложения вполне возможно использовать оба термина без различий, предпочитая тот или другой по условиям организации текста в стилистических целях.

отношению к простому предложению, по отношению же к сложному наличие аспектов четко обозначено³, но после их краткой характеристики его описание представлено в виде структурно-семантической классификации, в основе которой — противопоставление сочинения и подчинения как видов синтаксической связи. Иначе говоря, описание аспектов сложного предложения не становится определяющим способом представления этого синтаксического феномена.

Можно высказать предположение, что Вере Арсеньевне казался недостаточным тот понятийный аппарат аспектного осмысления, который позволил бы положить его в основу описания сложного предложения. Кроме того, по всей видимости, было такое ощущение, что формальная и смысловая организация сложного предложения теснее связаны между собой, чем соответствующие аспекты простого предложения, поэтому описывать их отдельно не имеет смысла, предпочтительнее охарактеризовать структурно-семантические типы.

Полагаю, что сегодня мы располагаем новым опытом изучения сложного предложения, данными о его семантике и синтаксических структурах, позволяющими уточнить некоторые моменты трехаспектного подхода к нему.

Прежде всего хотелось бы отметить, что тесноту связи, спаянность структурной и смысловой организации сложного предложения не стоит абсолютизировать. Есть основания обсуждать вопрос о **технике сложного предложения** как действующем наборе инструментов формальной организации сложного предложения, активно используемом говорящими для выражения своих коммуникативных замыслов, и изучать привлечение разных типов техники к решению смысловых задач, находящихся в репертуаре сложного предложения. Наиболее показательна в этом отношении изъяснительная конструкция, к организации которой могут быть привлечены все виды техники сложного предложения [Шмелева, 2010; 2012].

Такое понимание синтаксической техники приводит к иной интерпретации отношений между простым и сложным предложением. Так, если сначала брать готовые предложения, а затем «вычислять» и описывать их семантику, то различия простого и сложного предложения представляется непреодолимыми. Если же представить себе смысловую задачу, которую говорящему предстоит выполнить в ходе формирования высказывания, то различие между простым и сложным

³ Интересно отметить: если в первой версии учебника было указано только два аспекта сложного предложения — коммуникативный и конструктивный [Белошапкина, 1977: 160—163], то в последней — уже три, хотя вместо термина *аспект* используется термин *организация*: формальная, смысловая и коммуникативная организация сложного предложения [Белошапкина, 1989: 720—725]. Это значит, что к идее трехаспектности сложного предложения В.А. Белошапкина приходила постепенно, тогда как трехаспектность простого была для нее очевидна уже при создании первого учебника.

предложением может выявиться только тогда, когда уже полученный результат придется подвергнуть традиционному синтаксическому анализу. При этом окажется, что техника сложного предложения — лишь одна из возможностей языкового воплощения его содержания.

Такой — еще не традиционный — прием описания предложения предпринят в учебном пособии [Федосюк, 2012], где особую часть составляет «Ономасиологический аспект синтаксиса». В параграфе «Способы выражения полипропозитивных сообщений» (а полипропозитивность, как мы знаем, — главная семантическая характеристика сложного предложения) дается список средств выражения пропозиции — от самостоятельного предложения до слов или словосочетаний. Он иллюстрируется конструкциями близкого содержания: *Все говорили о том, что в школе появился новый учитель; Все говорили о появлении в школе нового учителя; Появившись в школе, новый учитель сразу всем понравился* [Федосюк, 2012: 206]. Далее здесь же указываются различия приведенных средств выражения пропозиции в плане «нюансов содержания»: реальность/нереальность события, время его протекания и др.

Весьма выразительна таблица (см.: [Федосюк, 2012: 208]), в которой приводятся реальные высказывания официально-делового стиля с обозначением пропозиций словами (точнее, отглагольными существительными) и их экспериментальные «переводы» с оформлением пропозиций глаголами (придаточными). Читатель убеждается в том, что существительные используются при необходимости представить пропозицию недетализированно и обобщенно.

Таким образом, мы видим, что в этом учебном пособии простое и сложное предложения представлены в одном ряду, который возникает при выборе адекватных способов предъявления полипропозитивного содержания. При этом детально показана их смысловая близость и специфичность. Это очень важный шаг в осмыслении отношений синтаксических единиц и реальный результат поаспектного взгляда на них.

Однако при таком подходе ответ на вопрос о мотивах выбора того или иного оформления конкретной пропозиции располагается полностью в смысловом аспекте предложения. Полагаю, что есть основания видеть эти различия и в актуальном аспекте⁴, что, разумеется, требует аргументации.

⁴ Здесь следует отметить, что термин *актуальный* по отношению к третьему аспекту предложения мне кажется предпочтительнее термина *коммуникативный*, который, как видно даже из приведенных цитат, использовала Вера Арсеньевна. Это связано с тем, что синтаксис мы понимаем как часть грамматики, изучающей коммуникативные единицы языка (Н.Д. Арутюнова), а значит в них все — коммуникативно. Обсуждаемый же здесь аспект отражает актуальную коммуникацию с интенциями автора, фондом знаний адресата, уже полученной информации в тексте/общении. Термин *актуальный*, привычный в сочетании *актуальное членение предложения*, подходит для обозначения этого аспекта как нельзя лучше.

Возвращаясь к характеристике коммуникативной организации сложного предложения в учебнике [Белошапкина, 1989], мы видим, что в нем подчеркивает общность в этом отношении простого и сложного предложений [там же: 724]. Из специфических черт коммуникативной организации сложного предложения отмечается порядок частей и парцелляция [там же: 724–725]. Конечно, сегодня понятно, что эти два момента не исчерпывают данного аспекта.

Продвижение в понимание этого аспекта сложного предложения обнаруживаем в книге [Абашина, 2006]. В ней показано, что структурно-семантические типы сложного предложения, описанные В.А. Белошапкиной, выявляют и определенные актуальные характеристики. Так, сложносочиненные и бессоюзные перечислительные предложения предъявляют ряд событийных пропозиций, в каждой из которых действует собственное деление на тему и ремю. Детерминантные же предложения устроены так, что их придаточное составляет, как правило, тему, хотя и может быть рематизировано специальными средствами. Местоименно-соотносительные предложения трудно назвать собственно полипропозитивными: в них придаточное есть только фразовая номинация одного из элементов, поэтому оно входит в состав темы или ремы «вслед» за своим словом или местоимением.

Продолжая поиск понятий, в которых актуальный аспект сложного предложения мог бы получить более информативную характеристику, следует сказать, что актуальную организацию сложного предложения есть все основания считать **двухурвневой**: на первом уровне автор устанавливается, а адресатом вычитывается **актуальная иерархизация пропозиций**, а на втором — **иерархия элементов в составе пропозиций** аналогично тому, как это происходит в простом предложении за счет порядка слов, анафорических замен и т. п.

Если второй уровень в принципе понятен с учетом того, что факторы тематизации и рематизации элементов задаются сложным предложением, то для анализа первого уровня я предлагаю ввести термин **коммуникативный вес пропозиции** и обозначить им относительную актуальную ценность пропозиции, которую ей придает автор и которую должен извлечь из текста читатель. Определить эту ценность можно, обращаясь к **шкале коммуникативных весов**, фиксирующей соответствие каждому весу определенной формы выражения пропозиции. Если ввести некую условную «единицу коммуникативного веса пропозиции», то шкала, расположенная по убыванию, может выглядеть, например, так:

- 7 — самостоятельное предложение;
- 6 — часть сложносочиненного предложения или главная часть сложноподчиненного предложения;
- 5 — придаточная часть сложноподчиненного предложения;

4 — «полупредикативная» единица (инфинитив, деепричастие, причастие);

3 — свернутая пропозиция=атрибут;

2 — свернутая пропозиция=актант;

1 — свернутая пропозиция=сирконстант;

0 — невыраженная пропозиция.

Продемонстрировать эту шкалу коммуникативных весов можно серией экспериментальных предложений, включающих одну пропозицию с разным весом:

Он приехал в понедельник (7);

Он приехал, и ситуация сразу изменилась; Он приехал, когда уже было поздно (6);

Уже ничего нельзя было изменить, когда он приехал (5);

Приехав (4), он сразу включился в обсуждение ситуации;

Приехавший (3) эксперт сразу выступил с гипотезой;

Сообщили о его приезде (2);

По приезде (1) эксперта расследование ускорилося;

Все ждали эксперта, но встретиться с ним так и не удалось (0).

Шкала коммуникативных весов пропозиции помогает понять, как автор, вознамерившийся создать некий текст, сначала отбирает для его содержания набор пропозиций, далее устанавливает их иерархию «приписыванием» каждой из них того или иного коммуникативного веса от 0 до 7, а затем выбирает соответствующее оформление для каждой пропозиции или их комплексов. Адресат же из оформления предложений извлекает информацию не только о собственно пропозитивном содержании текста, но и о коммуникативном весе каждой из пропозиций и их соотношениях.

В хорошо всем знакомой ситуации редактирования (или само-редактирования) включается **контроль** над адекватностью распределения коммуникативных весов между пропозициями текста, с одной стороны, и — с другой — над адекватностью выбора для них лексико-грамматического оформления в соответствии с «приписанным» коммуникативным весом. И, как хорошо всем известно, часто происходит переоценка веса пропозиций — и возникает необходимость их переоформления. Именно в таких случаях часто прибегают к замене простого предложения сложным, и наоборот. Отчетливое понимание того, с чем связана такая замена и сами поиски нужной формы, помогают как автору, так и читателю, в том числе и редактирующему. Конечно, распределение коммуникативных весов между пропозициями — воля автора, но существует логика текста, необходимость учитывать тематическую основу и рематический сюжет, а также авторское начало [Шмелева, 1998; 2005; 2006]. Поэтому мы понимаем, что воля автора не безгранична, она складывается с учетом того, что уже сказано в тексте и какова цель его построения.

Покажем возможности оценки и переоценки коммуникативного веса пропозиций на реальном тексте из журнала «Русский репортер» (№ 27 / 2012: 78). Литературный обозреватель журнала Константин Мильчин в своей колонке «Книги» помещает текст «О пользе чтения для взрослых», который начинается автобиографическим признанием: *У меня было не совсем правильное детство*. Перечислив прочитанные ему в детстве совсем не детские книги, автор заключает: *Что-то мне моя крайне продвинутая мама читала на ночь, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился в уже взрослом возрасте*.

Первое предложение текста составляет в семантическом отношении одну пропозицию характеристики (детство — *не совсем правильное*). Автор начинает им текст, придавая тем самым этой информации максимальный коммуникативный вес (7) и создав эффект автобиографического признания, на который уже было указано. Заметим, однако, что характеристика не помещается в коммуникативный фокус, и для предложения выбирается модель не характеристики (было бы: *Мое детство было не совсем правильным*), но обладания (*У меня было детство*), характеристика занимает место атрибута, а не предиката. Это, однако, относится не к коммуникативному весу пропозиции, а к иерархизации ее элементов.

Второе высказывание — полипропозитивно: его составляют пять пропозиций. Максимальный вес — у пропозиции *мама читала* (7), ниже — пропозиции *пропускала «взрослые» места* (4), но повышается вес пропозиции *я познакомился* (5), и она включает на правах элемента пропозицию состояния *во взрослом возрасте*, оформленную как обстоятельство (1). Линейно главной предшествует пропозиция *крайне продвинутая мама* (3). Иными словами, актуальную пропозитивную картину этого высказывания можно представить следующим образом: 3-7-4-5-1, и, как нетрудно заметить, только в одном случае автор прибегает к технике сложного предложения — на основе местоименной присубстантивной связи: *...места, с которыми...* Во всех остальных случаях он обходится техникой простого — распространенного и осложненного — предложения.

Вполне можно себе представить, что возникает необходимость понизить коммуникативный вес пропозиции первого предложения и включить ее в состав второго высказывания. Тогда оно может принять такой вид: *В моем не совсем правильном детстве моя крайне продвинутая мама читала мне на ночь, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился в уже взрослом возрасте*. И без того полипропозитивное предложение становится сложнее на две пропозиции с коммуникативным весом соответственно 3 и 2 (свернутая пропозиция — в данном случае до обстоятельства, в которой характеристика занимает по-прежнему

атрибутивную позицию). Что касается общей пропозитивной картины этого высказывания, то ее можно представить так: 2(3)-3-7-4-5-1. И удельный вес техники сложного предложения в нем еще меньше относительно общего объема высказывания.

В другом случае автор мог бы наделить весом 7 пропозицию *продвинутая мама*, и тогда можно было бы ожидать такой трансформации: *Моя мама — крайне продвинутая, и поэтому в моем детстве, не совсем правильном, как я теперь понимаю, она читала мне на ночь что-то, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился уже взрослым.* Но такая модификация маловероятна, поскольку далее в тексте развиваются сюжеты, связанные не с мамой автора и ее характеристиками, а с проблемой детского чтения. Чтобы в этом убедиться, надо прочитать финальную часть текста: *Интересно посмотреть, как будет выглядеть добровольный список для чтения старшеклассника-отличника лет через десять: найдется ли в нем место для немного наивной советской подростковой литературы? Впрочем, мода имеет тенденцию возвращаться.*

Итак, для понимания актуального аспекта предложения — еще до того, как оно окажется простым или сложным, — можно измерять коммуникативный вес составляющих его пропозиций. Соотношение весов определяет и выбор техники сложного предложения, и порядок следования частей, на который обращала внимание Вера Арсеньевна.

Нельзя не отметить, что обращение к понятию *пропозиция*, которое вернулось в понятийный аппарат лингвистики в 70-е годы, подтверждает пользу этого возвращения. Ведь это понятие положено в основу различения простого и сложного предложения как монопропозитивной и полипропозитивной семантических структур; оно позволяет «исчислять» сложность диктума, видеть различие диктумных и модусных пропозиций; интерпретировать технику простого предложения как систему репрезентации пропозиции [Шмелева, 1980; 1988]. Ко всем этим важным для синтаксиса моментам прибавляется еще и возможность измерять коммуникативный вес пропозиции и по-новому видеть актуальное устройство предложения — будь оно сложное или простое.

Мне не кажется, что это — частность, мало что меняющая в синтаксисе. Это важный момент, позволяющий видеть предложение **в текстовой перспективе**. И такое видение представляется более существенным и полезным, чем умение опознавать типы предложений по одной из классификаций. Именно поэтому мне показалось целесообразным ввести информацию о коммуникативном весе пропозиции в синтаксический раздел учебника «Современный русский язык. Теория», работа над которым завершается под руководством проф. Л.Р. Дускаевой в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Будущим журналистам необходимо знать не столько проблемы

классификации и наименования различных типов предложений или их элементов, сколько механизмы, техники, которые обеспечивают воплощение авторских замыслов в приемлемые тексты.

Знаменательно, что завершение работы над грамматическим разделом в этом учебнике совпадает с 95-й годовщиной со дня рождения Веры Арсеньевны Белошапковой. Ведь она придавала огромное значение университетскому учебнику и сначала в одиночку написала учебник русского синтаксиса, а затем создала со своими единомышленниками, кого она ценила в науке и в жизни, университетский учебник по всему курсу современного русского языка. Мне уже приходилось писать о том, что Вера Арсеньевна при каждом новом издании учебника (1977, 1981, 1989) вносила в свои части новое, будучи уверенной в том, что студент должен познакомиться в учебнике не только с русской синтаксической традицией, но и узнать последние достижения науки (см. подробнее: [Шмелева, 1997]).

И сегодня мне кажется, что, отмечая скорбные даты, все дальше уводящие нас от общения с Верой Арсеньевной, мы должны не только внимательно перечитывать ее труды (хорошо бы их переиздать, чтобы новые поколения русистов тоже могли с ними познакомиться), но и думать о том, как бы развивалась ее синтаксическая мысль, какие новые перспективы могли открыться перед нами в таком развитии. Один из последних моих разговоров с Верой Арсеньевной был об учебнике, и мы говорили о том, что учебников должно быть много, и не только потому, что много авторов-синтаксистов, но и потому, что для учебника чрезвычайно важен фактор адресата: то, что важно для филолога, может быть отведено на второй план для специалистов в других областях. Работая над своим разделом учебника для журналистов, специалистов в области пиар-деятельности и рекламы, я старалась помнить об этом. Надеюсь, что выход этого учебника и его научное обсуждение тоже можно будет посвятить памяти Веры Арсеньевны, воспринимая его как свидетельство продолжения жизни ее синтаксических идей и дидактических принципов.

Список литературы

- Абашина В.Н.* Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения. Львов, 2006.
- Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис: Учебное пособие. М., 1977.
- Белошапкова В.А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов; под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
- Белошапкова В.А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Белошапкова В.А., Менькова Н.В.* Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник

- (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова) / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 1995.
- Библиография работ В.А. Белошапковой / Галактионова И.В., Шмелева Т.В. // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
- Диссертации учеников В.А. Белошапковой / Галактионова И.В., Шмелева Т.В. // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
- Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов. / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.
- Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М., 2012.
- Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентации // Проблемы теории и истории русского языка / Под ред. К.В. Горшковой. М., 1980.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.
- Шмелева Т.В. Синтаксис и судьба // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры ткань // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998.
- Шмелева Т.В. Текст как объект изучения в школе. Великий Новгород, 2005.
- Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006.
- Шмелева Т.В. Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография / Сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010.
- Шмелева Т.В. Сложное предложение в свете трехаспектности высказывания // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: Сб. материалов международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., г. Славянск-на-Кубани: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. С.А. Алексанова, Ю.Н. Кононова, Е.В. Мазунин, Н.Д. Няголова, И.М. Рысин, А.Н. Рябиков, М.В. Фуфалько, А.И. Яценко. Славянск-на-Кубани., 2012.
- Daneš Fr. A three-level approach to syntax // Travaux linguistique de Prague. 1. L'École de Prague d'aujourd'hui. Prague, 1964.

Сведения об авторе: Шмелева Татьяна Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры журналистики филол. ф-та Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: szmiel@mail.ru

М.Ю. Федосюк

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ВУЗОВСКИЙ КУРС РУССКОГО СИНТАКСИСА?

В статье изложена концепция обновленного вузовского курса русского синтаксиса. По мнению автора, этот курс должен базироваться: (1) на последовательном описании семантики любых синтаксических единиц; (2) на четком разграничении семасиологического и ономасиологического аспектов описания языка и (3) на объяснении причин существования каждого из описываемых явлений.

Ключевые слова: русский синтаксис, синтаксическая семантика, прагматика, семасиология, ономасиология.

The article deals with a conception of a new university course of Russian syntax. According to the author, this course must be based on: (1) the description of the semantics of any syntactic unit, (2) clear differentiation of semasiological and onomasiological aspects of description and (3) explanation of the reasons for the existence of each of the phenomena.

Key words: Russian syntax, semantics of syntax, pragmatics, semasiology, onomasiology.

В 1870 г., читая в Санкт-Петербургском университете вступительную лекцию по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков, И.А. Бодуэн де Куртенэ говорил о той ограниченной ценности, которую имеет «описательное, крайне эмпирическое направление в языкознании, ставящее себе задачу собирать и обобщать факты чисто внешним образом, не вдаваясь в объяснение их причин и не связывая их между собою на основании их сродства и генетической зависимости» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 53]. «Тем не менее, — делал важную оговорку ученый, — как первый шаг в науке, как подготовка, описательные операции необходимы <...> Хорошие описательные грамматики, издания памятников и словари останутся навсегда насущной потребностью нашей науки, и без них даже самым гениальным теоретическим выводам будет недоставать фактического основания» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 54].

В то же время свое предпочтение ученый отдавал иному — «истинно научному» направлению, цель которого состоит: «1) в объяснении явлений соответственным их сопоставлением и 2) в отыскивании сил и законов, т. е. тех основных категорий или понятий, которые связывают явления и представляют их как непрерывную цепь при-

чин и следствий» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 55]. Следуя традиции, заложенной младограмматиками, Бодуэн именовал это направление «историческим», однако точнее, по-видимому, было бы назвать его объяснительным.

Возможно, ученый излишне торопил события. На протяжении еще примерно столетия, прошедшего после только что упомянутой лекции, языкознание, в том числе и русистика, видело свою задачу главным образом в тщательном описании и классификации единиц языка. Вопросы о том, чем обусловлены особенности устройства того или иного языка, а главное — каким образом, используя язык, люди общаются между собой, в то время, как правило, не ставились. И только начиная с 1970-х годов, благодаря интенсивному развитию таких направлений языкознания, как семантический синтаксис, теория референции, лингвистическая прагматика и функциональная грамматика, появилась возможность создания объяснительных описаний системы русского языка, и в частности его синтаксического строя.

Как с учетом всего сказанного должен строиться современный вузовский курс русского синтаксиса?

Представляется, что основные идеи, которые целесообразно положить в основу такого курса, — это, во-первых, мысль о том, что любое формальное явление языка необходимо рассматривать не само по себе, а непременно с учетом того, для передачи какого содержания оно служит; во-вторых, предложенный еще Л.В. Щербой [Щерба, 1974], однако ставший актуальным лишь в наши дни [Бондарко, 1984; Милославский, 2002; Мустайоки, 2006; Норман, 1994] принцип последовательного разграничения двух аспектов лингвистического описания — «пассивного», семасиологического, идущего в направлении от языковых единиц к выражаемому ими содержанию, и «активного», ономасиологического, направленного от определенных типов содержания к возможным способам их выражения; наконец, в третьих, уже упомянутый тезис И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что языкознание непременно должно не только описывать явления, но и стремиться к объяснению причин их существования. Не будет преувеличением сказать, что важные предпосылки для создания именно такого курса синтаксиса русского языка были заложены синтаксической концепцией В.А. Белошапковой [Современный русский язык, 1997].

В рамках ограниченного объема данной статьи мы сосредоточим свое внимание в основном на принципах построения ономасиологического аспекта описания русского синтаксиса. Что же касается семасиологической части курса, то она в гораздо большей степени, чем ономасиологическая часть, будет связана с давно сложившейся традицией. Важное отступление от этой традиции, по нашему мнению, должно состоять лишь во включении в сема-

сиологическое описание детального обзора средств интонационного оформления предложения — пауз, перепадов темпа и громкости речи, типов интонационных конструкций и выбора места для их центров. В большинстве вузовских курсов современного русского языка этот комплекс вопросов рассматривается не в синтаксических, а в фонетических разделах, что не вполне логично, поскольку все перечисленные средства предназначены для выражения именно синтаксического содержания. Поэтому мы совершенно солидарны с В.А. Белошапковой: в учебнике, изданном под ее редакцией, в синтаксический раздел входит глава «Интонация и синтаксис» [Современный русский язык, 1997].

Охарактеризуем теперь основные принципы построения о н о м а с и о л о г и ч е с к о г о аспекта описания русского синтаксиса.

Очевидно, что структура такого описания должна определяться нашими представлениями об устройстве плана содержания предложения. Ряд исследователей вслед за Ф. Данешем [Daneš, 1964] разграничивает три аспекта организации предложения — формальный (или конструктивный), коммуникативный и смысловой [Современный русский язык, 1997; Крылова, Максимов, Ширяев, 1997; Шмелева, 1988], что вызывает серьезные возражения. Известно, что значимые единицы языка имеют двухсторонний характер: их форма передает определенное содержание. Поэтому непонятно, к форме или к содержанию относится третий из только что упомянутых аспектов — коммуникативный.

По нашему мнению, логичнее, противопоставляя план выражения и план содержания предложения, разграничивать в плане содержания те же самые компоненты, которые принято выделять в плане содержания другой важнейшей значимой единицы языка — слова. Речь идет о сигнификативном, референциальном и прагматическом компонентах [Кобозева, 2000; Федосюк, 2008].

С и г н и ф и к а т и в н ы й компонент содержания предложения (в современной синтаксической теории его обычно называют пропозициональным компонентом или пропозицией) ориентирован на отражение языком действительности. Сигнификатом любого предложения является обозначаемый данным предложением неконкретизированный образ некоторой ситуации, который не привязан ни к знаниям адресата, ни к позиции отправителя. Если, иллюстрируя сказанное, попытаться описать сигнификативный компонент предложения *Мальчик читает книгу*, то он, очевидно, будет иметь вид ‘чтение мальчиком книги’. Определение сигнификата предложения посредством словосочетания в данном случае неслучайно: именно словосочетание позволяет исключить любые связи передаваемого содержания со знаниями адресата и с позицией отправителя, которых невозможно избежать в предложении.

Референциальный компонент содержания предложения ориентирован на сознание адресата. Поэтому референтом предложения является такой образ ситуации, который привязан к знаниям адресата и к его коммуникативным запросам. Например, референт только что упомянутого предложения *Мальчик читает книгу* — это изображение чтения мальчиком книги как события, во-первых, реального, а во-вторых, происходящего в тот же период времени, что и ситуация общения с адресатом. На это указывает форма изъявительного наклонения и настоящего времени сказуемого *читает* (ср. иное референциальное содержание предложений *Мальчик читал бы книгу* и *Мальчик будет читать книгу*). Кроме того, судя по порядку слов, перед нами такое описание, которое предполагает, что в фокусе внимания адресата находится некий мальчик, однако у этого адресата нет сведений о положении дел, связанном с упомянутым мальчиком (ср. предложение *Книгу читает мальчик*, где в фокус внимания адресата, скорее всего, входит книга, однако адресату неизвестно, что именно с ней происходит).

Прагматический компонент содержания предложения (в современной синтаксической теории его обычно называют модусом) отражает позицию отправителя. Этот компонент в обязательном порядке несет эксплицитно выраженную информацию о целеустановке, т. е. о той коммуникативной цели, которую преследует отправитель предложения. В концепции В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой помимо целеустановки в число обязательных элементов модуса включена также «предикативность, т. е. реальность ~ ирреальности и время» [Современный русский язык, 1997: 771; Шмелева, 1988]. Однако, поскольку предикативность привязывает передаваемое содержание к знаниям адресата, нам, как уже было сказано выше, представляется целесообразным относить ее не к прагматическому, а к референциальному компоненту содержания предложения.

Наряду с обязательными элементами, прагматический компонент содержания предложения может содержать и факультативные элементы. Это элементы, которые при необходимости информируют адресата об отношении отправителя к содержанию и форме предложения, к его адресату и к ситуации общения [Современный русский язык, 1997; Шмелева, 1988].

Иллюстрацией ко всему сказанному может служить уже знакомое нам предложение *Мальчик читает книгу*, прагматический компонент содержания которого несет информацию о том, что коммуникативная цель отправителя состоит в передаче адресату сообщения о чтении мальчиком книги как о достоверном и при этом никак не оцениваемом событии. Для того чтобы продемонстрировать, что действительно так, сопоставим данное предложение со следующими: (1) *Мальчик читает книгу?*; (2) *Мальчик, кажется, читает книгу*; (3) *К счастью,*

мальчик читает книгу. Нетрудно убедиться, что прагматический компонент предложения (1) несет информацию о том, что целью отправителя является не передача сообщения, а, наоборот, выяснение того, соответствует ли описываемая ситуация действительности; прагматический компонент предложения (2) информирует о том, что отправитель не уверен в достоверности передаваемого сообщения, а прагматический компонент предложения (3) выражает положительную оценку описываемого события.

Если согласиться со всем только что сказанным, то описание ономаσιологического аспекта русского синтаксиса должно состоять из частей, посвященных рассмотрению различных способов выражения: (а) сигнификативного; (б) референциального и (в) прагматического содержания предложения. При этом описание устройства каждого из вышеназванных компонентов, очевидно, должно выглядеть как система функционально-семантических полей, содержащих разные варианты языковой интерпретации передаваемого мыслительного содержания. Центральные компоненты каждого из таких полей выражают соответствующее содержание в чистом виде, тогда как использование нецентральных компонентов, с одной стороны, не всегда возможно из-за отсутствия необходимых лексических единиц, а с другой — как правило, сопровождается передачей добавочных смысловых компонентов.

Проиллюстрируем сказанное на примере раздела, посвященного сигнификативному содержанию предложения. Он будет включать описание различных способов выражения, во-первых, подчинительных отношений в словосочетаниях, во-вторых, монопропозитивных и, в-третьих, полипропозитивных сообщений.

В главе о способах выражения подчинительных отношений в словосочетаниях должно быть показано, например, что центральное место в поле средств выражения относительных признаков (т. е. таких признаков, суть которых — отношение данных предмета или ситуации к какому-либо другому предмету) занимает управление, ср.: *территория завода, литература для детей, абонемент в бассейн; кофе с молоком.*

Для выражения того же самого содержания может использоваться и более периферийный компонент поля — согласование, однако сфера его употребления ограничена двумя обстоятельствами: во-первых, не от всякого существительного можно образовать относительное прилагательное, а во-вторых, относительные прилагательные не всегда совпадают по значению с предложно-падежными формами существительных. Ср.: *территория завода = заводская территория, литература для детей = детская литература, но абонемент в бассейн ≠ *бассейновый абонемент, кофе с молоком ≠ *молочный кофе.*

Кроме того, синонимичные словосочетания, построенные на основе управления и согласования, различаются возможностями их

распространения другими словами. Например, словосочетание *территория завода* можно распространить, образовав словосочетание *территория приборостроительного завода*, тогда как словосочетание *заводская территория* подобного распространения не допускает. Ср. также: *литература для детей* ⇒ *литература для детей младшего школьного возраста* и *детская литература* — аналогичное распространение невозможно.

Обозначая относительные признаки, словосочетания, построенные на основе управления и согласования, различаются по значению. Так, *здание школы* — это, скорее всего, здание, в котором размещается конкретная школа, тогда как словосочетание *школьное здание* подразумевает архитектурный тип постройки; словосочетание *касса театра* обозначает кассу определенного театра, а *театральная касса* — это любая касса, торгующая театральными билетами.

В главе о способах выражения монопропозитивных сообщений должно быть, в частности, показано, что центральным средством построения сообщений о непроцессуальных свойствах являются предложения с составными именными сказуемыми, включающими в свой состав прилагательные или наречия. Это обусловлено тем, что именно прилагательным и наречиям присуще категориальное значение непроцессуального признака. Совпадая друг с другом в своем признаковом категориальном значении, сказуемые с прилагательными и с наречиями различаются сочетаемостью. Сказуемые с прилагательными сочетаются с подлежащими-существительными: *Он стар*; *Курение опасно для здоровья*, а сказуемые с наречиями — с подлежащими-инфинитивами: *Путешествовать по Крыму было интересно*; *Курить опасно для здоровья*. Однако при обозначении таких свойств, для именованых которых в лексической системе русского языка отсутствуют прилагательные, составные наречные сказуемые могут употребляться и при подлежащих-существительных, например: *Она замужем*; *Он запанибрата со всеми министрами*.

В тех случаях, когда лексическая система языка не располагает подходящими по значению прилагательными или наречиями, непроцессуальные свойства могут получать обозначение при помощи составных именных сказуемых, включающих в свой состав существительные в формах косвенных падежей (с предлогами или без предлогов). Например: *Дом был с балконами* (дом с балконами по-русски не может быть назван *балконным домом); *Эта куртка — на молнии*; *Мой сосед — без комплексов*.

При необходимости, информируя о свойстве, показать, что носитель предикативного признака является типичным носителем этого свойства, которому присущи и другие смежные с этим свойством качества, используются составные именные сказуемые с существительными в форме именительного или беспредложного творительного

падежа. Например: *Она замужняя женщина, Он старик* или *Маша была красавицей*. Исходная семантика предложений с подобными сказуемыми — это квалификация, т. е. передача сообщений о том, что некоторый предмет обладает комплексом признаков, объединенных в целостное понятие (ср. *Он инженер; Она графический дизайнер*). Под влиянием этой семантики оттенок отнесения к классу сохраняется и при обозначении свойств. Так, если предложение с составным наречным сказуемым *Она замужем* означает прежде всего ‘Она состоит в браке’, то предложение с составным субстантивным сказуемым *Она замужняя женщина* сообщает: ‘Она состоит в браке и обладает всеми типичными качествами, которые присущи замужним женщинам’.

Если стоит задача обозначить свойство как не вполне зависящее от личности его носителя, может быть использован один из двух вариантов предложений с бытийными сказуемыми — предложения, построенные по модели существования или по модели местоположения [ср. Арутюнова, Ширяев, 1983]. Так, вместо предложений с составными именными сказуемыми *Он стар; Он опытен; Он эрудирован* возможно использование реализующих модель существования предложений *У него преклонный возраст; У него большой опыт; У него высокая эрудиция*, а вместо первого из только что приведенных предложений — еще и построенное по модели местоположения предложение *Он в преклонном возрасте*. Оттенок независимости свойства от его носителя возникает в подобных предложениях под влиянием исходной семантики существования или местоположения. Как правило, этот оттенок помогает смягчить ту положительную или отрицательную оценку носителя обозначаемого свойства, которая вытекает из характера данного свойства. Так, быть старым не вполне престижно, поэтому предложение *У него преклонный возраст* звучит более уважительно, чем *Он стар*. Наличие опыта или эрудиции, напротив, подразумевает положительную оценку носителя этих свойств, поэтому при необходимости ослабить данную оценку, скажут, скорее, не *Он опытен*, а *У него большой опыт*. Ср.: *Конечно, у него большой опыт, но все-таки он негодяй*.

Далее, при необходимости обозначить такие свойства, которые состоят в отношениях одних предметов или ситуаций к другим предметам или ситуациям, могут использоваться простые глагольные сказуемые, например: *Ира любит джаз; Девочка боится темноты; Решение зависит от начальства; Сумма квадратов катетов равняется квадрату гипотенузы*. Нетрудно заметить, что свойства-отношения статичны и что, таким образом, использование глаголов-сказуемых при их обозначении не опирается на присущее глаголам значение процессуальности. Очевидно, что в данном случае употребление глагольных, а не именных сказуемых можно объяснить не динамичностью содержания глаголов типа *любить, зависеть* или *равняться*,

а лишь способностью подобных глаголов легко присоединять к себе зависимые слова, что при обозначении отношений крайне важно.

Завершая краткую характеристику принципов построения ономазиологического описания русского синтаксиса, нельзя не отметить, что и этот аспект исследований во многом предопределен работами В.А. Белошапковой. Анализируя способы выражения разных типов пропозиций, она писала, например: «Пропозиции с одноместным предикатом характеризующей семантики могут быть оформлены по схемам $N_1 \text{Cop}_F \text{Adj}_{F/1/5}$, $N_1 \text{Cop}_F N_{1/5}$, $N_1 V_F$; ср.: *Он лжёт. — Он лживый. — Он лгун; Он хромой. — Он хромает; Он добрый. — Он добряк*» [Современный русский язык, 1997: 778].

И последнее. На основании только что изложенных принципов может быть построено ономазиологическое описание и других, не рассмотренных нами компонентов синтаксической системы русского языка, и в частности способов выражения полипропозитивных сообщений [Федосюк, 2006], а также референциального и прагматического содержания предложений [Федосюк, 2012].

Список литературы

- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
- Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М., 1997.
- Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика. М., 2002.
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Федосюк М.Ю. Зачем нужны сложноподчиненные предложения // Русский язык в школе. 2006. № 6.
- Федосюк М.Ю. Об изоморфизме плана содержания слова и предложения // Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению. Калининград, 2008.
- Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. М., 2012.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.
- Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Daneš F. A three-level approach to syntax // Travaux linguistiques de Prague. V. 1. Prague, 1964.

Сведения об авторе: Федосюк Михаил Юрьевич, докт. филол. наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В е р ш и н и н а Н. Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: Монография. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2011. 204 с.

Возглавляемая Н.Л. Вершининой кафедра литературы Псковского государственного университета специализируется на забытых и «второстепенных» (точнее, всяких не первостепенных) писателях. Это дело и благородное (никого из внесших какой-либо вклад в культуру не следует забывать, а изучать совсем не исследованное — гораздо более трудоемкая работа, чем вносить нюансы в утвердившиеся представления о классиках), и полезное, без этого литературный процесс выглядит не только не полно, но даже искаженно: например, столь эрудированный ученый, как В.Н. Топоров, считал, что «петербургская ода XVIII века, в тех или иных формах проникающая и в XIX век», захватила в нем лишь «три первых десятилетия»¹, Вершинина же нашла ее в стихотворении А.Н. Яхонтова «Памятнику Петра Великого» 1848 г.: «Одическая традиция романтизируется и закрепляется, снимая отмеченную В.Н. Топоровым антитетичность природы и культуры. <...> В стихотворении «*Зима*» (1849) ошутимо присутствие не только Пушкина («Медный всадник», «Евгений Онегин», лирика), но и Ломоносова <...>» (с. 118, 120–121). Вообще, «при чутком восприятии современности, Яхонтов во многих отношениях жил вне времени, лелея в глубине души идею воссоединения и примирения всех времен» (с. 190).

В его романтических стихах есть и современное некрасовское начало, но оно не подражательно. «Если содержательность лирического «я» Некрасова определялась стройным взаимодействием традиционализма (как фольклорного, так и литературного происхождения) и перерабатываемых, постоянно обновляющихся живых впечатлений, то в поэзии Яхонтова <...> преобладающим оставался литературный традиционализм. В последнем случае живое всегда возводилось к началам общим, *вечным*, облекалось *поэтизмами* — единственным «языком», который, по мнению Яхонтова, соответствовал высокому строю жизни и поэзии» (с. 159). Не только поэзии. Жизнетворчество по законам искусства — не абсолютная прерогатива Серебряного века. У Яхонтова оно «представляет собой единый, хотя и не цельный “текст”, сочетающий “готовую” образность с ярким “предметным” словом, нравственный кодекс — с погружением в жизненную стихию, которую он не отвергал, подобно романтикам, а стремился добросовестным трудом поэта и чиновника подвести под уровень высокого искусства» (с. 61). При этом он не преувеличивал масштаб своего дарования и руководствовался «философией “золотой середины”»: согласно ей и рядовой человек (“обыкновенный талант”) получал право голоса, если не в силу “божественного” вдохновения, то исходя

¹ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 261.

из неодолимой внутренней потребности “высказаться” и произнести “слово правды” <...> (там же). Вместе с тем Яхонтов как разносторонне одаренный человек «понимал, что “дичь” может “нести” и “классик”, а, с другой стороны, “второстепенный поэт” — каков он сам — в минуты вдохновения способен возвыситься до подлинной поэзии, войти в ее “очарованный круг” и в нем оставить свой, пусть и неяркий, “след”. Действительно, внимательный читатель Яхонтова может найти в его стихах как стертые «общие места», так и прекрасные строки, пронзительные откровения, подобные тем, какие мы находим в лирическом любовном цикле 1850-х годов» (с. 193).

Правда, в приложенной к некрологу Яхонтова в «Русской старине» (1890. Т. LXVIII. № 12) автобиографии «отмечались факты исключительно общественного и служебного значения» (с. 10): служил в Петербурге до 1851 г., переселился в Псков, где сначала служил по министерству государственных имуществ, а затем 10 лет был директором классической гимназии; был избран предводителем дворянства Псковского уезда, с 1877 г. на два трехлетия избирался председателем уездной земской управы, после чего снова стал предводителем дворянства. Видимо, бюрократический жанр автобиографии побуждал относиться к художественному творчеству как к делу сугубо личному. Кстати, в другом некрологе, перепечатанном Н.Л. Вершининой из «Исторического вестника», сказано: «Последнее время Яхонтов совсем не писал стихов и посвящал свой досуг статьям серьезного содержания» (с. 198). Значит, даже в 1890 г. по представлениям исторического журнала серьезное содержание было присуще лишь статьям типа «Французское общество и народ в период первой революции», да и те писались не иначе как на досуге.

Сейчас об Ал.Н. Яхонтове (1820–1890) помнят только в Пскове. Единственный его сборник стихов (1884) никогда не перепечатывался, как и прозаические книги, статьи и воспоминания; отдельные стихотворения печатались в псковских газетах во второй половине XX в. Человек же это был весьма достойный. Взятое из слов Ю.М. Лотмана «“Быть рыцарем” — качество общее для целого сословия, но “быть безупречным рыцарем” — качество исключительное»² — последнее определение «дало название этой книге» (с. 196). Сведения о жизни Яхонтова собирались по крупицам и тщательно проверялись: в источниках не всё достоверно. Даже опубликованные стихи было предпочтительно приводить по рукописи, так как в своем сборнике поэт «целомудренно “вычищал” все слишком личное, по его мнению, способное породить ассоциации, кого-то обидеть, взволновать и т. п. <...>. С той же целью автор сборника изменял датировки помещенных в нем сочинений, уходя от действительного времени их создания <...>» (с. 128). Возможно, в стихотворении «Зима», перепечатанном из газеты «Светлый путь» за 1966 г., пропущена строчка с рифмой на *-енью*, что породило несвойственное классическому стиху нарушение альтернанса — постановку рядом двух нерифмующихся стихов с мужскими окончаниями (*крыло — гор*): «Дышит тяжело // И мчится вровень с берегами, // Черна, как ворона крыло. // Валы ея, громадой гор, // Родному с Севера теченью, // Шумя идет наперекор» (с. 121–122). Правда, в пушкинском

² Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 806.

«Медном всаднике», на который ориентировано это описание Невы, тоже есть незарифмованные строки, но без нарушения альтернанса.

Н.Л. Вершинина была вынуждена оставить «за пределами монографии немало существенного, интересного и нужного для современности в исследовании жизни А.Н. Яхонтова» (с. 190), например, отдельно написать поподробнее о его книге 1886 г. «Путешествие в Северный край России» (важном для автора, хотя и виртуальном путешествии)³. Приводя целиком многие неизвестные читателю стихотворения Яхонтова, к какому-то из них, столь же неизвестному, она может просто отослать: «Характерным образчиком пародийной хвалы является сочиненная им в 1853 году “*Ода на второе пришествие Арцимовича*”» (с. 178). Где-то недостает явно нужного современному читателю комментария. Несмотря на упоминание Невы не всякий догадается, что в стихотворении «Русским в 1854 году» «богатырь», «в одну громаду слитый // Из скал гранитных», — это крепость Кронштадт, не позволявшая во время Крымской войны вражеским кораблям подойти к Петербургу: «К нам пустит ли гостей незваных // Петровский страж передовой?!» (с. 123). В юмористическом стихотворении «К моему Станиславу» (1867) не прокомментированы строки «Рублями кровными в Капитул // Я за тебя исправно внес» и «Оставь мечтанья о *короне*, // Стремленью к высшим степеням!» (с. 45). Тогда награжденные должны были сами оплачивать орденские знаки. Стихотворение написано в связи с награждением автора орденом св. Станислава 2-й степени. Выше его был орден св. Анны 2-й степени, еще выше — такой же орден с добавленной к нему «коронаю» над крестом. В стихотворении «Мысль» (впервые опубликовано в 1875 г.) от лица мысли говорилось о важнейшей для романтиков проблеме невыразимого: «Мне слово бедное дано! // Как цепь железная — оно // В моей юдоли тесной» (с. 41), однако само это слово в монографии использовано гораздо ниже по другому поводу: Яхонтов «не только разбирался в музыке и был хорошо знаком с этой стороной жизни своего времени, но и привносил музыкальность в поэзию, придавая особенное значение форме и тяготая к мелодике “невыразимого”» (с. 105).

При всем том очень симпатичный образ героя книги вырисовывается в ней достаточно отчетливо.

Первая глава посвящена «жизнетворчеству» Яхонтова. Тщательный анализ источников позволил Н.А. Вершининой сделать, в частности, вывод, что «содержательность и диапазон заграничных путешествий в судьбе Яхонтова много существеннее, чем принято было думать» (с. 33). А озабоченность тем, что стало и станет с Россией после крестьянской реформы, отличала его и четверть века спустя. Он записал слова юноши-крестьянина Дмитрия Ильина, осудившего свое сословие за «малую активность на пути к социальному и нравственному возрождению: “По совести, сами мы во многом виноваты! Вот — Царь дал нам волю: что же мы с нею сделали?”»⁴.

³ См.: Вершинина Н.Л. «Путешествие в Северный край» А.Н. Яхонтова в контексте литературы путешествий // Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения 5–9 октября 2011 г. Псков, 2011. С. 60–70.

⁴ Путешествие в Северный край России. Составлено А.Н. Яхонтовым. СПб., 1886. С. 68.

«Мысль о том, что «сами во многом виноваты», как и другие суждения Яхонтова, прилагается им не только собственно к народу, но и к состоянию России в целом, к наболевшим вопросам гражданской жизни, разрешать которые он призывал исключительно на началах долга и совести» (с. 22).

В творчестве он больше всего ценил память культуры. Оттого в поэтическом сборнике 1884 г. смешивались эпохи и стили, разнонаправленные социальные и эстетические интенции — «на первый план выступал критерий не художественного совершенства и не идеологической тенденции, а литературной памяти, которая в глазах собирателя культурных ценностей не имела принципиального отличия от памяти человеческой» (с. 42). Критики небезосновательно усматривали в его сочинениях сходство с поэзией А.Н. Майкова, А.К. Толстого, А.С. Хомякова, В.Г. Бенедиктова, Н.А. Некрасова, а также Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета. Яхонтов обладал способностью «выражать желания и вкусы многих» (с. 60). Приобщаясь к делам и мыслям «оракулов веков», пишет Н.Л. Вершинина, он в отличие от «Пушкина-Протeya» «не только обогащал таким образом собственную индивидуальность, но и, по большей части, “забывал” о ней, растворяясь в ослепительном блеске “чужих” “сокровищ”, поклоняясь им не только на литературном, но и на гражданском поприще. Эти поприща Яхонтов не противопоставлял друг другу, как не отдавал предпочтения исключительно “некрасовскому” или “фетовскому” течениям в поэзии» (с. 59). Наибольших успехов он достиг как поэт-переводчик. Его переводы из Лессинга, Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича и других классиков печатались в журналах и рекомендовались юношеству долго после смерти их создателя.

Составлял он и компиляции по русской истории. В книге «Народная война 1812 г.» «официальные источники соседствуют с художественными, поэтические образы — с текстами документов, с рассказами очевидцев — и “составителя”, как видно, не смущает сопряженная с подобной организацией материала неровность стиля», ему достаточно нахождения «для всех составляющих этого разнородного материала *единства тона*» (с. 39).

Вторая глава монографии характеризует образ пушкинского Михайловского в литературе второй половины XIX в. и пушкинское начало в жизнетворчестве Яхонтова, который был также и краеведом. Михайловское выступает не только объектом описания у разных писателей — оно «само становится активным творящим фактором и рождает собственные сюжеты, которые, однако, опираются на весь литературный и человеческий опыт, накопленный рядовыми и знаменитыми авторами <...>» (с. 98). Учившийся в Александровском лицее Яхонтов всю жизнь пропагандировал творчество Пушкина, в том числе стихами. «Смерть поэта» Лермонтова, «без преувеличения, можно считать *лейтмотивом* пушкинской темы у Яхонтова в главных моментах ее развития» (с. 84). Но Псковский край *в настоящем* не содержал, по его мнению, «предпосылку будущей мемориальной ценности». Видимо, в начале 1850-х годов он написал сохранившуюся в архиве сатирическую поэму «Бурый бал», в которой демонстрировал «провинциальные (именно псковские) нравы, особенно уязвившие автора как пародийное подражание только что оставленной (и так же осмеянной)

им столичной “толпе”» (с. 81)⁵. В очерке «Петербургская итальянская опера в 1840-х годах» он писал, что воспоминание о прошлом портит настоящее, а псковское настоящее считал *остатком* “земли священной” («Бурый бал»). Тогда даже останавливавшийся у Яхонтова П.А. Плетнев — историк! — написал фразу, процитированную Вершининой в третьей главе (с. 102): «Псков ничего не представляет в себе, что напоминало бы о глубокой его древности»⁶.

Эта глава носит название «Петербургские страницы в судьбе А.Н. Яхонтова: современники, литературная традиция, грезы любви». В ней особые усилия исследовательница прилагает ради установления личности адресата наиболее совершенной — любовной — лирики Яхонтова. Скорее всего это была Софья Сергеевна Лихардова. Данное предположение «находит опору в биографическом и литературном материале, в то время как все другие версии опираются <...> исключительно на дошедшие до нас семейные предания» (с. 155). Значительное внимание уделяется также очерку об итальянской опере. Александр Николаевич отличался «повышенной музыкальной чуткостью, позволяющей ему переносить на бумагу словно бы сами звуки. <...> Он вообще был тонким музыкальным ценителем и *не вполне* состоявшимся критиком (характерная черта личности Яхонтова, поражающей своим универсализмом, не претендующим на приоритетность отдельно взятых сторон)» (с. 107, 109).

В четвертой главе — «А.Н. Яхонтов и демократическая поэзия: Николай Алексеевич Некрасов. “Свобода” и “духовный аристократизм” гражданской поэзии А.Н. Яхонтова» — исследовательница доказывает, что у этого поэта сатира уживается с вполне позитивным пафосом, в том числе в одном и том же стихотворении. Использование «чужого слова» в лирике для него характерно, как для Некрасова. Тем не менее Яхонтов-поэт в книге несколько не идеализируется. У него некрасовские образы «одновременно и варьируются и остаются в полной неприкосновенности, как хранящиеся в запасе памяти, сберегаемые ею “постоянные величины”». В этом смысле отражение *буквально* соответствует подлиннику, но оно не в состоянии “схватить” и передать его живую суть» (с. 168). Однако Яхонтов всегда выступал как поэт-просветитель, чуткий ко всему живому, хотя бы и утрачиваемому другими.

Монография не свободна от мелких недосмотров. На с. 68 Н.Л. Вершинина неверно указала свой собственный второй инициал, на с. 67 не назвала год, в котором вышел цитируемый номер «Северной пчелы». Неудачно сказано про «фотопортреты Достоевского, Шекспира» (с. 111) — разумеется, речь идет о репродукциях шекспировских портретов. Что значит «Стихотворение <...> имеет характер эристического спора» (с. 165)? Но такие мелочи лишь подчеркивают значение проделанной псковской исследовательницей большой и очень трудоемкой работы.

С.И. Кормилов

Сведения об авторе: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

⁵ См.: *Вершинина Н.Л.* А.Н. Яхонтов и Псковский край // Псков в российской и европейской истории. Международная научная конференция: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 109–117.

⁶ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 656.

**Г а с п а р о в М. Л. Филология как нравственность.
Статьи, интервью, заметки. О прошлом и будущем.
Об интеллигенции. О культуре. О школе. О жизни.
М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 288 с.**

Труды академика М.Л. Гаспарова (1935–2005) известны далеко за пределами России. Для любого филолога, необязательно русиста, большой интерес представляют его стиховедческие и теоретико-литературоведческие работы, посвященные истории русского, да и не только, стихосложения, но и широким проблемам мировой и русской культуры. Работы М.Л. Гаспарова обладают той степенью универсализма, которая позволяет исследователю опираться на них как на методологическую основу в изучении национальных литератур, и особенно в изучении, казалось бы, далеких от русской поэтических систем.

Особенную ценность представляет новая книга «Филология как нравственность», в которую вошли широко известные и не опубликованные ранее в книгах работы, заметки, «походные» записи, а порой и мысли на злобу дня. В ней по-новому раскрывается и личность автора, которого, как оказалось, волновали далеко не только научные проблемы, но и большие общественные события, политические баталии и просто сама текущая жизнь.

В этом отношении книжка отличается от громадного посмертного 4-го тома Избранных трудов (тоже 2012 г.)¹ далеко не только объемом. Гаспаров и там универсал — возьмем наугад названия некоторых из 59 статей: «Лингвистика стиха», «Точные методы анализа грамматики в стихе», «Ритмический словарь частей речи», «“Длиннохвостые” слова в синтаксисе стиха», «“Ой-ой-рифмы” от Ломоносова до Твардовского», «Синтаксис двусловий: стиль, ритм, рифма и жанр», «Синтаксис трехсловий: былины», «Синтаксический клише у Пушкина и его современников», «Ритмика 4-стопного ямба раннего Мандельштама», «Вторичная поэзия: С. Дрожжин и Д. Шестаков», «А.Н. Колмогоров в русском стиховедении»... Все же это только филология, сколь ни разнообразная. А про «Филологию как нравственность» С.И. Кормилов в своей рецензии справедливо пишет: «<...> рубрикация длинного подзаголовка, далеко не полностью охватывающая содержание книги, дает понять, что речь в ней отнюдь не только о филологии и истории. Тут и философия, и политика, включая “национальный вопрос”, и соотношение науки и искусства (шире — исследования и творчества), и популяризация культуры прошлого, в том числе переводы и пересказы произведений, и многое другое (итог — “О жизни”»)². Но, конечно, всё замкнуто на филологию как универ-

¹ *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. IV: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М., 2012.

² *Кормилов С.* Культура — вширь и вглубь // Знамя. 2012. № 5. С. 222.

сальное средство взаимопонимания между людьми. Целиком содержание такого масштаба даже в нескольких рецензиях охарактеризовать невозможно. Попробуем подойти к книжке с точки зрения, с которой к наследию Гаспарова еще никто не подходил, — с точки зрения востоковеда.

Мысль автора о том, что эволюция всякой культуры подчиняется определенным закономерностям, а сам литературный процесс, обладая конкретными специфическими особенностями, все же является частью общемирового культурного потока, вполне применима к изучению восточных литератур, в частности корейской поэзии конца XIX — первой половины XX в. В Корее это был период перехода от средневековья к Новому времени, когда произошел духовный перелом и на основах традиционной художественной системы (читай — классики, канона) началось строительство новой, не элитарной, а массовой культуры. Процесс массовизации культуры, как показало время, все же потребовал определенного культурного фундамента, так называемых духовных скреп. В корейской поэзии таковыми стали жанры старой поэзии *каса* и *чханга*, которые стали использоваться в просветительской поэзии. Мысль о необходимости подобного базиса в переходный период во всякой культуре мы находим у М.Л. Гаспарова, который пишет: «<...> общепризнанный и общеизученный канон классиков — лишь фундамент взаимопонимания, на котором возводится надстройка индивидуальных вкусов» (с. 12). Мы видим, что в корейской литературе просветительская поэзия, которая явилась ярким проявлением массовой культуры, стала связывающим, необходимым звеном при переходе от классической литературы к новой. М.Л. Гаспаров, однако, подчеркивает, что этот процесс далеко не однозначный и каковы будут его результаты — неизвестно. Он пишет: «Как сквозь нее (массовую культуру. — Г. А.) профильтруется культура прошлого, чтобы влиться в культуру будущего, — это вопрос без ответа» (с. 9).

Методологически важной для нас является и мысль автора книги о том, что когда «формы культуры упрощаются, популяризируются, приноравливаются к уровню потребителя» (с. 16), неизбежно наступает обратный процесс, начинаются шаги к так называемому «возвращению к истокам». Именно так происходило в корейской литературе. Творцы «новой» поэзии в большинстве своем не были профессиональными литераторами, а были молодыми просветителями из разных сословий и с разным уровнем образования.

О негативной стороне массовизации творчества М.Л. Гаспаров еще раз говорит, что когда «культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает» (с. 83). Действительно, энтузиазм корейской молодежи не смог заменить талант настоящего художника слова, что отразилось на низком художественном уровне «новой» поэзии. Когда она не получила желаемой популярности, началась, по выражению М.Л. Гаспарова, «борьба между высокой и массовой культурой» (с. 17). Испытав восхищение перед новым, современным, взор корейского читателя вновь обращается к классике, ко всему корейскому. Гаспаров об аналогичных случаях замечает: «Спрос на старину — это прежде всего отшатывание от настоящего» (с. 5).

В небольшой временной отрезок, полстолетие, в корейской литературе наблюдались периоды повышенного интереса к «новому», т. е. заимствованному, в основном из японской, европейской, русской культуры, и возвраты к старому. Подобные волнообразные процессы так характеризуются в книге М.Л. Гаспарова: «<...> развитие культуры — процесс неравномерный. В нем чередуются периоды, которые можно условно назвать «распространение вширь» и «распространение вглубь». «Распространение вширь» — это значит: культура захватывает новый слой общества, распространяется в нем быстро, но поверхностно, в упрощенных формах, в элементарных проявлениях — как общее знакомство, а не внутреннее усвоение, как заученная норма, а не внутреннее преобразование. «Распространение вглубь» — это значит: круг носителей культуры остается тот же, заметно не расширяясь, но знакомство с культурой становится более глубоким, усвоение ее более творческим, формы ее проявления более сложными» (с. 15–16).

Новую корейскую литературу создавали молодые студенты, получившие образование в Японии, Европе, Америке. Именно благодаря ее усилиям в корейской литературе появились литературная периодика, литературные объединения, распространялись такие направления, как романтизм, символизм, реализм, модернизм и т. д. Их устремленность ко всему новому и дала толчок модернизации национальной культуры, раскрепощению патриархального сознания. И здесь мы можем процитировать соображение М.Л. Гаспарова о том, что «всякое общество расслоено, двухкультурно. Культура низов обеспечивает его стабильность, прочность, замкнутость; культура верхов — динамичность, устремление к заданному извне идеалу, интернациональность» (с. 101). Такое распределение «ролей» наблюдается и в корейской культуре означенного периода.

Для автора данной рецензии особенно были интересны представления М.Л. Гаспарова о Востоке, которые прекрасно характеризуют понимание его неоднородности: «Все не западные культуры в просторечии называются «Восток»; собственного смысла это понятие не имеет, потому что между исламом, Индией, Китаем и Японией очень мало общего» (с. 58). И в этой же книге автор указывает на условность понятия «культурный» центр, что достаточно актуально, когда в литературоведении с трудом преодолевается «европоцентризм». М.Л. Гаспаров пишет: «Культурных центров, по-разному откликающихся на одни и те же запросы времени, бывает много, и периферии их пересекаются: Китай лежит на периферии европейской культуры, а Европа — китайской. Элитарная культура — на периферии массовой, и наоборот» (с. 127).

Сейчас, когда в некоторых кругах почему-то стало модно отвергать идею Г.Д. Гачева об «ускоренном развитии литератур», хочется опереться на опыт М.Л. Гаспарова, рассматривавшего культуру как живое, меняющееся, не локальное явление, существующее по законам живого организма, который зарождается, ускоряется, замедляется и т. д. Гаспаров подчеркивает: «Опыт ускоренного развития переживался многими культурами много раз. Россия его переживала и после петровских, и после alexандровских реформ.

Идеальные варианты ускоренного развития сумела продемонстрировать Япония — и после шестидесятих годов прошлого века (XIX. — Г. А.), и после сороковых нынешнего (XX. — Г. А.), но у нас об этом помнят, кажется, только узкие специалисты. Важно, однако, не забывать две вещи. Во-первых, разные области культуры наверстывают отставание различными темпами. Историки напоминают: после петровских реформ Россия догнала Европу по военной силе очень быстро, по литературе и искусству — сравнительно быстро, а по экономическому и политическому строю — весьма медленно. Можно ли это регулировать? Вероятно, можно: Япония в XIX в. тем и взяла, что стала не только перенимать у Европы модели пушек, но и переводить Эпиктета и Марка Аврелия. Во-вторых, когда культура заходит в тупик, ей приходится сделать несколько шагов назад до той развилки, где она пошла не по тому пути» (с. 130–131). Хорошо бы, если бы современные властители понимали, что пушки не заменят Эпиктета и Марка Аврелия.

Достаточно неожиданным оказалось то, что М.Л. Гаспаров, ученый с мировым именем, слишком строго относился к своему научному, на наш взгляд, энциклопедическому багажу. Весьма скромно оценивая свои знания, он пишет: «И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь помог мне привести в связь мои собственные представления о других областях мировой культуры — например, написал бы книгу “Занимательный ислам” или “Занимательный Китай”» (с. 176).

Историческую миссию филолога М.Л. Гаспаров формулирует так: «Человечеству сейчас всего нужней наука взаимопонимания; а из истории мы знаем, что единство вкусов не раз спланивало общество не меньше, чем, например, единство веры» (с. 27). Это высказывание автора книги можно было бы высечь как «клятву Гиппократа» на фронте всех гуманитарных вузов.

Книга М.Л. Гаспарова своевременна и актуальна уже потому, что на нее нередко можно опереться как на «последний аргумент» среди разнобоя мнений, который существует в современном литературоведении.

Г.А. Аманова

Сведения об авторе: *Аманова Гулистан Абдиразаковна*, канд. филол. наук, преподаватель китайского и турецкого языков (Ташкент–Москва). E-mail: mangul9797@mail.ru

**Из ранней валлийской поэзии / Сост. А.И. Фалилеев;
отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб: Наука, 2012. 366 с.
Серия «Литературные памятники»**

В 1910 г. Дж. Гвеногврин Эванс, исследователь средневекового литературного наследия Уэльса, осуществил факсимильное издание одного из важнейших манускриптов, созданных на средневаллийском языке — «Книги Талиесина» (“Llyfr Taliesin”). Спустя пять лет он имел неосторожность выпустить несколько неудачных переводов текстов древнего барда в новом издании — “Poems from the Book of Taliesin”, а в предисловии, в разрез с существовавшей тогда традицией относить время творчества барда к VI в. и основываясь на своем крайнем скептицизме лингвиста, высказался в том смысле, что коль скоро языком манускрипта является язык позднесредневековый, то и Талиесина следует числить среди позднесредневековых поэтов. Это вызвало необычайно резкую и эмоциональную оценку у проф. Дж. Моррис-Джоунза в его обширной рецензии на указанную книгу: «...То, что весь этот мусор должен был быть напечатан наилучшими типографскими красками на прекраснейшей бумаге, <...> — это весьма печально. Но будущность взглянет с благодарностью на сами промахи издателя и воздаст его памяти за то хорошее, что он сделал»¹.

Вышеприведенную цитату по ассоциации напомнило мне ныне рецензируемое издание. Разумеется, оно не имеет ничего общего с «мусором», как с ним не имела общего и книга Гвеногврина Эванса. По-видимому, ассоциация порождена тем, что в нынешнем издании имена Гвеногврина Эванса и Моррис-Джоунза в ряду других имен исследователей древневаллийского материала возникают неоднократно, а главное — в силу того, что и оно, новое издание, вызывает одновременно и приятие, и отторжение. Скажу сразу, что книга была бы куда более симпатична, будь она короче и получи заглавие «Комментарий к образцам ранней валлийской поэзии». Но обо всем по порядку...

Издание осуществлено в почтенной академической серии «Литературные памятники» и представляет собой публикацию оригинальных поэтических текстов на средневаллийском языке, перевода и комментариев (последние предварены статьей составителя). Идея этого издания и ее реализация принадлежит А.И. Фалилееву, сотруднику Института лингвистических исследований РАН, который за 10 лет до того оказался первым из российских лингвистов, опубликовавшим книгу, посвященную не вообще древним кельтским языкам, а конкретно древневаллийскому. Вопреки заглавию, книга «Древневаллийский язык» была учебником лишь наполовину, ее вторая половина явилась комментарием к отдельным ранним фрагментам на указанном языке, в том числе, например, к знаменитым «Энглинам Ювенка»

¹ *Morris-Jones J. Taliesin // Y Cymmrodor. Vol. XXVIII. L., 1918. P. 151.*

и к древнейшему четверостишию «Посох св. Падарна». Как теперь ясно, это была рекогносцировка перед штурмом куда более важных и находящихся на слуху у современной филологической общественности текстов.

Тексты оригинальных стихотворений и их перевод занимают ровно первую треть книги. Прежде всего отмечу, что для настоящего издания тексты, долженствующие представить древнюю валлийскую поэзию, отобраны крайне удачно. И также удачно представлены в виде нескольких разделов. Первый — семь стихотворений из «Книги Талиесина», относящиеся к тому мини-циклу, который авторитетнейший Ивор Уильямс связывал с так называемым историческим Талиесином (впору сказать “*namyn seith ny dŷgeith o llyfr talyessin*”). Второй — известная поэма «Великое пророчество Британии», представляющая популярные в рамках местной традиции профетические мотивы. Третий — стихотворения из «Черной книги Кармартена» (“*Llyfr Du Caerfyrddin*”): здесь с двумя образчиками религиозной поэзии соседствуют «Разговор Мирддина с Талиесином», стихотворение с бретано-валлийским сюжетом «Исголан» (важное как раз в силу того, что в Бретани широко распространено предание о Сколане/Сколване²), а также лирическая песнь о так называемом затоплении земель Гвиддно (“*Boddi Maes Gwyddno*”), не менее важная по причине тех же бретонских сюжетных параллелей³. Четвертый раздел содержит три текста, представляющих «Стихотворения Артуровского цикла». Пятый — знаменитые «Энглины могил» (“*Englynion y Beddau*”). Наконец, в разделе «Дополнения» — два небезынтересных текста: «Траусгани Кинан» (это песнь поношения, которую И. Уильямс также включал в число произведений «исторического Талиесина»; интересна тем, что все остальные песни барда, в настоящем издании представленные в первом разделе, обращены к правителям Регеда и являются восхвалениями) и песнь на смерть Геракла, маркирующая проникновение античных сюжетов в валлийскую литературу. Составителем объявлено, что в данном разделе — поэтические переводы Н.Л. Сухачева, также сотрудника ИЛИ РАН, однако Сухачеву принадлежит только перевод первого текста, а его перевод второго стихотворения составитель поместил внутри комментария к нему.

Сами оригинальные тексты на средневаллийском представлены специфически. Во-первых, составитель, следуя непривычной для отечественного читателя традиции, использует графему «б», различая ее с “w”. Да, уже век назад эта традиция процветала⁴, однако тот же И. Уильямс при издании “*Canu Taliesin*” или “*Canu Aneirin*” графему «б» не использовал, и его книги, ставшие классическими, куда «дружелюбней» по отношению к читателю-нефилологу, чем рецензируемая ныне. Во-вторых, заметно, что составитель идет вразрез с традицией, которая существовала в отечественном книгоиздании и касалась визуализации параллельных текстов в

² См., например: *Laurent D.* La gwerz de Skolan et la légende de Merlin // *La revue Ethnologie Française.* № 1. Paris, 1971. P. 19–54.

³ См. наиболее подробное исследование кельтских сюжетов о затоплении города здесь: *Le Roux F., Guyonvarch C.-J.* La légende de la ville d’Is. Rennes, 2000.

⁴ *Strachan J.* An Introduction to Early Welsh. Manchester, 1909.

двуязычных книгах: прежде оригинальный текст был первичен, а перевод вторичен. Обычно оригинальные тексты уважительно представляли так, какими они были в зарубежных изданиях, а строки русских переводов графически представляли параллельными, но лишь по мере возможности. Здесь же, если строка русского перевода превысила ширину страницы и была продолжена на следующей строчке, в оригинальном тексте зияет интервал, а следующая строка оригинала появится только на горизонтальном уровне следующей строки перевода. Уже первый текст, “Gweith Argoet Llwyfein”, выглядит так, будто он поделен на строфы или абзацы. Но в оригинальном манускрипте такого нет, тем более — awdlau (особый тип валлийских строф, напоминающий лессы «Песни о Роланде») складывались вокруг сопутствующего каждой из таких строф монорима, а тут, например, первые две строки оторваны от следующих, хотя имеют ту же рифму *-ud*. И так со всеми оригинальными текстами: собственно валлийские тексты оказались лишь приложением к их переводам, что в корне неверно.

Зато вполне удачным решением оказалось то, что под каждым заглавием оригинального текста А.И. Фалилеев, подобно Уильямсу, указал страницы манускриптов, на которых искать стихотворения, а также их место в изданиях И. Уильямса и Дж. Гвеногврина Эванса.

Если третьестепенное значение в этом странном издании имеют именно оригинальные тексты, то основное — комментарий к составляющим их словам и выражениям. По-видимому, ради него издание и затевалось. Занимающий две трети книги комментарий — это, бесспорно, результат прекрасно выполненной А.И. Фалилеевым работы. Прежде всего, привлекает тщательная систематизация точек зрения, высказанных различными кельтологами по тому или иному мелкому поводу (словоформе, графеме, и т. п.). Со своей стороны, комментатор стремится обратить внимание на ту трактовку, которая лично для него наиболее достоверная. В комментарии отражаются и метрические, и лексические особенности оригинальных текстов, излагается история интерпретаций различных стихов, иногда приводятся параллели с фрагментами текстов, не присутствующих в данном издании. Это сильные стороны представленного комментария.

Впрочем, есть и слабые стороны. К ним следовало бы отнести сам язык комментатора-лингвиста и некоторую неполноту комментария. Первое: всякие бесконечные «эмендации», «композицы», «гапаксы», «эквативы» и пр. — это снобистский жест в сторону рядового читателя-нефилолога. Будь данное издание опубликовано не в крайне популярной и в течение десятилетий (еще с советских времен!) являвшейся предметом коллекционирования для достаточно широких библиофильских масс серии, такое обилие специфической профессиональной лексики было бы допустимо. Будучи опубликованным в «Литературных памятниках», издание перестает быть специальным, узкопрофильным и подпадает под действие совершенно иных критериев его оценки. Если верно, что филологи не должны забывать о рядовых читателях, то и с точки зрения языка присутствующего здесь комментария приходится констатировать: данное издание — «недружелюбное».

Второе — это, как было сказано, некоторая неполнота. Вот наглядный пример: увидев, что откомментированным оказался композит “*tromlas*” (совр.

валл. *trwm glas*) из “Marwnad Owein” первого раздела, я заинтересовался тем, что я увижу в тексте “Preiddeu Annwn” из раздела «артуровского» и каким будет комментарий. Я не удивился, обнаружив, что данный композит превратился в “trom las” и что в переводах «тяжелозеленый» первого текста теперь поменялся на «тяжелый серый». Я удивился, что во втором случае нет никакого комментария, а его бы следовало дать по двум причинам. Во-первых, очень странная фраза получилась при переводе: «Никто прежде него не ходил туда — / в тяжелую серую цепь, в ней — верный содержится». Что это? Возможно, метафора? Неужели «ходить в тяжелую серую цепь» не требует комментария? Во-вторых, «Университетский словарь валлийского языка» (“Geiriadur Prifysgol Cymru”), на который неоднократно ссылается комментатор, предлагает интересный спектр значений для слова (*g*)*las*⁵: 1) голубой, лазурный, небесно-голубой, зеленовато-голубой, цвета морской волны; 2) зеленый, цвета травы, синевато-зеленый; 3) серебряный, серебристый; 4) серовато-белый, стального цвета; 5) серый, и т. д. В первом случае комментатор указывает, что «тяжелозеленый» соотносится с «дерном», но непонятно, почему упомянутая во втором стихотворении цепь оказалась именно «серой». Ведь возможно трактовать это сложное место и как «голубую цепь» (т. е. метафору для описания морских волн!). Попутно заметим, что раздельное написание “trom las” после слитного написания в предыдущем случае кажется признаком непоследовательности. В манускрипте “las” открывает новую строку, но ведь и конец следующей строки пришелся на середину слова и разрезал “annwf-yn”.

Неполнота комментария заметна и в том случае, когда он призван объяснить выбранный «неоднозначный» вариант перевода. Это видим на примере “Seithenhin saw de allan”. Вообще, перевод А.И. Фалилеева, посетовавшего, что «нередко в отечественной литературе раннюю валлийскую поэзию приводят по не очень точным переводам с английского»⁶, тут очень близок как раз переводу на английский, выполненному Р. Бромвич⁷. А там, где от него отходит, выглядит странно. Вот стих “finaun wenestir mor terguin” переведен как «источник, дающий бушующее море». Сам комментатор в данном случае указывает на условность перевода строки, но откуда взялось слово «дающий»? Чтобы «оправдать» его, он напоминает, что у Бромвич — «surbeager» (т. е. разносчик вина, виночерпий). Тут же сообщается: «Следует, вероятно, обратить внимание на другие значения валл. *menestr*, которое может означать также “one who serves, provider”. <...> Слуги при дворе валлийских принцев, в обязанность которых входило подавание рогов с напитками, также назывались *menestr*»⁸. Стало быть, комментатор производит “wenestir” от более позднего “menestr” и считает это правдо-

⁵ При желании можно обратиться к соответствующему разделу онлайн-версии словаря: <http://www.wales.ac.uk/dictionary/pdf/GPC0018-05.pdf>

⁶ См. рецензируемое издание, с. 150.

⁷ *Bromwich R. Cantre'r Gwaelod and Ker-Is // The Early Cultures of North-West Europe / Ed. By Fox, Cyril & Dickins, Bruce. Cambridge, 2013 (first published 1950). P. 217–218.*

⁸ Рецензируемое издание, с. 239.

подобным? Но при этом перевод получается бессмысленным. Между тем чуть ниже он ссылается на мнение Бромвич касательно того, что у кельтов был распространен мотив затопления земли в результате снятия крышки с источника или фонтана. Так, может быть, все куда проще — и следовало бы связать “wenestir” с “ffenestr” (окно)? Тогда появилась бы метафора, а стих приобрел смысл⁹.

Еще одно заметное отхождение от перевода Бромвич — в том, как переведены две заключительных строки: “Rug kaer kenedir a glan / mor maurhithic a kinran” — «Между замком Кенедир и берегом / Моря, благородного повелителя». Следует толкование слова “mor”: «Слово может относиться к предыдущей строке. В таком случае оно означает “море”»¹⁰. По-видимому, комментатор не обращает внимания на тот факт, что анжамбманы в целом не были свойственны древневаллийской поэзии. А можно было бы заподозрить нечто, прямо противоположное сказанному им: “mor” не относится к предыдущей строке, а составляет некое устойчивое сочетание с соседним словом той же строки (“mor maurhithic”), возможно, даже обозначает имя. Потому что сам А.И. Фалилеев перевел для настоящего издания «Энглины могила», в том числе и энглин, начинающийся со строки “Bet mor maurhithic diessic unben”. Именно в его собственном переводе стих выглядит так: «Могила **Мора, чудесного**, стойкого вождя». Последний пример показывает: более тщательному изучению древневаллийской поэзии (стало быть, и языка), по-видимому, могло бы способствовать составление полного перечня слов не только сочетаемых друг с другом, но и вообще смежных в контексте каждого стиха.

Вышеприведенные замечания по поводу комментария не мешают мне оценить работу, сделанную Фалилеевым в данной части, очень высоко. Другое дело — те переводы на русский, которые автор предлагает в данном издании. Если речь идет о серии, в которой публикуются шедевры мировой художественной литературы, в художественных переводах на русский язык, причем о серии с таким блистательным прошлым, то данный перевод вообще невозможно считать переводом. Это не перевод, а подстрочник. В крайнем случае — перевод технический, даже не построчный или пофразовый, а *пословный*. Автор утверждает, что «старался как можно точнее следовать оригиналу»¹¹, но результаты перевода нередко напоминают игру сюрреалистов «Изысканный труп», заключающуюся в складывании абсурдных фраз: “Armaf y blwydyn nat wy kynnyd” — «Готовлю я год для их победы» (“Gweith Argoet Llwyfein”); “Reged ud ae cud tromlas” — «Повелитель Регеда, которого покрывает тяжелозеленый» (“Marwnat Owein”); “A phan aetham ni gan arthur trafferth lechrit” — «И когда мы пошли с Артуром, сияющая

⁹ Такой трактовки придерживался автор настоящей рецензии, когда создавал первый (замечу, эквиметрический) перевод указанного стихотворения на русский язык. См.: Семенов В.Б. Варианты кельтской легенды о затонувшем городе и песня Гаэтана из драмы А. Блока «Роза и крест» // Филологические науки. 2004. № 4. С. 20–32.

¹⁰ Там же. С. 244.

¹¹ Там же. С. 150.

сложность» (“Preiddeu Annwn”), “Bet seithenhin synhuir vann” — «Могила Сейтенхина высоких чувств» (“Englyniion y Beddau”), и т. д. Насколько нужно не принимать в расчет существование у «Литературных памятников» читателей, чтобы предлагать к изданию такие переводы! Повторю: не будь эти переводы опубликованными в этой серии, книга Фалилеева была бы вне всякой критики — и достойна всяческих похвал. Но читателям предложен полуфабрикат вместо готового продукта. В некоторых местах переводов автор неожиданно устраивает лакуны, показывая, что в данных строчках ему мыслятся некие требующиеся по смыслу, но отсутствующие в реальности слова, или что он устраняется от перевода особо трудных случаев: “Medel galon geueilat” — «Жнец врагов, ловец ---» (“Marwnat Owein”); “Llwyfynd van / ac eirch achlan” — «Ллуивенид небольшой / и --- --- ---» (“Eg Gorffowys”). Но если устраняется здесь, что помешало устраниться в предыдущих указанных случаях и не породить семантически темные или грамматически бессвязные фразы? И вообще, глиняные таблички со стершейся клинописью текстов «Гильгамеша» и обозначение соответствующих лакун в переводе на русский — это одно. Целиком сохранившийся средневаллийский текст и придуманные русским переводчиком лакуны — это совсем другое. Возможно, ни составителю издания не следовало выбирать такие трудные для него тексты к переводу, ни редколлегия серии выносить решение о публикации таких недопереводов. Попутно хочу заметить, что это не проблема лингвиста Фалилеева, а проблема «Литературных памятников»: поэтические издания серии растеряли бывшее высокое качество. У читателей серии на памяти прекрасные издания мировой лирики, например, высокохудожественные переводы из Ш. Бодлера (1970). Переместимся лет на 20 ближе к нашему времени — и увидим, как стали появляться издания со всё более и более странными переводами. Так, замечательный ученый М.Л. Гаспаров, под конец жизни пропагандировавший идею «Поэзия будущего вся будет сплошь написана верлибром» (постоянно повторяющаяся в его работах мысль), взял и воплотил ее при переводе Ариосто (1993) — и неказистым приземленным верлибром заместил воздушный итальянский одиннадцатисложник, который до того прекрасно передавался русским 5-стопным ямбом. И вот пролетает еще 20 лет, и мы оказываемся в дне сегодняшнем: от поэтической формы ничего не осталось. И не служат оправданием ссылки на мнение того же Гаспарова о том, что поэзия на кельтских языках «адекватному переводу <...> не поддается»¹².

Именно включенные в данное издание переводы Н.Л. Сухачева показывают: поддается. Пусть этому переводчику пришлось совершить некоторое насилие над русской лексикой: немного нелепо смотрятся в переводе древних валлийских стихотворений и неологизм *круть* и исключительно славянский по сути историзм *кметь*. Когда Сухачев переводил «валлийского Вийона» Давида ап Гвилима и слишком обильно использовал анжамбманы, Давид почти превращался в Иосифа (Бродского). То было насилие ритмико-синтаксическое, и оно не было оправданным. В данном случае ситуация

¹² Там же. С. 150–151.

иная: если пятисложные валлийские строки оригинала наполнены одно- и двусложными словами, очень тяжело передать их на языке, среднестатистическая длина слов в котором приближается к трем слогам. Поэтому представленные здесь переводы Сухачева близки к идеальным. Если бы только сохранять точные рифмы и не заменять их приблизительными, которых у валлийских бардов почти не было (кроме тех случаев, когда исследователи спорят об отдельных выпадающих из рифмы словах как об ошибках писцов).

Еще два кажущихся важными замечания:

1) А.И. Фалилеев оказался излишне сориентирован на англоязычных кельтологов, которые периодически пытаются наложить на валлийское наследие имперский, английский трафарет. Именно они внедряют глубоко ошибочное представление о том, что «общепринятым считается силлаботонический подход к изучению ранней валлийской поэзии»¹³. Во-первых, это фактически не так, большинство исследователей, когда заходит речь о ритмических формах валлийских бардов, начинают подсчитывать слоги, т. е. если уж демонстрируют подход, то силлабический. Во-вторых, силлабо-тоника еще никогда не возникала сама по себе, вне соединения изначальных тонических традиций с привнесенными традициями силлабики (так и в русской, и в немецкой, и в английской литературах). Те же англоязычные исследователи валлийского наследия склонны подверстывать местные оригинальные формы под общеизвестные европейские. Нередко можно встретить определение *awdl* как «оды» или *marwnat* как «элегии». Досадно, что составитель перевел “*Marwnat Owein*” как «Элегия Оуэну». И тем нелепее ситуация, что он же поместил в издание “*Trawsganu Kynan*” в переводе Сухачева, а тот весьма благоразумно сохранил колорит: «Траугани Кинан». И потом, что за «Оуэн»?

2) О «личных именах и географических названиях» стоит сказать особо. А.И. Фалилеев заявляет, что «следовал правилам фонетики древневаллийского периода», и... ссылается на себя же, а между тем — далее уточняет: «Однако в ряде случаев я был вынужден следовать сложившейся отечественной традиции — так, валл. *Arthur* передается как Артур, а *Aberystwyth* — как Аберистуит»¹⁴. Интересно, равны ли по частотности в нашей речи эти два слова? И более интересно, знает ли автор (не как филолог, а как читатель) хоть сколько-нибудь глубоко историю художественных переводов средневековой европейской литературы на родной язык? Известно ли ему, что из-за большой популярности общеевропейских произведений, связанных с фигурой короля Артура, широко распространенным является употребление, в том числе и в русскоязычной научной литературе, имен «Утер» (а не «Итир»), «Овейн» (а не долженствующий ассоциироваться у читателя скорее с каким-нибудь бакалейщиком, чем с рыцарем «Оуэн»), «Уриен» (а не «Ириен»)? Непонятно, почему исключение сделано именно для имени «Артур», почему легендарный персонаж не поименован, к при-

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 151.

меру, «Архиром». Удивляет не то, что инициатор настоящего издания в чем-то идет на разрыв с традицией, а то, что он весьма непоследователен. Либо пытаться передавать специфические валлийские звуки, либо не ставить перед собой такой задачи вовсе. Мы же наблюдаем и то («Рхидерх»), и другое («Ллиуарх», «Мирддин»). Имя «Ллиуарх» появляется в комментарии к стиху из «Энглинов могил», внутри которого используется... имя «Лливарх». Такого же рода пример непоследовательности: “Llwyfein” как «Ллуивейн», но “Owein” как «Оуэн». Неужели нельзя было в этой ситуации сохранить привычное для читателей имя литературному герою? Или вот: в одном из могильных энглинов срифмованы “llan morvael” и “riderch hael” — и переведены как «Лланворваел» и «Рхидерх Хаэль». Та же непоследовательность. Но более других поражает имя «Ириен», ведь Уриену Регедскому как раз и посвящено большинство текстов «исторического Талиесина». Да, в современном валлийском это имя читается именно так, как здесь зафиксировал Фалилеев. Если отбросить в сторону устойчивую литературную традицию именовать этого «артуровского» персонажа «Уриеном», остаются, по крайней мере, вопросы: почему в латинском тексте “Historia Brittonum” валлийца Ненния (или «псевдо-Ненния», как регулярно определяет его Фалилеев) и в тексте «Генеалогий» из рукописи Harleian MS 3859 мы встречаем форму “Urbgen” (а не “Irbgen”), и как это слово должны были читать сами средневековые писцы-валлийцы? Есть большое подозрение, что современное чтение имени “Urien” было апостериорно приписано древним валлийцам. Странно представлены и другие близкозвучащие имена: в «Энглинах могил» имя “Guryen” переведено как «Гириен», “Gurien” как «Гуриен» и “Gvryen” как «Гуриен». Только Уриен в этом издании всегда «Ириен», независимо от написания (“Vryen”, “Urien”, “Vrien”). Впрочем путаница не только с валлийскими Гуриеном/Гириеном и Ллиуархом/Лливархом, но и с английскими фамилиями: например, почтенная исследовательница Nora Chadwick — то «Чадвик» (с. 127), то «Чедвик» (с. 137). Полагаю, примеры можно не множить.

Итак, печальные выводы, которые следует сделать: если бы книга, подготовленная А.И. Фалилеевым, состояла только из оригинальных текстов и русских комментариев к ним, она была бы бесспорно блестящим трудом. Если бы она содержала еще и нынешние пословные переводы, но была бы издана в какой-либо узколингвистической серии, она все равно бы была отличным подспорьем для кельтологов-лингвистов. Но в том ее виде, в котором она издана в серии «Литературные памятники», она безусловно опускает планку качества серии, поднятую не Фалилеевым и не текущим составом редколлегии.

В.Б. Семенов

Сведения об авторе: *Семенов Вадим Борисович*, канд. филол. наук, доц. кафедры теории литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vadsemionov@mail.ru

**Я б л о к о в Е. А. Путеводитель по роману
А.П. Платонова «Чевенгур»: Учебное пособие. М.:
Издательство Московского университета, 2012. 232 с.
(Школа вдумчивого чтения)**

Комментирование Е.А. Яблоковым романа «Чевенгур» насчитывает уже больше двадцати лет истории. В 2001 г. вышла его книга «На берегу неба»¹, которая в свою очередь была расширенной редакцией опубликованного десятью годами раньше комментария в книге «Андрей Платонов. Чевенгур»². Новый «Путеводитель...» — попытка перечитать роман с учетом позиций современного платоноведения. Автору это, безусловно, удастся — в небольшой по объему книжке затронуты чуть ли не все проблемы, существующие на современном этапе изучения романа.

Путеводитель состоит из двух неравных частей. В меньшей описана предыстория произведения: приведены интересные факты относительно замысла романа, ценные выдержки из архива писателя, поражающие точностью определений, например: «Жизнь рабочих <...> полна <...> высокой конкретной философии» (с. 8). В главе приведен большой отрывок из письма М. Горького, одного из первых читателей, отметившего многое, что скрылось от исследователей романа конца 1980-х. Склонность главного героя к мистическому восприятию мира Горький отметил как недостаток: «Гратов и Дванов коммунисты, но тогда незачем делать их какими-то сочувствующими чуть ли не “спиритизму”» (с. 15). Включена в главу и история неудавшейся публикации романа. Наиболее интересны в ней уникальные рецензии, дающие доступ к пониманию романа современниками. Оказывается, уже в 1930-х годах он был прочитан не только как социально-политическое, но и как экзистенциальное произведение: «Можно назвать героя просто иксом, и ничего не изменится, ибо рассказ касается самых корней одиночества» (Н. Замошкин) (с. 21). Эти немногие сохранившиеся материалы, относящиеся ко времени создания романа, тем ценнее, что сегодня не всегда доступны читателю.

Наиболее противоречивая, вызывающая на споры подглавка вплотную подводит к вопросу, о чем же, собственно, роман. Например, для Е.А. Яблокова очевидна тематическая преемственность Платонова по отношению к Гоголю: «Платонов по-своему продолжил замысел Гоголя, который в поэме-эпопее “Мертвые души” намеревался показать русскую жизнь сквозь призму дантовской “Божественной комедии”». Подобный замысел исследователь обнаруживает и в «Чевенгуре»: «В романе есть свой ад — мучительное безвременье предреволюционных десятилетий; чистилище — полоса благоубийственных “экспериментов”; и неудобный рай — город Чевенгур»

¹ Яблоков Е.А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб., 2001.

² Платонов А. Чевенгур / Сост., вступ. ст., коммент. Е.А. Яблокова. М., 1991.

(с. 28). Интересная, но крайне спорная идея, как и параллель чевенгурцев с троцкистами или (позже) лидерами страны: «До конца 1927 г. прототипами “леваков”, сохраняющих верность идеалам “военного коммунизма”, вроде Пашинцева, Гопнера, Чепурного, могли казаться троцкисты» (с. 30), а потом «платоновские персонажи стали напоминать уже не оппозиционеров, а самих лидеров страны» (там же). Нам представляется, что писатель все-таки изображал народную трагедию, а не трагедию «лидеров». Сложно принять без доказательств и утверждение, что «Платонов — ярчайший представитель сюрреалистического направления в русском постсимволистском “барокко” 1920-х годов» (с. 31). Художник такого уровня, как Платонов, едва ли может быть вписан в рамки направления западного искусства, да и какого бы то ни было другого направления.

Однако в этих спорных утверждениях содержится серьезная позиция исследователя: «Роман написан о вечном поиске, в котором пребывает человечество, “разделенное” с космосом», о «разъединенности человека и бытия» (с. 34). В целом же эта позиция не будет доминировать в книге, «Путеводитель» построен не на ней — основная его часть представляет собой комментарий, вобравший множество идей русских и зарубежных исследователей (на равных правах включающий и идеи самого Е.А. Яблокова).

Стоит отметить, что различные позиции и гипотезы никак не упорядочены в «Путеводителе». Комментарии посвящены идеям, послужившим основанием романа, мимолетным аллюзиям и ассоциациям, реалиям, вошедшим в роман, именам персонажей и многому другому. Только из идейных подоплек романа названы и социалистические лозунги, осмысленные в духе христианской апокалиптики, и связь с идеями о долге перед предками и воскрешении умерших Н.Ф. Федорова («Что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями?» (с. 159)), и влияние физических теорий А. Эйнштейна на представления о пространстве и времени в романе, и религиозно-этическое учение «богочеловечества», и мифический пласт («Дванов понял тайну волос...» (с. 105)), и идеи «организационной науки» А. Богданова, и гностические образы. А также даны параллели с сектами бегунов или хлыстов, с европейскими средневековыми коммунами: таборитами из Богемии (Чехии) начала XV в. или хилиастами из немецкого города Мюнстер. Другими словами, автор комментария не отказался ни от одного из существующих в платоноведении взглядов на идейное содержание романа. Он объяснил это тем, что и «Чевенгур» «в философской прозе XX в. <...> выглядит как полифонический диалог. Автор сплавил в причудливом синтезе весьма разнообразные, порой противоречащие друг другу социальные и философские концепции, причем, как ни странно, сумел не отказаться практически ни от одной из них» (с. 33). Только, в отличие от произведения Платонова, «Путеводитель» не выглядит единым целым, в котором эклектичные идеи были бы переплавлены в одном котле.

Вместе с тем от комментатора не ускользнули наиболее любопытные интерпретации «Чевенгура». Например, интересный ряд комментариев посвящен автобиографическим деталям. К ним относятся не только параллели судеб Саши Дванова и молодого Андрея Климентова (железнодорожные курсы, политехникум, поездка в Новохоперск, болезнь тифом и т. д.) или

наличие реальных топонимов в произведении, но и такой спорный вопрос, как отношение автора и героев романа к жестокости. Чевенгурцы начинают строительство города-рая с уничтожения «остаточного класса». Но известно, что в начале 1920-х годов и Платонов написал публицистическую статью о необходимости уничтожения «буржуазии», без чего «победа революции невозможна» («Всероссийская колымага», 1921). Яблоков пояснил это так: «Писатель пародировал свои прежние воззрения <...>. Но, опять-таки, неверным было бы сказать, что в середине 1920-х годов утопические идеи Платонова оказались напрочь им отвергнуты. В художественном мире “Чевенгура” пафос и ирония в общем равноправны» (с. 34). Автобиографические подоплеку, таким образом, открывают дополнительные возможности для понимания романа.

В разнородных по объему, содержанию, информативности комментариях читатель может открыть для себя очень многое. Только остается опасение, что столь широкий охват взглядов окажется сложным для тех, кому прежде всего предназначена книга из серии «МГУ — школе». Даже характеристики главных героев или трактовка названия романа даны в путеводителе в столкновении различных точек зрения. Остается только останавливать внимание на наиболее выразительной из них (например, характеристике Чепурного как героя с «неструктурированным» сознанием) или «игровой», как в случае интерпретации названия «Чевенгур»: «Е. Толстая подчеркивает переключку названий романов “Чевенгур” и “Петербург”, — пишет Яблоков. — Чевенгур — полный идеологический антипод Петербурга: антигород, антигосударство, победа стихии бесформенности, азиатской стихии, той самой, которой навязывал свою волю “рациональный”, “европейский”, “исторический” Петербург. При этом звукообраз “Чевенгур” — это звуковой слепок “Петербурга”, данный в тюркском, азиатском звуковом материале» (с. 165). При этом спорные, противоречащие точки зрения часто соседствуют или вообще подаются в одной связке, что также не способствует пониманию романа неподготовленными читателями.

Комментарий помогает нам ориентироваться не столько в романе, сколько в трактовках романа исследователями — это путеводитель по современному платоноведению в большей степени, чем по роману «Чевенгур». Успех работы при этом не вызывает сомнений: сложно назвать другую книгу, в которой содержался бы столь же масштабный обзор различных взглядов на «Чевенгур» и были затронуты почти все существующие в романе и вокруг проблемы. Отсутствие же в книге системы, возможно, связано даже не столько с выбором автором жанра комментария, не обязывающего к построению систем, сколько с ситуацией в самом платоноведении, на настоящий момент также чрезвычайно эклектичном и не ставящем перед собой задачи выработать единую систему взглядов на творчество Платонова.

А.В. Гоганова

Сведения об авторе: *Гоганова Александра Владимировна*, аспирант кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: agoganova@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2013

23 апреля 2013 г. На филологическом факультете прошли очередные Ломоносовские чтения, посвященные антропоцентризму в филологии. На пленарном заседании данная проблематика рассматривалась в лингвистическом и литературоведческом аспектах. В докладе *Н.И. Мироновой* «Антропоцентрический подход к лингвистическому анализу конфликта» было показано, что данный подход оказывается эффективным при анализе причин и характера конфликта, при определении степени конфликтности личности, а также при создании типологии конфликтных личностей. Антропоцентрический подход используют и для анализа стиля поведения личности в конфликте, ее речевых стратегий и типов речевого поведения, для создания типологии личностей с точки зрения их коммуникативного потенциала и коммуникативной установки.

Истории и теории литературы были посвящены доклады *Т.В. Венедиктовой* «Литературная прагматика как поле аналитических возможностей», *Д.П. Ивинского* «Русская литература и гностическая традиция: к поставке проблемы», *А.Н. Варламова* «Творческое поведение советского писателя».

Т.В. Венедиктова обратилась к новой, пришедшей из лингвистики, методологии исследования литературы и показала специфику такого подхода на литературном материале. Применительно к литературе прагматический поворот означает перенос внимания с текста как такового в предполагаемой стабильности формальных и смысловых структур — на процессы взаимодействия с ним или его посредством, которые все субъективны, вариативны и контекстозависимы (письмо, чтение, всевозможные виды ретрансляции, перевода, передачи, посредничества). На этом пути открываются новые возможности взаимодействия литературоведения с психологией и когнитивистикой — на почве изучения «схем» индивидуального опыта; с социологией — на почве понимания социальности как дискурсивного процесса, опосредованного воображением; с медиологией — на почве изучения способов и звеньев посредования, разнообразных контекстов, модальностей, каналов коммуникации, в которых развертывается жизнь слова.

Д.П. Ивинский выступил с докладом «Русская литература и гностическая традиция: к постановке вопроса», в котором постарался обосновать представление, согласно которому русская литература, начиная с конца XVII в. сложным образом (иногда комплиментарно, чаще полемически) откликается на тот комплекс идей, в глубине которого явственно проступали контуры гностической картины мира и того понимания интеллектуальных возможностей человека, которое с ней связано и из нее вытекает. По мнению докладчика, эта картина мира может быть соотнесена с некоторыми специфическими особенностями «сверхтекстового пространства культуры», в котором язык, миф, история, личность взаимодействуют с религиозно санкционированными моделями времени и вечности, а история литературы, в

некотором отраженном (и искаженном) виде, фиксирует смысловые возможности, связанные с развертыванием различных форм этого взаимодействия. Основная часть доклада была посвящена описанию того, как в условных, по мнению докладчика, рамках так называемых литературных направлений интерпретируются восходящие к гностической традиции темы «падшего / обреченного мира», «собираения света как спасения и как / “светоносного” “просвещения”», «литературной софиологии».

А.Н. Варламов говорил о диалоге М. Пришвина и А. Платонова. Пришвин в 40-е годы прошлого века предложил понятие «творческое поведение». Оно предполагало тесную взаимосвязь между образом жизни и творчества писателя. В докладе была высказана гипотеза о том, что наиболее последовательно идея глубинного советского «жизнетворчества» была реализована младшим современником Пришвина Андреем Платоновым. Напряженный творческий, идеологический, философский диалог Пришвина и Платонова, их очень непростые личные взаимоотношения, отразившиеся в ряде публицистических сочинений и дневниковых записей, критических статей и отзывов друг о друге, приоткрыли одну из важнейших страниц до сих пор недостаточно исследованной истории русской мысли нашего отнюдь не настолько недавнего прошлого и позволили представить всю сложность и глубину эпохи строительства социализма.

М.В. Бибиков в докладе «Византийский Эдем» обратился в интерпретации одного из поздних византийских и в то же время христианских символов. основополагающий образ Эдема византийцам был дан уже самым началом Септуагинты, представлявшей Эдемом «райский сад», определяемый одним словом — *парадиз*. Неиссякаемое орошение сада-рая позволило произрастать там прекрасным на вид и вкус плодам и деревьям, в том числе поставленному в центре Древу жизни, а также древу познания добра и зла. Ученик Симеона Нового Богослова Никита Стифат в XI в. прямо будет проводить идею дихотомии Рая — одного — Эдемского, другого — умопостигаемого, высшего. Образы «горнего» рая и «дольнего» Эдема, кажется, примиряются в картине уже упомянутого «древа жизни, двенадцать раз приносящего плоды, дающего на каждый месяц плод свой». Построения, «локализирующие» земной рай, разнятся от ограничения его территориями Месопотамии, Сирии и Армении до распространения его на все пространство между Нилом и Ефратом. Помимо поисков Эдема в Африке (Эфиопия и Абиссиния), Армении и на Кавказе, Сирии и Палестине, Месопотамии и Вавилоне, византийские прагматики отодвигали местонахождение его за Индией (Косьма Индикоплов), на Цейлоне, в Гималаях. Причастность атрибутов Земного рая — места пребывания прародителей — небесным Престолам предопределяет разделение потустороннего мира в восточном христианстве на Эдем — местопребывание прародителей, и грядущий небесный рай, предназначенный для душ праведников после свершения Страшного Суда. Самоочевидна абсолютная вневременность Рая; сущий до творения всего Творцом, в том числе и до творения времени, он является сопричастным царству зона — вечности. Однако некий рай, сущий между грехопадением и Страшным Судом, тоже представлялся византийцам вполне реальным. Однако и высший и недоступный во времени сакральный рай-сад имеет предметафору на земле. Это — «Святой Град», или Иерусалим, — предтеча Небесного Иерусалима, называемого «Святым Градом».

На кафедре устного народного творчества в антропоцентрическом ключе обсуждались как общетеоретические вопросы, так и специфика отдельных жанров. *В.П. Аникин* рассматривал локальность фольклора в свете концепции его общерусских основ. Докладчик исключил толкование общерусских основ фольклора в виде абстрактных структуралистских схем. Общерусские свойства фольклора сложились исторически — шли от местного творчества и обрели с течением времени всенародно известный вид. В сотворчестве разных мест явлено диалектическое единство общих и конкретных свойств. Положения доклада подтверждены аналитическим соотношением местных вариантов песни «Хорошо тому на свете жить...» (из свода А.И. Соболевского «Великорусские народные песни». Т. 5. СПб, 1899, 225–233). *С.В. Алтатов* обратился к пародийным «реестрам» в рукописной традиции. В докладе была отражена история восприятия европейских пародийных текстов «реестровой структуры» начиная с 1666 г. На протяжении XVIII столетия тексты этого рода неоднократно копировались в анонимной рукописной традиции, а к середине XIX в. прочно вошли в состав «раёшных стихов» балаганных зазывал. *А.А. Иванова* описала полевой эксперимент как способ выявления структуры заговора. Доклад был посвящен проблеме ареальной таксономии фольклорной культуры, исследовательскому инструментарию, посредством которого она может выявляться и описываться, и роли в этом процессе полевых изысканий и эдиционных практик.

Доклады кафедры истории русской литературы были посвящены разнообразному кругу проблем: творческой личности, переосмыслению средневековых образов в литературе, литературным параллелям. В докладе *В.А. Недзвецкого* «Елизавета Алексеевна Романова о русском языке и русской литературе» впервые были раскрыты научно значимые суждения императрицы Елизаветы Алексеевны о русском языке и ее благотворная роль в судьбе А.С. Пушкина, а также ее глубокое понимание I главы «Евгения Онегина». *А.А. Смирнов* в докладе «Актуальность проблемы личности в изучении литературы (методологический аспект)» рассмотрел основные этапы становления понятий «индивидуальность» и «личность» в литературе XVIII — первой половины XIX в. Важнейшую роль в этих процессах сыграл романтизм. Романтический пантеизм сочетает в себе теорию прогресса с историзмом. Всемирный характер истории романтики понимают как победу мирового духа над ограниченностью человеческого существования. Человек остается носителем исторического духа, но его эмоциональная и волевая составляющая остается лишенной индивидуальности. Романтики выдвинули понятие гения как надперсональной возможности личности, несущей силу истории, мирового духа. Человек у романтиков, став духовной эмоцией, приобрел большую по сравнению с предшествующими направлениями степень индивидуализации, но не приобрел внутреннего центра, независимого «я», что составляет основу личности. В системе реализма литературный герой обретает индивидуальность, как совокупность качеств и отличительных свойств, выражающих сущность особенного, неповторимого в индивиде. Индивидуальность как таковая имеет идеальный ценностный характер, т. е. аксиологически автономна. В докладе *А.А. Пауткина* «Иван Грозный в культуре Нового времени: интермедialность и трансформация образа» были рассмотрены различные аспекты рецепции фигуры Ивана IV

в литературе и кинематографе. На обширном материале были отмечены проявления закономерностей и циклов в художественном освоении эпохи и деятельности правителя, получавшей противоречивые оценки. При этом подчеркивались особая роль произведений 60-х годов XIX в., оказавших значительное влияние на кинематограф. Доклад *Л.А. Трахтенберга* был посвящен двум произведениям литературы Смутного времени — «Новой повести о преславном Российском царстве» и «Иному видению». Несмотря на жанровые различия, их поэтика характеризуется общностью: в обоих случаях авторы создают атмосферу тайны, что необычно для древнерусской литературы. В «Новой повести» тайна легко раскрывается: это прием, усиливающий воздействие текста на читателя. Напротив, в «Ином видении» тайна так и остается нераскрытой: такова, по-видимому, художественная задача автора. Выступление *А.А. Евдокимова* «Н.В. Гоголь и У. Шекспир: об одной литературной параллели» было посвящено малоизученному вопросу о литературных связях между произведениями Гоголя и пьесами Шекспира. Автор проанализировал образы двух скупцов — Плюшкина и Шейлока из комедии «Венецианский купец». Привлекая значительный историко-литературный и культурологический материал, А.А. Евдокимов предложил выйти за рамки изучения этих персонажей как вариантов одного типа и подвергнуть системному изучению структуру этих образов, а также проблематику текстов Гоголя и Шекспира. Так, во время работы над «Мертвыми душами» Гоголя могла заинтересовать судьба ростовщика Шейлока, который не только теряет нажитое имущество, но и возможность исповедовать свою веру, но тем самым — что особенно важно для современников Шекспира и Гоголя — обретает надежду на спасение души. Докладчик также высказал предположение, что судьба Шейлока могла натолкнуть Гоголя на мысль о будущем воскресении Плюшкина.

На заседании секции истории русской литературы XX в. были представлены и обсуждены четыре доклада. *М.В. Михайлова* предложила в своем выступлении творческий портрет датской писательницы Карин Михаэлис (1872–1950) в ее связях с русской литературой и культурой. Особое внимание было уделено интерпретации ее рассказа «Русский». *М.С. Руденко* размышляла об архетипическом образе железной дороги и его эволюции в русской литературе от «Анны Карениной», Некрасовской «Железной дороги» до поэзии Блока, Белого, Волошина и романистики Пильняка («Гольный год», «Машины и волки»). *А.В. Назарова* представила подготовленный в соавторстве с *М.В. Михайловой* обзорный доклад о военной корреспонденции Е. Чирикова периода Первой Балканской и Первой мировой войн. *М.М. Голубков* поделился опытом чтения межфакультетского курса «Современная русская литература и классика XX века (реализм, модернизм, постмодернизм)». Доклад вызвал заинтересованное обсуждение, которое приобрело особую предметность благодаря регулярному размещению видеозаписей этих лекций на официальном сайте МГУ.

На заседании секции научной лаборатории «Русская литература в современном мире» были сделаны доклады, посвященные художественной специфике литературы XX в. на родине и в эмиграции. Два из них были посвящены творчеству В. Набокова. *Т.Н. Белова* обратила внимание на значимость символики цвета в прозе писателя. *А.В. Злочевская* на примере

анализа романа «Дар» предложила новую интерпретацию фигуры автора-творца, остановившись на организации сотворческих отношений между читателем и автором в процессе создания новой нравственно-философской и эстетической концепции мира. *Е.А. Певак* проанализировала обновление стилистики прозаических жанров в творчестве писателей русского зарубежья и метрополии в 1920–1930-е гг. (Зайцев, Ремизов, Бальмонт, Мандельштам, Шкловский, Мариенгоф), ставшее следствием эстетических экспериментов модернистской эпохи и процессов, происходивших в искусстве межвоенного времени. *В.Г. Моисеева* обратилась к изучению явлений современной литературы («Слово как документ: на материале прозы М. Шишкина»).

На кафедре истории зарубежной литературы в рамках «Ломоносовских чтений» прозвучало четыре доклада. *Е.М. Белавина* на материале подготовленной ею к изданию антологии представила сообщение «Опыт классификации французской поэзии второй половины XX в. — начала XXI в.» Доклад *Н.Т. Пахсарьян* «Мариводаж и стернианство в романе Д. Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» был посвящен анализу манер Д. Дидро, которая предвосхитила ряд художественных открытий постмодернизма, а также неоднозначности трактовки религиозности в прозе французского писателя. В докладе «Афроамериканский «бестиарий»: топос «бестиальности» черной расы в литературе и фольклоре США» *О.Ю. Пановой* на разнообразном литературном и графическом материале была раскрыта эволюция образа афро-американцев в культуре США. *Д.Л. Чавчанидзе* в докладе «Поэт и толпа: “немецкое” понятие Пушкина в ряде существенных моментов осветила связи творчества Пушкина с немецким романтизмом.

Заседание кафедры классической филологии было посвящено рассмотрению наследия Цезаря, Цицерона, Ликофрона, а также проблемам перевода классического наследия. *Е.В. Антонец* в докладе «Цезарь и Цицерон: поэтический поединок?» напомнила, что сочинение Светония «О поэтах» сохранилось лишь в виде отдельных биографий, предварявших античные издания соответствующих авторов или комментарии к ним. Например, «Жизнеописание Теренция» Светония дошло в комментарии к Теренцию, составленном грамматиком IV в. Элием Донатом. В этом жизнеописании содержатся два стихотворения о Теренции, одно из которых написано Цицероном, другое — Цезарем. Поскольку до сих пор есть сомнения в принадлежности второго стихотворения Цезарю, а указание на авторство Цезаря (Item C. Caesar) считается интерполяцией, докладчица представила новые аргументы на основании анализа стиля и лексики обоих стихотворений, которые свидетельствуют в пользу авторства Цезаря. Доклад *В.П. Завьяловой* «Киренское пророчество Кассандры у Ликофрона» был посвящен знаменитейшему александрийскому грамматiku, автору многих произведений в разных жанрах в новое время более известному как создатель самой загадочной и самой темной во всей античной литературе поэмы «Александра». Из пророчеств Кассандры было проанализировано одно, касающееся основания богатейшей греческой колонии на побережье Африки — Кирены, мифическая история которой была хорошо известна в древности. Была высказана интересная гипотеза о том, что различные варианты этого мифа бытовали уже в древности, позже произошла контаминация отдельных мотивов, образов, разных версий, в результате ко времени Ликофрона,

Каллимаха и Аполлония Родосского это преобразовалось в традицию с многочисленными нарративными линиями. В докладе *С.А. Степанцова* был проанализирован фрагмент Алкея 369 LP и возможности его интерпретации как в сравнении с другими фрагментами симпозиальной тематики, так и в связи с контекстом, в котором данный фрагмент цитируется, т. е. с произведением Афиней. Было показано, что два известных русских перевода этого фрагмента (*В.В. Иванова* и *М.Л. Гаспарова*), несмотря на большую разницу в переводческой стратегии, в большей степени ориентированы на афинеевский контекст (указание на опасные последствия винопития), чем на передачу ясного буквального смысла (описание вкусового ощущения от вина разного качества). *О.М. Савельева* в докладе «О взаимосвязи риторики и поэтики в лесбосской лирике» представила иллюстрации к таким характеристикам эолийской мелики, как субъективность и диалогичность, на основе анализа смысловой организации стихотворений Сапфо (Sa. 16, Sa. 1 по *D. Campbell*, 1994) продемонстрировав субъективную линию медитативного фрагмента 16. В нем, начиная с формулы *Priamel* в 1-й строфе, содержащей утверждение сугубо личного характера, сформирована семантика оценки, выбора и предпочтения, и через позицию поэта-автора четко выделяется субъективность как основная идея сольного мелоса. Для риторики фрагм. 1 («Гимн к Афродите») важны простые и выразительные текстообразующие средства, отражающие дискурс гимна: приемы «от 1-го лица» и «речи в речи» в части эпифании, смена грамматического лица в эпиклесе; интонация призывности; наррация о помощи божества в прошлом. Этим обеспечивается живой диалог героини и божества и насыщенная экспрессия в духе новой (по отношению к эпосу) поэтики сольной мелики. В докладе *Т.Ф. Теперик* (Джон Драйден — переводчик и интерпретатор Вергилия) рассматривалась поэтика номинаций в шестой пасторали Джона Драйдена, являющейся переводом шестой буколки Вергилия, в частности, характер отступлений при переводе как мифологических, так и географических реалий, а также имён собственных. Все они, по мнению автора доклада, имели вполне очевидную цель — продемонстрировать английскому читателю те черты поэтики эклоги, которые восходят к прецедентному тексту, а именно к идиллии Феокрита, на которую ориентировался Вергилий. Цель переводчика в данном случае состояла в том, чтобы показать эклогу не просто как латинское стихотворение, но как эллинистическое стихотворение, обозначив определенную традицию жанра, важного как для античности, так и для Нового времени.

В докладах кафедры византийской и новогреческой филологии обсуждались лингвистические вопросы этимологии (доклад *К.А. Климовой*) и особенности формирования фразеологических единиц с этнонимами в современном греческом языке (доклад *И.В. Тресогусовой*). К роли глубинной психологии в творчестве Йоргоса Химонаса обратилась *А.Ю. Жаркова*. Понятию *эротократии* в романе о Ливистре был посвящен доклад *Т.И. Самойленко*. В докладе *Д.Г. Марулиса* анализировались мифологические аллюзии в творчестве Кавафиса и обращение его к наследию Гомера. *М.В. Бибииков* рассмотрел проблемы перевода греческих текстов на славянский язык. В докладе *Л.В. Луковицкого* шла речь об интерпретации истоков и характере иконоборчества.

На кафедре славянской филологии состоялось заседание, литературоведческая часть которого была посвящена 90-летию со дня рождения заслу-

женного профессора МГУ, доктора филологических наук Елены Захаровны Цыбенко. На кафедре были прочитаны 17 докладов: семь в лингвистической секции и десять в литературоведческой. *Н.Е. Ананьева* в докладе «Полонизмы в произведениях Ф.В. Булгарина» рассмотрела состав и функции польских языковых элементов в романе «Иван Иванович Выжигин», приведя в качестве сопоставления примеры полонизмов из исторических романов данного автора («Мазепы» и «Дмитрия Самозванца»). Помимо локального колорита (изображение двора пана Гологордовского в «Выжигине») и речевой характеристики польских персонажей, произведения Булгарина отражают его собственные языковые особенности как билингва (польско-русский тип двуязычия). Последнее проявляется в нарративе, а также в речи русских персонажей (ср. *ото то* — «то, что надо» в устах русского мастерового в Петербурге). В докладе подчеркивалась необходимость привлекать к изданию произведений русской литературы с польскими и другими инославянскими элементами специалистов-славистов, поскольку в этих изданиях встречается значительное число искажений и ошибок в передаче инославянских слов, не относящихся к проявлениям авторского намерения модифицировать инославянизм в целях приближения его русскоязычному читателю. В докладе *А.С. Новиковой* «Церковнославянский перевод Евангелия и современный русский перевод Евангелия Российского Библейского Общества» сообщалось о благодетельных традициях церковнославянского перевода Евангелия, восходящего к переводческой деятельности св. Кирилла и Мефодия и их последующих учеников, и о забвении этих традиций, вплоть до вульгаризации текста, в современном русском переводе Российского Библейского Общества. Этот перевод, сделанный с еврейского оригинала, носит антинаучный характер и свидетельствует о том, что его создатели не знакомы с традициями, лексикой и общей культурой написания Священных книг. *О.А. Остапчук* прочитала доклад «“Маргинальные языковые личности” и “сообщества действия” в истории украинского литературного языка». В докладе обсуждалась возможность использования терминов социальной лингвистики и культурной антропологии в исследованиях по истории литературного языка. Была подчеркнута социальная и временная обусловленность термина «маргинальная языковая личность»: так, при общей «маргинальности» двуязычных индивидуумов в языковом сообществе, на украинском Правобережье в XIX в. именно польско-украинский билингвизм определял языковое поведение культурных элит. В свою очередь, анализ функционирования современного украинского языка показывает, что проводником языковых изменений также является не типичный, а сознательный (в каком-то смысле маргинальный), культурно и социально ориентированный носитель языка.

В докладе *О.О. Леишковой* «О функционально-семантическом потенциале местоимений КТО/СО в польском языке» рассматривалось соотношение указанных местоимений с широко понятой категорией рода и включающимися в нее значениями пола, одушевленности и личности. Изучаемые языковые факты в большинстве случаев не получают однозначной интерпретации в польской лингвистике, а также четкой нормативной оценки. Их исследование показывает, что, в отличие от русского языка в польском языке местоимение КТО, в первую очередь связано с выражением значения личности (персональности), что обуславливает многочисленные случаи употребления местоимения

мения СО по отношению к одушевленным существительным — названиям животных, а также — реже — обозначениям детей. В докладе также были рассмотрены примеры, касающиеся выражения грамматически релевантного для польского языка значения принадлежности членов группы лиц к разным полам, для чего может использоваться целый ряд разноплановых языковых средств — в первую очередь, собирательных числительных.

О.С. Плотникова прочитала доклад «Концепты *богатый: бедный, несчастливый: несчастный* в словенском и русском языках», посвященный диахроническим проблемам концептологии, и рассмотрела роль исходных словообразовательных морфем в формировании соответствующих участков концептосфер. В частности, на основании анализа прилагательных общеславянского происхождения, содержащих суффикс *-at-*, она сделала вывод, что именно данная морфема была носителем квантитативного оттенка, легшего в основу концепта “богатый” и обусловившего в дальнейшем направление вторичной номинации. В докладе *Е.И. Якушкиной* «Русские названия молодой женщины» были рассмотрены семантические особенности слова *девушка* на протяжении его истории в русском языке. Охарактеризованы современные контексты, в которых слово употребляется устойчиво и в которых возможна его субституция на другие лексемы (*девочка, девчонка*), а также стереотипы девушки в русской классической литературе и в советском дискурсе. В докладе *А.И. Изотова* устанавливалась типологическая близость между белорусской трясанкой, украинским суржиком и обиходно-разговорным чешским языком.

На литературоведческой секции были прочитаны доклады как связанные с проблематикой, которой занималась проф. Е.З. Цыбенко, так и выходящие за эти рамки. Докладчики подчеркнули выдающуюся роль ученого в возрождении отечественной славистики в послевоенные годы и ее вклад в развитие сравнительно-исторического литературоведения. Почтить память Е.З. Цыбенко пришли ее коллеги и ученики из Института славяноведения РАН, ИМЛИ РАН и подразделений факультета. О формировании идеи славянского единства в XIX в. и проблемах ее интерпретации в славянских странах рассказала *С.А. Шерлаимова*. *А.Б. Базилевский* осветил роль и место издательства «Вахазар» в популяризации в России литературы славянских народов. Проблемам польской литературы были посвящены доклады *С.В. Клементьева* («Творчество Романа Яворского в контексте литературы польского катастрофизма 1920-х гг.») и *И.Е. Адельгейм* («Мартирологический этос в прозе младшего поколения польских писателей»). Вопросы имагологии, в частности, образ русской няни в прозе Я. Ивашкевича проанализировала *О.В. Цыбенко*. Деятельности русской литературной эмиграции в Польше и ее яркому представителю Д. Философову уделила внимание *О.В. Розинская*. Ряд докладов был посвящен истории и современному развитию югославянских (*А.Г. Шешкен, С.Н. Мещеряков, Ю. Созина*) и восточнославянских (*Е. Байдалова*) литератур.

На секционном заседании кафедры русского языка были сделаны шесть докладов, посвященных когнитивной интерпретации ряда языковых категорий и текстов, различным подходам к исторической семантике, актуальным проблемам русской диалектологии. Все доклады сопровождались оживленным обсуждением. *О.Г. Ревзина* в докладе «История слов и эволюция поня-

тий» последовательно сопоставила концепцию исторической лексикологии В.В. Виноградова и концепцию исторической семантики немецкого историка Рейнхарта Козеллека. На фоне высокой степени близости двух концепций особенно выпукло проступают различия в мышлении и целеполагании лингвиста и историка. Диалог двух исследовательских направлений открывает новые перспективы в изучении исторического существования русского языка. В докладе *Е.В. Петрухиной* «Когнитивные и языковые модели времени: роль настоящего времени» традиционный вопрос о настоящем времени получил когнитивную интерпретацию в связи с социально-культурным феноменом современной цивилизации — «сокращением настоящего». Были рассмотрены различные языковые модели, которые можно интерпретировать с точки зрения смягчения негативных последствий данного феномена, — модели «расширения настоящего». Значительное место в докладе заняла интерпретация с когнитивной точки зрения грамматической категории времени, которая, по мнению докладчика, предоставляет в русском языке большие возможности для расширения настоящего и актуализации прошедших действий. *Е.И. Литневская* в докладе «Об особенностях конситуативности при дешифровке письменной разговорной речи» проанализировала особенности электронно-опосредованной письменной разговорной речи, отличающие ее от устной разговорной речи в типах конситуативности, существенной для успешности ее дешифровки. Для устной разговорной речи дешифровка нередко невозможна без учета предметно-акциональной конситуативной составляющей, при дешифровке же письменной разговорной речи дистантность коммуникантов и опосредованность коммуникации различными по своим техническим характеристикам носителями информации часто требует учета семиотической составляющей конситуации. *И.В. Бегунц* («Склонение постпозитивных частиц *-от, -та, -то* в архангельских говорах») рассмотрела вопрос о склонении постпозитивных частиц *-от, -та, -то* в части современных архангельских говоров в сопоставлении с древнерусским языком. Было показано, что парадигма частиц значительно изменилась: если в позднерусских памятниках письменности система склонения постпозитивных частиц фактически совпадает с парадигмой указательных местоимений, то в современных говорах сохраняются только исконные формы прямых падежей (*вода-та, село-то, дом-от, воду-ту*), в то время как формы косвенных падежей существенно упростились и состоят из элемента *-т-* и гласного, дублирующего последний гласный соответствующей формы существительного (*черпка-та, мусору-ту, ночью-ту, воды-ты* и пр.). Доклад *С.К. Пожарицкой* («Эволюция плюсквамперфекта в русских диалектах») был посвящен форме древнерусского плюсквамперфекта, сохранившейся в севернорусских говорах. Автор пришла к выводу, что эта форма утрачивает грамматическое значение показателя временного таксиса и эволюционирует в направлении лингвистической прагматики, маркируя наиболее значимую клаузу в составе высказывания. *А.В. Степанов* в докладе «Венера Милосская — “Выпрямила” (Отрывок из записок Тяпушкина) Глеба Успенского. Когнитивная экспертиза» на примере заголовочного глагола и самого предмета — музейно знаменитой статуи, воспетой в стихотворении А. Фета, по памяти критически цитированном Г. Успенским, развернул публицистическую концепцию русского литературного языка (грамматики

и семантики) и общественной жизни России 70-х годов XIX в. Описывая восприятие статуи в контексте общегуманистического самоусовершенствования — «выпрямления», Г. Успенский патетическими речевыми средствами русского языка манифестировал это начало общечеловеческой эстетики. В связи с этим докладчик высказал свое мнение относительно введенного адептами когнитивной лингвистики табу на употребление понятия-термина «стиль», следовательно, на дефиницию «стиль — это человек», на тезис П. Флоренского «о вечном возвращении стиля».

На кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания прозвучало шесть докладов. *А.М. Белов* («Архегенетика Европы глазами акцентолога-индоевропеиста») рассмотрел отношения данных генетики, лингвистики и антропологии применительно к группам населения Балкано-восточной Европы. В выводах доклада показано, что эти четыре ряда данных в значительной мере совпадают и проливают свет на генезис языков и архаических культур, прежде всего Балканского полуострова. *И.И. Богатырева* в докладе «Пространство и время в древнеиндийской картине мира» рассмотрела специфические категории пространственно-временных отношений в лексике санскрита и показала, что картина мира в древних индийских языках в плане соотношения пространства и времени кардинальным образом отличается от соответствующих представлений в языках более позднего формирования. *Е.А. Брызгунова* («Эмоции в речи человека») проанализировала различные аспекты использования интонационных конструкций и их вариантов в различных коммуникативных ситуациях. В докладе представлена классификация коммуникативных ситуаций в отношении интонационных конструкций. *А.А. Волков* («Единство науки о языке») показал соотношение классической лингвистики, филологического исследования текстов и риторики. Для лингвистики характерна нейтральная позиция исследователя-наблюдателя, который, рассматривая высказывание в коммуникации, строит модель на основе фрагментов высказывания. В связи с этим докладчик присоединяется к мысли Ю.В. Рождественского о языке как генерализации фактов речи. Позиция литературоведа совпадает с позицией читателя, поэтому основные положения теории словесности развертываются в отношении автора текстов, с логически вытекающими отсюда категориями образа автора, жанра и структуры текста. Позиция риторики совпадает с позицией отправителя речи, поскольку риторика рассматривает речевые отношения в обществе, следовательно, неизвестным оказывается аудитория, поэтому риторика конструирует модели построения целесообразных высказываний. Таким образом, в отношении к составу коммуникации «отправитель-текст-получатель» лингвистика, литературоведение и риторика занимают взаимодополнительные позиции. В докладе *Ю.Н. Марчука* «Лексика и терминология» представлены фундаментальные проблемы организации терминологических систем различных типов, рассмотрены различные варианты терминологизации лексики. В докладе *Л.А. Чижовой* «Антропоцентрические тенденции в современных исследованиях в период постструктурализма» были рассмотрены труды представителей французского постструктурализма. На материале текстов классической русской литературы и публицистики докладчик показала изменение значений лексики, обозначающей меры длины. Исследователь обнаружила, что денотативные значения, связанные с антропологическими обозначениями

мер, исчезают и в качестве основных выделяются коннотативные значения, связанные с оценкой и экспрессией.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов были прочитаны два доклада. *И.С. Брилева* в докладе «Категория прощения в системе традиционного мировоззрения (на материале несказочной народной прозы)» показала, что посредством анализа сюжетно-композиционной структуры и образной системы повествований можно рассмотреть особенности осмысления категории прощения в традиционной культуре. Прощение интерпретируется как отмена наказания и восстановление житейского благополучия, как оставление грехов, очищение души и т. п. *Д.Б. Гудков* выступил с докладом «Лингвистическая мифология и дискуссия о языковой картине мира» и проанализировал место лингвистического мифа в структуре национального мифа, особенности языковых мифологий конструктивизма и примордиализма. Особое внимание было уделено дискуссии сторонников языкового детерминизма и языкового универсализма, раскрывается идеологическая основа этой полемики.

Доклады кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета были посвящены как традиционной лингвистической и методической проблематике, так и новым аспектам в преподавании языка. *А.В. Величко* посвятила доклад «Культурологический аспект языка специальности» проблеме повышения эффективности обучения языку будущей профессии. Автор исходила из положения об органическом единстве языка и культуры народа и показала, что можно обогатить работу над языком специальности обращением к культуроведческому аспекту. Если включать в работу над языком специальности сведения о профессии учащегося, такая информация позволит развить интерес иностранца к соответствующей отрасли знания, создать дополнительную мотивацию к ее изучению и станет определенным этапом профессиональной подготовки. *И.В. Одицова* в докладе «Языковой рефрейминг как когнитивная операция в практике преподавания иностранных языков» рассмотрела необходимость активного введения когнитивной компетенции в состав компетенций учащихся, а также в состав профессиональной компетенции преподавателя и создателя учебника. Одной из составляющих когнитивной компетенции является умение работать со смыслами, скрытыми за языковой формой. Опора на понятие фрейма в практике преподавания иностранных языков позволяет развивать у учащегося умение ориентироваться в когнитивных контекстах, видеть связи между предметными областями, запечатленными, скрытыми или предсказуемыми в ситуациях. Одной из техник, которая способствует развитию этого умения, является рефрейминг — когнитивная операция переключения, прием ментального сканирования смыслов. В докладе были рассмотрены такие примеры рефрейминга, как конструирование, генерализация, спецификация, интенсификация, метафоризация, перспективация, персонализация, видо-временная модификация, пространственная модификация, модальная модификация, каузация, элиминирование и т. д. *Т.Г. Роцектаева* выступила с докладом «Особенности использования вариантных форм топонимов в современном публицистическом тексте», посвященном вопросу функционирования вариантных форм топонимов в современном публицистическом тексте. Были проанализированы способы образования таких вариантных

форм в современном русском языке. Отмечалось, что использование в публицистическом тексте вариантных форм топонимов, образованных при помощи семантико-синтаксических способов словообразования, приводит к экономии языковых средств, характерной для разговорной речи, а использование перифраз и вариантных форм в функции топонимов-символов служит средством передачи авторской оценки. *О.В. Чагина* в докладе «О пользе академического чтения в преподавании РКИ» обратилась к тем лингвистическим работам, которые можно привлечь к практической работе. Была подвергнута лингвометодическому анализу статья *В.И. Гавриловой* «Прототипические и периферические варианты пассивного и квазипассивного (декаузативного) значений с пациентивным подлежащим». Докладчик на примере своего пособия «Возвратные глаголы. Описание и употребление» продемонстрировала схему работы по теме «Квазипассивные глаголы», ранее не рассматривавшиеся в преподавании РКИ.

На кафедре русского для иностранных учащихся естественных факультетов состоялось секционное заседание, на котором было представлено четыре доклада. В докладе *А.В. Хлопьянова* «Антропоцентрический принцип стилистической организации художественного текста (на материале произведений А.С. Пушкина, Д.А. Гранина, Ю.В. Трифонова)» речь шла о стилистической неоднородности художественного текста, позволяющей выделять особые маркированные компоненты, значимость которых проявляется на фоне «нейтральных» текстов. При этом стилистически нейтральные языковые единицы могут приобретать контекстуальную маркированность и реализовывать присущие им потенциальные свойства. В докладе *Е.К. Столетовой* «Способы выражения категорического несогласия в репликах-реакциях русского диалога (прагматический аспект)» были проанализированы те случаи, когда реплика — реакция со значением несогласия (содержащая или не содержащая формальных признаков отрицания) передает некоторую дополнительную информацию в виде прагматических значений. Доклад *А.А. Прокубовского* «Лексические особенности идиостиля А.С. Некрасова (на примере повести “Приключения капитана Врунгеля”»)» был посвящен проблеме идиостиля писателя. Рассматривались употребление морской лексики (в частности, терминов и жаргона); черты разговорного стиля речи, включающие окказионализмы и языковую игру; употребление эвфемизмов и дисфемизмов; использование экзотизмов и варваризмов. В докладе *Е.П. Пахомовой* анализировались существительные мужского рода второго склонения как изначально относившиеся к различным типам склонения; рассматривалась форма родительного падежа множественного числа этих существительных как позиция, в которой отразилось влияние разных типов склонения. Было показано, как сформировалось современное распределение окончаний в родительном падеже множественного числа у существительных мужского рода второго склонения.

На заседании секции кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного было прочитано четыре доклада. Доклад *М.В. Всеволодовой* «Категория квантитативности как отражение специфики славянского языкового мышления» был посвящен категории числительных и такой языковой структуре, как количественно-именные группы, или квантитативы. Рассматривалась их специфика в

русском языке: в первую очередь, на фоне других славянских языков. Были проанализированы некоторые грамматические аспекты проблемы, не получившие до настоящего времени отражения в наших грамматиках. В докладе *Е.Л. Бархударовой* «Звучащая речь в контексте русской национальной культуры» обосновывалась целесообразность изучения в курсах звучащей речи для иностранцев целого ряда проблем, позволяющих познакомить учащихся с некоторыми аспектами русской национальной культуры и помочь им правильно понять русский звучащий текст. К числу таких проблем относятся анализ орфоэпической вариативности в контексте русской культурной традиции, особенности русского сценического произношения, фонетика поэтического текста, звуковой символизм и ряд других. Особый интерес для иноязычной аудитории представляет вопрос о фонетическом портрете иностранца на сцене и на экране. В докладе *О.Н. Коротковой* «Современный этикет общения и особенности его изучения в иноязычной аудитории» рассматривались особенности современного этикета общения, анализировались ошибки в речи и поведении иностранных учащихся, вызванные «невладением» стереотипами речевого поведения, незнанием русского речевого этикета и невербальных средств коммуникации, определялись пути обучения иностранных студентов этикетным нормам. Первый путь — это анализ отрывков из художественных текстов и кинофильмов с точки зрения представленных в них норм современного этикета. Второй путь — это создание учебников, которые бы учили иностранцев общаться на русском языке. Автор познакомила слушателей с разработанной системой заданий, которые направлены на то, чтобы элиминировать этикетные ошибки, вызванные незнанием правил речевого этикета, стереотипов поведения, социально-ролевых аспектов коммуникации. В докладе *Л.В. Ершовой* «Работа над текстом русской песни в общей системе преподавания русского языка в китайской аудитории» обосновывалась целесообразность использования песенных текстов на занятиях по русскому языку с китайскими учащимися. Был представлен отобранный и систематизированный текстовый материал, предлагалась система работы над песнями, направленная на решение лингводидактических задач культурологического характера.

На заседании кафедры немецкого языкознания провучало семь докладов. *М.Н. Володина* представила сборник научных статей «Язык масс медиа и медийная коммуникация в междисциплинарном и межкультурном сопоставлении» (“Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich”), который был издан под ее редакцией в марте 2013 г. в Германии. В докладе *Е.Г. Носовой* «Жанровые и лингвистические особенности немецких календарных песен», относящихся к сельскохозяйственной обрядовой лирике весеннего цикла, были рассмотрены образные средства и синтаксические структуры, участвующие в формулировании художественных особенностей данных фольклорных текстов. В выступлении *Е.Ю. Зубаревой* «Отважно боритесь за свое будущее: взгляд К. фон Клаузевица на внешнюю политику Пруссии после Тильзита» речь шла об оценке внешней политики Пруссии в первом десятилетии XIX века и перспектив освобождения Пруссии и Германии в целом от наполеоновского владычества. В докладе *Н.Л. Романовой* «Интертекстуальные включения как способ воздействия в современной немецкой прессе» были приведены основные положения

теории интертекстуальности и прецедентности, предложена классификация источников интертекстуальных включений, проанализированы особенности функционирования интертекстуальных явлений в современной прессе и их воздействующая роль на читателя. В докладе *М.Ю. Папченко* «Языковая игра как средство реализации коммуникативных стратегий в рекламе (на примере немецкой журнальной рекламы)» была приведена классификация коммуникативных стратегий Ю.К. Пироговой, которая позволяет автору проследить особенности функционирования игровых приемов в немецкоязычной рекламе в отличие от рекламы русскоязычной. Анализ конкретных рекламных заголовков дал возможность автору показать, что языковая игра в немецкой рекламной коммуникации является важным и популярным лингвистическим приемом. В докладе *А.В. Пильгуй* «Идиостиль австрийского поэта Теодора Дойблера» были проанализированы с лингвостилистической точки зрения произведения австрийского поэта-экспрессиониста, указаны основные составляющие его поэтического словаря и описаны словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы стихотворного текста. *Д.В. Беляев* в докладе «Публицистические жанры немецкого городского фольклора» предпринял попытку систематизации типов произведений немецкого городского фольклора, были рассмотрены образные средства и синтаксические структуры, участвующие в формулировании художественных особенностей фольклорных текстов.

В рамках заседания подсекции французского языкознания было сделано три доклада. *В.М. Амеличева* («Динамические процессы в предложной системе французского языка: грамматикализация и лексикализация») охарактеризовала процессы грамматикализации и лексикализации, непрерывно происходящие в периферийной зоне предложной системы французского языка и затрудняющие установление ее точных границ. *Е.Л. Пастернак*, предложившая сообщение на тему «Просодия во французских теориях языка XVIII века», рассказала о представлении просодии в работах аббата Ш.-П. Дюкло, Э.-Б. де Кондильяка, Ж.-Ф. Рамо, предвосхитивших исследования XX в. в этой области. В докладе *А.С. Рыбаковой* «Преподавание французского языка как второго иностранного на романо-германском отделении филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова» была предложена принципиально новая методическая концепция преподавания французского языка как второго иностранного, основанная на сочетании отечественных и иностранных методических пособий и обеспечивающая подготовку студентов к сдаче международного экзамена DELF уровня B2.

На кафедре германской и кельтской филологии было прочитано шесть докладов. *Карл-Хенрик Лунд* выступил с докладом «О русской грамоте 1592 года и трех ее переводах». Обрисовав историческую ситуацию, при которой и Датское королевство и Российское государство претендовали на Лапландию с Кольским полуостровом, он специально остановился на грамоте от 13 августа 1592 г. к датскому королю Кристиану IV от царских послов по урегулированию споров и размежеванию территории. В докладе был предложен сопоставительный анализ трех сохранившихся переводов и сделана попытка судить о месте и времени их выполнения и о личности переводчиков. В докладе *Н.А. Ганиной*, *Е.Р. Сквайрс* «Гальберштадтская молитва Богородице: язык, письмо, стиль, догматика» шла речь о молитве Богородице в рукописи второй половины XIV в.

из Гальберштадта (Германия). Данная рукопись из «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ, фонд 40, описание 1, № 44) известна, прежде всего, по содержащимся в ней фрагментам проповедей Бертольда Регенсбургского, тогда как непосредственно примыкающая к этим текстам стихотворная молитва до сих пор оставалась неизученной. Транскрипция текста была впервые опубликована директором Гальберштадтской соборной гимназии Густавом Шмидтом в 1881 г., с тех пор не пересматривалась и требовала как уточнения, так и расширения путем расшифровки трудночитаемых мест. Не существовало исследований текста в палеографическом, языковом и содержательном плане. Е.Р. Сквайрс, исследовавшая диалектную принадлежность памятника, пришла к выводам, что молитва записана другим писцом, нежели тексты Бертольда, и отличается от них более ярко выраженными нижненемецкими диалектными чертами. Диалектные особенности позволяют локализовать рукопись в районе Гальберштадта. Н.А. Ганина определила тип текста молитвы, проанализировала рифму памятника и отметила характерные особенности, позволяющие заключить, что молитва была создана в нижненемецкой языковой области. Исследование лексики и системы эпитетов выявило, что молитва в целом основывается на латинских церковных образцах, но является оригинальным памятником. Выводы Е.Р. Сквайрс и Н.А. Ганиной подтвердили предположение Ю. Цахера о том, что рукопись, в которую входили фрагменты проповедей Бертольда, была создана в северонемецком женском францисканском монастыре. В докладе Т.А. Михайловой «О логике семантической деривации и универсальных семантических переходах» были разобраны примеры — обозначения кузнеца в и.е. языках и дальнейшее семантическое развитие лексемы, особое внимание было уделено кельтскому и германскому обозначениям, имеющим разную семантику (герм. *smith* — от глагола ‘разбивать, бить’, кельтское *goib-* от глагола ‘гнуть’), но при этом обе лексемы получают значение ‘творец’, Термины свойства изучались особо. Кроме уже известного *husbondi* был описан переход в валлийском — *gwraig* ‘женщина’ (от и.е. обозначения мужа с велярным суффиксом, ‘мужняя’ — ‘женщина вообще’, в бретонском фиксируется только в значении ‘супруга’, при том, что бретонский тоже утратил и.е. обозначение жены). Ср. лат. *marita* — в корпусе Мусайос встретилось три раза, романские языки не сохранили. Были сформулированы авторские термины — «стартовая семантика» (в отличие от изначальной семантики). Особое внимание было уделено др.англ. *seorl* с изначальной семантикой ‘старик’, перешедшей — в ‘мужлан, плебей, мужик’, но имеющей в др.англ. период значение М-1 (пока оно не было вытеснено скандинавизмом), была проведена параллель с употреблением ‘старик’ в других германских языках и в русском. Было высказано предположение, что актуализация семантики основы уже в потенции содержит в себе цепь возможных семантических переходов, которые могут и не реализоваться, более того — содержит в себе и другие значения, составляющие как бы ее фон, поэтому обратный переход обратным не является: они все уже есть, но просто не актуализованы. Т.Л. Шенявская выступила с докладом «О вокативе в готском языке», в котором показала, что говорить о звательном падеже в готском языке нельзя, поскольку он не имеет специфического окончания, единственный зафиксированный в текстах случай представляет собой греческое имя, в основном сохраняющее исконную парадигму. В других случаях существительное в функции обращения имеет форму

либо винительного, либо именительного падежа. Наблюдается определенная зависимость между типом основы и формой существительного в обращении. В случае основ, прямо продолжающих индоевропейские, мы имеем дело с омонимией падежей вследствие редукции. Эти формы являются архаизмом. В остальных случаях существительное в обращении имеет характерную для германских языков форму именительного падежа. Доклад Э.Б. Крыловой «Особенности оформления косвенной речи средствами датского языка» посвящен характеристике средств выражения значений пересказывательности в датском языке. Значения косвенной засвидетельствованности, или эвиденциальности, под которой понимается указание на информационный источник того или иного утверждения говорящего, передаются в языке целой системой средств. Выбор одного из них говорящим в той или иной ситуации зависит от того, верит ли он сам в достоверность пересказываемой информации, сомневается в ее правдивости или дистанцируется от нее. Сопоставительный анализ функционирования различных ксенопоказателей в датском языке позволил выявить разную степень выражаемого ими эпистемического речательства говорящего за передаваемую им информацию, а также конкретизировать типичные контексты их употребления. Употребление частиц зависит от позиции говорящего — степени уверенности адресанта в достоверности содержания высказывания, а также категории лица. М.А. Волконская выступила с докладом на тему «Орм как проповедник: особенности стиля», в котором была сделана попытка пересмотреть общепринятый подход к поэтике среднеанглийской религиозно-дидактической поэмы «Ормулум». Данная поэма, созданная во второй половине XII в., сохранилась лишь в рукописи Bodleian Library, MS Junius 1. В 1878 г. вышло первое и единственное издание под ред. Р. Хольта. Было показано, что Орм создавал свое произведение в богословско-литературном контексте эпохи, а не вне его, и сознательный отказ от художественной сложности текста обусловлен задачей распространением христианского учения. Поэтика Орма принимает особые формы для служения дидактическим целям. В докладе были рассмотрены различные приемы, выработанные Ормом для обращения к пастве: вставки и изменения при переводе евангельских текстов и комментариев к ним, использование устойчивых выражений, аллитерации, многочисленных повторов, сближающее «Ормулум» с фольклорной традицией. Таким образом, стиль Орма полностью соответствует его просветительским целям и задачам как проповедника.

В рамках конференции кафедрой романского языкознания были прочитаны четыре доклада, посвященных истории и современному состоянию романских языков (грамматика, семантика, прагматика, историческое языкознание). О.Ю. Школьникова выступила с сообщением «Перевод и переложение: применимы ли сегодня средневековые принципы? (наблюдения о русском переводе «Имени розы»)». Е.Н. Мамсурова обратилась к диахроническому аспекту в докладе «История цветоименований, бытующих на некоторых ареалах Романии». Л.И. Жолудева прочитала доклад «Итальянская грамматика Ф. Фортунио: синтез дескриптивного и предписывающего подходов к описанию языка». М.А. Смирнова обратилась к лингвометодическому аспекту в докладе «Методики преподавания итальянского языка и критерии оценки».

На секции финно-угорской филологии были представлены доклады различных научных направлений. Большой интерес вызвало сообщение

преподавателя *И.А. Стенина* «Глагольная ориентация в ненецком языке». Доклад привлек внимание аудитории, поскольку был посвящен уралистике и основан на «полевых наблюдениях». Семантическая зона категории глагольной ориентации vs. выражения цели плохо изучена с типологической точки зрения. Слушателям конференции были представлены данные лесного ненецкого языка, которые докладчик получил в ходе двух экспедиций в село Халясавэй в июле 2012 г. и феврале 2013 г. С не меньшим интересом был выслушан доклад *Е.З. Шакировой* «Вторая мировая война в венгерской прозе», где давалась оценка произведениям рубежа XX и XXI в., выделялись характерные черты военной прозы и специфика изображения событий войны. В сообщении *А.П. Гуськовой* «Местоименные формы вежливости в современных финно-угорских языках» докладчик, следуя традициям классической лингвистической школы К.Э. Майтинской, опирался на данные венгерского, финского и удмуртского языков.

На заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики были прочитаны четыре доклада. *В.М. Алпатов* посвятил свой доклад одной из известнейших работ А.Е. Кибрика о лингвистических постулатах. По мнению докладчика, А. Е. Кибрик очень четко сформулировал принципы новой парадигмы, указал на ограниченность структурной лингвистики, при этом он настаивал на необходимости изучать лингвистические явления вместе с мыслительной деятельностью говорящего человека, подчёркивал центральную роль семантики в языке. *С.Г. Татевосов* обратился к моделированию структуры события и семантике каузатива. *М.А. Даниэль* на материале нахско-дагестанских языков показал особенности кодирования адресата при глаголах речи. *А.А. Бонч-Осмоловская* посвятила свой доклад компьютерной лингвистике и рассмотрела методы автоматического анализа данных в теории языка.

В лаборатории фонетики и речевой коммуникации было сделано четыре доклада. Сообщения *С.А. Крейчи* и *О.Е. Фроловой* касались проблематики многоаспектной базы данных. С.Е. Крейчи рассказал о записи иноязычных дикторов. О.Е. Фролова показала необходимость расширения словника базы, обосновав это обстоятельство требованиями соотношения дискурсивной части базы с начитанным дикторами словарем. *Ф.О. Байрамова* выступила с докладом, посвященным созданию портрета говорящего. Речь шла о выявлении черт диалекта или иноязычного акцента в речи. *Е.В. Щенникова* рассказала об особенностях лексикографирования языка малой социальной группы на примере языка наркоманов.

Заседание кафедры иберо-романской филологии было посвящено памяти выдающегося ученого, академика Юрия Сергеевича Степанова. На заседании кафедры с воспоминаниями выступила Л.Н. Степанова, вдова академика. Заведующая кафедрой *Ю.Л. Оболенская* рассказала о годах учебы Ю.С. Степанова на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, о его научных работах, посвященных испанистике. Особое внимание она уделила исследованиям Ю.С. Степановым испанского театра Золотого века, а также его работе по переводу сонетов Лопе де Вега, которую он осуществил в последние годы жизни. *И.Н. Кузнецова* рассказала о своих годах учебы у Юрия Сергеевича, который не только занимался испанистикой, но также преподавал французский язык на филологическом факультете. Она упомянула о том, что впервые именно Ю.С. Степанов использовал коммуни-

кативный метод в обучении французскому языку, а также открыл спецкурс по изучению творчества Марселя Пруста. *В.В. Долженкова* рассказала об одной из самых важных работ Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» и о том, какую роль эта работа сыграла в ее собственном исследовании, посвященном константам испанской культуры.

На кафедре теории литературы прошел круглый стол «Антропологизм в литературе и культурная память текста». *Е.Г. Руднева* подробно осветила понятие «память» в эстетике — от Платона, Аристотеля, Гегеля и Канта до наших дней. Категория «памяти», неразрывно связанная с традицией в литературе, хранит культурные ценности. *В.Е. Хализев* предупредил о методологической «опасности»: не следует чрезмерно увлекаться каким-то одним аспектом художественного текста, к примеру, функцией культурной памяти. Напротив, материал нужно рассматривать в комплексе, не забывая о новаторстве того или иного автора. *А.А. Холиков* в качестве одного из конкретных проявлений идеи культурной памяти доложил о ходе реализации одного из самых масштабных проектов в современной филологии (руководитель О.А. Клинг) — словаря «Русские литературоведы XX века». В нем принимают участие 200 авторов из 20 стран, написано 700 статей. *О.А. Клинг* рассказал о механизмах хранения и передачи культурной памяти в литературе, понятии «культурный геном» в связи с художественным антропологизмом.

Кафедра английского языкознания организовала круглый стол на тему «Актуальные направления в изучении англистики». С основным докладом выступила *О.В. Александрова*, в котором она проанализировала основные направления в изучении языка в целом, и, в частности, английского языка на современном этапе развития лингвистической науки. Были затронуты все аспекты функциональных, а также когнитивно-дискурсивных особенностей изучения английского на всех уровнях его существования: от фонетического до лингвопоэтического. Обсуждалась роль английского языка в современном мире и во всех областях социально-экономической жизни современного общества. В обсуждении доклада приняли участие профессора *Л.Л. Баранова*, *С.В. Дечева*, *Е.А. Долгина*, *В.Я. Задорнова*, *Т.А. Комова*, *М.Э. Конурбаев*, *А.А. Липгарт*, *И.М. Магидова*, *Т.Б. Назарова*, кандидаты филологических наук *Л.В. Болдырева*, *М.А. Бурмистрова*, *Т.Ю. Кизилова*, *В.А. Левашова*, *Е.О. Менджерщцкая*. В их выступлениях анализировались понятия нормы и современное состояние узуса английского языка, влияние миграционных процессов, необходимость изучения новых сфер бытования английского языка, взаимодействие английского и русского языков на современном этапе их существования введение новых технологий в преподавание английского языка в русскоязычной аудитории и многие другие.

На кафедре общей теории словесности был организован круглый стол «Национальное и этническое как категории текстового анализа».

Проблематика круглого стола, проведенного учебно-научным центром «Язык СМИ» «Актуальные проблемы языка СМИ в массовой коммуникации», касалась современных тенденций в развитии масс-медиа.

Сведения об авторе: *Фролова Ольга Евгеньевна*, докт. филол.наук, зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olga_frolova@list.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

25–27 апреля 2013 г. в Тверской областной универсальной научной библиотеке имени А.М. Горького и в Доме поэзии Тверской области состоялась Международная научная конференция «Проблемы поэтической семантики», приуроченная к 75-летию доктора филологических наук, профессора кафедры теории литературы Тверского государственного университета Игоря Владимировича Фоменко. Имя И.В. Фоменко известно, прежде всего, пастернаковедам, исследователям лирического цикла, специалистам по писательской лексикографии, а также тем, кто интересуется вопросами анализа художественного текста. Конференция была организована кафедрой теории литературы Тверского государственного университета совместно с Домом поэзии Тверской области. Она объединила исследователей из Сямэня (Китай), Томска, Новосибирска, Екатеринбурга, Уфы, Самары, Воронежа, Калуги, Ярославля, Владимира, Смоленска, Коломны, Москвы, Твери, Санкт-Петербурга, Таллинна (Эстония), Калининграда. Всего прозвучало 65 докладов.

Необходимость конференции по поэтической семантике вызвана интересом к таким областям филологии, как поэтика, стилистика, стиховедение, жанрология. Ее целью было консолидировать усилия ученых, которые, ориентируясь на изучение имманентных законов литературы и придерживаясь строгой научности, исследуют преимущественно материальную форму содержания словесного текста. Обращение к проблеме поэтической семантики позволяет, с одной стороны, использовать эмпирические сведения, накопленные лингвистами и стиховедами, а с другой — сохранить эстетическое измерение текста. Большинство докладчиков, оставляя за пределами рассмотрения идеологическую сферу, стремились к тому, чтобы предметом обсуждения был не смысл или ценность, а способ «производства смысла».

Работа проходила в интенсивном режиме: 15 минут отводилось на доклад, столько же — на обсуждение. В первый день звучали доклады, которые, по мнению организаторов, могли быть интересны всем участникам конференции.

Предметом обсуждения в докладе *Н.А. Тарховой* (Санкт-Петербург) «К вопросу о биографии А.С. Грибоедова» стала дата рождения писателя (1790, а не 1795). Она указывалась Грибоедовым в конце жизни, и она же проистекает из ряда документов, сопоставление которых приводит к мысли, что Грибоедов — незаконнорожденный сын. Его появление на свет в 1790 г. объясняет и то, что он считался вундеркиндом (скрывая истинную дату рождения, пытался выглядеть на пять лет моложе), и то, почему он так долго учился в Московском университете (пытался получить сначала степень кандидата, а затем доктора, которая давала право на дворянство), и то, почему

обращался в геральдическую палату (новоиспеченный дворянин должен был обзавестись гербом). Таким образом, дата рождения не просто уточняется, но многое проясняет в биографии и духовной жизни Грибоедова.

О.И. Федотов (Москва) познакомил слушателей с некоторыми рукописными и машинописными стихотворениями Набокова, снабженными ритмо-диаграммами в духе А. Белого. В основном это произведения, написанные самым нейтральным размером — 4-стопным ямбом. Кроме того, Набоков применил разработанную Белым методику к другим размерам: Я6, Я6–4, Х4, проанализировав помимо своих произведений ритмику Жуковского, Баратынского, Ломоносова и Бенедиктова. Таким образом, стиховедческая составляющая дара Набокова оказалась гораздо существенней, чем представлялось до сих пор.

В докладе *Ю.В. Шатина* (Новосибирск) «“Курс дискурса” в “Триптихе” Саши Соколова: от риторики к поэтике» была сделана попытка разложить риторический трактат на стихотворные единицы. Результатом этого стал вывод о том, что границы стиха и прозы становятся более условными и не поддаются интерпретации в рамках существующей теории стиха. Произведения поставангарда, по мнению ученого, в равной мере могут рассматриваться как артефакты и как трактаты, активизирующие развитие современной филологической мысли.

В докладе *О.В. Зырянова* (Екатеринбург) была представлена история изучения лермонтовского дорожно-философского цикла, связанного с прецедентным текстом «Выхожу один я на дорогу...». Доказано, что исследователи (Р.О. Якобсон, К.Ф. Тарановский, М.Л. Гаспаров) использовали кластерный подход к циклу, сочетая формально-стиховые аспекты с содержательными, или мотивно-тематическими. Для уточнения границ данного рецептивно-го цикла предложена конкретная модель сюжетной ситуации. Уточнению подвергнута также стиховая семантика 5-стопного хорее с учетом идеи М.И. Шапира о ритмизации метра и метризации ритма.

Доклад *Д.М. Давыдова* (Москва) «Семантика переходности: к построению истории русской поэзии середины XX века» был посвящен отказу от четких дефиниций официальности и неофициальности в отношении поэзии 1930–1960-х годов. Рассматривались стратегии различных авторов (от Г. Гора и П. Зальцмана до Б. Слуцкого), которые социокультурно и в плане поэтики занимают промежуточное место в советской и несветской поэзии.

Во второй и третий день участники распределились по секциям. Работа каждой из них достойна подробного описания. И всё-таки особое внимание привлекают та, где звучали доклады стиховедов, и та, на которой обсуждались вопросы творчества Евгения Клюева — современного поэта, прозаика, драматурга, переводчика, лингвиста. Доктор филологических наук Е.В. Клюев окончил Тверской государственный университет и аспирантуру при факультете журналистики МГУ по специальности «лингвистическая прагматика». С 1996 г. живет в Дании (Копенгаген), где преподает датский язык и пишет художественные произведения по-русски.

Стиховедческие доклады были посвящены одному из самых сложных вопросов — семантике стиха. Они касались как общей, так и частной про-

блематики. *С.И. Кормилов* (Москва) говорил о том, насколько принципиальны эти вопросы для Ю.Н. Тынянова и Б.М. Эйхенбаума, а *Т.В. Скулачева* (Москва), излагая концепцию И.Ю. Светликовой (Санкт-Петербург), — о том, что источником терминологии тыняновских «Проблем стихотворного языка» была немецкая психологическая школа и что именно Тынянов, таким образом, открывал путь к изучению поэтической семантики. Она же предложила обсудить принципиальную и неразработанную проблему «Семантика стиха: как ее анализировать?», познакомив аудиторию с идеями Вяч.Вс. Иванова и Ю.Д. Апресяна.

В докладе *С.Е. Ляпина* (Санкт-Петербург) рассматривалась проблема субъективного восприятия и «содержательной окраски» 10-сложной строки с цезурой и константно-ударными 3-м и 8-м слогами (5+5). История бытования этой ритмической структуры в русском литературном стихе (от Н. Львова до И. Бродского) демонстрирует один из путей десемантизации нового ритма (утрата ассоциаций с «народным стихом») и установления новых ритмико-синтаксических связей. Образцы использования строки 5+5 в различных произведениях М. Цветаевой и И. Бродского выявляют первичность авторской интенции для читательского восприятия стиха.

Доклад *А.Г. Степанова* (Тверь) был посвящен семантизации рифмы в современной поэзии, *А.С. Белоусовой* (Москва) — семантике октавы, *Ю.Б. Орлицкого* (Москва) — строфической экзотике Евгения Кропивницкого, *И.А. Каргашина* (Калуга) — стихотворным экспериментам и стиховедческим работам современного поэта Алексея Верницкого. Остроумные опыты Верницкого актуализируют центральные проблемы стиховедения: оппозиция «стих / проза», проблема «внутренней меры», определяющей ту или иную форму стихосложения, вопрос о «случайных» и «неслучайных» метрах. Рассмотрены как несомненные достоинства, так и очевидные методологические изъяны подобных опытов. *С.В. Свиридов* (Калининград) избрал предметом своего доклада «тройной повтор» — стих 3-стопного амфибрахия, составленный троекратным повторением одного фонетического слова. Автор рассмотрел структуру, историю и семантику этого ритмико-синтаксического клише.

Секция, посвященная творчеству Е.В. Клюева, сначала была интересна тем, что ее вел сам автор, и игровой момент казался важнее профессионального. Но доклад *Л.В. Зубовой* (Санкт-Петербург) «Поэтическая филология Евгения Клюева» показал, что обсуждение идет всерьез. На примерах из сборника стихов «Зеленая земля» рассматривалось чувственное отношение поэта к языковым фактам. Прослеживалась связь языковых экспериментов Клюева с его филологическими работами по риторике и литературе абсурда, давалась семиотическая интерпретация образной структуры текстов, основанных на лексических и грамматических сдвигах.

Н.В. Барковская (Екатеринбург) проанализировала цикл Клюева «С мистером Хортоном», завершающий пограничный в книге раздел «День восьмой». Была выявлена функция данного стихотворного цикла в осуществлении авторской стратегии ускользания из плоской обыденности здравого смысла. Пройдя через испытание болью, инициированной тенью

двойником Хортоном, осуществив разрыв с прошлым, душа лирического героя попадает в пространство творчества — в словесные бесплотные миры, «где поэзии начало».

После двух первых докладов ведущий секции перестал смущаться и иронизировать по поводу ситуации. К докладу *И.И. Коган* (Самара) «Сказки Евгения Клюева в зеркале подростковой рецепции» он уже созрел до признания, что был неправ: до сих пор он считал, что читатель должен искать в тексте затаенные мысли автора, но теперь думает иначе: опубликовав текст, автор теряет над ним власть. После остальных докладов ведущий искренне заявил, что желает всякому автору хоть один раз в жизни побывать на таком профессиональном обсуждении.

Еще одно заседание было посвящено стилистике художественного текста. Предметом анализа в докладе *А.В. Гук* (Москва) стала ономастическая система синкретического текстового образования М. Кузмина «Лесок» (1922). Она представляет собой своеобразную ономастическую воронку, в которую устремляются культурно-исторические, мифологические и индивидуально-авторские интерпретации имен собственных (от Апулея и В. Шекспира до Ч. Чаплина и Жорж Санд). Невозможность однозначно прочтения герметичных текстов Кузмина объясняется использованием автором индивидуальных ассоциаций и прагматических пресуппозиций имен собственных.

Е.В. Душечкина (Санкт-Петербург) исследовала слово «изящный» и производные от него у А.П. Чехова. Если в литературном языке второй половины XIX в. данное лексическое гнездо представлено не слишком объемно, то Чехов использует «изящный» во множестве произведений, характеризуя им самые разнообразные предметы и явления. Анализировались те смыслы, которые приобретает слово «изящный» в чеховских текстах, значительно расширяя словарные его значения.

В докладе *О.И. Северской* (Москва) рассматривались сложные случаи франко-русских соответствий при переводе поэзии одного из лучших поэтов Франции, лауреата национальной поэтической премии Доминика Фуркада. Это касается полисемичности заглавий, сокращений и стяжений значимых слов и выражений, родовых соответствий ключевых слов текста, авторских неологизмов, фоносемантических соответствий, национального колорита фразеологии.

Совместный доклад *Л.В. Павловой, И.В. Романовой, Т.А. Самойловой* (Смоленск) обобщил опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте», который позволяет обнаружить повторяющиеся лексические комбинации в творчестве того или иного автора. Созданная программа может служить задачам идентификации автора, установления его принадлежности или близости к литературному течению, в частности к символизму. Кроме того, выявление лексических комбинаций может стать еще одним, помимо известных, способом описания поэтического мира автора и способом установления как внутритекстовых, так и межтекстовых связей.

Спектр конкретных проблем был достаточно велик, а их решение было отнюдь не тривиальным. Таковы, например, доклады *С.Ю. Артёмовой* (Тверь) «Жанр как инструмент прочтения лирического текста», *Н.В. Беляевой* (Москва) «“Цифровые” ответы на вечные вопросы (на материале стихотворения Т. Кибирова “У монитора в час полнощный...”», *Е.В. Коровиной* (Москва) «Устройство рефренов в “Повести о нишанской шаманке”». В докладе *Е.А. Балашовой* (Калуга) рассмотрен один из вариантов возможного «возрождения» жанра идиллии в современной русской поэзии. На примере стихотворного цикла И. Чиннова «Элегоидиллии» показано, что новейшая идиллия организуется по принципу взаимодополнительности собственно идиллического и элегического лирических жанров. *П.А. Чеснялис* (Новосибирск) посвятила свой доклад женским архетипам в ранней лирике М. Зенкевича. Их основные признаки — агрессивность, воинственность, бестиарность. Можно говорить, в частности, об актуализации «лунных» образов — Лилит и Дианы. Некоторые черты «опасной женственности» указывают на связь с традицией декаданса.

Диапазон исследуемого материала был также чрезвычайно широк. Проблемы, связанные с поэтической семантикой, решались на материале творчества как авторов первого ряда, так и тех, кто известен узкому кругу читателей и исследователей: Федора Тютчева (*В.И. Тютя*), Федора Достоевского (*Г.С. Прохоров*), Ивана Бунина (*И.В. Фоменко*), Николая Гумилева (*М.З. Семёнова*), Анны Ахматовой (*А.С. Крюков*), Михаила Булгакова (*Сяилу Чжоу* из КНР), Андрея Платонова (*А.В. Гоганова*), Владимира Набокова (*Н.В. Семёнова*), Марселя Пруста (*М.С. Рыбина*), Александра Твардовского (*Т.А. Снигирева*), Владимира Высоцкого (*Е.П. Беренштейн*), Иосифа Бродского (*А.М. Левашов, А.А. Чевтаев, О.Я. Бараш, И.А. Снегирев*), Ханса Хенни Янна (*Т.А. Баскакова*), Кристиана Крахта (*Ю.О. Овсянникова*). Доклад *А.Ф. Белоусова* (Санкт-Петербург) был посвящен особенностям изображения русской провинции в стихотворении талантливого юноши-поэта из старинного города Белозерска. Единственный раз коснувшись этой темы, Алексей Шадрин (1973–1992) смог обновить традиционный образ и тем самым вновь привлечь внимание к трагической судьбе творческого человека в провинции, обреченного на праздность и одиночество.

Всё это подтверждает интуитивное ощущение, что вопросы поэтической семантики постепенно оказываются в поле внимания филологии. 65 докладов, сделанных исследователями с разных методологических позиций, на разном материале, позволяют говорить о том, что проблема поэтической семантики становится одной из актуальных и, соответственно, перспективных задач современной филологии.

А.Г. Степанов

Сведения об авторе: *Степанов Александр Геннадьевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры теории литературы филол. ф-та Тверского государственного университета (ТвГУ). E-mail: poetics@yandex.ru

«МЫСЛЕННОЕ ДРЕВО» ЛЬВА ГУМИЛЕВА

12–13 октября 2012 г. в Твери и Бежецке прошла научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва — выдающегося мыслителя, ученого и писателя, наследника традиций Серебряного века русской поэзии, продолжателя творческих исканий А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева. Эта всероссийская конференция с международным участием была организована кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества филологического факультета Тверского государственного университета и Тверским отделением Союза писателей России при тесном сотрудничестве с Тверской областной универсальной научной библиотекой им. А.М. Горького, отделом культуры администрации Бежецкого района и Бежецким филиалом Тверского государственного объединенного краеведческого музея. Организаторы привлекли к участию в конференции литературоведов, лингвистов, философов, культурологов, историков, издателей, краеведов из Москвы, Санкт-Петербурга, Баку (Азербайджан), Ташкента (Узбекистан), Твери, Бежецка, Вышнего Волочка, Удомли.

В Твери и Бежецке начиная с 1989 г. (столетнего юбилея Анны Ахматовой) регулярно проводятся научные чтения, семинары, конференции, посвященные творчеству А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева. Именно в Твери в конце 1980-х годов берут свои истоки современные подходы и принципы изучения творческого наследия знаменитой литературной семьи. Такие исследователи, как А.М. Любомудров, Л.Г. Кихней, А.П. Черников, В.А. Редькин, несколько позднее Л.Ф. Алексеева, С.И. Кормилов, В.А. Скрипкина, О.И. Федотов и другие ставили проблемы текстологии, источниковедения, комментирования и издания сочинений Ахматовой и Гумилева, широкого литературного контекста их творчества, отражения христианского мировосприятия и мифологического сознания в творчестве поэтов, говорили о необходимости учитывать важнейшую роль православия в гумилёвской и ахматовской поэзии при анализе её проблематики и поэтики.

На Пятых Ахматовских чтениях (2009) впервые было намечено новое направление исследований — изучение творчества Л.Н. Гумилева, причем не только как философа, историка, этнографа, культуролога, но и как талантливого писателя, поэта, литературного критика, тесно связанного с классической литературной традицией, с искусством Серебряного века, оказавшего определенное влияние на развитие русской литературы второй половины XX в. и продолжающего влиять на современных авторов. Тогда на конференции сложилась целая секция, посвященная именно Льву Гумилеву. Фундаментальный доклад «Понятие пассионарности и смысл жизни человека» прочитал доктор философских наук А.А. Горелов, близко знавший Льва Гумилева и поделившийся со слушателями своими воспоминаниями. Авторы более чем десяти сообщений, основанных на материале

творчества Н. Полевого, А. Чехова, В. Шишкова, Л. Леонова, Ф. Абрамова, Ю. Полякова и других русских писателей, говорили тогда о возможных литературных истоках теории пассионарности и евразийства, о влиянии этих концепций на русскую художественную литературу, были намечены перспективы исследования литературного наследия самого Льва Гумилева, представляющего значительный интерес с точки зрения проблематики, топики, жанрового своеобразия, архитектоники художественного мира, литературно-эстетических пристрастий, мировоззрения писателя.

В связи со столетием Л.Н. Гумилева в 2012 г. прошло немало конференций, но в основном они проводились историками, философами, политологами, географами, этнологами. Уникальность тверской конференции состояла в том, что ее участники актуализировали литературную сторону деятельности Л.Н. Гумилева, попытались взглянуть на него как на писателя, увидеть в этом выдающемся человеке представителя литературного цеха. Известно, что сам Л.Н. Гумилев как поэт всегда ощущал себя находящимся «в тени» своих великих родителей, стеснялся своего писательства, избегал называть себя писателем. Научная концепция данной конференции основывалась на признании самостоятельного значения Л.Н. Гумилева как писателя, художника слова. Докладчики анализировали различные аспекты творческой индивидуальности Л.Н. Гумилева: его литературное мастерство, идиостиль, жанровый репертуар, систему онтологических и аксиологических представлений, топику, проблематику, взаимосвязь прозы и поэзии, гуманитарного и естественнонаучного знания, литературные связи его произведений с текстом Священного писания и с текстами русской и зарубежной классики. Материалом анализа стали поэзия, драматургия, научная и научно-философская проза, литературно-критические статьи, дневники, письма, интервью.

Интересными и плодотворными оказались доклады, посвященные историческим и религиозно-философским аспектам гумилёвского наследия. Профессор *С.И. Кормилов* (Москва) представил участникам конференции материалы проведенного им анализа книги «Чтобы свеча не погасла. Диалог» Л.Н. Гумилева и А.М. Панченко. Внешне оформленный как полемика, разговор выдающегося филолога-медиевиста и автора теории пассионарности, по наблюдениям С.И. Кормилова, представляет собой беседу почти единомышленников, в которой реплики взаимно «комплементарны», т. е. дополняют и уточняют друг друга. В этой беседе затронуты важнейшие вопросы: о судьбе России и русского этноса, о роли, которую сыграла в русской революции интеллигенция вообще и искусство Серебряного века в частности, о закономерностях мировой истории, о Космосе и «энергетических толчках», которые идут из Космоса и приводят к пассионарному взрыву. Притом большой интерес представляет тот факт, что осмысление всех этих проблем осуществляется через призму литературы. В диалоге Гумилева и Панченко аргументация строится с привлечением имен Пушкина, Гоголя, Хомякова, Чернышевского, Писарева, Достоевского, Лескова и многих других. Автор доклада раскрывает сам процесс рождения мысли

в этом интереснейшем диалоге двух выдающихся русских мыслителей второй половины XX в.

Полемический фон конференции был создан также благодаря докладам проф. *И.И. Климина* (Санкт-Петербург) «О некоторых оценках истории государства Российского Л.Н. Гумилевым», проф. *А.А. Горелова* (Москва) «Пассионарии и судьба России» и стендовым докладам проф. Р.Г. Кулиевой (Баку, Азербайджан) «Л.Н. Гумилев и проблема евразийства», проф. С.Ф. Тимашова (Москва) «Концепция мира Л.Н. Гумилева».

В секции «Л.Н. Гумилев как писатель» отдельный блок образовали штудии, посвященные лирике, в том числе переводческому мастерству Л.Н. Гумилева, вопросам творческой эволюции поэта и проблеме периодизации его поэтического творчества, специфике воплощения военной темы и национального русского характера в его стихах (в соотношении с поэзией В.С. Высоцкого). Здесь прозвучали доклады *А.А. Сулейманова* (Бежецк) «Своеобразие творчества Л.Н. Гумилева — поэта и переводчика», асп. *Д.П. Рыжовой* (Тверь) «Некоторые методологические проблемы изучения поэзии Л.Н. Гумилёва», доц. *Н.В. Волковой* (Тверь) «Своеобразие русского менталитета в лирике Л.Н. Гумилёва», асп. *И.В. Костюк* (Тверь) «Особенности военной лирики Л.Н. Гумилёва». В докладе «Художественное мастерство поэта Л.Н. Гумилева», подготовленном проф. *В.А. Редькиным* (Тверь), говорилось об особенностях жанрово-стилевой системы гумилевской поэзии, была показана глубокая содержательность формы произведений Л.Н. Гумилева.

Научная и художественная проза Л.Н. Гумилева рассматривались как самостоятельный литературный феномен, обладающий особой жанрово-композиционной структурой, концептосферой и системой взаимоотношений «автор — адресат», в докладах канд. филол. наук *П.С. Громовой* (Тверь) «Сказки Л.Н. Гумилёва: к проблеме жанра», доц. *С.И. Меньшиковой* (Тверь) «Языковые особенности «Черной легенды» Л.Н. Гумилева», канд. филол. наук *С.В. Дивакова* (Тверь) «Письма на волю: Лев Гумилёв в контексте лагерной прозы», доц. *С.В. Глушкова* (Тверь) «Автор и читатель в научной прозе Л.Н. Гумилёва».

В секции «Л.Н. Гумилев и русская литература» были затронуты разнообразные литературные связи творчества Л.Н. Гумилева с его предшественниками, современниками и потомками. Как продолжатель традиций поэзии Серебряного века Л.Н. Гумилев предстал в сообщениях канд. филол. наук *Ю.Л. Василевской* (Тверь) «Сказочный сюжет в художественном мире Николая и Льва Гумилёвых» и асп. *М.Г. Головей* (Тверь) «“Мне на этом свете плохо и с тобой, и без тебя...” (Комментарий к “Мадригалам” Л.Н. Гумилёва и “Еще вчера в глаза глядел” М.И. Цветаевой)». В соотношении с творчеством современников творчество Л.Н. Гумилева интерпретировалось канд. филол. наук *Т.Н. Хриптуловой* (Смоленск) в докладе «Концепция национального в творческом сознании Н.И. Тряпкина и Л.Н. Гумилева» и аспиранткой *Н.Р. Бекбаевой* (Тверь) в сообщении «Краеведческий аспект изучения творческого наследия И.С. Соколова-Микитова и Л.Н. Гумилё-

ва». Теории и концепции Л.Н. Гумилева как перспективное направление анализа литературных произведений были использованы в исследованиях асп. *С.А. Ефремова* (Тверь) «Пассионарность как вызов судьбе в повести В.Я. Шишкова “Ватага”» и *С.Б. Алиева* (Тверь) «Художественная система романа Л.М. Леонова “Пирамида” в ракурсе учения Л.Н. Гумилёва об этногенезе». Правомерность такого подхода нашла подтверждение в сообщениях аспирантки *Т.О. Буглак* (Тверь) «Л.Н. Гумилев о персонажах русской литературы», члена Союза писателей РФ *С.М. Панферова* «Михаил Тверской в восприятии Л.Н. Гумилева» и в докладе, подготовленном проф. *С.Ю. Николаевой* (Тверь), на тему «А.П. Чехов в восприятии Л.Н. Гумилева». В этих исследованиях было показано, что многие понятия и термины, которыми пользовался Л.Н. Гумилев, многие образы в его книгах имели литературное происхождение, были подсказаны ему русской и мировой классикой.

В ряде сообщений на конференции были представлены итоги и материалы краеведческих разысканий. Особый интерес вызвал доклад известного краеведа, члена Союза писателей России *С.И. Сенина* (Санкт-Петербург) «“Обетованная страна” Анны Ахматовой», в котором была показана роль бежецких впечатлений в жизни и творчестве всего литературного семейства. Важные фактические сведения содержались в сообщениях *М.Н. Козыревой* (Санкт-Петербург) «Первый учитель. Переписка Л.Н. Гумилева с М.Н. Переслегиным», писателя, издателя и журналиста *М.Г. Петрова* (Тверь) «Л.Н. Гумилев на страницах журнала “Русская провинция”», краеведа *А.И. Таранич* (Бежецк) «Л.Н. Гумилев в Бежецке».

Весьма успешно работала секция «Творчество А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева». В частности, канд. филол. наук *Д.В. Соколова* (Москва) продемонстрировала соотношение светлых и темных сверхъестественных сил (в пользу первых) в поэзии Н.С. Гумилева, докторант Института востоковедения РАН *Г.А. Аманова* (Ташкент, Узбекистан) ответила на вопрос: «Насколько китайскими являются стихи “Фарфорового павильона” Н.С. Гумилева?», в стендовых докладах аспирантка *О.А. Сурикова* (Москва) осветила проблему «Личность и поэзия А.А. Ахматовой в самиздате», учитель *О.В. Вольхина* (Москва) предложила свое видение темы «Конские образы в поэзии Н.С. Гумилева», а соискательница *М.З. Семенова* (Москва) рассмотрела «Эпические тенденции в драматургии Н.С. Гумилёва». Ряд биографических проблем затронула доц. *И.Л. Ефремова* (Тверь) в докладе «А.А. Ахматова и Л.Н. Гумилев: трагедия матери и сына».

По итогам конференции планируется выпуск сборника научных статей и материалов.

С.Ю. Николаева

Сведения об авторе: *Николаева Светлана Юрьевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества филол. ф-та Тверского гос. ун-та. E-mail: synikolaeva@rambler.ru

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК В МИРЕ И МИР В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ: VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ О ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ ЗА РУБЕЖОМ

В VII Международном симпозиуме «Чешский язык в мире и мир в чешском языке» (Прага, 13–18 августа 2013 г.), посвященном 35-летию основания в Карловом университете в Праге Института и Летней школы славянских студий — специализированного центра по преподаванию чешского языка для иностранных студентов, приняли участие богемисты 15 стран и четырех континентов — Европы, Америки, Австралии и Африки.

Симпозиум открыл декан философского факультета Карлова университета в Праге *М. Стеглик* совместно с представителями министерства иностранных дел и министерства образования Чешской республики *С. Казенским* и *И. Татарковой*.

Директор Летней школы *Й. Гасил* рассказал об истории преподавания в Праге чешского языка как языка высшей школы начиная с XIX в., когда соответствующие курсы появились в разделенных на чешскую и немецкую части Пражском высшем техническом училище (1863) и Пражском университете (1882). Массовое преподавание чешского языка собственно для иностранцев началось после Первой и особенно после Второй мировой войны, когда были сформированы специализированные центры. В 1956 г. в Карловом университете была основана кафедра чешского языка для иностранцев, которую возглавил первый официальный лектор чешского языка для иностранцев в Карловом университете *М. Сова*, а в 60-е годы ею плодотворно руководил один из ведущих чешских богемистов *И. Гронек*. В процессе так называемой нормализации кафедра была трансформирована сначала в секцию при кафедре чешского и словацкого языка, а в 1978 г. — в Институт славянских студий (в настоящее время — Институт богемистических студий, см. <http://ubs.ff.cuni.cz/>) при философском факультете. Следует отметить, что целый ряд учебных пособий, подготовленных в 1970–1980-е годы *А. Трнковой*, *Г. Конфортиовой*, *В. Шусталовой* и их коллегами, успешно используется до сих пор, неоднократно переиздаваясь, ср., например, [Šustalová, 1980], [Textová..., 1994], [Confortiová, Krejčová 1998]. Интеграция в западноевропейское образовательное пространство после «Бархатной революции» привела к масштабной перестройке образовательного процесса в соответствии с изменившимися требованиями. В тесном сотрудничестве с коллегами из университетов в Брно, Оломоуце, Остраве, Усти-над-Лабом были выработаны критерии сертификационных экзаменов уровней A1, A2, B1, B2, C1 по чешскому языку в соответствии с действующими евростандартами подготовлены соответствующие учебные пособия, ср. [Svejnová, 2008; 2012; Hádková et al., 2008; Kestřánková et al., 2011; Hrdlička, 2010; Хадкова, 2008]. Следует особо отметить организацию двухсеместровых курсов чешского языка, готовящих иностранцев для учебы в чешских вузах.

Директор Института богемистических студий *М. Грдличка*, подчеркнув, что Карлов университет, входящий в соответствии с наиболее авторитетными рейтингами в первую сотню лучших университетов Европы и в 2% лучших университетов мира, — единственный вуз в Чехии, готовящий специалистов по преподаванию чешского языка как иностранного по программам подготовки бакалавра, магистра и доктора, рассмотрел современное состояние и перспективы развития специальности.

Автор ставшего классическим и многократно переиздававшегося труда по стилистике современного чешского языка профессор *М. Чехова* проанализировала историю споров о принципах кодификации литературного чешского языка — от противостояния редакции журнала *Naše řeč* и Пражского лингвистического кружка в 20-е годы минувшего столетия до современной эмоциональной дискуссии между приверженцами «теории языковой культуры» (*Фр. Данеш*) и сторонниками «теории минимального вмешательства» (*Фр. Чермак, П. Сгалл*), — в которой на обеих сторонах участвуют лингвисты мирового уровня, ср. [Sgall, Hronek, 1992; Гладкова, Ликоманова, 2008; Изотов, 2013].

Один из ведущих специалистов по преподаванию чешского языка *М. Хадкова (Hádková)* представила вызвавшую живой интерес у присутствующих типологическую классификацию студентов и преподавателей. Типологический характер имели также доклады *А. Гудоусковой* (типология студенческих ошибок), *А. Адамовичовой* (межязыковая интерференция) и *М. Бартошовой* (типология учебных текстов).

В докладе *Й. Кубичковой* о возможностях так называемой сигнальной грамматики были рассмотрены произошедшие в последние десятилетия изменения в графическом оформлении учебного материала по иностранному языку, обусловленные как изменением полиграфической базы, так и изменениями в особенностях восприятия информации студента. О современных стратегиях построения курса иностранного языка говорила и *Й. Лукашова*.

Н. Урбаньчик-Адах проанализировала представленные в чешском секторе интернета англицизмы в различной степени их графической и морфологической освоенности, такие как *peepboots* ‘дамские туфли, не закрывающие пальцы’, *oxfordky* ‘дамские туфли мужского стиля’, *fake / fejk* ‘контрафактное изделие’, *sekáč* ‘магазин second hand’ и т. д. *Д. Ивановова* поделилась опытом использования аутентичных текстов (чат, рекламное объявление, гороскоп) в занятиях с иностранцами. Активному использованию аутентичных литературных текстов на занятиях по чешскому языку были посвящены доклады *К. Сахровой* и *Кьючина Кима*.

Г. Гасилова рассмотрела проблемы языковой подготовки иностранца к написанию и последующей публичной защите дипломного проекта на чешском языке. Методике выработки навыков создания письменных текстов касался и доклад *З. Гайичковой*, в котором рассматривались следующие стадии: подготовка > написание > самостоятельный анализ > обсуждение в группе > редактирование > презентация.

Доклад *Й. Цвейновой* — автора наиболее популярных современных учебных пособий начального уровня [Cvejnová, 2008; 2012] — был посвящен вопросам, связанным с перспективами развития системы сертификационных экзаменов: возможное повышение требований к экзамену для получения вида на жительство (с действующего A1 до A2), а также введение экзамена уровня B1 для получения гражданства. За последние пять лет экзамен по чешскому языку для вида на жительство сдало около 40 тысяч человек, среди которых больше всего украинцев (на втором месте вьетнамцы, на третьем — русские), при этом сейчас, как и пять лет назад, экзамен успешно сдает около 80% экзаменуемых.

Л. Нерлих представила слушателям основные принципы международной системы сертификации и аккредитации языковых программ UNICert®, охватывающей более 100 языковых центров Германии, Австрии и Швейцарии.

Доклад *Й. Вероньковой* был посвящен темпу речи как показателю степени освоения чешского языка иностранцем.

М. Фроммер-Керлова предложила интернет-курс чешского языка, построенный в соответствии с популярными в США принципами онлайн-обучения (см. <http://www/mooc-list.com>). Впрочем, возможность успешного применения данных методик, когда на одного преподавателя могут приходиться тысячи студентов, к преподаванию гуманитарных дисциплин вызвала сомнение как у большинства слушателей, так и у самого докладчика. По убеждению выступившей в дискуссии по докладу *М. Чеховой*, при изучении иностранного языка жизненно необходим непосредственный контакт Ученика с Учителем. Что же касается предусмотренных данными методиками, рассчитанными не на элитарное, а на массовое образование, попыток избавиться от выполнения сложных заданий, то, по мнению *Й. Гасила*, студент должен знать, что учиться трудно (Student musí vědět, že studium bolí, někdy moc, protože žít občas bolí).

М. Баловски проанализировал социокультурный компонент используемых в популярных учебниках чешского языка имен собственных (антропонимов, этнонимов, псевдозоонимов; хоронимов, гидронимов, оронимов, урбонимов, урбанонимов; акционимов, эргонимов, фалеронимов, идеонимов, уникатонимов и т. д.). Развитию социокультурной компетенции на основе прецедентных феноменов был посвящен доклад *В. Важановой*, фразеодидактике — доклад *К. Шиховой*.

М. Хебал-Ежерска поделилась опытом использования чешского национального корпуса на занятиях по чешскому для студентов от элементарного до продвинутого уровня, причем речь шла о самых разных типах упражнений — на правописание, морфологию, словообразование, синтаксис, лексику, лингвострановедение. Активно использовался корпусный материал также и в докладе *И. Коржановой* о преподавании особенностей видовых значений чешского глагола иностранным учащимся.

М. Грдличка рассмотрел основные тенденции развития значения и функционирования предлогов в современном чешском речепотреблении (изменения в стилевой и стилистической значимости многих предлогов,

экспансия предлога *na*, активное проникновение в современную чешскую устную и письменную речь предлогов иностранного происхождения и т. д.), *Г. Конфрртиова* — сложные аспекты функционирования чешских возвратных глаголов.

Доклад *Н.В. Воробьевой*, написанный в соавторстве с *В.Ф. Васильевой*, был посвящен проблемам чешско-русской межъязыковой асимметрии, обусловленным национальной спецификой близкородственных языков в процессе исторического развития, на материале русских функционально-семантических эквивалентов чешских конструкций с глаголом *mít* ‘иметь’ как в теоретическом, так и в лингводидактическом аспектах. В сопоставительном чешско-русском аспекте строился и доклад *К. Кулиха*, сравнившего словоизменительные парадигмы чешских и русских существительных.

Д. Ритель-Шварц и *В. Шварц* рассказали о преподавании чешского языка как иностранного в высших и средних учебных заведениях Саксонии, где он в 2012 г. занимал по статистике шестое место после английского, французского, русского, латинского и испанского, рассмотрели проблему авторства высказывания «Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек», приписываемого Чехову, Масарику, Гёте, Ломоносову, Карлу V, Марку Аврелию, Аристотелю, а также напомнили об актуальных по сей день принципах преподавания иностранных языков, изложенных в 22-й главе «Великой дидактики» Я.А. Коменского: «... все языки можно изучать одним и тем же методом, а именно практическими упражнениями в сопровождении как можно более простых правил, отмечающих лишь отличия нового языка от языка уже изученного, причем и сами упражнения нужно давать ученикам на знакомом материале». Не утратило актуальности и то число языков, которое, по мнению Коменского, следует изучать каждому. Во-первых, это родной язык, чтобы быть достойным гражданином своей страны; во-вторых, это язык соседей, чтобы уметь общаться и с ними; в-третьих, это язык латинский (сегодня замененный, судя по всему, английским), нужный для чтения полезных книг.

Доклад полковника *Й. Эрнста* был посвящен истории преподавания чешского языка в австрийских военных заведениях, где он со времен Священной Римской империи занимал второе место после немецкого. Так, в Терезианской военной академии (старейшем европейском военном учебном заведении) в XVIII в. официальный статус преподавателя чешского языка был выше, чем у преподавателя французского или итальянского.

Й. Гасил представил участникам симпозиума написанный им в соавторстве с украинскими коллегами и изданный во Львове учебник чешского языка для украинцев [Гасил, Лобур, Паламарчук, 2011].

А. Изотов рассказал о преподавании чешского языка небогемистам на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, ср. [Изотов, 2012]. Была отмечена неоценимая помощь чешской стороны (на факультет поступала и продолжает поступать новейшая научная и лингводидактическая литература по богемистике, приезжают высококвалифицированные лекторы чешского языка, студенты МГУ имеют возможность изучать чешский

язык на летних курсах чешского языка в Чехии). Весьма показательно то, что лучший на сегодняшний день учебник чешского языка для русских [Чешский..., 1988] был написан в тесном сотрудничестве московских и пражских авторов. Этот учебник, дополненный доступным в электронном виде материалом (ср. [Изотов, 2006; 2009; 2011]), докладчик продолжает использовать в качестве основного и сегодня.

Выступление *Инчона Кима* было посвящено современному состоянию преподавания чешского языка в Корее, доклад *Э. Рубаловой* — в Китае. Были отмечены традиции запоминания большого количества аутентичных текстов, а также сложных письменных экзаменов. Опыт преподавания чешского языка в Японии поделится *М. Гебхартова*, в Аргентине — *Г. Ганушова*. *М. Хассан* рассказал о состоянии богемистики и ее перспективах в Египте, *С. Палига* — в Румынии. *Т. Пиотровска-Малек* рассмотрела изменения в подходе к преподаванию чешского языка в Варшавском университете за последние десятилетия, *М. Седлакова* — в университете имени Шафарика в Кошицах (Словакия).

М. Руссел-Хольтебринк рассказала об опыте преподавания чешского языка в группах студентов с разным уровнем языковой компетенции. Сходной проблематике был посвящен и доклад *М. Слезакowej*, участвовавшей в социальном проекте по преподаванию чешского языка трудовым мигрантам (занятия проходят по вечерам, их может посещать кто угодно и с какой угодно регулярностью, так что преподаватель в начале каждого занятия заново знакомится со слушателями, определяет их уровень и решает, чем на данном уроке заниматься).

Доклад *Я. Пекаровичовой* был посвящен принципам преподавания словацкого языка как иностранного.

Во время выездного заседания в Липнице-над-Сазавой участники симпозиума выслушали доклад известного чешского литературоведа *Р. Пытлика* об истории написания и восприятия в мире романа о Швейке и возложили цветы на могилу *Я. Гашека*.

Симпозиум убедительно показал, что современная богемистика продолжает плодотворно развиваться не только в ее традиционных центрах (Академия наук Чешской республики, Карлов университет в Праге, университет Масарика в Брно), но и во многих других чешских вузах, а также за рубежом, причем речь идет не только о чисто академических, но также и о лингводидактических аспектах.

Таким образом, симпозиум не только явился итогом развития богемистики за последние годы, но и наметил пути дальнейших исследований. По итогам симпозиума планируется издание научного сборника.

Список литературы

- Confortiová H., Krejčová M.* Mluvíme česky. Praha, 1998.
Cvejnová J. Česky, prosím I [A1]. Praha, 2008.
Cvejnová J. Česky, prosím II [A2]. Praha, 2012.
Čechová M. Současná stylistika. Praha, 2011.

- Hádková M., Hrdlička M., Bischofová J., Adamovičová A., Hasil J.* Čeština pro cizince a azylanty B2. Brno, 2008.
- Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyku. Plzeň, 2010.
- Kestrňanková M., Kopicová K., Šnaidaufová G.* Čeština pro cizince. Úroveň B1. Brno, 2011.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha, 1992.
- Šustalová V.* Slovní zásoba k základním konverzačním okruhům. Praha, 1980.
- Textová cvičebnice českého jazyka / Ed. *A. Trnková*. Praha, 1994.
- Гасіл І., Лобур Н., Паламарчук О.* Чеська мова для українців. Львів, 2011.
- Гладкова Г., Ликоманова И.* Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Praha, 2008.
- Изотов А.И.* Развитие навыков чешской устной речи на материале видеофрагментов: варианты заданий // Язык, сознание, коммуникация. 2006. № 33.
- Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация. 2009. № 38.
- Изотов А.И.* Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. 2011. № 42.
- Изотов А.И.* Программа по чешскому языку (курс по выбору) для студентов русского отделения филологического факультета // Язык, сознание, коммуникация. 2012. № 44.
- Изотов А.И.* Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1.
- Пытлик Р.* Гашек [ЖЗЛ]. М., 1977.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская. М., 1988.
- Хадкова М. (Hádková M.)* Путь к европейскому многоязычию // Язык, сознание, коммуникация. 2008. № 36.

А.И. Изотов, Н.В. Воробьева

Сведения об авторах: *Изотов Андрей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru; *Воробьева Нина Викторовна*, старший преподаватель кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ninavorobjova@yandex.ru;

ПАМЯТИ...

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СОЛОВЬЕВА
(8 августа 1938 – 7 июля 2013)

В начале летних каникул кафедры истории зарубежной литературы потеряла одного из ведущих профессоров, Наталию Александровну Соловьеву, крупнейшего отечественного специалиста в области английской словесности, европейских предромантизма и романтизма, а также сравнительного литературоведения. Для филологического факультета невосполнимая потеря: ушел из жизни неутомимый исследователь, талантливый лектор, мудрый и душевный человек.

Интерес Н.А. Соловьевой к вопросам культуры и искусства сформировался в детстве. Она родилась

в семье известных московских актеров, Александра Ивановича Соловьева (Малый театр) и Тамары Владимировны Гембицкой (театр Революции). По материнской линии Н.А. Соловьева принадлежала к польскому шляхетскому роду, известному с XVIII в. В школьные годы она жила в «композиторском доме», ее соседями были Д.Д. Кобалевский и Г.Н. Рождественский. Сама Наталия Александровна признавала, что на формирование ее личности существенное влияние оказали композитор Л.А. Полонинкин, его сестра Ю.Б. Виппер и актриса Л.В. Пушкарева.

Большая часть жизни Н.А. Соловьевой была связана с Московским университетом. В 1962 г. она окончила филологический факультет, в 1965 г. – аспирантуру кафедры истории зарубежной литературы, а в 1967 г., проработав два года референтом по международным связям в Академии художеств, приступила к преподаванию, впоследствии получила звания доцента (1981), профессора (1990), одно время занимала должность заместителя декана по международным связям. Как один из старожиллов кафедры Наталия Александровна хранила память об истории кафедры и с удовольствием рассказывала о жизни в корпусе на Моховой, где изначально располагался факультет, о временах заведования Р.М. Самарина.

Путь в науку Н.А. Соловьева начала в 1965 г., когда защитила кандидатскую диссертацию «Джон Осборн и английская драма “новой волны”». Вопросы современной британской драматургии впоследствии разрабатывались ею в рамках спецкурса, по материалам которого было издано учебное пособие «Английская драма за четверть века (1950–1975)» (в 2 т., 1985). Драматургию «сердитых молодых людей», «театр абсурда», «театр жестокости», жанровые модификации политической и исторической пьесы она впервые в отечественной науке рассмотрела в широком историко-культурном контексте, включавшем не только политические и социальные явления, но и развитие общих тенденций в европейской драматургии, а также «соотнесенность с новейшими требованиями расширения функциональности драмы как таковой».

Н.А. Соловьева внимательно следила за развитием современной английской литературы. Среди ее многочисленных работ – научные статьи, посвященные теоретическим вопросам британского пост-модернистского романа, проблемные исследования произведений А.С. Байатт, П. Экройда, Дж. Фаулза и др.

Значительный вклад в науку, однако, Н.А. Соловьева внесла прежде всего как теоретик английского предромантизма, под которым она понимала не столько особую культурно-историческую эпоху, сколько специфическую художественную систему, сформировавшуюся в недрах культуры Просвещения и подготовившую достижения романтизма. Предромантическая эстетика, о чем говорится в монографии «Английский предромантизм и формирование романтического метода» (1984), «использовала новые категории прекрасного и возвышенного, воображения и фантазии, она предлагала искусству не копировать природу, не отображать ее ... но выражать мнение об окружающем мире, воспроизводить чувства...» Новая эстетика во многом базировалась на изменении отношения к внутреннему миру человека, важнейшим качеством которого стала чувствительность.

Концепция Н.А. Соловьевой родилась как результат кропотливого исследования английской литературы XVIII – начала XIX в. Непосредственным предметом анализа в монографии стали сентиментальная «кладбищенская поэзия», произведения Кельтского возрождения, «готический роман», «якобинский роман», новые виды приключенческого романа 1790-х годов. Основная часть монографии была написана во время командировки в Великобританию: в оборот отечественной науки вошел целый пласт ранее не исследованных материалов. Наталия Александровна не раз рассказывала, что во время работы в Британском музее за ней велось наблюдение, чтобы избежать славы советского шпиона, она вела все записи на английском языке.

Исследованием английской словесности XVIII в. Н.А. Соловьева занималась всю жизнь. Осмыслению разных аспектов этого материала посвящены и другие ее монографии: «У истоков английского романтизма» (1988), «Англия XVIII в.: Разум и чувство в художественном сознании эпохи» (2008). Знакомству широкой публики с английской готической прозой во многом способствовало издание Н.А. Соловьевой тома «Комната с гобеленами» (1991), сопровождавшегося вступительной статьей и комментариями.

В выпущенном московским издательством «Академия» учебном пособии «История зарубежной литературы. Предромантизм» (2005) Н.А. Соловьева вышла за рамки английской словесности и представила предромантизм как тот феномен немецкой, французской и американской культуры, который «отразил сложную систему взаимоотношений разума и чувства в человеческом сознании» в пору эволюции западной словесности от Просвещения к романтизму.

Исследовательский интерес Н.А. Соловьевой вместе с тем не исчерпывался XVIII в. Ее имя по праву ассоциируется у отечественных англистов с творчеством Байрона, чье наследие она, член британского Байроновского общества, активно изучала в 2000-е годы. Н.А. Соловьева не ограничилась только статьями, посвященными творчеству выдающегося романтика, но стала и одним из организаторов и председателем Московского Международного Байроновского общества, объединившего не только отечественных, но и зарубежных, в том числе английских, исследователей. Заседания Общества проходили в МГУ, других столичных университетах.

Выбранный Байроновским обществом ракурс исследования не случайно был подчеркнута компаративистским. О серьезном профессиональном интересе Н.А. Соловьевой в области сравнительного изучения литератур свидетельствуют не только научные статьи, но и участие в компаративистском проекте Института славяноведения и Словацкой Академии наук (1994). На факультете она стала одним из организаторов межкафедральной специализации «Сравнительное литературоведение».

Будучи членом «Общества по изучению XVIII века», «Международной ассоциации англистов Европы», «Российской ассоциации англистов-литературоведов», Н.А. Соловьева ежегодно участвовала в нескольких международных и всероссийских конференциях. Ее выступления прозвучали в Лондоне, Глазго, Варшаве, Хельсинки и других городах Европы. С благодарностью вспоминают Наталию Александровну ее коллеги – ученые ведущих вузов России. Обладая неутомимой энергией, она внесла неоценимый вклад в развитие межвузовских научных связей: входила в состав диссертационного совета МГУ, МПГУ; участвовала в конференциях, проводимых в Саратове, Воронеже, Уфе и других российских городах. Научные

заслуги Н.А. Соловьевой были отмечены медалью университета Сока (Япония), званиями почетного научного работника Лондонского университета и заслуженного профессора МГУ.

Уникальные познания в области истории западных литератур Н.А. Соловьева стремилась передать своим ученикам, а также многочисленным аспирантам, будущим преподавателям Челябинска или Оксфорда. Она славилась тем, что любила работать с молодежью из провинции. Многие студенты романо-германского и русского отделений по ее лекциям осваивали историю зарубежной литературы XIX века. Выпущенный по ним учебник выдержал три издания (История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А. Соловьевой, 1991, 1999, 2007).

Студенты с теплотой отзывались о специальных курсах, разработанных Н.А. Соловьевой: «Английский роман от Просвещения до конца XIX века», «Великие викторианцы», «Английский романтизм и современность». Разным эпохам истории британской словесности посвящены написанные ею главы в учебниках, учебных пособиях и популярных энциклопедических изданиях: «История зарубежной литературы после Октябрьской революции» (под ред. Л.Г. Андреева, Р.М. Самарина, ч. 1, 1978); «История зарубежной литературы XX века» (под ред. Л.Г. Андреева, 1997); «Зарубежные писатели» (под ред. Н.П. Михальской, 1994; 2-е изд., 2003).

Н.А. Соловьева неравнодушно следила за подрастающим поколением. Десятилетний опыт работы в средней школе (по совместительству) стал подспорьем для создания авторской программы по истории зарубежной литературы для школ, реализованной в учебнике «Путешествие в страну шедевров» (1999).

Наталья Александровна незамедлительно откликалась на все новое как в научной, так и в бытовой жизни. Ее аспиранты с благодарностью вспоминают, что их научный руководитель внимательно выслушивала даже самые экстравагантные идеи и никогда не ограничивала творческих способностей молодых ученых. Одной из первых на кафедре она освоила компьютер и до конца жизни отвечала на sms-сообщения.

Владея несколькими европейскими языками, профессионально занимаясь историей зарубежной словесности, Н.А. Соловьева хорошо знала и глубоко понимала свою родную культуру: свободно цитировала русскую классику, помогала студентам постичь реалии разных эпох отечественной истории, интересовалась новейшими театральными постановками, активно защищала роль классического гуманитарного образования.

Вечная Н.А. Соловьевой память!

Кафедра истории зарубежной литературы

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» выходит один раз в два месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** файлов:

- текстовый редактор Microsoft Word (любая версия);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате .doc или .rtf и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес редколлегии с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов / словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и / или адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде постраничных примечаний**, а перечень процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, межстрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, комн. 902; тел.: (495) 939-53-80; e-mail: edit@philol.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.